

W 92
17

ПЕРВОЕ ПУТЕШЕСТВІЕ

ВЪ

АФОНСКІЕ МОНАСТЫРИ И СКИТЫ.

Архимандрита, нынѣ Епископа, Порфирія Успенскаго.

въ 1845 году.

—
Часть I-я.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.
—

Приложи умъ твой къ пути.

Die Wahrheit in dem Wahn zu finden,
Zu ahnden sie, sie zu empfinden.
Mich aus dem Schutt emporzuheben,
Sey meine Freude, mein Bestreben.

LAVATER.

Отыскивать истину въ путаницѣ понятій,
Предъощущать ее, находить ее,
Исправлять свои ошибки,
Вотъ мой утѣха, мое стремленье.

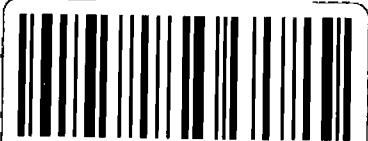
ЛАФАТЕРЪ.

Кіевъ,
Типографія В. Л. Фронцкевича.
1877.

Дозволено Духовною цензурою. Кіевъ. 5 Декабря 1876 г.

Цензоръ Протоіерей *М. Богдановъ.*

2011095270

О г л а в л е н і е .

	Страницы.
I. Путь отъ Константинополя до Солуны	1— 8.
II. Путь отъ Солуны до Аэона	8— 57.
III. Моё пребываніе въ монастырѣ Русскомъ и поѣздка въ монастырь Иверскій	57—157.
IV. Поѣздка въ лавру св. Аванасія	157—167.
V. Восхожденіе на св. верхъ Аэона	167—180.
VI. Мои занятія въ лаврѣ	180—288.
VII. Поѣздка въ скитъ Кавсокаливскій	288—298.
VIII. Агіазма св. Аванасія и развалины монастыря Амальфинскаго на пути отъ лавры до обители Филоея	298—317.
IX. Мои занятія въ этой обители и свѣдѣнія о ней	317—342.
X. Путь до Ксиропотама. Мои занятія въ этомъ монастырѣ и свѣдѣнія о первоначальной судьбѣ его	342 до конца.

І.

ПУТЬ ДО СОЛУНЯ.

Іюль.

30 Понедѣльникъ.—Въ четыре часа по полудни я выѣхалъ изъ Константинополя въ Солузь на австрійскомъ пароходѣ, называемомъ графъ Коловратъ. Турецкая столица своею прелестною наружностію чаровала меня, пока не скрылась отъ взоровъ моихъ. А потомъ я вспомнилъ, что внутренность ея смердитъ.

Возсмердѣли древнія столицы, Ниневія, Вавилонъ, Тиръ, Мемфисъ, Карфагенъ, и погибли. Смердятъ нынѣшнія столицы, и—погибнутъ. Всякое гніеніе оканчивается смертію.

Наступила ночь. Море смирно. Небо мирно. Мѣсяць свѣтитъ. Мертвый ѣдетъ, горя, дымя, дрожа. Порфирій не боишься ли? Я испугался бы только тогда, когда бы небо начало падать на землю.

Лежу въ каютѣ и усиливаюсь рѣшить вопросъ о Славянахъ, который занималъ меня еще въ бытность мою въ Австріи: почему эти глаголивые не сплотились въ одинъ народъ, и подняли подъ власть грековъ, турковъ и разныхъ нѣмцовъ? Этотъ вопросъ задавалъ извѣстный польскій поэтъ Адамъ Мицкевичъ въ своей книгѣ: *L'église officielle, ou Messianisme*: и рѣшилъ его вотъ какъ. Славяне наказываются вѣковѣчною неволею подъ чужеземнымъ игомъ за то-де, что они нѣкогда обоготворили царя.

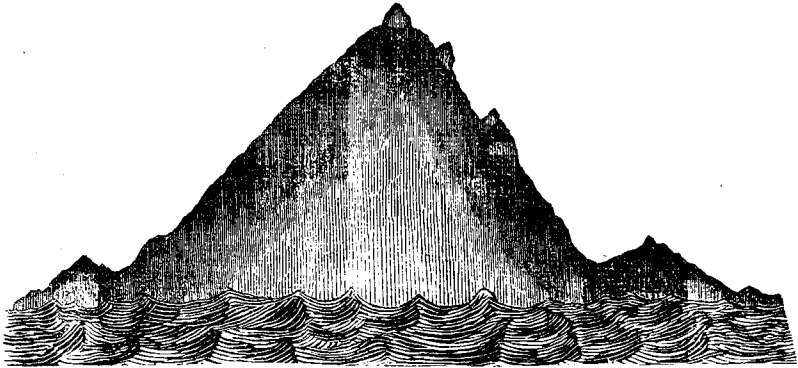
По мнѣнію сего поэта древніе Ассиріане были Сербь и прочіе Славяне. Они поклонились царской статуѣ Новуходоносора и сочинили кратчайшій Символь вѣры: „Небо-одно-царь“ (*Небу-к-адне-царъ*) то есть, одинъ царь замѣняетъ Небо и Бога. За это истинный Богъ изгналъ ихъ изъ Месопотаміи и сдѣлалъ рабами другихъ народовъ. Странно, легкомысленно, нелѣпо такое рѣшеніе славянскаго вопроса. Впрочемъ, и самъ Мицкевичъ не придавалъ ему большаго вѣса. Что касается до меня, то я думаю, что Славяне, по своей природѣ склонные къ набожности, но нетерпѣливые въ изысканіи истины, которое требуетъ долгаго времени, и торопливо съ увлеченіемъ принимающіе религіозныя ученія, еще въ самое отдаленное отъ насъ время сдѣлались разновѣрцами, и потому разсорились, и не помогая другъ другу, подпали подъ иго сильнѣйшихъ сосѣдей. Не извѣстны ни виновники, ни время, ни мѣсто первоначальнаго, религіознаго, разъединенія ихъ: но извѣстно, что одни изъ нихъ вѣровали въ Бѣлбога, а другіе въ Чернобога, одни были огнепоклонники, а другіе водопоклонники, нѣкоторые вѣрили въ судьбу, а иные не признавали ея вліянія на людей. Даже христіанство не соединило ихъ, давно привыкшихъ къ разновѣрію. Кому изъ нихъ любо православіе, тому не любо Папезство, и на оборотъ: Славяне, послѣдователи Лютера, чуждаются Славянъ папистовъ и православныхъ; Павликіане существуютъ отдѣльно отъ всѣхъ.

31 Вторникъ.—Я пробудился въ часъ стоянки парохода у города Каллиполи, и вспомнилъ здѣшнюю Болгаро-гречанку, которую въ Петербургѣ видѣлъ у графини Алмазовой, матери графини Шереметьевой. Эта христіанка приходила въ Россію собирать милостыню для выкупа изъ рабства двухъ дочерей своихъ, кои еще въ младенчествѣ проданы были Туркамъ во время возстанія Еллиновъ въ 1821 году. Милостыня собрана была ею богатая.

Равнодушно посмотрѣлъ я на Каллиполь, котораго названіе, *Красоградъ*, несравненно лучше его самаго, и плывя по Дарданельскому проливу, который покойный императоръ Александръ

на Ерфуртскомъ конгрессѣ назвалъ воротами своего дома, а Николай ухватился было за ключъ отъ этихъ воротъ, чтобы положить его въ карманъ свой, я думалъ, что этотъ проливъ въ самомъ дѣлѣ намъ нуженъ для того, чтобы не громили насъ флоты соединенныхъ Державъ у нашихъ береговъ Чернаго моря, и преимущественно для того, чтобы Константинополь, съ причаею къ нему частицы Фракіи и Малой Азіи до Никомидійскаго залива, сдѣлать городомъ Божиимъ, городомъ постоянного вселенскаго Собора, въ которомъ должны присутствовать мудрые и святые мужи изъ всѣхъ народовъ не одни духовные, а и мірскіе, и давать направленіе всемірнымъ дѣламъ, судя гражданскія правительства, если онѣ въ чемъ либо будутъ виноваты предъ Богомъ и предъ народами. Но свыше суждено ли намъ утвердиться въ Константинополѣ и въ Дарданеллахъ хотя на недолго, дабы приготовить тамъ оное міровое дѣло? Воля Божія на это не открыта ни мнѣ, и никому. А прежнія движенія наши съ Сѣвера на Югъ, все ближе и ближе къ Константинополю, и прорицательная, пророчественная увѣренность Грековъ, Славянъ и самихъ Турковъ, очень давняя увѣренность всѣхъ ихъ въ томъ, что мы, Россы, сокрушимъ Исламъ и овладѣемъ городомъ вселенскаго патріарха, ручаются за нашъ успѣхъ въ совершеніи сего міроваго дѣла.

У городишка Дарданелла пароходъ остановился на короткое время, и забравъ, кого и что нужно, продолжалъ свой путь къ Солуню. Когда онъ миновалъ островъ Имбросъ, я увидѣлъ на лѣво островъ Лимносъ, направо острова, Самоераки и Фасосъ, повитый синимъ туманомъ, а впереди предъ собою—высочайшую оконечность Аэона, облитую лучами солнца, и набросалъ очеркъ ея. Вотъ онъ.

Керася.

Малый Аеонъ.

Высока и величественна эта пирамида. Архитекторъ велиго Александра Македонскаго Динократъ предлагалъ ему преобразить ее въ статую Зевеса такъ, чтобы она на лѣвой рукѣ держала городъ, а на правой струйникъ съ текущею въ море водою. Но онъ отринулъ это предложеніе, шутливо сказавъ архитектору, что жителямъ такого города нечего будетъ ѣсть, а изъ такого струйника нечего пить.

Аеонъ весь тонетъ въ свѣтѣ солнечномъ и, быть можетъ, въ свѣтѣ благодатномъ. Но какая тьма на Западѣ!

Вотъ послѣдняя мысль нѣмецкой философіи, мысль чахотная! „Богъ есть *ничто*, которое непрестанно дѣлается *тьма-то*, которое не знаетъ себя самого въ себѣ самомъ, подобно невидящему себя солнцу, а сознаетъ себя только въ каждомъ человѣкѣ и въ цѣломъ человечествѣ, какъ солнце видитъ себя въ капляхъ океана“.

„Богъ есть *ничто*, какъ бы неписанный листъ бумаги, на которомъ всѣ существа видятся, какъ чернильныя точки, брызнутыя перомъ, видятся пока не полиняются и не замѣняются другими имъ подобными точками“.

Когда такая философія будетъ усвоена многими и многими не только въ вышихъ, но и въ низшихъ слояхъ общества человеческого, тогда послѣдуетъ преставленіе Свѣта сперва поли-

тическое, потомъ общеженно-безсемеиное, и наконецъ огненное. Вся земля загорится, и послѣ пожара будетъ новая съ новыми разумнѣйшими существами, вѣчно поющими Богу: Аллилуіа.

У меня болитъ горло. Бѣда, если оно разболится, какъ это бывало прежде.

Наступилъ вечеръ тихій. Пою, *Свете тихій*, и буду пѣть долго, потому что не хочу мыслить. Мысли лишаютъ меня спокойствія. Его я почерпаю только въ чувствованіяхъ Божественнаго, прекраснаго и добраго. Притомъ съ этими чувствованіями мнѣ весьма прилично явиться на Аѳонѣ, гдѣ знаютъ и славословятъ Бога, единаго въ Троицѣ святой, единосушной и не раздѣльной.

Августъ.

1. Середа.—Сегодня меня очаровали красоты Солунскаго залива, по которому плылъ пароходъ мой, какъ по тихому озеру. Стою на палубѣ его, и впивая въ себя живительную прохладу, люблюсь этими красотами попеременно. Позади меня Аѳонъ, словно пирамида, подпираетъ голубое небо, а съ этого неба яркій свѣтъ такъ и обливаетъ его съ верху до низу. Налѣво отъ меня высочайшія горы Фессаліи стоятъ у моря въ своемъ утреннемъ нарядѣ, и смотрятся въ зеркальную гладь его. Островерхая голова Оссы озарена лучами солнца, а остовъ ея еще повить синею кисеею. Бѣлоснѣжное чело Олимпа опоясано чуднымъ вѣнкомъ изъ бѣлодымчатыхъ лилій, а темя его уже все во свѣтѣ, остовъ же подъ синимъ покрываломъ. Этотъ исполинъ только что проснулся, и еще не успѣлъ скинуть съ себя этого покрывала: но Имера (день) уже увѣнчала голову его, поднятую къ небу. Прочія горныя выси, какъ дѣтки Оссы и Олимпа, еще спали: и солнце еще не разбудило ихъ своимъ свѣтомъ. А заливъ моря? На зеленосиневатой поверхности его виднѣлась клѣтчатая рябь, слов-

но кисея. Ее невидимо ткали шалуны зефиры. Дымящійся великанъ своими колесами разрѣзывалъ эту кисею. А позади его изъ подъ руля далеко, далеко, тянулось жемчужное перо съ филогранною опушкою бѣлѣйшею снѣга.

Долго я любовался этими красотами природы, и въ эти минуты былъ какъ бы въ раю. Но любованье мое было прервано послушникомъ моимъ Михаиломъ. Онъ подошелъ ко мнѣ и, какъ бывалый на Аѳонѣ, заговорилъ:

— Посмотрите, батюшка, на эту ровную полосу земли, которая тянется вдоль залива до самаго Солуня.

— Вижу ее. Что же тамъ хорошее?

— Вся эта земля называется Каламарія. Она весьма плодородна. А владѣютъ ею Аѳонскіе монастыри.

— А! Это любопытно. Какъ же она досталась монахамъ?

— Святогорцы говорятъ, что въ старые годы въ Солунѣ жила добрая княгиня Марія. Она уговорила своего мужа подарить всю эту землю Аѳонцамъ. Посему эти монахи, благодарные, памяти ради, прозвали весь подаренный имъ околотокъ, *καλή Μαρία*, по просту Каламарія.

— Что же Аѳонцы дѣлаютъ на этой даренной землѣ?

— Батюшка; они пашутъ ее и за сѣвають всякимъ божьимъ хлѣбомъ. Каждый монастырь, кромѣ Кутлумушскаго построеннаго по смерти *доброй Маріи*, получаетъ оттуда годовое продовольствіе, да еще продаетъ хлѣба на десять тысячъ піастровъ.

— Блаженны монахи! Тепло имъ на свѣтѣ.

— Послушникъ перекрестился и продолжалъ: Аѳонцы богаты, и всѣ любятъ деньги.

— Я сказалъ ему, — люди вездѣ люди, — и спросилъ: кто же обрабатываетъ Каламарійскую землю?

— Онъ отвѣтилъ: православные крестьяне за пятую долю.

— Стало быть, тамъ есть деревни?

— Да, есть.

Въ полдень пароходъ бросилъ свой якорь недалеко отъ крѣпостной стѣны Солуня. Я послалъ Михаила искать удобнаго для

меня помѣщенія въ этомъ городѣ, а самъ, по причинѣ боли въ горлѣ, не долго полюбовался имъ. Онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ высокими каменными стѣнами, изъ которыхъ одна поставлена въ самомъ морѣ. Приморская часть Солуня многодомна, а нагорная рѣдкодомна. На горѣ высится акрополисъ, обнесенный особыми каменными стѣнами. Онъ почти пустъ.

Отъ 2-го до 5 дня.—Я страдалъ и лѣчилъ свое горло, прикладывая къ нему варенныя луковицы по вдохновенному приказанію моей души. Это врачество исцѣлило недугъ мой. Знать, вдохновеніе есть самый лучший лѣкаръ.

5. Воскресенье.—Въ Солунѣ, по завѣренію хозяина моего грека, находится 40,000 Евреевъ, а Грековъ, Турковъ и прочихъ не болѣе 15,000. Вся торговля въ рукахъ жидовскихъ. Вчера былъ шабашъ; и я нигдѣ не могъ достать себѣ ни рыбы, ни винограду. Жидаы скупили всѣ виноградники. А такъ какъ они вчера не ѣздили туда, то я безъ винограда остался и сегодня.

Одинъ Іерусалимскій монахъ, собирающій здѣсь деньги на гробъ Господень, прислалъ мнѣ печатное надгробное Слово, произнесенное при отпѣваніи Іерусалимскаго патріарха Аѳанасія. Тогда я слышалъ это Слово, а теперь прочиталъ его. Много въ немъ правды. Витія между прочимъ обругалъ Іерусалимскихъ Латинъ и Армянъ, и осмѣялъ греческихъ архіереевъ, которые, при всемъ своемъ недостойнствѣ, домогаются высшихъ должностей церковныхъ.

6. Понедѣльникъ.—У Солунскихъ жидовокъ головныя косы, обернутыя цвѣтною матеріею, висятъ на спинѣ, какъ толстыя ужи или змѣи. Смотришь на нихъ, и припоминая цѣлебнаго змія, вознесеннаго Моисеемъ въ Синайской пустынѣ, воображаешь, что Еврейки придають своимъ косамъ подобіе змѣй въ память этого событія. А такъ ли это: не вѣдаю.

7. Вторникъ.—Сегодня прочтено мною описаніе Аѳона, составленное приснопамятнымъ паломникомъ нашимъ, Барскимъ. Оно

очень, очень, годится для справокъ при посѣщеніи тамошнихъ монастырей и скитовъ. Съ нимъ я буду неразлученъ.

II

ПУТЬ ДО АЭОНА.

8. Середа.—Внимательный ко мнѣ нашъ консуль Августинъ Мустоксиди, смуглый грекъ, невлаждѣющій правою рукою и потому пишущій лѣвою, но разборчиво, уладилъ мое путешествіе на Аэонъ, давъ мнѣ своего каваса, турка, который и нанялъ три лошади для меня, Ивана и Михаила, и четвертаго мула для вещей моихъ. Предъ выѣздомъ изъ Солуня я рѣшилъ зорко смотрѣть на обѣ стороны горной дороги, и чертить путевую карту съ обозначеніемъ на ней названій мѣстностей, ближнихъ и дальнихъ, и часовъ и минутъ ихъ разстояній, и нашего отдыха. Сопровождавшій меня кавасъ, хорошо знакомый съ этою дорогою, былъ мой вѣрный Чичероне. Мы выѣхали изъ города въ семь съ половиною часовъ дня утренняго, отдѣлавшись денежнымъ подаркомъ отъ таможенныхъ привратниковъ въ избѣжаніе осмотра чемодановъ моихъ.

По выѣздѣ изъ восточныхъ воротъ Солуня тотчасъ представились взору, направо, заливъ моря, а за нимъ Тессалійскія горы Осса и Олимпъ, налѣво, горный кряжъ, а впереди высокая дву-теменная гора Хортиатъ, классическій Дисоронъ. За воротами, по обѣ стороны дороги, неисчетное множество мертвецовъ лежатъ въ могилахъ, кои пріосѣнены не кипарисами, а длинными камнями, поставленными торчкомъ. Немного далѣе направо среди деревъ видны загородные домики, а налѣво стоитъ большая казарма. Турки тутъ барабанили, и тѣмъ давали намъ знать о живучести ихъ царства. Близъ казармы у самой дороги стоитъ приземистый каменный струйникъ съ корытомъ для напоенія скота. Но воды въ немъ въ этотъ разъ не было. Напротивъ этого струй-

ника и повыше его, подлѣ залива, у привыси и на ней зеленѣютъ виноградники, а на противоположной пригорной сторонѣ видны пахатныя нивы. Почва тутъ глиниста и жирна. За привысью дорога пересѣчена ложбиною, протягающеюся къ заливу моря. Воды въ ней въ этотъ разъ не было.

Въ восемь часовъ съ четвертью мы стали повышаться тамъ, гдѣ налѣво отъ дороги видны хутора. Гора Хортиатъ, казалось, висѣла надъ нами. На ней, по словамъ моего каваса, во время оно были (будтобы) 24 монастыря, гораздо ранѣе обителей Аеонскихъ. Всѣ они разрушены.

Ѣдемъ далѣе и видимъ предъ собою, направо, метохъ Солунскаго монастыря, называемаго Чаушъ, и за нимъ край морскаго залива.

Минули 9^{1/2} часовъ. Мы подъѣхали къ турецкому Чифлику (хутору), пріосѣненному многими кипарисами, которые придавали ему видъ весьма красивый. Онъ называется Седесъ.

Тутъ стоитъ высокая башня съ минаретомъ, котораго верхушка упала, вѣроятно, отъ землетрясенія. Къ этой усадьбѣ отъ сосѣдняго бугра пролегаетъ каменный водопроводъ на стрѣльчатыхъ аркахъ: но и онъ полуразрушенъ. Полагаю, что на мѣстѣ этой усадьбы и вокругъ ея находился древнѣйшій городъ *Ѳерми* (Жарь-городъ), такъ названный отъ сосѣднихъ горячихъ ключей, и давшій имя заливу, *Ѳермаикосъ колмосъ*. Мѣстность эта хороша. Луговъ тутъ много. Рѣчка Василикб и другой сосѣдній потокъ Хортаитинскій снабжали жителей водою. Морскою заливъ тутъ близко. Здѣсь оканчивается Василиковская, т. е. царская долина, которая стелется прямо на востокъ у подошвы Хортиата до села Галатисты, и орошается названною рѣчкою. На нынѣшнемъ же мѣстѣ Солуня, безводномъ, находилась пристань (*ἐπίγειον*) города *Ѳерми*, потому что тутъ заливъ глубже и имѣетъ большее затишье, далеко вдаваясь въ материкъ. Когда Македонскій царь Кассандръ построилъ Солунь; тогда городъ *Ѳерми* опустѣлъ. Его зданія перенесены были на новое мѣсто. А кто переименовалъ *Ѳерми* въ Седесъ: этого я не знаю. Такъ какъ Седесъ есть слово

латинское и значить, сидѣніе; то можно думать, что кто нибудь въ то время, когда Римляне владѣли Солунемъ, построилъ тутъ себѣ усадьбу и назвалъ ее *Sédes*. Я, по причинѣ поспѣшности, не осматривалъ ее.

У Сѣдеса находится раздѣль двухъ дорогъ, ведущихъ на Аѳонъ. Одна изъ нихъ, юговосточная, пролегаетъ по Каламаріи вдоль Солунскаго залива, а другая сѣверовосточная стелется сперва по Василиковской долинѣ до Галатисты, а потомъ по выси горы Холомунтъ до села Низворо, оттуда круто поворачиваетъ на югъ и спускается на Аѳонскій перешеекъ. Мы поѣхали по второй дорогѣ, долино-горной, потому что тутъ мнѣ хотѣлось видѣть металлическія руды, отъ которыхъ весь этотъ околотокъ издревле прозванъ Халкидики, *металлоруднымъ*.

Въ 10^{1/2} часовъ остался за нами иной Чифликъ съ струйникомъ, изъ котораго текла вода, а въ 11 часовъ предъ нами явились у самой дороги горячіе сѣрные ключи. Ихъ три. Они бьютъ изъ земли струйками. Надъ первымъ ключемъ, въ которомъ вода горяча и прозрачна, но не обильна, нѣтъ никакого зданія, а надъ смежнымъ съ нимъ, въ которомъ вода тепла и обильна, выстроено малое четвероугольное зданіе каменное, вывершенное невысокимъ куполомъ. Такое же зданіе высится и надъ третьимъ ключемъ, что подальше. Оба эти зданія весьма древни. Онѣ кладены такъ, что надъ каждымъ рядомъ дикаго камня положенъ рядъ тонкихъ кирпичей. Самые водоемы внутри обложены камнями, и имѣютъ сѣдалища для купающихся. Всѣ эти ключи въ рукахъ европейцовъ получили бы видъ опрятный, и были бы устроены ими и обстроены съ большими удобствами для недужныхъ, которые предпочли бы ихъ подобнымъ ключамъ на островѣ Самоераки. Но гдѣ турокъ ступить, тамъ все вянетъ, и гдѣ онъ поселится, тамъ все лучшее валится.

Въ 11-ть часовъ мы отправились отъ горячихъ ключей, и тотчасъ обогнули отрогъ Хоргіата, за которымъ эта гора вдругъ отдалается налѣво отъ василиковской дороги, и образуетъ собою полудугу. У подошвы ея полудугою же разстилается одичалое по-

ле отъ отрога, который мы обогнули, до отрога противоположнаго ему. Въ этой полудугѣ высоко на горѣ мнѣ пальцомъ указана была деревня Перистерà и повѣдано, что въ ней сохранилась весьма древняя церковь. Оттуда течетъ ручей и впадаетъ въ Василиковскую рѣчку.

Въ полдень поѣздъ мой остановился подѣ громаднымъ деревомъ близъ села Василико, дабы подкрѣпитъ дорожными снѣдками. Подлѣ сего мѣста находилось малое возвышеніе, называемое Думбесъ, съ развалинами церкви св. Параскевы. Тутъ я замѣтилъ маленькій кусокъ бѣлаго мрамора съ греческою надписью. Но она такъ испорчена, что ничего понять нельзя. Въ шести строкахъ видны только

† ΑΙ..ΝΗΡ.. Α. Α .. ΩΙΔ... ΝΛ
ΕΜΚ· ΝΙΣ· ΚΑΣ... ΤΕΝ
. ΛΙ

Оставимъ эту надпись, и узнаемъ: что такое Думбесы въ Василиковской долинѣ. Они суть нечто иное, какъ приземистыя возвышенія, когда-то насыпанныя вдоль Василиковской рѣчки и обсаженныя дубами и другими деревьями. Самое названіе ихъ, переименованное изъ греческаго слова, ΤΥΜΒΟΣ=могила, посѣдившимися здѣсь Славянами съ седьмаго вѣка христіанскаго, доказываетъ, что тутъ похоронены люди времени языческихъ. Надлежало-бы разрыть ихъ искусно, дабы узнать, что въ нихъ скрывается. Но кто это сдѣлаетъ? Русскіе? Едвали.

Въ 2^{1/2} часа по полудни поѣздъ мой тронулся съ мѣста, и вскорѣ перешагнулъ текущей ручей и проѣхалъ черезъ село Василико, т. е. Царское. Большое съ хорошими домами, оно все вокругъ и внутри обсажено шелковичными деревьями и высокорастущимъ папушоемъ (кукурузою). Тамошніе мужики, какъ наши, носятъ бѣлыя рубахи и лапти, а бабы и дѣвицы повязаны бѣлыми косынками. Онѣ въ рѣчкѣ мыли бѣлье, и выколачивали его вальками, какъ это дѣлаютъ красотки Костромскія, воспѣвающія Дунай, съ береговъ котораго пришли къ Солуню Славяне, и поселившись тутъ удержали свой покрѣй одежды, а родной языкъ утратили, выучившись говорить по гречески съ грѣхомъ пополамъ.

Въ 3 часа съ четвертью мы обогнули сбѣжавшій къ дорогѣ отрогъ Хортиата и на значительной выси горы, называемой Вигла, увидѣли монастырь св. Анастасіи узорѣшительницы. По словамъ каваса моего, онъ послѣ пожара возобновленъ за два года назадъ тому, а построенъ будто бы царицею Пульхеріею († 451 г.). Подлѣ него густится маслячная и шелковичная роща: а напротивъ его въ долинѣ желтѣютъ его нивы. Когда этотъ монастырь остался позади насъ, Василиковская долина начала суживаться болѣе и болѣе, потому что тутъ ее стѣснялъ Вовдійскій отрогъ высочайшей горы Холомунтской, поворачивающій отсюда къ Солуню, какъ это видно на моей картѣ. По этой узкой мѣстности мы постепенно поднимались выше и выше, и когда оттоптали ее, увидѣли вдали на склонѣ названнаго отрога село Галатисту, въ которомъ и остановились на ночлегъ въ заѣзжемъ домѣ, въ шесть часовъ по полудни.

Галатиста, по мнѣнію моему, стоитъ на мѣстѣ древнѣйшаго городка, Халастры, основаннаго Θракіянами. Когда Македонскій царь Кассандръ построилъ Солунь (317—298 г. до Хр.), тогда изъ Халастры и изъ другихъ окрестныхъ городковъ, какъ то изъ Эніи и Кисса, перевелъ жителей въ этотъ новосозданный городъ. (Strab. L. VII. с. 10). Однако Халастра не опустѣла. Страбонъ считалъ ее въ числѣ городовъ Македоніи. Потомъ писатель пятаго вѣка Стефанъ Византійскій въ своемъ сочиненіи *о городахъ* упомянулъ о ней. Вотъ его слова: „Халастра городъ „Θρακίи около Θερμεισкаго залива, по сказанію Екатея въ его „Европѣ, городъ Θρακίανъ: а Страбонъ въ седьмой книгѣ своей „называетъ его городомъ Македонскимъ, названа же она по имени „Халастры. Есть же и озеро соименное сему городу. Ликофронъ сказалъ:

Θεσπρωτὸς ἄμφω καὶ Χάλαστραϊὸς λέων.

Θеспротскій, онъ же и Халастрейскій левъ.

(Stephan Byzantinus de urbibus. Vol 1. Lipsiae. 1825 an.).

У Стефана Византійскаго Халастра помѣщена около Θερμειскаго залива: и Галатиста стоитъ недалеко отъ него, такъ что

часть его видна изъ этого еела. Посему-то я призналъ совмѣстность второй съ первой. Но гдѣ находилось озеро, соименное Халастрѣ: этого не указалъ Стефанъ. Однако я думаю, что оно находилось тамъ, гдѣ теперь, направо отъ дороги, по минованіи Анастасіинской обители, видны рытвины, и гдѣ мѣстность называется *Водяница* откуда мы поднимались выше и выше. Халастра вмѣстѣ съ другими окрестными городками и селами, послѣ вторженія дунайскихъ Славянъ, Дреговичей и Сагудатовъ, въ область Солунскую въ 675 году, заселена была этими пришельцами. Они перемѣнили и названіе ея, греческое Халастра въ славянское Галатиста, вѣроятно въ память родины своей на Дунаѣ, гдѣ понынѣ есть городъ Галаць. Производите это названіе и подобные ему, Галичь, Галиція отъ слова *алый, алтъ* въ смыслѣ *блестѣть*, и вы въ имени, Галатиста, разслушаете звукъ славянскій. А я такое разслушаніе свое считаю необманчивымъ еще и потому, что подлѣ самой Галатисты издали замѣчена была мною на смежной съ нею горѣ *блестящая* бѣлизна въ маломъ размѣрѣ. Въ это село перенесена была епископская каедрa изъ города Еркуліона, (онъ же и Ардамерій) находившагося близъ озера Бежикъ, и навсегда разрушеннаго, — полагаю, — Болгарами ранѣе 997 года, полагаю же, имѣя подъ руками Дѣписаніе Аеоноверской обители, 997 года, индикта 10-го, въ которомъ упомянуто о разореніи деревень Болгарами въ околоткахъ Каламаріи и Сидирокавсіи „διὰ τὸ ἐξαλειφθῆ καὶ τὰ χωρία ἡμῶν ἀπο τῶν Βουλγάρων κατεφύγομεν εἰς τῆν γῆν τοῦ Πολουόρου διὰ τὴν ὠχυρότητα τοῦ τόπου. *). Ардамерійская епископія, подчиненная Солунской митрополіи, значится въ епархіальномъ спискѣ царя Льва мудраго (887—911 г.). А въ сочиненіи Леквіена, *Oriens Christianus T. II.* упомянуть только одинъ бывшій

*) Аѳинскій митрополитъ Мелетій въ своей Географіи упомянулъ о Галатистѣ и объ Ардамеріи, какъ о двухъ мѣстностяхъ различныхъ: Том. β. σελ. 473. Περὶ τὴν λίμνην τῶν Μπεσικῶν κεῖται τὸ Ἀρδαμέριον πόλις ποτέ, καίτοι τὰ νῦν ἐρίπειον, ἔχουσα θρόνον ἐπισκόπου, Γαλάτιστα, καὶ ἄλλαι.

Ардамерійскій епископъ, именемъ Мелетій, засѣдавшій въ Константинопольскомъ Соборѣ 1638 года по случаю сужденія о неправославіи вселенскаго патріарха Кирилла Лукаря, и подписавшійся такъ: *ὁ πρῶτος Ἀρδαμερίου Μελέτιος*. Французъ Кузинери въ своемъ Путешествіи по Македоніи (Т. II. Paris. 1831) упомянулъ, что онъ въ Галатистѣ ночевалъ въ домѣ Ардамерійскаго епископа, но не назвалъ его по имени. Этотъ самый грѣхъ сдѣлалъ и я, ночевавъ въ епархіальномъ селеніи епископа, и ничего не развѣдавъ о немъ, тогда какъ хозяина своего спросилъ о многомъ другомъ. По увѣренію его въ Галатистѣ находится 350 семействъ, 6 церквей и 15 священниковъ. Онъ рассказывалъ мнѣ, что это село сожжено было Турками въ годъ возстанія Грековъ (1821-й), а на дняхъ одинъ Аѳонскій монахъ сжегъ 6,000 ульевъ въ окрестныхъ мѣстахъ и скрылся; однако Аѳонскіе монастыри уплатили 12,000 піастровъ всѣмъ потерпѣвшимъ убытки.

9 Четвертокъ.—Ночь я провелъ почти безъ сна, потому что меня беспокоили постельные непріатели, а утромъ осмотрѣлъ Галатисту и видѣлъ жителей ея. Въ этомъ селѣ находится обильнѣйшій источникъ, изъ котораго вытекаетъ Васпиковская рѣчка. Отъ него тутъ вездѣ мокро. Мое особенное вниманіе обращено было на мѣстную башню. Четырехугольная, равносторонняя, высокая, но не широкая, она складена въ древнее время изъ нетесанныхъ камней и кирпичей. Верхъ ея поврежденъ, такъ что нѣтъ ни кровли, ни свода. На каждой сторонѣ, отъ низу до верху, сдѣланы выступы въ родѣ пилястровъ, числомъ четыре. Углубленія между ними—не малы; и въ нихъ видны узкіе прозоры для стрѣлянія. Дверь, ведущая въ башню, устроена высоко отъ земли. Значить, туда входили по мосту опускаемому и подъемному. Такое устройство башни доказываетъ, что она поставлена была для защиты Халастры отъ непріателей. У подошвы ея, на южной сторонѣ, течетъ вода въ прудъ нижній.

Въ Галатистѣ, какъ и въ Василикѣ, у всѣхъ мужчинъ и женщинъ лица-негреческія, а славянскія и валахскія.

Вотъ головной уборъ Галатянокъ. А говорятъ онѣ и ихъ мужья и дѣти, хоть и по гречески, но съ примѣсю словъ славянскихъ, напримѣръ: *умноцко педи*—*умное дитя*: Великій князь Константинъ Николаевичъ только *τρεις ωρας* *далече*—три часа *дневалъ* въ Солунѣ. Въмѣсто *σημερον* они говорятъ *шимеронъ*. А монастыри Аѳонскіе называютъ, какъ подобаешь истымъ Славянамъ, коверкающимъ греческія имена: *Згораѳъ*—*Ζωγράφος*, *Осьмопетръ*—*Σημόπετρα*, *Шименъ*—*Ἐσφιμένος*, *Григоріатко*—*Γρηγορίου*, *Діонисіатко*—*Διονυσίου*. Я слушалъ, слушалъ ихъ, да и узналъ въ нихъ родню свою.

Въ восемь часовъ утренняго дня поѣздъ мой отправился изъ Галатисты. Погода была хороша, да и мы не хуже ея.

Ѣдемъ по торной дорогѣ между горными высотами, изъ которыхъ ода, что направо, называется Вовда. Эта высота многоводна. Отсюда вытекають все рѣчки и потоки, прорѣзывающіе Каламарійскую равнину съ сѣвера на югъ.

Ѣдемъ чрезъ рѣдкій лѣсъ, и налѣво видимъ зеленые луга, а вдали за ними разнообразныя верхи горъ, повитыхъ воздушною синевою. Красива эта мѣстность. Любуясь ею, я пожалѣлъ, что не дана мнѣ волшебная кисть рисовальная: а то, написалъ бы картину великолѣпную.

Ѣдемъ далѣе. Ѣдемъ въ лѣсу и по крутому склону горы спускаемся ниже и ниже, къ маленькой, узенькой, тощенькой рѣчкѣ, имѣющей однако классическое имя Хаврій. Тутъ стоитъ деревенька Рѣшетники. Въ ней есть каменная церковь въ видѣ дома. Жители ея занимаются выдѣлкою глиняной посуды.

Миновавъ эту деревеньку, мы начали подниматься къ челу высочайшей горы, Холомунтъ, пробираясь сквозь лѣсъ дубовый. Въ этомъ лѣсу привѣтствовали насъ угольщики. Раскланявшись съ ними, я вспомнилъ забавный рассказъ о дочери угольщика на италіанскомъ языкѣ, наизусть выученный мною въ Одессѣ (1843 г.), гдѣ природный италіанецъ изъ Венеціи преподавалъ

мнѣ этотъ языкъ.—„Одинъ приходскій священникъ въ Англии, „объясняя катихизисъ дѣтямъ, живо описалъ имъ адъ, сравнивъ его съ обширною печью, въ которой постоянно пылаютъ угли. Внимательно выслушала это дочь одного богатѣйшаго угольщика, и вставъ съ своего мѣста, медленно подходила къ священнику. Онъ, увидѣвши ее, сказалъ ей: подойди ко мнѣ дочь моя; хорошо ли ты поняла урокъ мой? Можетъ быть, желаешь, чтобы я проще и яснѣе сказалъ тебѣ что-либо. Говори.—Ахъ, господинъ священникъ,—отвѣтила дѣвочка;—будьте такъ добры, доставьте моему отцу привиллегію на поставку угля въ тотъ адъ, о которомъ вы говорили? Ah, signor curato, rispose la fanciulla, potreste voi colle vostre raccomandazioni procurar a mio padre l'incarico di somministrare all'inferno il carbon necessario?“

Въ 11^{1/2} часовъ поѣздъ мой остановился у родника воды холодной. Тутъ мы пообѣдали, и отдохнувъ въ лѣсной тѣни, отправились далѣе. Мимо насъ прошелъ молодой пастухъ съ заключеннымъ посохомъ. Онъ напомнилъ мнѣ стихи Теоокрита въ седьмой Идилліи его:

Ἦσ δ' αἰπόλος οὐδὲ κέ τις μιν

Ἠγνοίησεν ἰδὼν, ἐπεὶ αἰπόλῳ ἔξοχ' ἔωκει.

Ἄμφι δὲ οἱ στήθεσσι γέρων ἐσαίγγετο πέπλος

Ζωστήρι πλακερῶ. ῥοικὰν δ' ἔχευ ἀγριελαίῳ

Δεξιτερᾷ κορύναν.

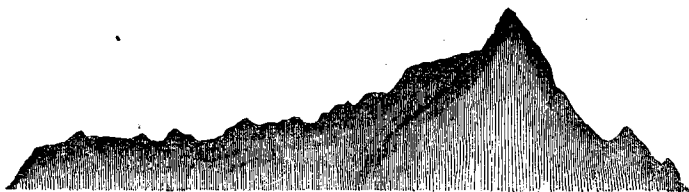
Пастухъ онъ былъ козлинъй; да и никто не опознался бы, Увидѣвъ его: такъ онъ похожъ былъ на козла.

Старая рубашка его стянута была

Тканымъ пояскомъ. А въ правой рукѣ

Онъ держалъ закорюченный посохъ изъ дикой маслины.

Въ 3^{1/2} часа по полудни мы подъѣхали къ придорожному струйнику, поставленному на мѣстности, которая называется Карабаджакъ, т. е. *черная нога*: а въ четыре часа я съ дороги увидѣлъ Аюна, и сдѣлалъ очеркъ его. Вотъ онъ:

Эта божья гора оттуда, съ большой высоты, показалась мнѣ чернобурымъ змѣемъ, покоющимся на Эгейской пучинѣ и поднявшимъ голову свою. Высота ея по обману зрѣнія издали много принижалась, и потому не поразила меня своимъ величіемъ.

За Карабаджакомъ дорога вела насъ выше и выше до островерхаго, бѣловатаго, темени горы Холомунтъ, (Классическій Киссіонъ) и потомъ, по минованіи сего темени, спускала насъ ниже и ниже по узкому и крутоярому хребту, среди дремучаго лѣса,—не помню хорошо,—вязаваго или каштановаго. Обѣ стороны этого хребта ужасно круты. Отсюда ясно видны, налѣво, озеро Бежикъ и за нимъ далекія горы, а на право Аѳонъ и его заливы морскіе. Тутъ я спѣшился, и идя въ темномъ лѣсу, тѣшилъ себя стихами Виргилія, кои наизусть заучены были мною еще тогда, когда училъ меня краснорѣчію и поэзіи Василій Ивановичъ Груздевъ (1820 г.).

MELIBOEUS.

Tityre, tu patulae recubans sub tegmine fagi
Silvestrem tenui Musam meditaris avena:
Nos patriae fines et dulcia linquimus arva;
Nos patriam fugimus; tu, Tityre, lentus in umbra
Formosam resonare doces Amaryllida silvas.

TITYRUS.

O Meliboee, deus nobis haec otia fecit.
Namque erit ille mihi semper Deus; illius aram
Saepe tener nostris ab ovilibus imbuet agnus.
Ille meas errare boves, ut cernis, et ipsum
Ludere, quae vellem, calamo permisit agresti.

MELIBOEUS.

Non equidem invideo, miror magis; undique totis
Usque adeo turbatur agris. En ipse capellas
Protenus aeger ago; hanc etiam vix, Tityre, duco.
Hic inter densas corulas modo namque gemellos,
Spem gregis, ah! silice in nuda connixa reliquit.
Saepe malum hoc nobis, si mens non laeva fuisset,
De coelo tactas memini praedicere quercus.
Saepe sinistra cava praedixit ab ilice cornix.
Sed tamen, iste deus qui sit, da, Tityre, nobis.

МЕЛИБЕЙ.

Титирь! Ты покоясь подъ тѣнью развѣсистаго бука,
На тонкой свирѣли поешь пастушескія пѣсни. А я,
Оставивъ родные предѣлы и милы края,
Бѣгу изъ отечества. Ты же, Титирь, нѣжась въ тѣни,
Лѣса приучаешь ты вторить Амариллы имя прекрасной.

ТИТИРЪ.

Досуги сіи, Мелибей, предоставилъ намъ Богъ.
И всегда онъ пребудетъ мой Богъ; алтарь же его
Частенько мой нѣжный ягненокъ омоетъ своею кровью.
Вѣдь Богъ, какъ ты видишь, позволилъ моимъ пастися воламъ,
И мнѣ самому играть на сельской свирѣли, что мнѣ угодно.

МЕЛИБЕЙ.

Не столько завидую, сколько дивлюсь я тебѣ, спокойному,
Тогда какъ смятеніе царить на поляхъ у насъ всѣхъ.
Вотъ самъ я больной съ великимъ трудомъ веду своихъ козъ;
А эту, Титирь, едва волоку. Она здѣсь,
Вотъ въ этой орѣшной чащѣ на камнѣ нагомъ
Несчастно родила пару овечекъ, надежду любимаго стада.
Несчастье же это,—я помню—предрѣкали мнѣ дубы,
Палимые съ неба, и вѣщій предсказывалъ воронъ,
Сидя въ ясеневомъ дуплѣ.
Однако скажи намъ, Титирь, про Бога: Онъ кто у тебя?

Не думалъ приснопамятный Василій Ивановичъ Груздевъ, что я, въ виду Аэона, въ дремучемъ лѣсу Киссионскомъ буду повторять эти стихи Виргилія, которые онъ приказалъ намъ выучить твердо—на твердо. Да и я, заучивая ихъ, не помышлялъ, что они потѣшатъ меня когда-либо. А потѣнили! О, сладчайшій классицизмъ! Безъ тебя въ Холонунтскомъ дремучемъ лѣсу мнѣ было бы скучно, или страшно.

Изъ этого лѣса, который на путевой картѣ моей названъ, сперва вязовымъ, а потомъ, ближе къ ночлегу, каштановымъ, какъ только мы выѣхали, намъ пришлось подъѣзжать къ селу Ляригово по спуску голому, крутому и изрытому дождевыми потоками. Тутъ я не могъ держаться на конѣ, и пошелъ пѣшкомъ, а въ самое село въѣхалъ верхомъ, и остановился ночевать въ домѣ грека Агапта, которому не ошибочно дано такое имя, потому что онъ былъ весьма любезенъ привѣтливъ и проворенъ.

Село Ляригово выстроено очень хорошо послѣ того, какъ Турки сожгли его въ 1821 году, въ которомъ возстали противъ ихъ Еллины. Всѣ дома въ немъ, каменные, покрыты черепицею, и съ лица во всю длину и мѣютъ открытую деревянную галерею съ столбиками и съ кровлею. Всѣхъ семействъ тамъ 250, а церковь одна, во имя св. Стефана. Она числится въ епархіи епископа Аэоно-Ериссовскаго. Турковъ здѣсь нѣтъ. Ляриговцы имѣютъ свои виноградники, но главный промыселъ ихъ есть тканье шерстяныхъ ковровъ, которые покупаютъ, больше всѣхъ монастыри. Нѣсколько ихъ собратій работаютъ по найму въ соседнихъ рудахъ, золотыхъ и серебряныхъ. Всѣ Ляриговцы и наипаче ихъ жены, дочери и малые дѣти очень бѣлы. Между ними я видѣлъ даже весьма рыжихъ. Какъ потомки славянъ и влавховъ, расселившихся въ Солунской области съ 675 года, они говорятъ хотъ и по гречески, но съ примѣсью словъ славянскихъ; напримѣръ, *простихосъ*—простый, *столоканіе*—полосканіе, *проводизо*—провожаю *).

*) Въ самомъ названіи села, Ляригово, слышится славянское рѣченіе, *гарѣга*, означающее мѣстность, находящуюся въ яру, на юру

10. Пятница. — Изъ Ляригова я выѣхалъ въ семь часовъ пополуночи, такъ рано потому, что желалъ засвѣтло поспѣть на ночлегъ въ Ватопедскій метохъ, находящійся на Аѳонскомъ перешейкѣ у Ксеркова канала. Ровная дорога подо мной пролегла по широкой нагорной выси, воздѣланной окрестными жителями. Налѣво отъ нея указывали мнѣ села Палеохори и Новосело. До перваго села отъ Ляригова доѣзжаютъ въ три четверти часа, а до втораго въ часъ съ четвертью. Я не сворачивалъ туда съ большой дороги и скоро проѣхалъ, сперва мимо родника воды близъ Новаго села, по межгорной расширенной котловинѣ, и въ концѣ ея вступилъ въ горнозаводскій околотокъ, гдѣ находится средоточіе управленія металлическими рудами, которое мнѣ называли двумя именами, Хуруда и Арнауткѣй. Предъ вѣздомъ въ этотъ околотокъ у дороги налѣво стоитъ высокая сторожевая башня, Пиргосъ. Далѣе тянутся безобразныя рытвины, а еще далѣе направо отъ дороги находится сказанное управленіе. Я осмотрѣлъ его снаружи. Это большой четверосторонній дворъ, обнесенный каменными стѣнами, съ помѣщеніями для Турецкаго Аги, завѣдывающаго здѣшними рудами, и для его челядинцовъ вооруженныхъ и безоружныхъ. Надъ воротами сего двора въ стѣну вставленъ мраморный барельефъ представляющій какое-то животное. Вотъ онъ въ испорченномъ видѣ его.

Кавасъ мой звалъ меня въ домъ аги, которому подвѣдомы двѣнадцать горнозаводскихъ селъ: но я не пошелъ къ нему, и осѣлавъ коня, поѣхалъ далѣе.

Мой конь идетъ. А я сижу на немъ и рязсуждаю:— „осмотрѣнная мною Хуруда должна быть классическая Пирίδα. Такъ

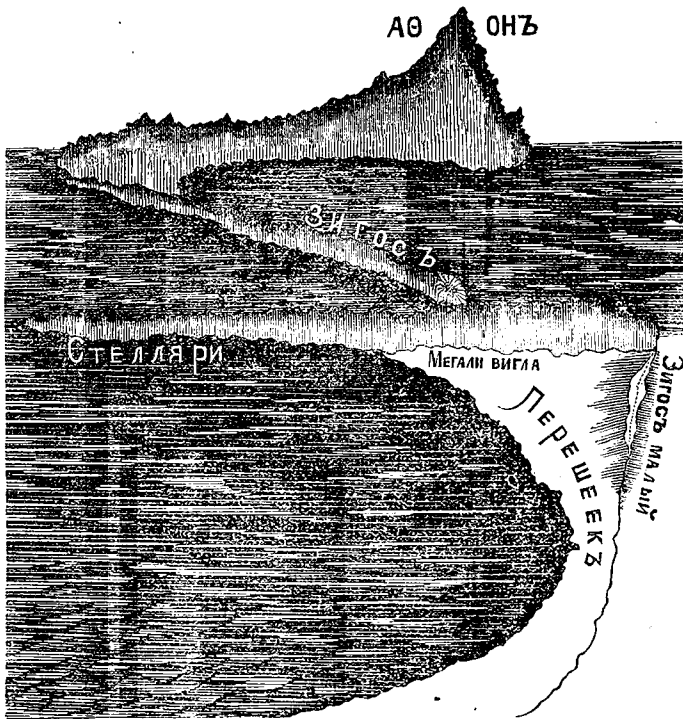
какъ Пуррида, значить Огневица, то сіе названіе весьма прилично такому мѣсту, гдѣ огнемъ плавится золото и серебро. А въ Хурудѣ берегутся эти сплавленные огнемъ металлы. Слѣдовательно, нынѣшняя Хуруда есть древняя Пуррида.

Мой конь идетъ. А я сижу на немъ, и вижу налѣво отъ дороги покинутыя и развалившіяся зданія. Спрашиваю каваса: какъ называются эти развалины. Онъ отвѣчаетъ: *Чарки*: и *поті ргоріо* толкуетъ мнѣ, что Чарки значить серебро.—Вѣроятно, это классическій Халкисъ:“ подумалъ я и продолжалъ свой путь, видя впереди село Низворо, или Гисворо *).

На краю этого села встрѣтила поѣздъ мой молодая, рыжая, баба и сказала мнѣ: не угодно ли вамъ осмотрѣть здѣшнюю пещеру и поклониться пещерной Божіей Матери. Многіе Франки осматриваютъ ее.—Я спѣшился, и съ кавасомъ пошелъ за бабою къ пещерѣ, но заглянувъ въ нее (она показалась мнѣ въ родѣ тоннеля) и ощутивъ сырость пещернаго воздуха, воротился назадъ въ чайніи осмотрѣть эту невидаль на обратномъ пути съ Аэона. Баба получила отъ меня денежный подарокъ и, довольная собою, ушла домой. Мнѣ же захотѣлось немножко отдохнуть. Кавасъ завелъ меня и весь поѣздъ мой въ одинъ заѣзжій домъ. Тутъ съ открытой галереи я увидѣлъ весь Аэонъ съ его тремя заливами и перешейкомъ, и начертилъ гористый планъ его.

Онъ даетъ самое вѣрное понятіе о положеніи и направленіи этой горы въ водахъ Эгейскаго моря. Смотрите на перешеекъ: тутъ находятся хозяйственные метохы нѣсколькихъ монастырей Аэонскихъ и епархіальный городъ Ериссо. Смотрите на Стелляри и Мегали—Виглу: тутъ лѣсъ, и ничего болѣе. Смотрите на Зигосъ большой: онъ раздѣленъ между немногими святогорскими обителями, какъ хозяйственная мѣстность. Смотрите на Аэонъ: тамъ по обѣ стороны его стоятъ монастыри и скиты.

*) Γῆ: βορᾶ—выворотъ земли, изъ которой добываютъ металлы. Низворо напоминаетъ иллирійское слово, *изваракъ*, отъ глагола *варю*, перевариваю металлы.

Село Низвора меньше Ляригова. Въ немъ насчитываютъ не болѣе 70 домовъ. Жители всѣ—православные христіане. Церковь у нихъ новая, каменная. Они составляютъ паству Ериссовскаго епископа, который живетъ въ Низворѣ, потому что Ериссовцы строптивы. Я не видалъ его, не заходилъ и въ церковь, поспѣвая на ночлегъ еще не близкій.

Изъ Низвора дорога къ АѦону подъ прямымъ угломъ поворачиваетъ съ сѣверовостока на югъ, пролегая близъ моря въ крутойрѣй долинѣ, орошаемой потокомъ горячей ало—красноватой воды: знакъ, что она въ верховьѣ своемъ протекаетъ сквозь руду металлическую. По этой долинѣ, опушенной лѣсомъ, я прошелъ нѣшкомъ, и кое-гдѣ видѣлъ кучи металлической изгари. Въ одномъ мѣстѣ кавасъ показалъ мнѣ въ землѣ маленькій родникъ воды. Она была весьма чиста, холодна и вкусна. Странно было видѣть ее тамъ, гдѣ протекаетъ вода горячая. Кто знаетъ

водяные пути подь землею? Никто ихъ не видалъ и не увидить. Тѣмъ лучше. Таинственность природы возбуждаетъ и поддерживаетъ благоговѣніе предъ Творцомъ ея, премудрымъ и благимъ.

Гдѣ кончилась долина съ горячею водою, тамъ началась обширная равнина, на которой Низворцы воспитываютъ маисъ, орошая его этою водою. Тутъ я сѣлъ на коня, и скорымъ шагомъ проѣхалъ, сперва, подлѣ водяной мельницы Аэонохиландарскаго монастыря, приводимой въ движеніе водою, текущею съ сосѣднихъ горъ; потомъ мимо села Герисса, и остановился ночевать въ метохѣ Аэоно-Ватопедской обители, построенномъ на приморской выси близъ Ксерксова канала, который оповѣщенъ многими и многими классическими писателями. Хозяинъ метоха монахъ принялъ меня радушно и успокоилъ.

Классическій околотокъ видѣлъ я сегодня. Нынѣ онъ называется Сидирокавсія, по нашему *Желто-горнъ*, а во времена классическія его именовали *Χώρα*, *Χαλκιδική*, т. е. *область Мѣдно-рудная*. Кстати здѣсь вставляю коротенькую исторію сего околотка, приготовленную не въ настоящее время.

Въ древнѣйшее время этотъ околотокъ населяли Фракіяне, именно Крестоны, Висалты и Идоны *). Они, по свидѣтельству Аппіана, не жили на берегахъ сосѣдняго моря, потому что боялись моряковъ. [De bellis civilibus L. IV. cap. 102.].

Къ нимъ, за 1000 лѣтъ до Рождества Христова, прибыли съ острова Евбеи Халкидикійцы, и заняли не только весь горный околотокъ, о которомъ идетъ рѣчь, но и часть Аэона и приморскія мѣста при заливахъ Стримонскомъ, Сингитскомъ и Торонскомъ **). Тутъ ими построены были тридцать два союзные города, изъ которыхъ извѣстны: 1) Пирида, нынѣ Хуруда или Арнаут—кѣй, 2) Халкисъ, нынѣ Чърки, 3) Киссосъ, нынѣ Низво-

*) Thucid. L. IV c. 109. Herodot. L. VII. c. 114. 115. 124.—Appian. de bell. civil. L. IV. c. 102.

***) Thucid. L. IV c. 79. 84. 102. 103. sq. 110.—Athen. Deipnosophist. L. VIII. c. II.—Geogr. Ptolom. L. III. §. II.—Ἡρακλείδου περὶ πολιτειῶν γεφ. λ'.—

ро, 4) Аполлонія, нынѣ село Полина, не далеко отъ озера Бижикъ, 5) Клеоны на мѣстѣ нынѣшнихъ Аѳонскихъ монастырей, Филоѳеевскаго и сосѣдняго съ нимъ Иверскаго, 6) Торони у соименнаго залива, 7) Микиверна, нынѣ село Никита тутъ же, 8) Олинеось, нынѣ село св. Мамасъ тутъ же, 9) Гира (нынѣ Полигино) на Каламаріи, 10) Арни, и 11) Ангии, не знаю гдѣ. Эти Халкидикійцы были рудокопы и металлопромышленники: что доказывается и самымъ названіемъ ихъ, *Χαλκείες, μέδοντες, кузнецы*. Я полагаю, что они, первые, начали разработывать металлическія руды, которыхъ довольно много въ Халкидикійскомъ околоткѣ, а въ приморскихъ пристаняхъ, Аѳоноклеонской, Аканѳосской, Торонской и Олинеомикивернской, продавали добытые металлы свои, серебро, золото и желѣзо. Этою торговлею обогащались преимущественно Аканѳось и Олинеось.

Историческія извѣстія о Халкидикійцахъ начинаются съ 495 года до рождества Христова. Въ этомъ году Персидскій царь Дарій Истаспъ, побѣдивши возставшихъ противъ него Малоазійскихъ Іонянъ, переправилъ свое войско и флотъ черезъ Дарданельскій проливъ во Фракію подъ предводительствомъ полководца Мардонія, и повелѣлъ ему идти къ Аѳинамъ и наказать сей городъ за то, что онъ давалъ помощь мятежнымъ Іонянамъ.

„Такъ какъ Мардоній,—говоритъ Иродотъ,—намѣревался „взять возможно большее число городовъ Греческихъ; то послалъ флотъ свой къ острову Тасу, дабы покорить жителей его, хотя они не сдѣлали ничего враждебнаго Персамъ, и въ то же время сухопутную армію свою велъ противъ Македонянъ, дабы присоединить ихъ къ прочимъ завоеваніямъ Персовъ. Всѣ племена, какія жили въ областяхъ, лежащихъ между Егейскимъ моремъ и Македонією, уже покорены были Мардоніемъ. Флотъ его, послѣ сдачи Таса, держась береговъ Европейскаго материка, плылъ къ Халкидикійскому городу Аканѳосу, а оттуда мимо Аѳона, но въ тѣ часы, когда ему надлежало обогнуть оконечность этой горы, разразился тутъ самый бурный вѣтеръ сѣверный, съ которымъ бороться невозможно было. Буря выбросила на берегъ Аѳона

множество кораблей. Увѣряютъ, что отъ нея погибло триста судовъ и 20,000 людей. Ибо, море омывающее Аѳонъ, болѣе прочихъ морей, наполнено морскими чудовищами; и они-то пожрали большую часть людей, упавшихъ въ это море, тогда какъ другіе утонули у Аѳонскихъ утесовъ, не умѣя плавать; пловцы же погибли отъ холода. Такъ исчезъ флотъ. Между тѣмъ Мардоній, продолжая походъ въ Македонію во главѣ сухопутнаго войска своего, ночью былъ окруженъ Бригами (народъ Фракійскій). Они убили множество солдатъ его; и самъ онъ былъ раненъ въ этой схваткѣ. Однако Фракіяне не избѣжали ита Персидскаго. Мардоній покорилъ ихъ, но покоривши, воротился назадъ, бывъ принужденъ къ тому пораженіемъ Бриговъ и наипаче потерей флота, и перешелъ въ малую Азію.—Herodot. L. VI. c. 44. 45.

493—490 г. до Р. X.—По смерти Дарія сынъ его Ксерксъ, рѣшившись покорить Аѳинянь и опасаясь, какъ бы парусныя суда его не погибли у Аѳона, велѣлъ вырыть каналъ на перешейкѣ сей горы, дабы по нему флотъ его безопасно прошелъ изъ Стримонскаго залива въ Сингитскій. Эта работа продолжалась три года. Выслушаемъ рассказъ о ней Иродота. „Солдаты, которыхъ привезли сюда на трехпалубныхъ судахъ, прорѣзывали гору. Ихъ плетью понуждали работать; и тѣ изъ нихъ, которые умирали, тотчасъ были замѣняемы другими. Племена, жившіе въ сосѣдствѣ съ Аѳономъ, были употребляемы на эту работу, которая производилась подъ начальствомъ Вувариса, сына Мегабазова, и Артахея сына Артеева: тотъ и другой были природные Персы... Прорытіе же горы дѣлалось такъ, какъ я спѣшу рассказать. Варвары поплеменно раздѣлили между собою всю мѣстность по линіи, обозначенной шнуромъ, начиная отъ города Сѳаниса. Когда земля была выкопана глубоко, тогда работники, остававшіеся въ глубинѣ, продолжали копанье, а другіе, держась на ступеняхъ лѣстницъ, принимали отъ нихъ землю, и передавали ее изъ рукъ въ руки, выше и выше, а стоявшіе на верхнихъ ступенькахъ бросали ее за черту свою. Всѣ эти работники, за исключеніемъ Финикіянь, дважды дѣлали одно и то же по причинѣ

обваловъ обѣихъ сторонъ канала. Такъ какъ они копали его одинаково широко внизу и вверху, то отвѣсныя стороны его обваливались. Финикіяне же, болѣе другихъ свѣдущіе въ такой работѣ, производили ее на отведенной имъ по жребію мѣстности такъ, что верхнія части канала были гораздо шире опредѣленной части нижней, и всю копку дѣлали откосною. На сосѣдномъ лугу они устроили рынокъ, и тутъ продавали зерно, доставляемое изъ малой Азіи. Магазины были поставлены въ Тиродизѣ у Перинеіанъ, въ Дорискѣ, въ Іонѣ у устья рѣки Стримона, и въ самой Македоніи.—Herodot. L. VII. с. 21—23. —Жители Аѳонскаго селища Ерисса, которое было пристанію Халкидическаго города Аканѳоса, увѣряли меня, что у нихъ близъ моря находятся подземельные магазины древніе, которыхъ однако никто еще не откапывалъ. Но продолжимъ разсказъ Иродота.

— L. VII. с. 115 et sequ.—Сухопутное войско Ксеркса, переправившись черезъ рѣку Стримонъ, прошло по берегу моря мимо греческихъ городовъ, Аргила и Стагира, и остановилось у Аканѳоса. Тутъ царь Ксерксъ угощалъ жителей сего города и подарилъ имъ Мидійскую одежду за то усердіе, съ которымъ они помогали ему исполнить его предпріятіе. Когда же онъ узналъ, что Аѳонскій каналъ конченъ, тогда осыпалъ ихъ похвалами. Во время остановки арміи его въ Аканѳосѣ заболѣлъ и умеръ Артахей, который заправлялъ копаніемъ названнаго канала. Онъ происходилъ изъ фамиліи Ахеменидовъ, ростомъ былъ въ пять царскихъ локтей безъ четырехъ перстовъ (поставленныхъ ребромъ одинъ надъ другимъ), и имѣлъ голосъ громче и звучнѣе всѣхъ голосовъ человѣческихъ. Ксерксъ, опечаленный потерей его, сдѣлалъ ему погребеніе великолѣпное. Вся армія насыпала холмъ надъ его могилою. Жители Аканѳоса, по вѣщанію оракула, воздали памяти его почести героическія съ призываніемъ собственнаго имени его. Ксерксъ разстался съ флотомъ своимъ въ Аканѳосѣ, приказавъ адмираламъ идти и ждать его въ Ѳерми, городъ, находящемся у соименнаго съ нимъ залива. Ибо онъ освѣдомился, что дорога по направленію къ сему городу ко-

роче другихъ путей. Сухопутное же войско его отъ Дориска до Аканеоса шло въ слѣдующемъ порядкѣ. Первый отрядъ его, подъ начальствомъ Мардонія и Масиста, шелъ по берегу моря въ виду флота; второй предводимый Тритантэхмомъ и Гергисомъ, и составлявшій треть войска, какъ и первый, проходилъ гораздо выше моря, по областямъ внутреннимъ, а третій, при которомъ былъ Ксерксъ, и которымъ командовали Смердомѣнъ и Мегабизъ, шелъ между оными двумя отрядами. Флотъ же по каналу, прокопанному въ Аѳонской горѣ, переправился въ Сингитскій заливъ, на берегахъ котораго находились города, Асса, Пилорось, Сингось и Сарта *), и забравъ тутъ войска и корабли, какіе только могли доставить эти города, отплылъ въ заливъ Ѳермійскій.“

Извѣстно, что этотъ походъ Ксеркса былъ весьма неудаченъ. Греки одолѣли его.

489—425 годъ до Р. Х. — Потомъ побѣдитель Персовъ Милтиадъ предложилъ Аѳинянамъ взимать подать съ союзныхъ острововъ и городовъ для содержанія морскаго флота, который защищаль бы всѣхъ союзниковъ и препятствовалъ бы Персіи расширять ея владычество. Это предложеніе его было принято, а приведено въ исполненіе уже Ѳемистокломъ и Аристидомъ. Аристидъ въ 489 году обложилъ податью всѣ богатые Аѳонохалкидскіе города. Аканеосъ давалъ три таланта, Діонъ—одинъ талантъ постоянно, Ѳиссосъ сперва 4000 драхмъ, а потомъ одинъ талантъ, Клеонэ 500 драхмъ, Олофиксось 2000 драхмъ, Санисъ сперва 4000 драхмъ, потомъ 1 талантъ, затѣмъ 1000 драхмъ, Аргилось сперва 1 талантъ, потомъ 1000 драхмъ, Асса сперва 2,400 драхмъ, потомъ 3000 драхмъ, Спартолось сперва 2 таланта, потомъ 3 таланта 500 драхмъ, Микиверна то 1 талантъ, то 4000 драхмъ, Олинеосъ 2 таланта, Пилорось 600 драхмъ, Ермилія сперва 3 таланта, потомъ 5 талантовъ, за тѣмъ 4 таланта 3000 драхмъ, Сингось сперва 4 таланта, потомъ 2 таланта, затѣмъ 3 таланта, Стагира 1000 драхмъ постоянно, Торѳни сперва 4 таланта 500

*) Смотри эти города на моей картѣ, приложенной къ исторіи Аѳона.

драхмъ, потомъ 6 талантовъ, затѣмъ 12 талантовъ. [*Corpus inscriptionum atticarum. Volum. 1. p. 229—231. Berolini 1873*].

431—360 г.—Спустя 59 лѣтъ послѣ Ксерксова похода въ Грецію, возникла Пелопонесская война Аѣннѣевъ и Лакедемонцевъ, которая продолжалась 27 лѣтъ, и кончилась не въ пользу Аѣннѣевъ. Главною причиною ея было стѣснительное для Грековъ преобладаніе Аѣнской республики. Въ этой войнѣ принимали дѣятельное участіе Халкидикійцы. Прочтемъ разсказъ объ этомъ очевидца Фукидида.

Л. IV. с. 79.—Въ 424 году до Р. Х. Лакедемонскій полководецъ Врасидъ съ войскомъ своимъ прошелъ по Тессалии такъ поспѣшно, что никто не былъ готовъ задержать его, и соединившись съ Македонскимъ царемъ Пердиккою, вступилъ въ Халкидикию. Ибо онъ изъ Пелопоннеса приглашенъ былъ этимъ царемъ и тѣми Тракіанами, которые измѣнили Аѣнской республикѣ, страшась ея могущества. Халкидикійцы и жители сосѣднихъ городовъ, не свергая съ себя ига этой республики, и гадая, что она напала бы на нихъ—первыхъ, тайно просили помощи Врасида. Что касается до Пердикки, то онъ хотъ и не враждовалъ съ Аѣннѣями открыто, но старые споры его съ ними заставляли его опасаться; при томъ у него было намѣреніе смирить царя Линкистовъ Арривея. Такимъ образомъ затруднительныя обстоятельства, въ какихъ находилась Лакедемонія, пособили ему легко получить помощь, которой онъ желалъ“.

Ibidem. с. 81.—Желали и Халкидикійцы имѣть Врасида на своей сторонѣ, такъ какъ въ Спартѣ считали его человекомъ весьма способнымъ во всѣхъ отношеніяхъ, и цѣнили наиболѣе тогда, когда онъ отправился въ походъ. Съ той поры, когда ему поручено было полководство, онъ доказалъ городамъ свою справедливость и умѣренность, кои отвлекли большую часть изъ нихъ отъ союза съ Аѣнами, а въ другихъ городахъ пріобрѣли ему сторонниковъ, которые и сдавали ему ихъ. При такихъ пріобрѣтеніяхъ Лакедемонцы въ случаѣ мира могли возвращать и удерживать города, смотря по своимъ выгодамъ (что и сдѣлано было),

а наипаче переносить войну за предѣлы Пелопоннеса. Притомъ добродѣтель и благоразуміе Врасида, эти качества, кои однимъ извѣстны были лично, а другимъ по достовѣрной молвѣ, внушали союзникамъ Аѳинянь особенное расположеніе къ Лакедемонянамъ. Такъ какъ онъ съ такими совершенствами, первый, вышелъ изъ Спарты (въ иностранныя области), то и думали, что всѣ прочіе сограждане таковы же, каковъ онъ. Сар. 82—Аѳиняне, узнавши о прибытіи его въ Тирацію, объявили Пердикку врагомъ своей республики, полагая, что онъ былъ виновникомъ этой экспедиціи, и теперь болѣе, нежели когда либо, присматривали за своими союзниками.

Сар. 83 — Пердикка же соединилъ свои рати съ полками Врасида, и тотчасъ началъ войну съ Арривеемъ, царемъ Македонскихъ Линкистовъ. Ибо между ними, какъ сосѣдями, были споры; и Пердиккѣ хотѣлось свергнуть Арривея съ престола. Его армія уже приблизилась къ Линкистамъ: но Врасидъ объявилъ, что онъ до начала битвъ желаетъ видѣться съ царемъ ихъ и, если можно, вовлечь его въ союзъ съ Лакедемонцами. Да и Арривей чрезъ глашатая оповѣстилъ, что онъ готовъ признать сего полководца третейскимъ судьей. Но съ другой стороны депутаты изъ Халкидикіи, находившіеся у Врасида, упрашивали его не пугать Пердикку, если угодно, дабы онъ старательно послужилъ дѣлу. Наконецъ депутаты, которыхъ самъ Пердикка послалъ въ Лакедемонію, увѣряли, что онъ нѣсколько сосѣднихъ областей вовлечетъ въ союзъ съ сею республикою. Однако Врасидъ для общаго блага рѣшился поддерживать Арривея. Напрасно Пердикка поставлялъ ему на видъ, что онъ призвалъ его не для того, чтобы судить его споры съ царемъ Линкистовъ, а для того, чтобы съ помощію его освободиться отъ враговъ, какіе были бы указаны ему, и что несправедливо вести переговоры съ Арривеемъ, когда онъ, Пердикка, содержитъ половину всѣхъ полковъ. Врасидъ, не смотря на эти представленія, разузналъ споры обоихъ царей этихъ, и убѣжденный доводами царя Линкистовъ, воротилъ свои полки отъ границы владѣнія его. Тогда Пердикка,

оскорбленный этимъ, доставилъ только третью часть продовольствія, вмѣсто половины.

Сар. 84. — Въ томъ же (424-мъ) году, не задолго до собранія винограда, Врасидъ съ Халкидикійцами подступилъ къ Аканеосу: это колонія съ острова Андроса. Тогда въ этомъ городѣ были двѣ партіи: одна, стакнувшаяся съ Халкидикійцами, сама призвала его; а другая была народная. Обѣ онѣ имѣли жаркія пренія касательно приѣма его, но боясь, какъ бы онъ не истребилъ виноградниковъ ихъ, согласились впустить его въ городъ свой и рѣшить дѣло по выслушаніи рѣчей сего полководца. Врасидъ явился въ народное собраніе и сказалъ имъ рѣчь, (которая помѣщена въ моей исторіи Аэона, часть I. § 14).

Сар. 88. — Аканеяне послѣ умной и воинственной рѣчи Врасида поспорили, пошумѣли, и боясь лишиться виноградниковъ своихъ, рѣшились отстать отъ Аѣинянъ. Тогда Врасидъ поклялся не нарушать ихъ свободы и самоправности. Съ этимъ условіемъ они приняли ополченіе его. Ихъ примѣру послѣдовалъ ближній городъ Стагира, основанный островитянами Андросцами.

Сар. 102—108. — Въ ноябрѣ и декабрѣ того же 424 года Врасидъ изъ Халкидикійскаго города Арни съ Фракійскими союзниками своими пошелъ къ Амфиполю, расположенному на обоихъ берегахъ рѣки Стримона, пошелъ съ тѣмъ, чтобы овладѣть этою Аѣинскою селитвою. Вечеромъ онъ прибылъ въ Авлонъ и Бромискъ, кои находились тамъ, гдѣ Волвійское озеро (нынѣ Бежикъ) сливается съ моремъ, отобѣдалъ тутъ, и продолжалъ шестіе ночью. Погода была худая: падалъ снѣгъ. Но не смотря на то, онъ спѣшилъ, желая скрыть отъ Амфиполійцовъ свое приближеніе къ нимъ, по крайней мѣрѣ отъ тѣхъ, которые не были въ числѣ предателей Амфиполя; ибо въ этомъ городѣ проживали люди изъ сосѣдней Аргилы и многіе другіе, стакнувшіеся съ Врасидомъ, будучи подкуплены, одни, Пердиккою, а другіе Халкидикійцами. Особенно Аргилійцы, какъ сосѣди, постоянно подозрѣваемые Аѣинянами, желали завладѣть Амфиполемъ, и потому воспользовались походомъ Врасида, какъ случаемъ самымъ

благопріятнымъ для нихъ. Такимъ образомъ сей полководецъ съ помощію этихъ измѣнниковъ взялъ названный городъ безъ боя, предложивъ гражданамъ выгодныя для нихъ условія.

С. 109.—Потомъ онъ съ союзниками своими перенесъ войну на Аеонъ. Здѣсь почти всѣ жители, какъ то Висалты, Крестоны, Идоны, Халкидикійцы и Пеласги предались ему: только два города, Санисъ и Діонъ, воспротивились; но за то онъ опустошилъ околотки ихъ. Это было ранѣе 9-го апрѣля 423 года.

Сар. 110.—Съ Аэона Врасидъ пошелъ къ Халкидикійскому городу Торонѣ, который заняли Аэиняне: εὐθὺς στρατεύει ἐπὶ Τορώνην τὴν Χαλκιδικίην, κατεχομένην ὑπὸ Ἀθηναίων. Туда пригласила его немногочисленная партія, готовая сдать ему сей городъ. Онъ явился тутъ предъ разсвѣтомъ, и не замѣченный ни Аэинскимъ гарнизономъ, ни тѣми жителями, которые не были сторонниками его, остановился на мѣстности, посвященной Діоскурамъ (Кастору и Поллуксу), въ трехъ съ небольшимъ стадіяхъ отъ Торони. Тогда всѣ, стакнувшіеся съ нимъ, узнавъ о походѣ его, тайно вышли изъ сего города въ маломъ числѣ и, какъ только онъ явился, взяли у него семь воиновъ, вооруженныхъ кинжалами. Ихъ велъ Лизистратъ изъ Олинѳоса. Они вошли въ Торони, перелѣзши черезъ стѣну, что съ приморской стороны, никѣмъ не замѣченные и, убивъ стражу цитадели, разломали малые ворота со стороны Канастрійской.

Сар. 111. — Между тѣмъ и Врасидъ подвинулся немного впередъ, и отправилъ сто *пелтастовъ* съ тѣмъ, чтобы они первые ворвались въ городъ, когда отворятся ворота его, и когда будетъ данъ знакъ. Они тихимъ шагомъ подошли къ Торонѣ въ тѣ минуты, когда тамъ сдѣлали свои распоряженія тѣ Торонцы, которые вошли туда съ воинами Врасида. Когда же малые ворота были разломаны, и когда былъ разбитъ засовъ воротъ, ведущихъ къ рынку; тогда измѣнники сначала ввели нѣсколько солдатъ черезъ первые ворота, дабы съ двухъ сторонъ устрашить гражданъ, не участвовавшихъ въ измѣнѣ, потомъ по условію высоко подняли

сигнальный огонь, и впустили остальных *пелтастовъ* черезъ ворота рынка.

Сар. 112.—А Врасидъ, увидѣвъ исполненіе условленнаго маневра, двинулъ все свои полки. Его ратники громкимъ крикомъ своимъ устрашили гражданъ и, одни, стремительно бѣжали на площадь, а другіе взбирались на городскія стѣны по деревяннымъ доскамъ, приставленнымъ для подъема камней къ обвалившейся стѣнѣ, которую Торонцы починивали. Врасидъ же съ большею частію своей арміи тотчасъ занялъ самыя возвышенныя мѣста въ городѣ, дабы онѣ не были оспариваемы у него, а остальные отряды его разбрелись по всему городу.

Сар. 113. Тогда большая часть Торонцовъ, ничего не зная, волновалась и шумѣла. А предатели, которымъ угодно было это, тотчасъ соединились съ пришлецами. Аѳиняне же, (со стороны которыхъ пятьдесятъ *оплитовъ* спали на площади), увидѣвъ бѣду, одни въ маломъ числѣ погибли въ битвѣ, а другіе спаслись то бѣгствомъ, то на двухъ сторожевыхъ судахъ, и укрылись въ крѣпости Ликиѳъ (*Λίχιδος*), не измѣнившей имъ. Она составляла край города и находилась у моря на узкомъ перешейкѣ. Туда же убѣжали и тѣ Торонцы, которые были дружны съ Аѳинянами.

Сар. 114—115.—Когда уже насталъ день, Врасидъ, владея городомъ, объявилъ Торонцамъ, убѣжавшимъ вмѣстѣ съ Аѳинянами, что они могутъ возвратиться въ свои дома и безъ страха продолжать свои занятія, къ Аѳинянамъ же послалъ глашатая съ приказомъ выдти изъ Ликиѳа со всеми пожитками ихъ, такъ какъ эта крѣпость принадлежала Халкидикійцамъ. Они отвѣтили, что не покинутъ ее, и попросили перемирія на одинъ день для погребенія мертвыхъ. Врасидъ далъ имъ срокъ двудневный, и по истеченіи его осадилъ Ликиѳъ. Осажденнымъ защитою служили худыя стѣны крѣпости и дома, снабженные прозорами для стрѣлянія. Однако въ первый день они отбили осаждавшихъ. Но эти на другой день подкатили машину, мечущую огонь на укрѣпленія деревянныя, и сами подошли къ мѣсту, гдѣ она дол-

жна дѣйствовать, мѣсту самому слабому. Тогда Аѳиняне поставили деревянную башню на одномъ зданіи и наносили въ нее большое количество горшковъ съ водою, корчагъ и большихъ камней. Кромѣ того помѣстилось тутъ много людей. Но такой тяжести не выдержало это зданіе, и рухнуло съ величайшимъ шумомъ. Тѣ Аѳиняне, которые находились близъ сего мѣста, были не столько уstraшены этимъ случаемъ, сколько огорчены, а дальніе и наипаче солдаты, стоявшіе на самыхъ отдаленныхъ мѣстахъ, подумали, что она часть крѣпости взята, побѣжали къ морю и сѣли на суда.

Сар. 116.—Врасидъ, какъ только узналъ, что они ушли съ укрѣплений, подступилъ къ стѣнамъ съ своею ратію, и тотчасъ овладѣлъ ими. Всѣ, кого онъ засталъ тутъ, были убиты. Аѳиняне же на корабляхъ и малыхъ судахъ ушли въ Паллини. Послѣ сего Врасидъ разрушилъ Ликионъ, и зимою укрѣпилъ взятая имъ мѣста и обдумалъ планы новыхъ завоеваній. Съ этимъ временемъ года кончилось осьмое лѣто войны.

Сар. 117—124.—Въ началѣ весны Лакедемонцы и Аѳиняне заключили перемиріе на одинъ годъ. Въ этотъ промежутокъ времени Халкидикійцы и Аканѳяне помогали Врасиду и Македонскому царю Пердиккѣ въ войнѣ съ Арривеемъ, царемъ Линкистовъ на предѣлахъ Македоніи. Но этотъ походъ ихъ былъ неудаченъ.

Въ 422 году Аѳиняне, по окончаніи перемирія послали въ Фракію полководца Клеона и съ нимъ 30 военныхъ судовъ съ 12 сотнями пѣхоты, съ 300 всадниковъ, и съ многими союзниками. Онъ взялъ городъ Торону, и оставивъ въ немъ военную стражу, отплылъ мимо Аѳона къ Амфиполю. Туда же поспѣшилъ и Врасидъ съ своими полками. Но оба эти витязя были убиты въ сраженіи близъ сего города. Послѣ геройской кончины ихъ Аѳиняне заключили миръ съ Лакедемонцами на 50 лѣтъ.

(Diodor Sicul L. XII. c. 73, 74 — Thucid. L. V. c. I. 18).

Въ 421 году въ Греціи произошли новыя смуты, которыя имѣли вліяніе и на Халкидикию. Тамошніе города, Аргосъ, Фивы,

Коринѣи и другіе, обидѣвшись тѣмъ, что Аѳиняне и Лакедемонцы обошли ихъ при заключеніи взаимнаго мира и союза, и подозрѣвая, что эти два народа замышляютъ подчинить себѣ всѣхъ прочихъ грековъ, составили свой особый союзъ наступательный и оборонительный. Къ Аргосцамъ присоединились Халкидикійцы Фракійскіе, что близъ Аѳона. Тогда же на Аѳонѣ Диктидіи взяли приступомъ союзный съ Аѳинянами городъ Фуссосъ. Аѳиняне смирили ихъ и приняли въ число своихъ союзниковъ; однако они въ 418 году отложились отъ нихъ и пристали къ Халкидикійцамъ. (Diodor. Sicul. L. XII. с. 75. 76.—Thucid. L. V. с. 31. 35. 82).

383—380 годъ.—Прошли двадцать лѣтъ послѣ Пелопонесской войны Грековъ. Тогда близъ Аѳона усилилась республика Олиноійская. Ея силы и честолюбивые замыслы понудили Македонскаго царя Аминту и два города, Аканѳосъ и столицу Халкидикіи Аполлонію, (нынѣ село Полина) просить Спарту, чтобы она смирила гордый Олиноѳосъ. Спарта вняла ихъ просьбѣ. Началась война и кончилась присоединеніемъ Олиноѳоса къ Лакедемонскому союзу. (Ходъ сей войны расказанъ въ моей исторіи Аѳона. Ч. I. § 15).

348 годъ.—По усмиреніи Олиноѳосской республики прошли двадцать лѣтъ. Тогда соперникъ ея царь Аминта скончался. Престоль его наслѣдовалъ Филиппъ, и въ десятый годъ своего царствованія покорилъ своей власти всю Халкидикію, и воспользовался ея рудниками. Сперва онъ взялъ приступомъ крѣпость Гиру, и нѣсколько другихъ мѣстечекъ съ помощію одного утрашенія, потомъ Микиверну и Торони посредствомъ измѣны, и наконецъ обратилъ свое оружіе противъ Олиноѳоса, весьма значительнаго города въ Халкидикіи. Олиноѳяне были разбиты имъ въ двухъ сраженіяхъ, послѣ которыхъ онъ окружилъ ихъ городъ и, потерявъ у стѣнъ его множество солдатъ, наконецъ взялъ его. Но какъ? Начальники Олиноѳоса, Еввоикратъ и Ласѳенъ, были подкуплены имъ и, какъ измѣнники, сдали ему городъ свой. Филиппъ разграбилъ его и разорилъ до основанія, а жителей продалъ, какъ рабовъ. Та же участь постигла и Аполлопію Халки-

дикійскую *). Такимъ образомъ у него явилось много денегъ на военныя издержки. Эти деньги онъ щедро раздавалъ всѣмъ воинамъ, которые отличались храбростію, и ими же подкупалъ самыхъ вліятельныхъ жителей городовъ и увеличивалъ число измѣнниковъ ихъ родинамъ, и потомъ самъ же хвастался, что царство его увеличилось не столько силою оружія, сколько могуществомъ золота. (Diodor. Sicul. L. XVI. с. 52. 53. — Demosthen. Oratio in Philipp. III).

Исторія Халкидикіи, кромѣ принадлежащаго къ ней Аѳона, со времени покоренія ея Филиппомъ Македонскимъ, прекращается, потому что эта область, какъ часть захватившей ее обширной державы Македонской, перестала быть самоправною и самодѣйствующею.

Въ 148 году до Р. X. она вмѣстѣ съ Македоніею вошла въ составъ имперіи Римской, а при царяхъ Константинѣ Великомъ, Гратіанѣ, Θεодосіи I-мъ, и преемникахъ ихъ, состояла въ предѣлахъ царства Византійскаго. Въ пятомъ христіанскомъ вѣкѣ извѣстный Стефанъ Византіецъ, написавшій книгу *о городахъ*, упомянулъ о ней, сказавъ, что у Аѳона есть городъ Халкисъ, и что онъ на Паллинскомъ (Кассандрійскомъ) полуостровѣ прорѣзалъ глубокій и широкій каналъ, который называется Халкидскимъ. "Ἔστι καὶ ἐν Ἀθῶ ἄλλη Χαλκίς, ὡς Ἐὐδοξὸς τετάρτῳ μετὰ δὲ τὸν Ἀθῶ μέχρι Παλλήνης, ἣ ἐπὶ θάτερα πεποίηκε κόλπον βαθὺν καὶ πλατὴν, Χαλκίδα ἐπωνομαζόμενον. Stephan, Byzantin. Vol. 1. Lipsiae 1825. Разумѣется, что богатые металлами Халкидикійцы сдѣлали этотъ каналъ не во время подчиненія своего Римлянамъ, а еще тогда, когда они были независимы и самоправны, вскорѣ послѣ разселенія своего на Аѳонѣ и въ окрестностяхъ его. Слѣды этого канала видны еще и нынѣ.—Византія не отстояла металлорудной Халкидикіи отъ нашествія Славянъ и Влаховъ. Въ 675 году по Р. X. они, тѣснимые Болгарами на берегахъ Дуная, подня-

*) Appian, de bellis civil. L. IV. с. 102 — Philippus, Amyntae filius, cum Chalcidenses tum caeteros rursus eiecit (ex Thracia), ut nihil aliud jam praeter templorum ruinas ibi conspiceretur. <

лись оттуда съ женами и дѣтьми и со всёмъ имуществомъ своимъ, и направились къ Солуню, которымъ однако не могли овладѣть, и потому водворились въ разныхъ мѣстахъ Византійскаго царства. Изъ нихъ Дреговичамъ и Влахамъ Рихинамъ и Сагудатамъ достались плодоносныя поля и лѣсистыя мѣста около Солуня и по дорогѣ къ Аѳону. *Κῶμαι τινὲς πρὸς τῇ πόλει (Θεσσαλονίκῃ) τελοῦσι, Δρουγοβίται τινες καὶ Σαγούδατοι τὴν κλῆσιν ὀνομαζόμενοι.* Joann. Cameniat. de excidio Thessalonicae. Bonnæ 1838. pag. 496. Тутъ они переименовали городокъ Халастру въ Галатисту, и высочайшей горѣ, Киссионъ, дали два прозванія, славянское *Холмъ*, и валахское *Мунтъ*, отъ латинскаго слова *montes*—горы, а пощаженные ими туземные греки согласно съ ними говорили и писали уже Холомунтъ, или Хломуть. Тутъ они основали селитвы, Рѣшетники, Новосело, Ляригово, Низворо, Правиту, Луково и другія. Тутъ понынѣ живутъ ихъ потомки и къ греческимъ словамъ, занятымъ отъ матерей—Гречанокъ, примѣшиваютъ слова славянскія, *умноцко, простихозъ, косизо, проводизо, руда, Осъмометръ* вмѣсто *Σιρομετρα*.—Во время царствованія Василія Македонскаго († 886 г.) и сына его Льва Мудраго († 911 г.) Халкидикія называлась уже Сидирокавсией, вѣроятно потому, что тутъ кромѣ золота и серебра начали добывать желѣзо—ΣΙΔΕΙΡΟΝ. Читайте мою исторію Аѳона, часть III, § 16, и вы узнаете, что въ 887 году деревни Сидирокавсійскія и Холомунтскія сдѣлались было достояніемъ монастыря Аѳоноколовуйскаго, но по ходатайству аѳонскаго Прота Андрея освободились отъ ига монашескаго. Послѣ сего прошли 544 года безъ исторической жизни Сидирокавситовъ, работавшихъ въ своихъ рудникахъ и лѣсахъ и на поляхъ, работавшихъ для себя и царской казны. А съ 1430 года эти труженики подпали подъ иго турковъ, въ этотъ годъ взявшихъ съ бою столицу Македоніи Солунь, въ вѣдомствѣ которой состояла Сидирокавсія. Турки удержали это названіе сей области, и воспользовались рудниками ея. Изъ ихъ дѣписанія, называемаго *Вакуфнамъ*, 976 года Эгиры (1568 года христіанскаго) и хранящагося въ Аѳо-

норусскомъ монастырѣ, видно, что они весь Аѳонъ причисляли къ Сидирокавсіи *). Въ 1821 году, по случаю общаго возстанія Еллиновъ, села этого округа были сожжены, а въ 1845 году я видѣлъ ихъ въ обновленномъ, хорошемъ, состояніи, хотя и была у нихъ чума въ 1829 году.

Кончена моя кратчайшая исторія Халкидикіи—Сидирокавсіи, но не вся. Мнѣ остается повѣдать о началѣ и судьбѣ христіанства въ этомъ, рѣдко кому извѣстномъ, околоткѣ Македоніи. Излагаю, что знаю, начиная съ епархіи Кассандрійской, и оканчивая Аѳоно-Ериссовскою.

Христіанство въ Македоніи, къ которой принадлежитъ Сидирокавсія вмѣстѣ съ трезубцомъ Аѳонскимъ, возвѣщено было св. апостоломъ Павломъ. Тамъ онъ благовѣствовалъ Христа, распятаго и воскресшаго, въ городахъ, Солунѣ, Верріи, Филиппахъ, и въ Аполлоніи Аѳонской, вездѣ успѣшно, кромѣ Аѳона. Изъ Солуня христіанская вѣра проникла въ Сидирокавсію, но не рано. Одна часть этой области состояла и состоитъ подъ священноначаліемъ епископа Кассандрійскаго, а другая въ вѣдомствѣ епископа Аѳоно-Ериссовскаго.

На мѣстѣ Кассандры древле стоялъ городъ Потидея, основанный Коринѳянами, отнятый у нихъ Аѳинянами, а у этихъ взятый Филиппомъ Македонскимъ въ тотъ годъ, въ который родился у него сынъ Александръ. Зять сего Филиппа Кассандръ обстроилъ его съизнова и далъ ему свое имя. Съ сей поры городъ *Кассандра* извѣстенъ былъ классическимъ писателямъ, Плинію, географу Птоломею и Стефану Византійскому. Плиній, L. IV. c. 10, между прочимъ сказалъ о немъ, что *жители его воздаютъ почтеніе камню, упавшему съ неба: in Pallenensi isthmo, quondam Po-*

*) Въ 1549 году французскій путешественникъ Белонъ видѣлъ тутъ Грековъ, Турковъ, Албанцовъ, а больше Булгаръ и Сербовъ. „Ceux qui habitent aux minères de Siderocarsa sont gens ramassez, et usent de langage different, comme Eselavon, Bulgare, Grec, Ture, Albanois. Les ouvriers metallaires qui y besognent maintenant, sont pour la plus part de nation Bulgare. Les paysans des villages circonvoisins qui viennent au marché, sont chretiens et parlent la lanque Servienne et Grecque.—Belon Observat. chap. 49. 50.

tidaeo, nuné Cassandria Colonia, in qua coli solitum lapidem, qui de coelo ceciderat“.

Неизвѣстно, когда свѣтъ Христовъ озарилъ Кассандру, и кто былъ тутъ первымъ епископомъ. Не имѣя никакихъ *даннѣхъ* ни книжныхъ, ни каменорѣзныхъ, не смѣю говорить, что жители сего города были просвѣщены святымъ крещеніемъ въ царствованіе Константина Великаго, хотя и знаю, что христіане тогда уже были въ ближнихъ къ Кассандрѣ мѣстностяхъ, какъ-то въ Солунѣ, въ аеонской Аполлоніи, и даже въ Пиднѣ (за Солунскимъ заливомъ, почти напротивъ Кассандры), гдѣ за Христа пострадалъ св. мученикъ Александръ въ царствованіе Максиміана*). Въ приморскомъ селѣ Кассандрійской епархіи, называемомъ Агіо-Мама (древній Олинеосъ) на стѣнѣ церкви св. Георгія уцѣлѣла вставленная въ нее Еллинская надпись 379 года нашей Эры. „Διδιάνη Ἀντιγόνα Πρεῖσχος Πρεῖσχος τὸν πάππον αὐτῆς. καὶ Διδιάνην Μύσαν τὴν μάμην αὐτῆς. καὶ Διδιάνον Πρεῖσχος τὸν πατέρα αὐτῆς. καὶ Ἐλπίδιαν Μαγναν τὴν μητέρα αὐτῆς ζῶσαν: μείας χαρίν.—Ἐτους ΘΥ, δίου ιή:—То есть: Дидіана Антигона (почтила) Приска Присковича дѣда своего, и Дидіану Мису бабуку свою, и Дидіана Приска отца своего, и Елпидію Магну мать свою еще живую, 409 года, мѣсяца Дія 18 дня“.—Эта надпись съ 409 годомъ, считаемымъ отъ актійской побѣды Октавія Августа и соотвѣтствующимъ 370 лѣту отъ воплощенія Бога-Слова, доказываетъ, что въ это лѣто въ сосѣднемъ съ Кассандріею Олинеосѣ еще были язычницы, Дидіана Антигона и мать ея Елпидія Магна, и, безъ сомнѣнія, многіе другіе. Тогда же могли быть они и въ Кассандрѣ, какъ были въ аеонскомъ городѣ Діонѣ, гдѣ въ 321 году нашей эры Германъ Иракль идолопоклонникъ заживо изготовилъ себѣ и женѣ своей Діонисіи мраморную гробницу въ мѣсяцѣ Панимувѣ. (Смотр. мою Истор. Аѳона. Ч. 1. §. 31).

Полагаю, что Кассандрійцы приняли христіанство въ цар-

*) Мѣсяцесловъ Вершинскаго. Мѣсяць Мартъ, 13 день. Прологъ.—Acta SS .14 mart.—Мѣсяцесловъ. Васил. 13 и 14 марта.

ствование Теодосія Великаго, когда онъ повелѣлъ запереть всѣ языческія капища. При этомъ государѣ нельзя было имъ обожать камень, спадшій съ неба: напротивъ, надлежало, хотя не хотя, почитать *Камень нерукотѣльный, отъ нѣсколькихъ горы отстѣпленный*. Въ 431 году спустя 35 лѣтъ по смерти Теодосія, у нихъ уже былъ епископъ Ермогенъ. Онъ присутствовалъ въ двухъ вселенскихъ Соборахъ, Ефесскомъ 431 г. и Халкидонскомъ 451 г., и подписалъ опредѣленія ихъ.

Въ 540 году Гунны разрушили городъ Кассандру и всѣ окрестныя селенія, а большую часть тамошнихъ жителей взяли въ плѣнъ. Однако Кассандра была возобновлена и укрѣплена царемъ Юстиніаномъ 1-мъ [Procop. de bello Persico. Vol. 1. pag. 166—168. Vonnae. 1833.—Ejusdem de aedificiis IV pag. 276. 279. 380. Vonnae. 1838.]

Въ 876 году преподобный Евѣимій Аѳоно-солунскій проживалъ въ принадлежащей къ Кассандрійской епархіи слободѣ Ермилии, что у берега Торонскаго залива, и тутъ въ храмѣ св. великомученика Димитрія постригъ въ монашество ученика своего Василя, который впоследствии былъ Солунскимъ епископомъ и написалъ Житіе его. (Истор. Аѳона Ч. III. §. 10).

Въ 887 году Кассандрійская Епископія считалась пятою въ числѣ 12-ти Епископій, подвѣдомыхъ митрополиту Солунскому. (*Σύνταγμα τῶν κανόνων*. Т. V. pag, 478. 'Αθήνησιν. 1855).

Въ 997 году Кассандрійскій епископъ Левъ присутствовалъ при размежеваніи поземельныхъ владѣній Полигирскаго монастыря, принадлежавшаго Аѳоно-Иверской обители, и сосѣднихъ деревень. (Дѣло Солун. судіи Николая Протоспаѳаря въ архивѣ названной обители).

Въ 1307/8 году городъ Кассандра былъ пустъ. Но тогда разбойники Каталанцы съ Турками провели тутъ зиму.—[Nicephor. Gregorae Hist. Byzant. L. VII. c. 6. Т. 1. p. 245. ed. Vonnae].

По завоеваніи греческаго царства Турками (въ 1453 году) извѣстенъ былъ Кассандрійскій архіерей Іоанникій ученіемъ о смерт-

ныхъ грѣхахъ, причиняющихъ безславіе Христовой Церкви. [Le Quien Oriens Christian. Т. II. pag. 77. 78.— „Vir doctissimus Nicólaus Comnenus Papadopoli in Praenotionibus mystagogicis respons. 3. Sect. 6. de infamia num. I. affirmat mortiferum quodlibet peccatum infamiam inferre penes ecclesiam, eam scilicet Rempublicam, Principis, id est Christi majestate per culpam laesa.—Haec uno, inquit, statim impetu certa proponimus ex jure quod nostris (Graecis) Latinisque commune est, quodque nostris unicum in tanta captivitate est, quemadmodum Balsamon ante captivitatem, post captivitatem vero Andreas Pericopus; et Joannicius Cassandrensis episcopus in Meditation. ad Ioannem Athenic. de legibus Caesarum.— Vixit igitur Joannicius post Byzantinorum sub Turcorum tyrannide captivitatem].

Въ 1560 году смиренный епископъ Кассандріи Козма подписалъ рѣшеніе Константинопольскаго Синода объ устраненіи вселенскаго патріарха Іоасафа. [Le Quien. ibidem]. Онъ же въ 1580 году вселенскимъ патріархомъ Іереміею посылаемъ былъ на Аѳонъ, яко екзархъ, для рѣшенія спора лавры и Филоѳея о кельѣ Милопотамской. (Архивъ Филоѳейскій).

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1639 года Лаврентій архіепископъ Кассандрійскій рукоположенъ былъ вселенскимъ патріархомъ Пареніемъ старшимъ, Мелетіемъ Ефесскимъ, Іоанникиемъ Ираклійскимъ, Макаріемъ Терновскимъ, Езекилемъ Амасійскимъ, Акакіемъ Навпактскимъ, Пареніемъ Митилинскимъ, Гавріиломъ Филиппопольскимъ и Дамаскиномъ Визійскимъ. [Le Quien. ibidem.— „Consecrationis eius literas, viri pereruditi Iacobi Goarii nostri manu descriptas, aliasque de illius in Cassandriae throno impositione, in schedis habeo].

Въ 1720 году въ Кассандрѣ святительствовалъ архіепископъ Арсеній. [Le Quien. Ibidem].

Въ путешествіи по Македоніи генеральнаго консула Франціи Кузинери, напечатанномъ въ Парижѣ въ 1831 году, упомя-

нуто, что Кассандрійскій архієпископъ (имркъ) имѣлъ свое пребываніе въ мѣстечкѣ Полигирѣ, и что въ селѣ Агіо—Мамѣ, духовно зависящемъ отъ сего архієпископа, находилась одна церковь св. Георгія съ тремя священниками, а прочія одинадцать церквей, св. Мамонта, св. Димитрія, св. Николая, св. Аѳанасія, св. Іоанна Предчети, св. Христофора, св. Апостоловъ, св. Пророка Іліи, Преображенія Господня (названія двухъ остальныхъ забыты), лежали въ развалинахъ, какъ свидѣтели объ исчезнувшемъ благосостояніи красовавшагося тутъ иѣкогда города Олинеоса.

Вотъ все, что я знаю въ настоящее время о Сидирокавсійскомъ округѣ Македоніи. Пусть другіе пополняютъ мои скудныя свѣдѣнія о немъ: а мнѣ по порядку слѣдуетъ повѣствовать о епархіи Аѳео-аполлонійской, которая впослѣдствіи называлась Іериссовскою. Повѣтствую.

Въ первомъ вѣкѣ христіанскомъ на мѣстѣ нынѣшняго селища Іерисса стоялъ городъ Аполлонія. Это я знаю отъ тогдашняго знаменитаго писателя Плинія. Вотъ его памятка о семь городѣ: „*Lib. IV. c. 10. Mons Athos a planitie excurrit in mare 75 milia passuum. Ambitus radicis centum quinquaginta milia passuum colligit. Oppidum in cacumine fuit Acroathon. Nunc sunt Uranopolis, Palaeotrium, Thyssus, Cleone, Apollonia.*

Въ эту Аполлонію заходилъ св. апостоль Павель по пути изъ Амфиполя въ Солунь, и проповѣдовалъ тутъ Господа Іисуса, но безуспѣшно. (Смотри мою исторію Аѳеона Ч. II. §. 3).

Въ этой Аполлоніи въ 309 году пострадали за Христа святыя мученики, Исавръ діаконъ, Иннокентій, Филиксъ, Ермій, Перегринъ, и съ ними два градоначальника Руфъ и Руфимъ, вѣроятно, одинъ послѣ другаго. (*Ibidem. §. 13.*)

Въ царствованіе Константина Великаго христіанство распространилось и утвердилось на Аѳеонѣ, который составлялъ весьма значительную часть Аполлонійской Епархіи. Тогда—

Въ 325 году построена была первая на самомъ Аѳеонѣ цер-

ковъ во имя св. архидіакона Стефана у города Сколоса на мѣстѣ нынѣшняго Кастамонитскаго монастыря.

Въ 327²/₃ году епископъ Климентъ, присланный изъ Іерусалима на Аѳонъ для крещенія тамошнихъ Цаконовъ, построилъ двѣ церкви, одну въ городѣ Клеонахъ на мѣстѣ нынѣшней Филоеевской обители, а другую въ Карѣѣ.

Въ 329 году, при участіи Константина Великаго, создана была церковь въ Ватопедіонѣ мѣстными жителями. Тогда же Солунскіе христіане близъ сего Ватопеда, на мѣстѣ нынѣшняго Димитріевскаго скита, построили Мартиріонъ во имя св. великомученика Димитрія, пострадавшаго въ Солунѣ.

Въ 336 году въ вышепомянутый городъ Аполлонію рукоположенъ былъ Солунскимъ святителемъ епископъ Макарій. (Ibidem. §. 13).

Въ 36²/₃ году всѣ церкви на Аѳонѣ были разрушены богоотступникомъ Іуліаномъ: а тамошніе христіане съ Епископомъ своимъ Макаріемъ укрывались въ неприступныхъ мѣстахъ этой горы. По смерти Іуліана они съ этимъ же епископомъ возвратились въ свои жилища и возсоздали разрушенныя церкви. Макарій дожилъ до воцаренія Аркадія, или до 395 года, и скоро почилъ о Господѣ въ глубочайшей старости. (Ibidem. §§. 13. 14).

При немъ въ 383 году построена была первая на Аѳонѣ *клерикальная* обитель въ Ватопедіонѣ по случаю спасенія племянника царя Θεодосія Великаго отъ потоппенія въ морской пучинѣ близъ сего города. (Ibidem. §. 17).

Въ промежутокъ времени между 670 и 676 годами Аѳоно-аполлонійская Епархія обезлюдѣла по причинѣ нападеній Аравитянъ, бившихся въ эти годы съ Греками на водахъ Егейскаго моря. Когда же царь Флавій Константинъ Погонать заключилъ съ ними миръ, тогда весь опустѣвшій Аѳонъ съ перешейкомъ этой горы отдалъ во владѣніе монахамъ, которые собрались туда изъ разоренныхъ магометанами областей Греческаго царства. Эти монахи, духовно зависѣвшіе отъ Солунскаго митрополита, во время иконоборства, 726—780 г., крестили поселившихся между ни-

ми Влаховъ Рихиновъ и Сагудатовъ. А съ 830 года по 869-й они, по вышесказанной повторившейся причинѣ, оставили Аѳонъ, и разошлись, кто куда могъ. Уже въ 869 году опять возникъ тамъ первый монастырь, но не на самой горѣ этой, а на перешейкѣ ея. Его построилъ аѳонскій монахъ Іоаннъ Колову, и у царя Василия Македонскаго выпросилъ ему во владѣніе весь околотокъ прежняго Епархіальнаго города Аполлоніи, лежавшаго въ развалинахъ. Этотъ околотокъ надлежало обрабатывать. Явились и работники, такъ называемые по гречески *парики*, т. е. безземельные присельцы, и кромѣ ихъ выходцы изъ города Ерисса, находившагося и нынѣ находящагося на ближнемъ къ Аѳону островѣ Митилинѣ. Эти выходцы, избѣгая плѣна Арабовъ, часто нападавшихъ на островъ ихъ, состроили себѣ небольшое село у развалинъ древней Аполлоніи, и назвали его именемъ прежней отчизны своей, Ериссо. По всей вѣроятности, съ ними пришелъ сюда Епископъ; (881—883 г.) и потому они духовно зависѣли отъ митрополита Митилинскаго, но не надолго *). Ибо при царѣ Львѣ Мудромъ съ 887 года Ериссовская епископія, какъ видно изъ его списка Епархій, состояла уже въ вѣдомствѣ митрополита Солунскаго, и называлась Іериссовскою,—думаю, для отличія отъ епископіи Ериссовскою, что на островѣ Митилинѣ. (Истор. Аѳона Ч. III. §. 15).

Въ царствованіе Романа Старшаго, 919—945 г., село Ериссо въ юридическихъ дѣписаніяхъ стало называться *кастро—крѣпостію*. Это значить, что тамъ стѣны древней Аполлоніи были возобновлены и укрѣплены тогда. Въ околоткѣ сей крѣпости въ 942 году поселены были *склавы*, болгары, христіане; и имъ правительство отдало часть земли Іоанна Колову, приносившую 1000 крупныхъ мѣръ зерна, а самимъ Ериссовцамъ продало ту государственную ластовичную землю на перешейкѣ Аѳона, которую они прежде нанимали у него. (Ibidem. §. 19).

*) Это же самое сказалъ и Леквиенъ въ своемъ Oriens Christianus T. II. p. 99. Ante vero quum Thessalonicensi sedi obnoxius esset episcopus Hierissi, Mitylenensi metropolitae addictus fuerat. Plane in notitia Leonis imperatoris Hierysii Episcopus octavus est sub Thessalonica.

Въ 943 году было полюбовное размежеваніе поземельныхъ имѣній на сказанномъ перешейкѣ, принадлежавшихъ Аѳонскимъ монахамъ и жителямъ крѣпости Ерисса. (Ibidem. §. 20).

Въ іюнѣ мѣсяцѣ 982 года, когда индиктъ былъ 10-й, смиренный епископъ Іериссовскій Θεодотъ подписалъ сдѣлку основателя Аѳоноверской обители Іоанна Ивира съ жителями кастра Ерисса касательно земли ея, называемой Градиска. Тогда въ Ериссѣ жилъ попъ Георгій Болгаринъ, и на оной сдѣлкѣ подписалъ свое имя буквами глаголитскими. (Дѣеписаніе 982 года въ архивѣ Аѳоноверской обители).

Въ 1094 году аѳонскій Протъ Гавріиль докладывалъ царю Алексію Комнину о независимости Аѳона отъ Солунскаго митрополита и Іериссовскаго епископа. На этомъ докладѣ написано было слѣдующее рѣшеніе государя: „Необходимо, чтобы свобода горы была сохраняема, и чтобы она никогда не считалась въ предѣлѣ митрополита, или епископа. Однако необходимо и то, чтобы одинъ епископъ рукополагалъ тамъ іереевъ и діаконовъ. Посему дозволяется особенно сосѣднему съ Горою епископу (Іериссовскому) приходиться туда только во время собраній по призыву Прота, и канонически поставлять іереевъ и діаконовъ, приводимыхъ Протомъ. Но отнюдь не вправѣ онъ, по этому поводу, присвоить себѣ власть Епархіальную, или предпринимать на горѣ что-либо другое, даже благословное. Ибо только одна литургія дозволяется ему на всей горѣ. Быть сему отъ нынѣ и до вѣка“. (Истор. Аѳона. Ч. III. §. 45).

Въ 1142 году Іериссовскій епископъ Василій, родомъ Фокеецъ, вмѣстѣ съ клириками своими, протопопомъ Николаемъ, іереемъ Михаиломъ и съ прочими, присутствовалъ при обмежеваніи границъ метоха Зографскаго монастыря на Аѳонскомъ перешейкѣ въ околотѣ Ериссовскомъ. (Смотри Сигилліонъ Маріи Цусмы въ актахъ названнаго монастыря).

Въ 1151 году, когда индиктъ былъ 14-й, этотъ же Василій свѣрилъ съ подлинниками, хранившимися въ аѳонскомъ Про-

татѣ, копіи приказовъ и писемъ царя Алексѣя Комнина къ вселенскому патріарху Николаю и къ повременнымъ Протамъ Аѳона. (Смотри № 78-й въ оправданіяхъ моей исторіи Аѳона, ч. III).

Эти же копіи, во второй разъ переписанныя, сличенныя и во всемъ съ подлинными согласныя подписалъ смиренный епископъ Іериссовскій Григорій. Года нѣтъ. (Смотри тотъ же № 78-й). Τὰ παρόντα ἴσα ἀπὸ τῶν πρωτοτύπων ἴσων διὰ δευτέρας φοράς μεταγραφέντα, ἀντιβληθέντα τε καὶ κατὰ πάντα ἴσα τοῖς πρωτοτύποις εὐρεθέντα ὑπεγράφησαν παρ' ἐμοῦ.

Ὁ ταπεινὸς ἐπίσκοπος Ἱερισσοῦ Γρηγόριος.

Въ 1199 году Іериссовскимъ епископомъ былъ Іаковъ. Онъ упомянутъ въ хрисовулѣ царя Алексія Комнина, данномъ въ этомъ году Хиландарскому монастырю.

Въ двѣнадцатомъ вѣкѣ Грузинскіе цари и вельможи ихъ поселили около Іерисса сорокъ два Грузинскія семейства для услуженія Аѳоноверскимъ монахамъ, для пасенія скота ихъ и для земледѣлія и винодѣлія въ имѣніяхъ ихъ, какъ на Аѳонскомъ перешейкѣ, такъ и въ другихъ мѣстахъ. Время смѣшало ихъ съ Греками и измѣнило языкъ ихъ. (Это сообщено мнѣ Грузиномъ Іосселіаномъ, который издалъ краткую исторію Грузинской церкви на русскомъ языкѣ, и посѣтилъ Аѳонъ).

Для вышепомянутыхъ семействъ Аѳоноверскій монастырь въ 1262 году, въ царствованіе греческаго государя Михаила Палеолога, построилъ небольшой храмъ близъ Іерисса во имя св. Николая чудотворца. Въ 1858 году я видѣлъ развалины его, и среди ихъ Грузинскую надпись на малой мраморной плитѣ. Вотъ она:

И вотъ переводъ ея:

„Въ годъ 7000, въ Боговѣнчанное царствованіе Михаила „Палеолога построенъ (храмъ) Грузинами“.

Ранѣе 1262 года въ Аѳоноіериссовской епархіи произошло крупное событіе, которое и разсказывается здѣсь съ речательствомъ за историческую достовѣрность его.

„Въ первой половинѣ XIII-го вѣка, съ 1221 года по 1245-й, Аѳонъ съ епархіальнымъ городомъ его Іериссо находился подъ властію Болгарскаго царя Асѣня II-го. „Этотъ царь, какъ читается въ одной Аѳоно-Ватопедской рукописи древней—старался „учредить патріаршество въ своемъ мѣстѣ (въ Загорьѣ), и потому много принуждалъ къ сему Церковь (Греческую), такъ что „пересталъ давать ей подать, *ἐνδοσίμων*; и было оповѣщено быть „мѣстному патріарху въ Загорьѣ. Первымъ патріархомъ тамъ „поставленъ былъ Григорій, бывшій митрополитъ Филиппопольскій. Онъ рукоположилъ и митрополита въ Солунъ вопреки канонамъ, и употребилъ все стараніе, чтобы и Іериссовскаго Епископа сдѣлать митрополитомъ, желая отнять у поставленнаго „имъ Солунскаго митрополита Михаила, по прозванію Протана, „завѣдываніе сею Епископіею. Но Солунскій вступился за свои „права, и явился къ царю (Асѣню) съ жалобою на своего патріарха. Къ тому же и монахи, подвизающіеся на св. горѣ

„Аѳонской, собрались въ числѣ 3000, всѣ почетные и давно
„преуспѣвшіе въ отшельничествѣ и въ подвигахъ духовныхъ, и
„не принимая ни патріарха (Загорскаго), ни рукоположеннаго имъ
„митрополита Солунскаго, не желая также, что бы епископъ,
„или митрополитъ Іериссовскій рукополагаемъ былъ симъ патрі-
„архомъ, или Михаиломъ Протаномъ, отправились къ царю
„(Асѣню), который въ то время находился въ Каллиполѣ по слу-
„чаю бракосочетанія своей дочери Елены съ сыномъ приснопа-
„мятнаго царя Кирь Іоанна Дуки Ватаци, гдѣ присутствовалъ
„и патріархъ Константинопольскій Кирь Мануиль, бывшій ми-
„трополитъ Ефесскій, и по этому дѣлу просили суда, и сильно
„говорили обоимъ царямъ и Константинопольскому владыкѣ, какъ
„противъ патріарха Загорскаго, такъ и противъ упомянутаго Со-
„лунскаго, и представили, кромѣ другихъ оправданій (*δίκαια*),
„однажды на всегда состоявшійся приказъ, съ привѣщенной къ
„нему восковою печатію, приснопамятнаго между царями Кирь
„Алексѣя Комнина. Сіи монахи вполне оправдались. Ибо въ
„ономъ приказѣ сказано было, что *Епископъ Іериссовскій не*
„*имѣетъ никакого права на святой гортъ*. Тогдашній Константи-
„нопольскій съ постоянно пребывающимъ при немъ соборомъ
„архіереевъ произнесъ судъ согласный съ содержаніемъ упомя-
„нутаго царскаго приказа. — Что же касается до Загорскаго па-
„тріарха, то рѣшено было: отнюдь не вмѣшиваться ему въ ми-
„трополию, не подлежащую его вѣдомству, и не совершать хи-
„ротоніи, и никакого церковнаго дѣянія не составлять. А то-
„гдашній митрополитъ Филадельфійскій предлагалъ даже низло-
„жить патріарха Загорскаго. Но такъ какъ царь Асѣнь насто-
„ялъ, чтобы не низлагали его, то рѣшили низложить одного Со-
„лунскаго митрополита, какъ рукоположеннаго противъ канона и
„безъ согласія Константинопольскаго архіепископа: что и состо-
„ялось. — Послѣ сего Константинопольскій, еще въ присутствіи
„обоихъ царей, тотчасъ собралъ голоса и рукоположилъ въ Со-
„лунь святѣйшаго митрополита Кирь Мануила Дисипата, кото-
„рый впоследствии сдѣлался исповѣдникомъ“.

„Все это дѣло, произведенное, конченное, утвержденное и „обезопасенное подписью Константинопольскаго патріарха и су- „щихъ при немъ архіереевъ, скрѣпили оба царя багряными под- „писями, и повелѣли соблюдать его во все вѣки: что неложно „предалъ письмени великій Логоѣтъ Акрополитъ, который на- „чалъ свою лѣтописную исторію отъ взятія Константинополя „Латинами“.

Примѣчаніе. Акрополитъ не упомянулъ о пришествіи Свя- тогорцовъ въ Каллиполь и о жалобѣ ихъ царямъ, Греческому и Болгарскому, а только повѣдалъ, что оба эти царя имѣли сви- даніе въ названномъ городѣ по случаю бракосочетанія дѣтей ихъ, которое и совершено было патріархомъ Германомъ, но уже не въ Каллиполѣ, а въ Лампсакѣ, и присовокупилъ, что тогда и Терновскій архіерей, прежде зависѣвшій отъ Константинополь- скаго владыки, почтенъ былъ автономією (*αὐτονομία τετίμηται*) и провозглашенъ патріархомъ по царскому и синодальному опре- дѣленію, состоявшемуся въ угодность Асѣню ради бракосочета- нія и дружбы его съ Греческимъ Царемъ (*Georgii Acropolitae Annales. Ed. Bonnæ. Cap. 33. pag. 54, 55*).

По сличеніи сего Акрополитова сказанія съ вышеизложен- ною Ватопедскою записью оказывается вотъ что. Болгарскій царь Асѣнь еще въ началѣ своего самодержавія (до 1226 года) само- властно сдѣлалъ и провозгласилъ патріархомъ въ Болгаріи Фи- липпольскаго митрополита Григорія. А этотъ самовластно посвя- тилъ въ Солунь митрополита Михаила Протана, тогда какъ Со- лунская митрополія зависѣла отъ Константинопольскаго патрі- арха, и кромѣ того Аеоноіериссовскому епископу далъ санъ ми- трополита. Такое неканоническое дѣяніе его понудило Аеонокскихъ монаховъ жаловаться на него царямъ Греческому Іоанну Ватаци и Болгарскому Асѣню, которые съѣхались въ Каллиполѣ для бракосочетанія дѣтей своихъ. Это происходило въ 1225 году. Тогда вселенскимъ патріархомъ былъ Мануилъ Сарандянъ Хари- топулъ. При немъ шли переговоры о бракосочетаніи, которое совершилъ уже преемникъ его Германъ въ 1226 году, и объ

учрежденіи самоглавнаго, независимаго патріарха Болгарскаго, что и состоялось. При немъ соборно низложенъ былъ Михаилъ Пратанъ, и на мѣсто его посвященъ Мануиль Дисипать, а Аѳону соборно же возвращена была давняя независимость его отъ митрополита Солунскаго и отъ владыки Іериссовскаго, который съ той поры остался въ санѣ епископскомъ, а не митрополичьемъ.

Въ 1290 году Болгарскіе и Сербскіе монахи, святогорцы, тягались за садовое мѣсто (*κηποροτόπιον*) близъ Іерисса находящееся на такъ называемой Лустрѣ, оспаривая оное другъ у друга. Но Іериссовскій епископъ Θεодосій рѣшилъ тяжбу въ пользу Болгарскихъ монаховъ Зографской обители. (Смотри у меня архивъ ея).

Въ 1348 году Іериссовскій Нифонъ подписалъ протатское дѣло о продажѣ Хиландарской Лаврѣ луга и монастырька Никольскаго у деревни Комитиссы на Аѳонскомъ перешейкѣ. (Архивъ Хиландар.).

Въ 1351 году онъ же участвовалъ въ бывшемъ на Аѳонѣ Соборѣ іерарховъ, который оправдалъ тамошняго іеромонаха Нифона, обвиненнаго въ ереси Массалианской.

Послѣ этого событія прошли 17 лѣтъ. Тогда опять возникли непріятности между царскими Аѳонцами и смиреннымъ Іериссовскимъ епископомъ ихъ. Этотъ епископъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1368 года подалъ прошеніе Константинопольскому патріарху и синоду его, въ которомъ жаловался, что Протъ св. горы аѳонской принимаетъ въ монастыри рукоположенныхъ Сербскими архіереями, тогда какъ эти архіереи не хѳтятъ подчиняться великой Церкви Христовой въ Константинополѣ; кромѣ сего онъ, Протъ, вынесъ изъ Карейской церкви епископскую кафедру его, и не дозволяетъ ему ни священнодѣйствовать, ни держать въ рукахъ архіерейскій посохъ, ни поминать имя его прежде имени Прота, и даже приходитъ на св. Гору безъ его согласія, и совершаютъ рукоположенія. Это прошеніе было выслушано вселенскимъ владыкою Филоѳеемъ и архіереями, Кесарійскимъ, Ефесскимъ, Кизическимъ, Халкидонскимъ, Визійскимъ, и Врисеосскимъ, и рѣ-

шено: Боголюбезнѣйшему епископу Териссовскому безпрепятственно приходитъ на св. Гору, когда захочетъ, держать въ рукахъ пастырскій жезлъ въ Кареѣ, какъ и во всякомъ другомъ мѣстѣ, имѣть тамъ свое сѣдалище (*καθίσμα*), какое издревле имѣлъ всякій епископъ св. Горы, вспоминать свое имя прежде имени Прота, совершать рукоположенія надъ тѣми иноками, которыхъ изберутъ игумены и іеромонахи въ большихъ монастыряхъ, такъ же рукополагать, свѣдома Прота, и келліотныхъ и скитскихъ монаховъ, и вообще, безпрепятственно совершать всякое архіерейское дѣяніе на всей святой горѣ, и не быть судиму ни Протомъ, ни кѣмъ либо другимъ; что касается до рукоположенныхъ Сербскими архіереями, то не принимать ихъ въ святогорскіе монастыри, пока Сербы не подчинятся Великой Церкви Божіей, и пока не возвратятся отправленные къ нимъ послы съ извѣстіемъ о подчиненіи ихъ. Мѣсяца апрѣля, индикта 6-го, года 6876=1368. (*Acta patriarchatus Sropolitani. Tom. I. Vindobonae. 1860*).

Около 1369 года Териссовскимъ епископомъ былъ Давидъ и судился съ Зографами у деспота Иоанна Углеша. (Смотри архивъ Зографа).

Въ 1371 году тотъ же вселенскій патріархъ Филоѳей писалъ Териссовскому епископу: „Аѳонская Лавра сама съ собою немирна: какъ же она помирится съ тобою? Добрые люди не мирятся съ Лаврою. Когда,—Богъ дастъ,—Лавра примирится съ собою, я разумѣю миръ Христовъ;—тогда будемъ писать и Мы; и Наши писанія будутъ приняты; тогда и ты помирись съ этою Лаврою. Благодать Божія да будетъ съ тобою“. (*Ibidem*).

Въ 1399 году Териссовскій епископъ Софроній вмѣсто Ливадогенійскаго монастырька на Аѳонѣ, разореннаго Сарацинами, построилъ другой новый съ церковію во имя архангеловъ Михаила и Гаврііла (Архивъ Дохіарскій).

Въ 1442 году Териссовскимъ епископомъ былъ Никандръ. Тогда онъ подтвердилъ духовное завѣщаніе монахини Агаѳии,

коимъ она пожертвовала Аеоноксиропотамскому монастырю двѣ деревни въ Сидирокавсіи, Палеохори и Гизворо.

Въ 1528 году въ Іериссѣ святительствовалъ Макарій и подписался подъ Протатскимъ дѣломъ въ Дохіарѣ.

Въ 1546 году онъ же упомянутъ въ зографической надписи соборнаго храма Аеоноставроникитскаго монастыря.

До 1547 года городъ Іериссо походилъ на большую деревню. Но въ этотъ годъ, или немножко ранѣе, Турецкое правительство окружило ее стѣною и укрѣпило для безопасности отъ пиратовъ. (Les Observations Petri Bellonii. Paris. 1555 с. 39.—„Il n'y a pas longtemps, que Hierizos n'était qu'un grand village; mais depuis 8 ans le grand Turc l'a fait enclorre de muralle et fortifier, par la crainte de pyrates“.

Въ 1564 году смиренный митрополитъ Іериссовскій и святогорскій *Давидъ* подписалъ опредѣленіе Константинопольскаго Синода объ устраненіи вселенскаго патріарха Іоасафа. (Crusii Turco-graecia L. II. p. 174).

Въ 1569 году Іериссовскій епископъ и предстоятель святой горы *Евгеній* писалъ письмо 20 марта Эрцгерцогу Карлу, въ которомъ изложилъ: какъ онъ выкупилъ имѣнія своей епископіи у Турецкаго Султана, уплативъ ему 5000 златиць, взятыхъ у родственниковъ подъ залогъ имѣній и священныхъ сосудовъ“. Praeterito quidem tempore, Dux illustrissime, magnus Turca, qui Constantinopoli, permittente Deo, regnat, unà cum urbibus sibi subjectis, proposuit edictum severum in toto imperio suo, ut redditus omnium. Ecclesiarum et monasteriorum vendantur, quot quot in ipsius imperio inveniuntur. Haec autem venditio tantum usque ad tertiam ipsius generationem durare debet. Post tertiam autem generationem vendentur rursus. Haec quum faciat, malus animus eius cernitur, quod minetur deletionem sanctorum templorum unà cum christianis, qui sub ipsius imperio habitant. Pervenerunt itaque ad nos usque hae minae et tristissima servitus. Idcirco quinque millia aureorum numeravimus. Cum autem non haberemus, omnes nostros redditus et sacra vasa oppigneravi-

mus, ut tantum colligeremus et persolveremus, non sine detrimento, sed cum foenore sicut foeneratoribus usitatum est accipere quotannis usuras, donec sortem recipiant“. (Le Quien Oriens. Christ. T. II. p. 100—102).

Ранѣе 1580 года Іериссовскимъ епископомъ былъ Игнатій. Онъ въ 1581 году подъ однимъ дѣломъ монастыря Симопетрсакаго подписался уже какъ „бывшій Іериссовскій“.

Въ 1580 году Іериссовскій Акакій вселенскимъ Іеремію посылаемъ былъ на Аѳонъ въ качествѣ экзарха для рѣшенія спора Лавры и Филоѳея за Милопотамъ. (Архивъ Филоѳейскій).

Въ 1620 году въ Іериссѣ былъ епископъ нмярекъ. Къ нему писалъ вселенскій Тимоѳей. (Архивъ Дохіарскій).

До 1677 года въ Іериссѣ святительствовалъ Христофоръ, а въ этомъ году купилъ кусокъ земли у Аѳоноруссика подлѣ пристани ихъ у моря, построилъ тутъ храмъ Воскресенія Христова и кельи по благословенію вселенскаго патріарха Діонисія, и тутъ упокоился. (Извлечено изъ актовъ Руссика).

Около 1720 года Іериссовскимъ епископомъ былъ *Даніилъ*. Oriens Christ. loco citato).

Въ 1829 году французскій консулъ Кузинери издали видѣлъ въ Низворѣ Іериссовскаго епископа, заботившагося тогда о погребеніи зачумленныхъ, но не назвалъ его по имени.

Въ 1858 году въ Іериссѣ святительствовалъ Іоанникій, а жилъ въ Низворѣ.

Кончено мое (вставочное) повѣствованіе объ Іериссовской епархіи, и. опять начинается описаніе моего путешествія на Аѳонъ.

II. Суббота.—Изъ Ватопедскаго метоха я выѣхалъ утромъ въ шесть часовъ, и черезъ нѣсколько минутъ по косогорью спустился въ Ксерксовъ каналъ. Не узкая, но и не очень широкая глубина его съ пологими земляными сторонами обозначалась весьма ясно при наглядномъ соразмѣреніи ея съ смежными высотами.

Покатость боковъ сего канала доказала мнѣ, что въ этомъ мѣстѣ копали его Финикіяне, избѣгавшіе отвѣсности сторонъ его, дабы онѣ не обвалились, какъ это было тутъ же въ другихъ мѣстахъ, прокапываемыхъ другими работниками. Направленіе канала отъ Стримонскаго залива къ заливу Сингитскому въ самомъ узкомъ мѣстѣ Аеонскаго перешейка не видно было мнѣ. Но оно хорошо обозначено на картѣ сего перешейка, составленной Шуазелемъ Гуфье, и помѣщенной въ моемъ живописномъ обзорѣни Аеона. Смотрите на эту карту; и вы увидите, что каналъ не въ прямомъ направленіи тянулся отъ залива до залива, между возвышенностями, вѣроятно, насыщенными, мимо нынѣшняго Хиландарскаго метоха, и соединялся съ устьемъ безымянной рѣчки. Теперь воды въ немъ не было, потому что давнее время засыпало его обвалами: а кажется, и люди потрудились завалить его, дабы избѣжать нападений Арабовъ, которые въ теченіи вѣковъ, седьмаго, осьмаго и девятаго, часто нападали на Аеонъ. По засоренному руслу сего канала, въ прошломъ столѣтїи, одинъ греческій пиратъ, преслѣдуемый Турецкимъ военнымъ кораблемъ, ночью перетасилъ свое легкое судно на деревянныхъ катышахъ съ Стримонскаго берега на берегъ Сингитскій, и такимъ образомъ одурачилъ сторожившихъ и простерегшихъ его Турковъ *). Олеги и Магометы, перетаскивающіе по сухому пути суда мореходныя, не переводятся. И еще будутъ подобныя, удалыя предпріятія! *Necessitas gignit ingenium.*

За Ксерксовымъ каналомъ дорога до первой высоты Аеона, называемой Мегали Вигла, пролегаетъ у самаго берега Стримонскаго залива. Тутъ нѣтъ ничего замѣчательнаго. Тутъ видѣлъ я только слабые остатки развалинъ города Уранополя, построеннаго Алексархомъ братомъ Македонскаго царя Кассандра. (317—298 г. до Р. Х.), да еще метохъ Иверскій, прозываемый Пиргудіа, и стоящій, я думаю, на мѣстѣ богини Екатеи Пиргидійскоѣ, и подворье Хиландарское, мелькавшее вдали, и ничего бо-

*) Voyage dans la Macedoine par Cousinery. Paris. 1831. Tom II. pag. 154.

лѣе. Тутъ на мѣстности, называемой Комица, догналъ насъ какой-то послушникъ. На своемъ мулѣ онъ везъ живыхъ гусей. Увидѣвъ ихъ, я спросилъ его: Отче, для кого везешь ты этихъ бѣлыхъ гусей? Для нашихъ котовъ: отвѣтилъ онъ.—Я продолжалъ: А что, отче? Коты у васъ двуногіе? въ кукуляхъ и мантияхъ? Послушникъ посмотрѣлъ на меня пристально и спросилъ: Кто ты такой? Я сказалъ ему, что я человѣкъ божій и человѣкъ народный. Выслушавъ такой отвѣтъ мой, онъ стегнулъ своего мула и побѣжалъ впередъ на четырехъ ногахъ его. А мой послушникъ Михаилъ проговорилъ мнѣ: ну, батюшка, вы дали ему такую задачу, которой не разрѣшатъ всѣ Аѳонцы, поѣвши гусятинки.

У подошвы Мегаловиглійской высоты, отъ которой далеко въ море протягается отрогъ ея, называемый Стелляри, устроенъ при самой дорогѣ каменный струйникъ для утоленія жажды путниковъ. Изъ него текла сладкая вода. А называютъ его Фушкино. Полагаю, что тутъ, во время оно, стояло капище рыбаковъ, посвященное морскому божку Форкину, котораго Исѳодъ считалъ сыномъ Понта и Земли, и дочери его Нимфѣ *Θόωσς*, обозначающей быстрое движеніе моря. По лексиконной замѣткѣ Исихія (*Hesych. lexic.*) Форкинъ означалъ еще и плетенку изъ тростника, которою ловится рыба: *τινὲς δὲ καὶ τὸν ἀλιευτικὸν χύρτον ἀποδιδοῦσιν*. А у этой мѣстности, о которой идетъ рѣчь, дѣйствительно хорошо ловится рыба въ морскомъ заливѣ, который называется Франколимена, т. е. пристань Франковъ. Кстати объясню и это названіе. Оно напоминаетъ о владѣніи тутъ того злаго Франка, который на противоположной сторонѣ Мелаги—Виглы, у берега Сингитскаго залива, построилъ крѣпость, понынѣ называемую Франкбастро, и отсюда громилъ и душилъ Аѳонскихъ монаховъ, такъ что Римскій папа Иннокентій III въ письмѣ своемъ къ Аѳонскимъ монахамъ отъ 12 января 1214 года назвалъ его врагомъ Бога и Церкви. *Epist. II. p. 829. ed. Val.* Подлѣ Франколименскаго залива вся плоская низменность называется Комица, а иными—Гумица, потому что она нѣкогда (ранѣе онаго

злаго Франка) принадлежала какой-то госпожѣ Комитиссѣ. Эта госпожа, знать, была почему-то славна; ибо именемъ ея нарѣченъ и самый заливъ Golfe de Contesse, и понынѣ такъ называется на многихъ картахъ Аѳона.

Отъ струйника Фушкино тропа повела насъ на крутую высь Мегаловиглійскую, а съ перевала этой выси тамъ, гдѣ къ ней прилегаеть отрогъ Стелляри, какъ къ плечу прилегаеть рука, протянутая горизонтально, свела насъ по крутоярыю на береговую сторону Аѳона, которая тутъ называется Большимъ Зигомъ, въ отличіе отъ Зига малаго, тянущагося отъ Мегали—Виглы, вдоль Сингитскаго залива, къ материку Сидирокавсійскому. Вся эта сторона весьма лѣсиста. Отъ хребта названнаго Зига стелются къ морю многіе горные отроги, и между ними глубятся юдоли, болѣе—менѣе широкія *). Въ устьѣ первой юдоли стояла хозяйственная келья Хиландарскаго монастыря: юдоль эту мнѣ назвали: *Гади*. Ежели это названіе—древле-Еллинское, ΑΔΗΣ, ΑΪΔΗΣ, то надобно полагать, что тутъ стояло капище, посвященное подземному божку Аду, или Анду, судьѣ усопшихъ, которому Еллины воздавали божеское почтеніе. Такъ напр. Аидъ, по сказанію Павзанія (Lib. VI. 25. 2.) въ городѣ Елисѣ имѣлъ свой храмъ, который, какъ и капище Діониса въ Аѳоннахъ, отворялся однажды въ годъ, и входилъ въ него только одинъ жрецъ. Изъ Адовой юдоли я ѣхалъ уже по самымъ окраинамъ горныхъ отроговъ и отрожковъ вблизи моря, поднимаясь и спускаясь, какъ говорится, съ горки на горку, и по этой дорогѣ видѣлъ, сперва, юдоль Папарники, въ которой древле стоялъ монастырекъ Миници, потомъ юдоль Калицу, гдѣ понынѣ замѣтны развалины древней обители какого-то Каллика, а выше ихъ видна церкваца во имя св. Димитрія. Дорога тутъ не опасна, но утомительна.

Далѣе поѣздъ мой, ровно въ полдень, миновалъ таможенную сторожку, торчащую на мѣстѣ древнѣйшаго монастырька Симеона Вороскона, отъ котораго уцѣлѣла, помнится, одна стѣна, и

*) Смотри ихъ на моей картѣ нынѣшняго Аѳона.

та низенькая. Тутъ есть источникъ сладкой воды. Что касается до прозванія онаго монастырька, то оно, по нашему, значитъ *сѣверная стража* βόρειος σκοπός, и доказываетъ, что тутъ издревле, до поселенія монаховъ на Аѳонѣ, помѣщалась береговая стража, и, вѣроятно, зажигала ночной огонь, дабы мореходцы, плывущіе въ Ериссо, держали рули свои гораздо правѣе опаснаго Аѳонскаго мыса Стеллярп. У Омира въ Одиссеѣ (XVI, 365) σκοποί означаютъ тоже самое: "Ἦματα μὲν σκοποί ἴζον ἐπ' ἀκρίας ἠντημοέσσας, т. е. *днемъ стражи стояли на высотахъ обуреваемыхъ вѣтрами*. И сторожевая видѣнная мною мѣстность дальше другихъ окрестностей своихъ вдается въ море, слѣдовательно больше ихъ подвергается вѣтрамъ и тревоженіямъ, и потому требуетъ мореходной осторожности. Когда монахи въ первый разъ поселились на опустошенномъ Аѳонѣ, тогда сподвижникъ ихъ Симеопъ воспользовался старымъ Вороскопомъ и устроилъ тутъ свою небольшую обитель, которая отъ того и прозвалась Вороскоповою. На этой мѣстности таможенные люди не осматривали меня, не знаю, по какой милости, и я спокойно продолжалъ свой путь, поднимаясь отъ сосѣдняго моря на высокій и крутоярый отрогъ, называемый Мѳливо. На немъ высится особый конусный холмикъ: это угасшій свидѣтель незапамятнаго горѣнія Аѳона, о которомъ преданіе сохранилъ намъ Овидій въ своихъ *Метаморфозахъ* (Ovid. Metamorphos. 2. II). Названіе этого волканическаго холмика, Мѳливо, нельзя производить отъ Славянскаго слова, *молюсь*, потому что тутъ никогда не было никакой христіанской церкви или обители, ни Болгаро-Сербской, ни Русской. Въ Моливѣ мнѣ слышится испорченное древними жителями Аѳона Цаконами Еллинское рѣшеніе ΟΜΟΛΩΪΟΣ; и я полагаю, что на сказанномъ холмикѣ стояла статуя Зевеса, прозываемаго Еллинами, ὁμολώϊος: что значитъ *собирающій воедино, соглашающій*. Зевесъ подъ такимъ названіемъ почитаемъ былъ въ Віотіи и Θεσσαλίи. (Pausan. IX. Stephan. Byzant. Ζεὺς ὁμολώϊος τιμᾶται ἐν Βιωτίᾳ).—Мѳливо манило меня на островерхое темя свое для изслѣдованій. Но я до другаго времени отложилъ посѣщеніе этого землянаго подножія небеснаго

Зевеса и торопко проѣхаль въ ближній монастырь Есфигменскій мимо монастырька св. Василя, омываемаго волнами морскими, и съ виду весьма похожаго на средневѣковый замокъ съ зубчатыми стѣнами.

Въ Есфигменѣ старцы приняли меня, какъ своего брата о Господѣ. Было еще свѣтло; и я до отдыха успѣлъ написать два письма о моемъ прибытіи на Аѳонъ, одно къ нашему посланнику при Оттоманской Портѣ Владиміру Павловичу Титову, а другое въ Петербургъ къ директору Константину Степановичу Сербиновичу.

Кончивъ письма, и отдавъ ихъ Есфигменцамъ для препровожденія въ Солунь къ тамошнему консулу нашему, я еще успѣлъ набросать въ дорожномъ дневникѣ своемъ слѣдующія строки:

„Бду на Аѳонъ христіанскій, а по дорогѣ невольно вспоминаю о божествахъ языческихъ, объ Екатеѣ Пиргидійской, о Венераѣ Ураніи, которую Аѳонцы чтили въ своемъ Уранополѣ, о морскомъ Форкинѣ и дочери его *Θοωσѣ*, объ Андѣ и Зевесѣ Омолойскомъ, и въ добавокъ объ Еллинскомъ Вороскопѣ подобномъ *Скопамъ—стражамъ*, упоминаемымъ еще Омиромъ въ его Одиссеѣ. Пригодился же мнѣ классицизмъ, прилежно изученный мною еще въ Одессѣ и Вѣнѣ. Пригодилась мнѣ эта корзина съ вишнями и виноградными гроздами.

III

Мое пребываніе въ монастырѣ Русскомъ и поѣздка въ монастырь Иверскій.

Августъ. 1845 г.

12. Воскресенье.—Всю ночь подъ этотъ день я проспалъ, какъ витязь утомленный верховою ѣздою по горамъ и дебрямъ, а про-

будившись перекрестился и сказалъ себѣ самому: поѣду я въ Русскій монастырь, и съ него начну обзорѣніе и изученіе Аѳона.

Сказано и сдѣлано. Въ десять часовъ дня проводники повели поѣздъ мой сперва по крутой горѣ супротивъ Есфигмена, по потомъ перевели насъ на противоположную сторону ея. Тутъ скоро спустились мы въ юдоль, ведущую къ монастырю Зографскому. Лѣсиста и тѣниста юдоль эта. Большая часть ея принадлежитъ названному монастырю, подлѣ котораго дорога вывела насъ къ морю, и по берегу его, мимо обители Дохіарской и Ксенофской, привела въ желанный Русикъ. Въ два часа по полудни я вступилъ въ эту священную обитель. Греческіе и Русскіе старцы приняли меня почетно и любезно, и помѣстили весьма удобно на половинѣ греческой.

13. Понедѣльникъ.—Вчера вечеромъ и сегодня занимали меня здѣшніе властные и невластные старцы, какъ то игумень Герасимъ, писмоводитель монастыря іеродіаконъ Иларіонъ, архимандритъ Прокопій Дендрино, и духовникъ русскихъ иноковъ Іеронимъ.

Игумень Герасимъ очень старъ, но еще бодръ, крѣпокъ и свѣжъ, и въ добавокъ мясистъ. Лице у него весьма бѣло и румяно, борода рѣдкая и вся сѣдая, обличіе славянское. Мнѣ говорили, что онъ не грекъ, а Болгаринъ. Должно быть такъ. Духовная жизнь его мнѣ неизвѣстна; а учености у него нѣтъ никакой. Онъ молчаливъ и сдержанъ или по природѣ, или по сознанію своего недостойнства.

Іеродіаконъ Иларіонъ, служившій при Солунскомъ митрополитѣ, еще молодъ, но сухошавъ; узкое лице у него желто, борода мала и рѣдка; поступъ смиренный. Онъ уменъ, и кой чему учился. Русскихъ любитъ.

Прокопій Дендрино, грекъ мускулистый, съ голосомъ басистымъ, деревяннымъ, носитъ подрясникъ и короткую рясу изъ толстаго сукна темнокоричневаго цвѣта, тогда какъ у игумена, у Иларіона и у другихъ монаховъ (не всѣхъ) одежды были цвѣта темносиняго.

Онъ напечаталъ и издалъ въ свѣтъ слѣдующія сочиненія:

- 1) Εἰσαγωγή εἰς τὰς Γραφάς: Введение въ св. Писаніе.
- 2) Ἐγκόλπιον ὑπὲρ τῆς Θεοτόκου καὶ τοῦ ζωοποιοῦ σταυροῦ: Нагрудникъ (сердечное витѣйство) о Богородицѣ и животворящемъ крестѣ;
- 3) Περὶ τῆς καταγωγῆς τοῦ πρωτοπατορικοῦ ἁμαρτήματος: о наследственности прародительскаго грѣха;
- 4) Ἐρὰ κατήχησις: священный катихизисъ.

А не изданы имъ: 5) Χριστιανικὴ διδασκαλία διαλογικὴ—христианское ученіе въ разговорахъ; 6) Περὶ τοῦ προορισμοῦ—о предопредѣленіи Божиємъ; 7) Περὶ τοῦ μυστηρίου τῆς εὐχαριστίας—о Таинствѣ Евхаристіи; 8) Κατὰ Ἰουδαίων—Противъ Иудеевъ.

Печатныхъ сочиненій его я не читалъ, а изъ рукописныхъ пробѣжалъ „о *Предопредѣленіи*“ и „*противъ Иудеевъ*“; и спѣшу сказать, что хорошо онъ сдѣлалъ, что не печаталъ эту прескучную схоластику свою. У отца Прокопія—голосъ деревянный, да и слогъ дубовый. Разсужденія его—такъ же вкусны, какъ желуди.

Иеромонахъ Иеронимъ, родомъ изъ Стараго Оскола, тамошній мѣщанинъ, страждущій отъ грыжи, высокій ростомъ, тонкій, рыжій, благообразный, отличается здоровымъ умомъ, твердостью воли, искреннимъ и глубокимъ благочестіемъ, даромъ духовнаго слова, внутреннею молитвою, ощущеніемъ сладости ея, и даже мистическими пріемами въ часы келейнаго моленія, какъ то задерживаніемъ воздуха въ груди, сосредоточеніемъ Иисусовой молитвы въ сердцѣ, и распростертіемъ всего тѣла на полу въ видѣ креста съ лицомъ, обращеннымъ къ полу. Я уважалъ его: а онъ ласкался ко мнѣ, и,—спасибо ему,—общался склонить игумена и писмоводителя его къ тому, чтобы мнѣ выданы были всѣ старинныя Дѣписанія монастыря для прочтенія, такъ какъ я открылъ ему свое благое намѣреніе написать дѣльную исторію Аѳона.

14. Вторникъ.—По совѣту отца Иеронима сегодня я отправился въ Иверскій монастырь, дабы отпраздновать тамъ Успеніе Богоматри и присмотрѣться къ торжественному Богослуженію на Аѳонѣ. Мнѣ подвели большаго чернаго мула и шепнули, что на

немъ Великій Князь Константинъ Николаевичъ ѣздилъ по Аѳону отъ обители до обители. Я промолчалъ, вынимая изъ-за пазухи листъ бумаги для черченія на немъ горной мѣстности, начиная отъ Руссика до Иверскаго монастыря. Поѣздъ двинулся сперва вдоль восточной стѣны гостепріимной обители, а потомъ обогнувъ сѣверовосточный уголъ ея, началъ подниматься на гору и поднимался выше и выше, пока очутился на равнинѣ, гдѣ стоятъ развалины стараго русскаго монастыря. Тутъ я спѣшилъ и вошелъ внутрь его, но увидѣлъ только голую ограду да фундаментъ бывшаго соборнаго храма и угловую башню пустую; потомъ снаружи осмотрѣлъ всю эту развалину, кое гдѣ поросшую плушемъ, взглянулъ на мимо текущую мутную рѣчку и на окрестныя высоты, покрытыя дремучимъ каштановымъ лѣсомъ, и сказавъ себѣ самому, *memeto mori*, продолжалъ путь свой.

Ѣду по узкой тропѣ среди лѣса. А тропа эта извивается по крутоярыю, склоняющемуся отъ самаго хребта, или гребня Аѳона къ вышепомянутой равнинѣ. Мой мулъ подошелъ къ струйнику, который называется, *добра вода*, напился этой влаги и бодро взошелъ подо мною на горный хребетъ, который весьма ровень, но узокъ: тутъ у большаго деревяннаго креста я слѣзъ съ своего носителя и увидѣлъ Стримонскій заливъ омывающій сѣверовосточную сторону Аѳона, далекое направо и налѣво по горье Аѳона, все зеленое, и монашескій городокъ, Карею. Тутъ же проводники мои сказали мнѣ, что по самому хребту св. Горы можно проѣхать направо до малаго Аѳона, а налѣво до Мегали Виглы; и я разохотился ѣздить въ монастыри по этому хребту, любя потѣшить себя чѣмъ нибудь новенькимъ.

Было тихо на морѣ и на выси Аѳона. Тихо стоялъ и черный мулъ мой, ожидая сѣдока. Я на немъ, а онъ подо мною: и оба мы идемъ и спускаемся съ оной выси къ Кареѣ по самой крутой и выбитой тропѣ. Спустились на такую же равнину, на какой стоитъ и развалившійся Руссикъ, а съ этой равнины воздѣланной, обсаженной виноградниками и плодовитыми деревьями, сошли на равнину Карейскую, и остановились въ Русскомъ по-

дворѣ ветхомъ и тѣсномъ. Смотритель его, монахъ, накормилъ насъ хорошимъ обѣдомъ.

Отсюда до Иверскаго монастыря одинъ часъ верховой ѣзды. Однако я поспѣшилъ выѣхать, дабы заблаговременно поспѣть туда и запасть зоркимъ вниманіемъ ко всему, что увидится и услышится.

Бду подлѣ сѣверной стѣны ближайшаго къ русскому подворью Кутлумушкаго монастыря и вижу: у воротъ его стоитъ высокій и дородный монахъ безъ бороды, евнухъ, по нашему скопецъ, или кладенець. Онъ самымъ тонкимъ и пискливымъ голоскомъ привѣтствовалъ меня по святогорски *συγχώρησον πάτερ*: прости отче. Я отвѣтилъ ему по святогорски же: *θεός συγχώρησθι* — Богъ да проститъ: и началъ ворчать про себя: „и здѣсь водятся скопцы! давнымъ давно забыта Цибела, а скопчество непоклоняющихся ей людей продолжается. Туманенъ же человѣкъ. Не умѣетъ онъ угодить Богу, если не научить его самъ Богъ! Но и Его не слушаетъ онъ, хоть и живетъ въ Немъ и Имъ, подобно тому, какъ глазъ болитъ самовольно, живя въ здоровомъ тѣлѣ и питаясь его соками. Впрочемъ скопецъ не стоитъ того, что бы думать о немъ. Лучше любоваться природою.

И началъ я любоваться ею. Вся высь между Кареею и Иверскимъ монастыремъ есть наилучшая часть Аэона. Вездѣ видишь огороды, сады, орѣшники, виноградники, лѣсную чащу, и среди ихъ тамъ и сямъ монашескія усадьбы. И все это какъ будто вылитое изъ воску. У обрывистаго хребта Аэона, пониже его, незыблемо держались бѣлокисейныя облачка, и вдругъ поднялись и медленно передвинулись на другую сторону сего хребта, какъ будто по велѣнію какого-то предводительствовавшаго ими духа. Налѣво отъ извиистой дороги, ведущей въ Иверъ, живописно расположенъ небольшой скитъ, посвященный Св. великомученику Пантелеимону. По наружному виду онъ похожъ на маленькую деревню, въ которой монашескіе домики стоятъ безъ всякаго порядка, стоятъ тамъ, гдѣ поставилъ ихъ произволъ преподобныхъ отшельниковъ. Ниже этого скита въ глубь

долины струится потокъ, текущій съ дальней высоты Капсальской, и впадающій въ море у самаго Ивера. Нѣтъ у него имени: а надъ нимъ есть мостъ, переводящій поклонника съ правой стороны потока на лѣвую сторону его. За этимъ мостомъ пролегаетъ уже ровная дѣланая дорога по самой окраинѣ горнаго перевѣсища, которое тутъ походитъ на полуостровъ, омываемый спереди помянутымъ потокомъ, а сзади моремъ. Обонполь потока видѣнъ каменный водопроводъ Иверской обители, издалека несущій ей хорошую воду. Тамъ же къ горѣ прислонены мрачный пріютъ прокаженныхъ. Ни ихъ самихъ, ни помѣщенія ихъ не видать, потому что оно обнесено высокими стѣнами. Откуда приходятъ сюда эти прокаженные? Не знаю: не распросилъ. А человѣколюбивое вниманіе къ нимъ Аюноиверскихъ монаховъ похвально: самоотверженіе же здороваго пристаивника къ нимъ выше всѣхъ похвалъ.

По всему этому пути я ѣхалъ болѣе часа, потому что не торопился. Наконецъ предстала предо мною древняя обитель Иверская. Предъ сѣверными воротами ея у большаго, каменнаго, струйника я спустился съ мула своего, и съ благоговѣніемъ вошелъ въ эту обитель, предводимый высланнымъ встрѣтить меня монахомъ.

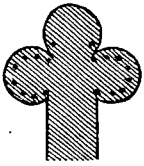
Иду медленно по двору св. обители, устланному камнями и камешками, и смотрю въ оба. Въ срединѣ ея стоятъ древній соборъ, предъ нимъ съ запада огромная братская трапеза съ пристроенною къ ней колокольнею, и между ними водосвятный фіаль, въ родѣ сквозной ротонды съ куполомъ, покоющимся на колоннахъ самой тяжелой и неуклюжей работы. А на всѣхъ четырехъ сторонахъ обители, составляющихъ удлинненный паралелограммъ, высятся двурусныя кельи, индѣ съ открытыми галереями предъ ними. На южной сторонѣ взгромождена высокая башня съ прилегающею къ ней многоугольною бойницею, которую Греки называютъ *Промаконъ*. Эта бойница вдается внутрь монастырскаго двора, а за ограду его не выступаетъ. Значить, она поставлена такимъ образомъ, какъ послѣдняя защита отъ непріятеля,

уже вторгшагося внутрь монастыря. Въ немъ кромѣ главнаго Собора еще есть двѣ малыя церкви: одна у самыхъ воротъ обители супротивъ сѣверной стороны Соборнаго храма, а другая поодаль отъ нея къ востоку. Въ первой стоитъ чудотворная икона Иверской Божіей Матери, а вторая освящена во имя св. Іоанна Предтечи. Во время осмотра обители я не видѣлъ ни одной живой души. Всѣ спали, дабы во всю ночь славословить Бога. А я не могъ заснуть въ отведенной мнѣ кельѣ, къ счастью новенькой, опрятной и безъ насѣкомыхъ.

За нѣсколько минутъ до начала всеобщаго бдѣнія я представился первому Прозостосу обители, отцу Серафиму, а отъ него ушелъ въ Соборъ, гдѣ и помѣстился на лѣвой сторонѣ въ первомъ возвышенномъ стоялицѣ, *stasiidi*.

Стою тутъ и смотрю въ небо храмоваго купола, легко покоющагося на четырехъ бѣлораморныхъ колоннахъ. Къ стѣнкамъ его прикрѣплены мѣдные длинные поясы, составные, шириною въ палеца четыре. Всѣхъ ихъ десять. Изъ купола они спущены въ средину храма, и своими концами соединены съ такъ называемымъ хоросомъ, висящимъ среди церкви. Хоросъ же есть не что иное, какъ мѣдный широкій обручъ, окружнѣстію своею равняющійся окружности купольной шеи, тонкій, составный на полнерахъ, отъ края нижняго до верхняго вершковъ въ пять или шесть съ сквозными переплетеніями разныхъ узоровъ и двуглавыхъ двукрылыхъ орловъ. На всемъ верхнемъ ободѣ его наставлены восковыя нетонкія свѣчи, а къ нижнему ободу въ четырехъ мѣстахъ крестъ на крестъ привѣшены на цѣпочкахъ стеклянные, круглые, вогнутые, сосуды, какъ бы блюда; и въ нихъ горитъ деревянное масло. Сквозь эти сосуды свѣтъ отражается на мраморномъ полу, образуя собою мерцающій кружокъ. А для гашенія въ нихъ огня къ поплавку прицѣплено на тончайшей шелковой ниточкѣ хрустальное сердечко. Когда кандловжигатель потянетъ внизъ это сердечко, тогда оно на бокъ наклонитъ поплавокъ, и такимъ образомъ затушитъ свѣтильникъ. Въ средину хороса съ самага неба купола спущень на цѣпи

многоярусный полиелей (паникадило), тотъ самый, который видѣлъ нашъ паломникъ Барскій въ 1744 году, и описалъ такъ: „Четырехдесять шесть свѣчь на себѣ имать, и между ними 88 „болванцовъ, стоящихъ и различно показующихъ образы нату- „рального движенія (человѣческія фигуры въ разныхъ позахъ); „внизу же его виситъ яблоко (шаръ) больше главы человѣче- „ской, отъ хрусталя тонко изліянное, имущее зракъ серебрянъ“.

Налюбовавшись *Хоросомъ*, какъ невидалью, я полюбовался и устройствомъ праваго и лѣваго полукружія архитектурнаго креста, гдѣ молятся властные и почетные старцы, стоя въ красивыхъ стасидіяхъ. Все въ этихъ двухъ клиросныхъ хорахъ изящно и занимательно. Стѣны подь окнами облицованы бѣло-мраморными плитами длиною въ полторы сажени, а шириною вершковъ въ шесть и семь. Надъ этими плитами вставлены въ стѣну разноцвѣтные изразцы, покрытые глазурью. Окна узорчато сдѣланы изъ прозрачнаго гипса въ перемежку съ разноцвѣтными стеклами. „*Онъ*, по словамъ Барскаго, *это великолѣпны, хитрыя художествомъ сочинены, и святятъ внутрь*“. Къ стѣнамъ вышеназванныхъ хоровъ, или полукружій, приставлены мраморныя колонны. Изъ нихъ особенно замѣчательны тѣ, кои водружены на краяхъ этихъ полукружій. Онѣ изсѣчены изъ темнозеленаго мрамора, усыпаннаго какъ бы снѣжинками (*χρόνισσιν ὀλίγιον*). Ихъ капители, то есть наглавія, сдѣланы въ видѣ корзинокъ, и въ этихъ корзинахъ на углахъ помѣщены бѣлорунные баранчики съ загнутыми внизъ рожками; а между ними въ срединѣ птица сидитъ на своихъ яйцахъ. Голова ея обращена къ хвосту такъ, какъ журавль обращаетъ ее назадъ. Смотрите одну изъ этихъ колоннъ въ моемъ живописномъ обзорѣни Аѳона подь № 16: а здѣсь прочитайте мои классическія замѣтки о зеленомъ мраморѣ, не гнѣваясь на меня за отступленіе отъ главнаго предмета описаній моихъ.

Греки любили и употребляли для ваяній зеленый мраморъ двухъ породъ, Лакедемонскій и Атракійскій. Первый, по завѣ-

ренію Плинія Н. Н. 36. 7, свѣтлѣе и пріятнѣе всѣхъ, cunctis hilarius. Второй, по словамъ Каріофила *), добывается былъ въ Фессаліи подлѣ города Атрака, находившагося въ десяти миляхъ отъ Лариссы у рѣки Пинія **). Атракійскій мраморъ описанъ современникомъ царя Густиніана Павломъ Силенціаріемъ (527—565 г.). „Καὶ Ατρακίς ὀππόσα λευροῖς χθῶν πεδίοις ἐλόχευσε, καὶ οὐχ ὄψαυχένι βήσση. Πῆ μὲν ἄλις χλοάεντα, καὶ οὐ μάλᾳ τῆλε μαράγδου, πῆ δὲ βαθυνομένου χλοεροῦ κυανώπιδι μορφῆ. Ἦν δέ τι καὶ χιόνεσσιν ὀλιγκιον, ἄγχι μελαίνης μαρμαρυγῆς μικτῆ δὲ χάρις συνεγείρετο πέτρου: *То есть: Атракійскій мраморъ рождается подѣ землю, а не на высокихъ горахъ, индѣ свѣтлозеленый, цвѣтомъ подобныйъ смарагду, а индѣ темнозеленый съ отливомъ голубоватымъ. Въ немъ среди чернаго поля выказываются снѣговидныя крапины, и такую примѣсью придаютъ камню особую миловидность*“.—Въ гробницахъ изъ зеленаго Фессалійскаго мрамора положены были греческіе цари и царицы: Зенонъ, Фавія супруга царя Ираклія, Михаиль сынъ Теофила иконоборца, Василій Македонскій, его супруга Евдокія и сынъ Александръ, святая Θεοσано супруга Льва мудраго и другіе. (Constantin. porphyrogen. de ceremoniis aulae Byzantinae 2, 42, ubi agitur de sarcophagis imperatorum, qui sunt in templo SS. Apostolorum).

Аѳонскіе монахи, не знаю почему, зеленый мраморъ съ бѣлоснѣжными крапинками называютъ *Сумаки*, и воображаютъ, что онъ сдѣланъ искусственно. Нѣтъ, не человекъ изготовилъ его, а Богъ творецъ и мраморовъ разнообразныхъ, разноцвѣтныхъ, ненаглядныхъ. Такіе мраморы съ добавкою другихъ драгоценныхъ каменныхъ плитъ составляютъ крупномозаическій полъ Иверскаго Собора. Этотъ полъ—прелесть очей. Онъ напомнилъ мнѣ ту нарядно устланную горницу, въ которой Спаситель совершилъ Тайную Вечерю. По словамъ Барскаго, Иверскій *помостъ* (полъ) *драгими и различными мраморами постланъ; узорами и перепле-*

*) In libro de antiquis marmoribus. Vindobonae. 1718.

**) Tit. Livii, 32, 15. „Inde Atracem est profectus: decem fere millia ab Larissa abest.... sita est super Peneum amnem-

тени зло искусно испещренъ". По этому помосту, который мотется розовою водою, канонархъ ходитъ отъ хора до хора старцовъ въ однихъ чулкахъ, дабы не испортить его. А книгу кладетъ онъ на налою, поставленный среди праваго и лѣваго хора, и освѣщенный стеклянною лампадою въ видѣ блюда, которая виситъ на желѣзномъ закорюченномъ прутѣ, прикрѣпленномъ къ налою. Оба канонаршіе налоя, равно и тотъ, на которомъ полагается праздничная икона, облицованы съ величайшимъ искусствомъ узорами изъ перламута и слоновой кости по индѣйской черепашиной. Я не могъ досыта налюбоваться этою невидалью, этою красотою церковною.

Иконостасъ въ Иверскомъ соборѣ деревянный и весь съ рѣзьбою давно позолоченный, къ сожалѣнію замѣнившій собою древній *Дистилонъ* мраморный, сооруженъ по образцу иконостасовъ Московскихъ, но только въ два яруса. Въ среднемъ ярусѣ поставлены такъ называемыя мѣстныя иконы греческой живописи, обыкновенной, суровой: а въ верхнемъ образа праздничныя. Предъ иконостасомъ стоятъ два очень высокіе подсвѣчники, красиво вылитые изъ желтой мѣди. Въ томъ и другомъ подсвѣчникѣ кромѣ многихъ восковыхъ свѣчъ небольшихъ водружены свѣчи весьма высокія и раскрашенныя, но уже безъ рисовки на нихъ большихъ праздниковъ, начиная съ Пасхи, какъ это водилось въ древнее время христіанства.

Поодаль отъ иконостаса, на лѣвой сторонѣ, противъ моего сѣдалища, стоймя стояла на простыхъ деревянныхъ пальцахъ чудотворная икона Иверской Божіей матери, въ этотъ разъ вынесенная сюда изъ особаго посвященнаго ей храма. Нижняя часть палецъ была завѣшена шелковою пеленою: а отъ нихъ аршина на два по полу тянулся богатый коверъ, и на немъ поставлены были большой выносный подсвѣчникъ съ горящими свѣчами и лимонное деревцо, все съ плодами, листьями, вѣтвями, стволомъ и съ кадущкою, вычеканенное изъ чистаго русскаго серебра: — приношеніе благочестивѣйшаго царя нашего Александра 1-го въ память его благодаренія Богу за изгнаніе

дванадцати языковъ изъ Россіи въ 1812 году. Это деревцо хоть не очень многовѣтвисто и многолиственно, но мнѣ, какъ русскому, казалось *красно воеже видѣти е и разумѣти*. Что касается до самой иконы Иверской, закрытой, кромѣ лица, богатѣйшею чеканною изъ позлащеннаго серебра ризою, и увѣщенной многими и многими привѣсками, то мнѣ, не какъ Барскому, не показалась она *страшнозрачною*: а только видно было, что ликъ у ней грузинскій, да и тотъ требуетъ промывки.

Алтарь Иверскаго собора съ особыми при немъ отдѣленіями, діаконикономъ направо, и проскомидійнымъ налѣво, не отличается никакою особенностію. Замѣчательно въ немъ только большее за престольное окно, сдѣланное изъ прозрачнаго гипса, съ разноцвѣтными стеклами. Узоры его не поддаются описанію. Смотрите рисунокъ его въ моемъ живописномъ обзорѣніи Аѳона, подъ № 7 и скажите: да! есть чѣмъ полюбоваться! Весь Соборъ сверху до низу росписанъ іереемъ Маркомъ Ивиромъ. На южной стѣнѣ за архіерейскою кафедрою онъ изобразилъ себя самаго, въ ростъ, въ іерейскомъ облаченіи, Михаила воеводу Угровлахійскаго съ малолѣтнимъ сыномъ его Радулomъ, и игумена Гавріила. Воевода держитъ въ рукѣ крестъ, а игумень хартію съ словами: ποίει, ἃ ἐγώ σοι ἐντέλλομαι, καὶ σώζου = *Дѣлай то, что я заповѣдую тебѣ и спасайся*. Подобную хартію держитъ и Маркъ живописецъ. На ней читаются слова: φίλοι προσπεμπησθήναι φιλομένου φίλων ἄριστε πρὸς Τριάδος τῆς φίλης = *люби послушаніе Возлюбленному наилучшій изъ возлюбленныхъ ради Троицы возлюбленной*. Михаилъ Воевода господствовалъ въ Угровлахіи съ 1592 года по 1610-й. Тогда росписанъ былъ и Соборъ Иверскій. А въ 1842 году вся стѣнная живопись въ немъ была возобновлена.

Пока я все это разсматривалъ и затверживалъ въ своей памяти, внѣ Собора слышны были трели деревяннаго тока, глухіе звуки била, пронзительныя бряцанія желѣзнаго клепала, благовѣсть колокола, и наконецъ—стучанія во вся тяжкая, т. е.

во всё эти тяжеловѣсныя вещи. Подобное оглушительное *шаривари*, я слышалъ въ святогробскомъ храмѣ въ Иерусалимѣ.

Всѣ старцы и богомольцы чинно и безмолвно стояли въ храмѣ, который освѣщенъ былъ только лампадками. Растворились царскія двери. Въ алтарѣ послышалось уставное кажденіе іерея и діакона. Оттуда оба они вышли, и окадили сферва мѣстные образа, что на правой сторонѣ иконостаса, потомъ каждаго старца въ правомъ хорѣ, за тѣмъ каждаго монаха у южной стѣны храма, и каждаго у сѣверной стѣны его, послѣ нихъ весь лѣвый хоръ старцовъ, начиная съ меня, и наконецъ мѣстных иконы, что на лѣвой сторонѣ иконостаса, и такимъ хожденіемъ своимъ образовали удлиненный крестъ. Послѣ кажденія іерей сталъ предъ св. трапезою, а діаконъ возгласилъ: „Возстаните. Господи благослови“. Всѣ встали съ сѣдалищъ своихъ и перекрестились. Послѣ возгласа іерея прочитанъ былъ псаломъ: „Благослови душе моя Господа до словъ: *отверзшу тебѣ руку, всяческая исполнятся благодати*. А начиная съ глагола, *отверзшу ἀνοίξαντος*, сталъ пѣтъ остальные стихи псалма первый Иверскій, монахъ Порфирій, знатокъ своего дѣла, обладающій пріятнымъ и сильнымъ теноромъ груднымъ. Онъ пѣлъ съ большимъ искусствомъ не въ носъ; и потому я слушалъ его съ отмѣннымъ удовольствіемъ, не смотря на монотонность пѣснопѣнія, которое отъ греческаго глагола *анниксандосъ* называется *анниксандарія*. Долго долго голосъ его раздавался въ церкви, то повышаясь, то понижаясь, но безъ нашихъ потныхъ скачковъ, а союзно, *ligato* и мелодично. Старцы же всѣ въ одинъ голосъ подпѣвали ему *униссономъ*, не произнося словъ, а только издавая одинъ звукъ, одинъ гулъ соотвѣтственный ключевой нотѣ пѣснопѣнія. Такъ подпѣвалъ и я, и вмѣстѣ чувствовалъ, что гораздо труднѣе издавать одинъ ключевой звукъ, чѣмъ выводить верхнія и нижнія ноты, потому что прерывается дыханіе. Тогда же я понялъ и то, что для униссоннаго подпѣванья требуется множество голосовъ, дабы не прерывался гулъ ихъ. Эта пѣсно-

пѣвческая новость понравилась мнѣ. Униссонный гулъ многихъ старцовъ подобился однообразному шуму Аѳонскаго моря.

Послѣ первой ектеніи началось пѣніе первой каѳизмы святой псалтири: „*Блаженъ мужъ, иже не иде на советъ нечестивыхъ и проч.*“ съ униссоннымъ подпѣваньемъ хора. Пѣли ее два пѣвца, отецъ Максимъ, монахъ изъ Аѳонокавсокаливскаго Скита и протопсалтъ изъ монастыря Аѳоно-Дохіарскаго: оба званые Иверскими старцами ради праздника. Первый, родомъ Болгаринъ, пѣлъ груднымъ баритономъ, весьма хорошо и пріятно, а второй, Грекъ, пѣлъ теноромъ въ носъ, такъ крикливо, что на вискахъ его жилы напрягались до толщи полмизинца. Сколько онъ надоѣдалъ мнѣ такимъ несноснымъ пѣніемъ, столько потѣшалъ меня отецъ Максимъ своимъ отчетливымъ искусствомъ. Что касается до псалтирной мелодіи, какую я слышалъ въ этотъ разъ, то она очень хороша и замѣчательна своею величественною простотою, не мѣшающею слушателямъ мыслить, чувствовать и возноситься горѣ къ Богу въ минуты пѣнія. У насъ нѣтъ ничего подобнаго. Я очень радъ былъ слышать хорошее греческое пѣніе на Аѳонѣ, и перемѣнилъ свое прежнее худое мнѣніе о немъ, которое составилъ себѣ, слыхавъ дурныхъ пѣвцовъ въ Одессѣ, Венеціи, Іерусалимѣ, въ Египтѣ и на Синаѣ, и даже вознамѣрился изучить греческую церковную музыку, которой ноты придумываются сочинителями ея соотвѣтственно тремъ главнымъ способностямъ нашей души, уму, чувству и волѣ *).

Кромѣ пѣнія весьма занимательно было для меня монашеское мастерство освѣщать церковь предъ пѣніемъ: *Господи воззвахъ къ тебѣ... Да исправится молитва моя:* и во время продолжительнаго пѣнія сихъ молитвословій. Освѣщеніе производили два кандилонжигателя. Сперва изъ-подъ потолка праваго хора старцовъ по блоку, утвержденному въ этомъ потолкѣ, на тонкой бичевкѣ спущенъ былъ металлическій крестъ небольшого раз-

*) Это удалось мнѣ, такъ что мой хоръ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ поетъ однажды въ годъ (9 Ноября) всю обѣдню по греческимъ нотамъ.

мѣра съ прикрѣпленною предъ нимъ толстою свѣчею, и съ двумя подвѣшенными къ нему ради тяжести бѣлыми свѣчами, кои никогда не зажигаются. Свѣча предъ этимъ крестомъ была зажжена; и онъ съ нею поднять былъ высоко, высоко, и сталъ предъ тамошнимъ стѣннымъ изображеніемъ господскаго праздника. Свѣча эта, даромъ—что огонекъ ея былъ съ искру, не погасла на лету, потому что восковые края у ней были выше огонька. Точно такой же крестъ съ такимъ же приборомъ поднять былъ подъ потолокъ лѣваго хора старцовъ. Эта невидаль потѣшила меня. Смотрю подъ хоровые потолки и вижу тамъ два звѣточа, словно дальнія звѣздочки, а самъ думаю: вотъ такъ предъ страшнымъ судомъ Христовымъ явится на небѣ знаменіе Сына человѣческаго, т. е. крестъ съ горнимъ сіяніемъ.

Послѣ возженія крестосвѣтильниковъ одинъ монахъ зажегъ свѣчи въ подсвѣчникахъ предъ Господскими и Богородичными иконами въ верхнемъ ярусѣ иконостаса, стоя на этомъ ярусѣ сзади въ алтарѣ, и отворяя эти иконы внутрь алтаря, какъ отворяются двери, а другой, державшій въ рукахъ предлинную хворостину съ горящею свѣчкою, зажегъ ею всѣ свѣчи на хоросѣ, висѣвшемъ на десяти поясахъ среди церкви, и хворостиною же искусно толкнулъ этотъ составный на шолнерахъ обручъ, толкнулъ въ двухъ противоположныхъ мѣстахъ, такъ что одна половина его медленно двигалась съ запада къ востоку, а другая съ востока на западъ; и такимъ образомъ хоросъ долго ходенемъ ходилъ, или точнѣе, описывалъ собою движущійся кругъ; а посреди его въ движеніе приведено было огромное паникадило съ возженными на немъ свѣчами, и размахивалось по прямой линіи съ востока на западъ; по бокамъ же его висѣвшія на потолковыхъ цѣпочкахъ меньшія паникадила такъ же размахивались, но одно на востокъ, а другое на западъ. При такихъ противоположныхъ движеніяхъ свѣточа какъ бы играли, какъ бы священную производили пляску. Хоросъ изображалъ собою все небо; большое паникадило свѣтило, какъ солнце, а прочія свѣчи и паникадила блистали, какъ звѣзды. Такое астрономическое освѣщеніе церкви, напоминавшее

мнѣ Богохваленіе солнца, луны, звѣздъ и всѣхъ чиновъ Ангельскихъ, утѣшало меня такъ, что я, какъ дитя, любовался имъ и восхищался. У насъ нѣтъ ничего подобнаго.

Послѣ пѣнія стихиръ, литіи и благословенія хлѣбовъ всѣ свѣчи были потушены. Горѣли однѣ лампадки. Во время шестопсалмія я вышелъ изъ церкви по причинѣ крайняго утомленія своего отъ длинной службы и отъ переѣзда на неуклюжемъ мულѣ, который во всю дорогу какъ-то наклонялъ меня впередъ, какъ будто заднія ноги его длиннѣе переднихъ.

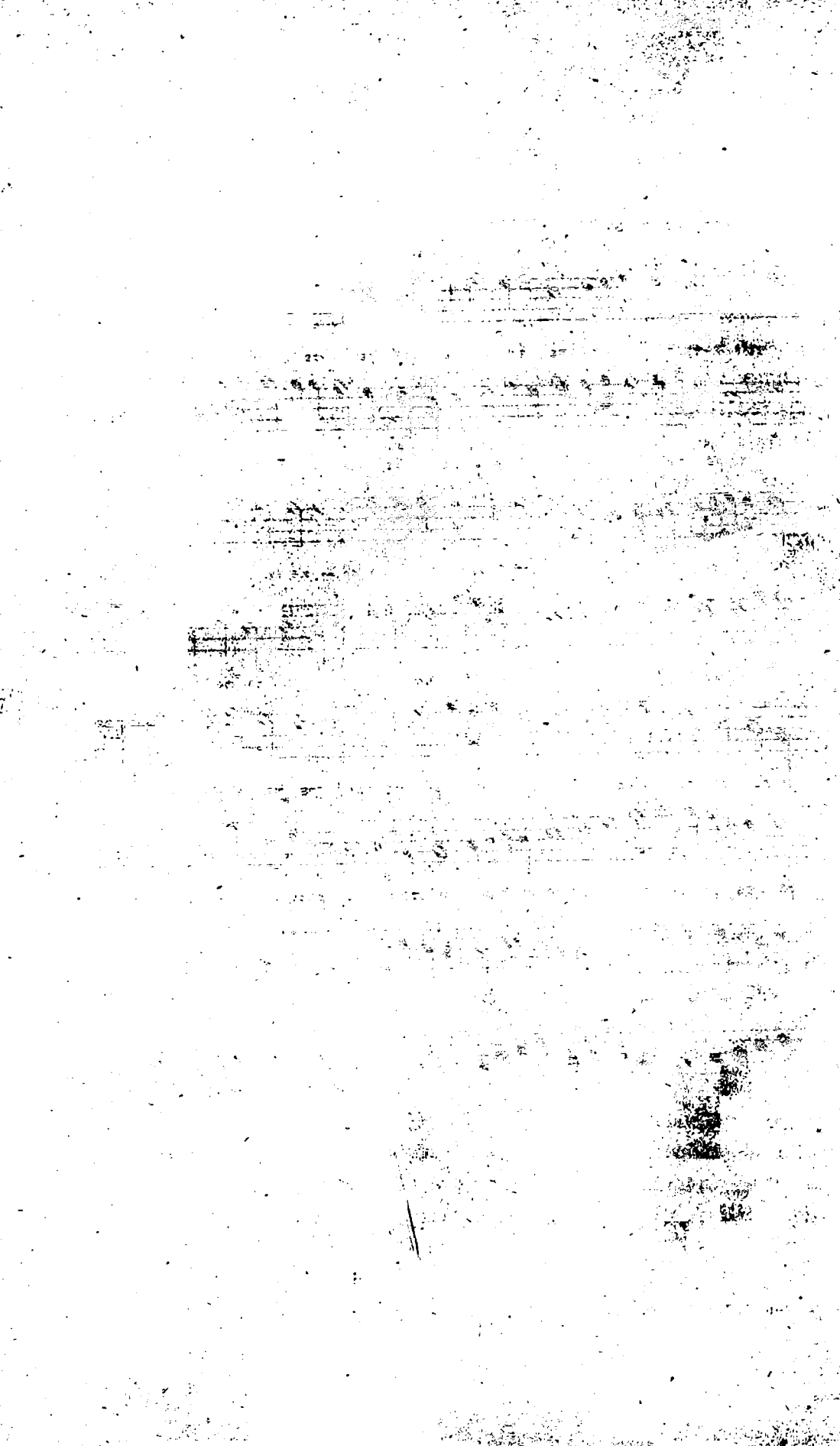
15. Серeda.—Предъ началомъ обѣдни разбудили меня. Скоро я одѣлся и вошелъ въ церковь, когда два молодые и благообразные іеродіакона кадили всѣхъ старцовъ, держа на своихъ раменахъ Сіоны. Въ ихъ лицахъ и въ поступи выражались благоговѣніе, цѣломудріе, скромность. Они подходили къ каждому старцу съ ѳиміамомъ, потушивъ свои взоры. Смотри на нихъ, я вспомнилъ нашихъ борзыхъ діаконѡвъ, и пожелалъ, чтобы они поучились священнодѣйствовать у діаконѡвъ Аѳонскихъ, исполненныхъ вѣры и преподобныхъ. Литургію совершалъ Гревенскій епископъ Іоанникій, не знаю почему, проживающій въ Иверскомъ монастырѣ. Священнослуженіе его, безъ нашей нарядной обстановки, было не впечатлительно для меня. За то понравилось мнѣ то, чего я въ Россіи не видалъ и не слыхалъ.—У двухъ пономарей, выносившихъ большіе подсвѣчники съ горящими свѣчами въ минуты выходѡвъ изъ алтаря, у каждаго, на правомъ плечѣ сверхъ мантии наколотъ былъ длинный и широкій платокъ бѣлокисейный, и имъ тотъ и другой охватывалъ подсвѣчникъ свой. Во время малаго входа два діакона едва едва несли громадное евангеліе Россійское, то самое, которое нашъ Барскій видѣлъ въ 1744 году, и сказалъ о немъ, что *оно многоцѣнно и едва отъ двою человекъ движимо*. Херувимскую пѣлъ монахъ Порфирій весьма искусно. А великій Выходъ, (не по нашему), совершенъ былъ такъ торжественно, что дѣйствительно видно было шествіе царя славы Христа, какъ Жертвы дориносимой. Впереди несены были горящія свѣчи большія, рипиды и крестъ на высокому рукоятіи; пе-

редь діакономъ, несшимъ *Агнца* на головѣ своей, безпрестанно и торопко кадили два діакона, бряцая кадильными цѣпочками; другіе два діакона такъ же кадили предъ іереемъ, несшимъ чашу съ Евхаристическимъ виномъ, за нимъ слѣдовали сослужащіе іеромонахи, держа въ рукахъ кресты и сосуды съ святыми мощами. Всѣ они шли чрезъ всю церковь, сперва по сѣверной сторонѣ ея, и всѣ, одинъ за другимъ, громко возглашала: *встѣхъ васъ да помянетъ Господь Богъ во царствіи Своемъ*: а старцы и міряне, склоняясь низко предъ Дарамъ, отвѣчали въ полголоса: *помяни насъ Господи, егда приидеши во царствіи Твоемъ*. Потомъ діаконъ и старшій іеромонахъ стали среди церкви лицомъ къ западу, и проговорили тотъ же самый возгласъ; то же сдѣлали они, ставши лицомъ и къ югу, и наконецъ подошли къ царскимъ вратамъ, гдѣ и принялъ Дары епископъ. Такимъ образомъ они шествиємъ своимъ образовали четырехконечный крестъ. А пока длилось ихъ шествіе, пѣвецъ лѣваго хора, вышепомянутый монахъ Дохіарскій, что есть мочи, пѣлъ—*яко до царя встѣхъ подымаемъ*,—съ странными припѣвами: *те—ри—ре—ре—ку—ку—ке—е—на—ке—на—то—то—то—ру—те—ри—ре—не—а—на*—качая головою, притоптывая ногою, и выводя верхнія и нижнія ноты въ родѣ руладъ; вотъ такъ и такъ. (Смотри ноты).

По ученію греческихъ пѣвцовъ эти непонятныя слова означаютъ непостижимость Божества и тайны воплощенія Сына Божія; а *немнена* поется по воспоминанію о Богоматери, которая пѣла это *немнена* (т. е. Утѣшеніе мое) у колыбели Божественнаго Младенца своего. Всѣ монахи, со времени чтенія евангелія во всю обѣдню стояли въ однѣхъ камилавкахъ, спустивъ съ нихъ на шею клобуки свои, никогда непривязываемые къ камилавкамъ, и рѣдко дѣлали поясные поклоны съ крестнымъ знаменіемъ, потому что *горъ имѣли сердца*, а въ минуты пѣнія,—*Тебе поемъ*,—сходили съ стоялицъ своихъ на полъ. Вообще въ нихъ было замѣтно моденіе не отдѣльное отъ архіерея, какъ это бываетъ у насъ, а единодушное и единоголасное съ нимъ. Послѣ *Буди имя*

Allegro vivace.

τε τε τε τε ε νε ρι. ρε τε τε ρι ρε ρε ρδ
 τε ρε τε = = = = ρι ρε ρε ρε τε ρε ρε ρι ρι ρε ρι ρι
 ρε ρι ρι ρε ρι ρι ρε ρε ρε νε = = = = χδ χδ = = κε = = = = ε
 να κε = = = = να = = = = το το το το ε τε
 ρι ρε τε τε νε = = τε νε ρδ τε ρι ρε τε ρε ρε ρι ρε ρι
 ρε τε ρι ρε ρε ρε ρε ρε τε ρι ρε τε ρι ρε ρι ρε ρι = = = = = ν
 = = = = α να νε α να νε ως τον βα σι λε = =
 α το νο = = = = νε.

Господне епископъ Іоанникій вышелъ изъ алтаря съ посохомъ говорить проповѣдь, и въ честь праздника Успенія Богоматери говорилъ, о чемъ бы вы думали!—*О пяти чувствахъ*, зрѣніи, слухѣ, обоняніи, вкусѣ и осязаніи, говорилъ живо, бойко, съ пристойными маніями и тѣлодвиженіями, языкомъ самымъ простонароднымъ. Я невольно улыбнулся, когда услышалъ, что онъ будетъ витійствовать о пяти чувствахъ, однако съ полнымъ вниманіемъ слушалъ диковинную проповѣдь его. Приемы проповѣданія у него были собесѣдовательные; слышались вопросы и отвѣты. Такъ напримѣръ, онъ спрашивалъ: для чего Богъ далъ человѣку зрѣніе и слухъ? и отвѣчалъ: для того, чтобы видѣть славу Божию въ красотахъ здѣснаго неба и всей природы и слышать слово Божіе, архіерейское поученіе и священныя пѣснопѣнія. Для чего данъ вкусъ? для того, чтобы ѣсть и пить все снѣдое и пѣмое со благодареніемъ Богу, подателю намъ всѣхъ благъ земныхъ. А можно ли въ святую четырехдесятницу ѣсть рыбу? спросилъ онъ, и повѣдалъ: Нельзя; не смѣйте; это не уставно, грѣшно! Разрѣшеніе на рыбу бываетъ только въ благовѣщеневъ день, если онъ придется не въ страстную седмицу. А можно ли въ великій постъ ѣсть икру, устрицы, петалиды (маленькія раковины), анчоусы, мидіи? Можно, можно, потому что въ нихъ нѣтъ крови! Кушайте ихъ во славу Божию, кушайте. Разрѣшаю и благословляю.—Вся проповѣдь произнесена была въ этомъ тонѣ. Признаться: ея простота и народность, по новости, понравились мнѣ тѣмъ болѣе, что слушатели были самые простые люди, конюхи, пастухи, моряки, служки монастырскіе.

Послѣ обѣдни я отдохнулъ немного, и потомъ прежнимъ путемъ возвратился въ Русикъ.

16—30 Августа.—Здѣсь вторая половина августа мѣсяца проведена была мною въ непрерывныхъ занятіяхъ. Мнѣ переданы были всѣ юридическія Дѣписанія монастыря, начинающіяся съ 1030 года и оканчивающіяся грамотою вселенскаго патріарха Кон-

стантія, которою онъ подтвердилъ общежитіе въ Русикѣ и избраніе іеромонаха Герасима въ игумена сей обители. Я переписалъ ихъ своею быстрою рукою, за исключеніемъ немногихъ актовъ, перебѣленныхъ для меня іеродіакономъ Амфилохіемъ и моимъ Михаиломъ. Въ числѣ ихъ особенно замѣчательны, кромѣ Турецкаго Вакуфнаме 1561 года, переписка царя Алексѣя Комнина съ патриархомъ Николаемъ и сказанія современниковъ, Леонтія епископа, Прота Иларіона и Іоанна Хортаитина, о скоромномъ злѣ, которое причинили святогорцамъ Влахи, (300 семей), помѣщенные помянутымъ царемъ на Аѳонѣ для жительства. Не мѣсто здѣсь излагать содержаніе всѣхъ этихъ Дѣписаній и по нимъ составлять исторію Аѳоноруссика: но признаю неизлишнимъ намѣтить надлежащія свѣдѣнія наипаче о первоначальномъ поселеніи нашихъ земляковъ въ этой обители.

Всѣмъ намъ извѣстно, что послѣ крещенія Руси при св. Владимірѣ первый Русскій, подвизавшійся на Аѳонѣ, былъ преподобный Антоній Кіевопечерскій, который родился въ 983 году, а скончался въ 1073-мъ. Такъ какъ онъ пришелъ въ Кіевъ и поселился въ пещерѣ Иларіона въ 1051 году, то пребываніе его на святой горѣ приходится относить къ среднимъ годамъ царствованія Константина Мономаха, численно сказать къ 1047—8-му. Тогда еще не было тамъ русскихъ монаховъ; иначе, о нихъ было бы упомянуто въ житіи Антонія. Тутъ не говорится даже и о томъ: въ какомъ святогорскомъ монастырѣ проживалъ сей преподобный отецъ. А это, по мнѣнію моему, значитъ, что онъ, какъ поклонникъ и соглядатай Аѳонскаго монашества, побывалъ во всѣхъ тамошнихъ монастыряхъ и скитахъ, и предъ возвращеніемъ своимъ въ Россію получилъ извѣстное благословеніе отъ Прота св. горы и вмѣстѣ игумена Аѳоно-Карейской лавры. Въ то время царь Константинъ Мономахъ удалилъ съ этой горы мірскихъ жителей и повелѣлъ называть и писать ее горою святою, давъ ей новый уставъ свой. Такое обновленіе Аѳона, безъ сомнѣнія, понравилось Антонію; и потому онъ у тамошняго Прота испросилъ благословеніе на учрежденіе монашества въ Россіи подѣ

покровительствомъ верховной власти мірской, а не духовной, по примѣру монашества Аѳонскаго, уже давно пользовавшагося подобнымъ покровительствомъ. Хорошіе отзывы его о семъ послѣднемъ монашествѣ и о самомъ Аѳонѣ, какъ о мѣстѣ удобномъ для Богоугодной жизни, вызвали въ подобныхъ ему ревнителяхъ иноческаго благочестія охоту поселиться тамъ навсегда; и они поселились. Но гдѣ именно, и когда? „По сказанію Есфигменскаго игумена Θεодорита, помѣщенному въ его описаніи Аѳона, которое онъ составилъ въ началѣ нашего вѣка (1805—1817 г.), и составилъ дѣльно по актамъ святогорскихъ монастырей, рускіе монахи первоначально поселились въ обители Пресвятой Богородицы, прѣзываемой *Ту-Ксилугру*, съ дозволенія Прота св. горы, ранѣе царствованія Алексѣя Комнина, восшедшаго на престолъ въ 1081 году, — между 1060 и 1081 годами. Въ теченіи двадцати слишкомъ лѣтъ число ихъ увеличилось такъ, что имъ стало тѣсно въ названной обители; и они просили принопамятнаго царя Алексѣя Комнина перваго, чтобы имъ данъ былъ монастырь-большій. Сей государь внялъ ихъ просьбѣ, (вѣроятно не безъ ходатайства тогдашняго великаго князя Кіевскаго Всеволода, набожнаго, трезваго и цѣломудреннаго отъ самой юности), и по его царскому приказу Протъ св. горы Павелъ далъ имъ монастырь Θεσσαλονικίηцевъ, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеймона, который съ той поры и сталъ именоваться Русскимъ, и нынѣ *ложно* именуется такимъ же, потому что никто изъ Русскихъ не живетъ въ немъ“. — А такъ какъ этотъ Павелъ начальствовалъ на св. горѣ въ 1083 и, послѣ Прота Саввы, въ 1089 году; то къ этимъ годамъ, и наипаче къ послѣднему, и надобно относить передачу Пантелеймонова монастыря Русскимъ инокамъ *). — Ἀνωθεν τοῦ τόπου, ὄντος ὑπὸ τὴν δεσποτείαν τοῦ Παντοκράτορος καὶ καλουμένου τῷ παλαιῷ ὀνόματι τοῦ Φαλακροῦ, κεῖται ἡ μονὴ τοῦ Ξυλοῦργου, Μπογορόδιστα ὡν λογομένη ἰδιοπερίοριστος, οἰκήματα

*) Въ 1071 году въ этомъ монастырѣ жили монахи греческіе. Тогда ихъ игумень Θεодосій былъ экономомъ Прогата, т. е. средоточнаго на Аѳонѣ Управленія. А такую должность Русскій занимать не могъ. (Смотри въ архивѣ Русскаго акт. 6579=1071 г.).

ἔχουσα καλὰ καὶ ναὸν ἀρχαῖον. Αὕτη ἐδώθη τῷ πάλαι παρὰ τῷ Πρώτῳ πρὸς κατοικίαν τῶν ῥώσσω μοναχῶν. Πληθυνθέντων δὲ αὐτῶν καὶ στενοχωρουμένων, ἐζήτησαν ἀπὸ τῶν αἰοδιμον βασιλέα Ἀλέξιον Κομνηνὸν τὸν πρῶτον, νὰ δοθῇ αὐτοῖς μονὴ μείζων, καὶ διὰ βασιλικῆς προσταγῆς Παῦλος ὁ Πρῶτος τοῦ Ὁρους ἔδωκεν αὐτοῖς τὴν μονὴν τῶν Θεσσαλονικέων καλουμένην, καὶ τιμωμένην τῷ ὀνόματι τοῦ ἀγίου μεγαλομάρτυρος Παντελεήμονος, καὶ ἀπὸ μονὴν Θεσσαλονικέων, διὰ τοὺς ἐκεῖ οἰκήσαντας μοναχοὺς Ῥώσσοις, ὠνομάσθη καὶ νῦν ψευδῶς ὀνομάζεται τῶν Ῥώσσω, μηδενὸς ὄντος Ῥώσσου μονάζοντος ἐν αὐτῇ“. (Θεοδώρητος.)

Но недолго жили на Аѳонѣ наши набожные и цѣломудренныя земляки и на вѣки вѣковъ покинули Пантелеимоновъ монастырь свой и обитель Ксилургу, отдавъ ихъ Проту св. Горы въ плохомъ состояніи. Причина тому была важная. Царь Алексѣй Комнинъ, по приказу котораго русскіе перешли въ названный монастырь, поселилъ на Аѳонѣ 300 семействъ Валахскихъ. Отъ нихъ произошло скоромное зло, о которомъ стыдно говорить и слышать, *αἰσχρόν ἐστι καὶ λέγειν καὶ ἀκοῦειν*. Тогдашній вселенскій патріархъ Николай, святительствовавшій съ 1084 года по 1110-й, увѣщавалъ Аѳонцовъ не принимать къ себѣ Влаховъ, и на случай непослушанія ихъ поставилъ имъ на видъ, что архіереи отъ Бога имѣютъ *власть вязать и рѣшать*. Но увѣщанія его не дѣйствовали, потому что царь Комнинъ слышать не хотѣлъ объ удаленіи Влаховъ съ Аѳона. Въ такихъ обстоятельствахъ игумень аѳонской лавры Іоанникій Валма вздумалъ пресѣчь зло хитростію. Онъ отъ лица патріарха Николая написалъ прещеніе, въ родѣ анаѳемы, и подписалъ его своею рукою, *думая сдѣлать инокое устройство святому мѣсту*. Но хитрая ложь его, оповѣщенная на Аѳонѣ, не только не удалась, а напротивъ опустошила тамошніе монастыри. Ибо когда разнеслась тамъ молва, что патріархъ *наложилъ на монастыри прещеніе и проклялъ даже дерева и воду*, тогда игумены, монастырскіе монахи и даже страшные бѣсамъ бозмолвники полнымъ домою ушли изъ своихъ обителей съ пріятелями своими Влахами; и въ богозданныхъ монастыряхъ остались одни хромые да слѣпыя стари-

ки.—Всю эту неурядицу видѣли тамъ наши земляки, и съ проклятаго вселенскимъ патріархомъ Аѳона ушли во свояси, при-
неся съ собою поговорку: *гдѣ чертъ не возметъ, туда бабу по-
шлетъ*. Съ той поры Пантелеимоновъ монастырь ихъ и обитель
Ксилургу съ ризницею, утварью и русскими Богослужбными
книгами поступили въ распоряженіе Прота св. Горы, какъ пу-
стоши, какъ выморочныя имѣнія. Однако онъ помѣстилъ въ нихъ
монаховъ Греческихъ, какъ охранителей сего аѳонскаго
достоянія, подчинивъ ихъ не игуменамъ, а *дикьямъ* (Смотри актъ
5-й, гдѣ говорится о дикяхъ).

Но въ концѣ 1143 года Протъ передалъ Ксилургійскую
обитель другимъ Россамъ, *не нашимъ* и не тѣмъ, которые жили
въ Греческомъ царствѣ и служили въ войскахъ его, а тѣмъ, ко-
торые въ монашескихъ мантияхъ пришли на Аѳонъ вмѣстѣ съ
своимъ игуменомъ Христофоромъ и съ щедродательнымъ братомъ
Лазаремъ или изъ стольнаго города Сербіи Гасы (нынѣ новый
Базаръ), или изъ столицы Далматин Глѣин, или изъ тамошняго го-
рода Роса, что у Бокко-ди-Каттарскаго залива, гдѣ по нынѣ на-
ходится много православныхъ Христіанъ *). По имени городовъ
этихъ и по городовому прозванію пришельцовъ этихъ и она
обитель ихъ въ дѣловыхъ Дѣписаніяхъ начала называться оби-
телию то Росовъ, то Русовъ, подобно тому какъ аѳонскій мо-
настырь св. Пантелеимона назывался монастыремъ Ѳессалони-
кійцовъ, потому что его построили и въ немъ жили монахи изъ
города Ѳессалоники, или, Аѳонскій же монастырекъ Верріотонъ
называли такъ потому, что его основали иноки изъ Македонскаго
города Веррін. Эти Росы—Русы были изъ племени Сербскаго.
При передачѣ имъ Ксилургійской обители присутствовали Про-
татскій экономъ Арсеній и многіе игумены, и составили опись
всего имущества ея. Изъ *нашихъ* русскихъ вещей, оставленныхъ

*) Theophan. continuat. l. V. pag. 289. Городъ Роса существовалъ въ IX вѣкѣ. Тогда
при царѣ Василіи Македонскомъ, Агаряне на корабляхъ своихъ причалили къ берегамъ
Далматин, и взяли города Далматовъ, какъ то Βούβορα καὶ Ῥόσα καὶ τὰ κάτω Δεκάτορα.
Ἦθρον καὶ εἰς μητρόπολιν, ἣ Ραούσιον λέγεται.

при царѣ Комнинѣ нашими ушельцами съ Аѳона, оказались только слѣдующія: Епитрахиль изъ золотой парчи одна, и двѣ Епитрахили *фубудныя*, наручникъ Богородицы съ золотою бахромою, и двѣ пелены; книги русскія: Апостоловъ 5, Параклитиковъ 2, Октоиховъ 5, Ирмологіевъ 5, Синаксарей 4, Паремейниковъ 1, Миней 12, Патериковъ 2, Псалтирей 5, Св. Ефремъ 1, Св. Панкратій 1 *), Часослововъ 5, Номоканонъ 1, лаханъ 1, шляпа 1. Всѣ прочія вещи не наши. Въ числѣ монастырскихъ Дѣписаній былъ сданъ и принятъ списокъ царскихъ приказовъ. Жаль, что онъ утратился: а не то, оказался бы и тотъ Приказъ царя Алексѣя Комнина, по которому *наши* Русскіе монахи получили было во владѣніе монастырь Ѳессалоникійцовъ, чествуемый во имя св. великомученика Пантелеимона. (Смотри Актъ 6-й).

Прошли 25 лѣтъ послѣ водворенія Сербскихъ Росовъ въ Ксилургійской обители. Въ эти годы число ихъ увеличилось новыми пришельцами изъ тогдашней Сербіи. Имъ стало тѣсно. Тогда игумень ихъ Лаврентій, въ 15 день августа 1169 года, попросилъ у Прота св. Горы большую обитель; и ему данъ былъ (оставленный нашими Россами) монастырь св. Пантелеимона, находившійся въ самомъ жалкомъ состояніи, данъ былъ какъ игумену достоуважаемому и хорошему управителю, и строителю съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ съ братією возстановилъ его, обстроилъ на подобіе крѣпости, украсилъ и неселилъ немалымъ числомъ доблестныхъ монаховъ. (Актъ 7-й). Съ той поры эта обитель долго, долго пользовалась покровительствомъ и щедротами Сербскихъ кралей, царей и деспотовъ. Въ ней, *какъ въ родномъ достояніи*, постриженъ былъ въ монашество сынъ великаго Жупана Сербин Стефана Нѣманя, Растка въ послѣдствіи Савва архіепископъ Сербскій. Сербо-росскіе монахи сей обители, а не другой какой небывалой, жалѣли, когда этотъ Савва перешелъ отъ нихъ въ въ Ватопедъ на жительство, и говорили: благотворилъ бы своимъ, а не чужимъ! Этотъ говоръ служитъ наилучшимъ доказа-

*) То есть: Житіе его.

тельствомъ того, что тогда въ Пантелеимоновомъ монастырѣ жили Россы-Сербы, а не Россы-*наши*, изъ которыхъ никто, по незна-нію Сербскаго языка, и не сумѣлъ бы уговорить Растку бѣ-жать изъ родительскаго дома на Аѳонъ. За всѣмъ тѣмъ воспоми-наніе о первыхъ насельникахъ онаго монастыря изъ *нашей* Рос-ссіи, нѣкогда управляемой Всеволодомъ I, держалось въ немъ; и когда Сербское царство пало, тогда Сербская Деспотица Ан-гелина, (1509 г.) по своей нуждѣ обращаясь съ просьбою къ нашему великому князю Василю Іоанновичу, просила его при-нять подъ свое покровительство и Аѳонорусскій монастырь, какъ *отчину свою*. Онъ исполнилъ оба прошенія ея. Съ той поры Пантелеимоновъ монастырь получалъ небольшія милостыни изъ Москвы; но наши монахи въ немъ не жили, и онъ давно исчезъ бы съ лица Аѳона, если бы не поддержали его Господари Молдавлахійскіе и иноки Греческіе. Всѣ нынѣшнія зданія въ немъ воздвигнуты Молдавскимъ Княземъ Каллимахи.

Узнавъ все это я подивился нашему вѣковѣчному непосто-янству, пожалѣлъ о денежныхъ затратахъ нынѣшняго духовни-ка Русскихъ Аѳонцовъ о. Іеронима, рѣшившагося возвеличить и обогатить Пантелеимоновъ монастырь, вслѣдствіе (ложнаго) убѣж-денія въ исконной принадлежности его намъ Русскимъ, и зата-пль въ себѣ рѣшимость искать другой монастырь, или другое свободное мѣсто для своихъ соотечественниковъ, желающихъ спастись на цѣломудренномъ Аѳонѣ.

Кромѣ переписки юридическихъ, хозяйственныхъ и другихъ дѣписаній Руссика были у меня и другія занятія. Во время прогулокъ и отдыховъ списаны мною надписи, находящіяся на вещахъ, зданіяхъ, стѣнахъ сего монастыря. Всѣхъ ихъ немного *). Самая старшая, Греческая, 1751 года, вычеканена на серебря-номъ Кивотѣ, въ которомъ покоится часть главы св. Пантеле-имона. Она гласитъ: „Сію честную главу Пантелеимона обло-жила золотомъ благочестивѣйшая Домна—Султана, раба Бога

*) Онѣ помѣщены въ моей Статистикѣ Аѳона.

всевышняго, и любезнѣйшая супруга Константина Воеводы Михаила Раковицы, благочестивѣйшаго господаря всей Молдовлахій.—Молитвою его утверди ихъ на престолѣ, на который ты возвелъ ихъ, всецарю Христе Иисусе и Боже, Бога Слове, и подаждь имъ совершенное здравіе, побѣду надъ врагами видимыми и невидимыми, укрѣпи ихъ въ глубокѣй старости, и сподоби получить твое царствіе 1751. Мая“.

Малосодержательны Руссиковскія надписи. Неприбыльны для исторіи Аѳона и тѣ сказанія о немъ, кои прочелъ я въ нашей Четъ-Миней. Едва ли я воспользуюсь ими, какъ недостаточными. Охотнѣе записаны были мною разныя свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ о. Геронимомъ и Зографскимъ архимандритомъ Анатолиемъ изъ Куцовлаховъ, который долго жилъ въ Петербургѣ и хлопоталъ о возвращеніи Аѳоно-Зографскому монастырю имѣній его въ Бессарабіи. Вотъ онѣ:—

Отъ о. Геронима. — Русскій монастырь съ 1836 года по 1839 судился съ сосѣднимъ монастыремъ Ксенофскимъ за участокъ земли, что за рѣчкою Пурата, гдѣ расположенъ скитъ. Оба монастыря считали этотъ участокъ своею собственностію. Богатый Ксенофъ, имѣющій годоваго дохода 150,000 піастровъ, одолѣлъ своего соперника и оттягалъ себѣ спорную землю. Это сутяжное дѣло разорило Руссикъ. Желая выиграть его, онъ продалъ завѣщанный ему (около 1709 г.) въ Молдавіи монастырь Домны близъ города Боташани, и въ добавокъ нажилъ долгу 300,000 піастровъ. Затѣмъ Руссиковскіе Греки накликали на себя другое несчастіе. Они недавно продали принадлежавшую имъ въ Константинополѣ Воеводскую церковь св. Николая, которая приложена былъ къ ихъ обители Молдавскимъ Господаремъ Иоанномъ Θεодоромъ въ 1760 году, и на вырученные деньги построили торговыя лавки. Но лавки эти сгорѣли; и Руссику достался одинъ пепель. Всѣ эти несчастія образумили греческихъ насельниковъ этого монастыря, такъ что они болѣе не помышляютъ о возобновленіи своей тяжбы съ Ксенофцами, а желаютъ привлечь къ себѣ наибольшее число нашихъ иноковъ и съ

ними наше золото, дабы уплатить свой долгъ и лучше обстроиться. На однѣ постройки предположенныя требуются 300,000 піастровъ. А весь капиталъ Руссика составляютъ теперь 2,500 рублей, приращаемыя въ Московскомъ банкѣ.—Кромѣ этихъ неотрадныхъ свѣдѣній о. Иеронимъ сообщилъ мнѣ кое-что другое. Русикъ имѣетъ рыбную ловлю на Турецкой сторонѣ Дуная. Въ 184^{2/3} году эту обитель тайно увѣдомили изъ Петербурга, что будетъ война съ Турціею: однако она не состоялась. Монахи Аеоно-Павловскаго монастыря, англійскіе подданные съ Ионическихъ острововъ, поселившіеся здѣсь назадъ тому три года, не подчиняются Протату.—Недавно Грекъ Минасъ, воспитанный въ Парижѣ, посѣтилъ все Аеонскіе монастыри, осмотрѣлъ ихъ бібліотеки, взялъ себѣ нѣсколько замѣчательныхъ рукописей, и совѣтовалъ святогорцамъ принять покровительство Франціи. Они сперва носили его на рукахъ и рѣшались (особенно Лавріоты и Иверцы) подписать прошеніе объ отдачѣ Аеонона подъ защиту Франціи, лишь бы она хлопотала о неприкосновенности Святогорскихъ имѣній въ Валахіи и Молдавіи, но послѣ, когда узнали, что онъ безбожникъ, охладѣли къ нему. На Аеононъ приходятъ поклонники, большею частію Болгары. Ихъ зазываютъ и приводятъ туда святогорскіе монахи, живущіе въ своихъ подворьяхъ въ Болгаріи, такъ называемые *таксидіары*. Они даютъ деньги болгарскимъ архіереямъ за позволеніе водить Болгаръ на Аеононъ, и купивъ это позволеніе, упрощиваютъ сельскихъ старость (чорбаджіевъ), чтобы они склоняли возможно большее число земляковъ своихъ къ богомолью въ святогорскихъ монастыряхъ. Въ давнее время множество Болгаръ приходило туда; но съ той поры, когда въ ихъ селахъ начали строиться церкви, приливъ ихъ годъ отъ году сталъ уменьшаться. Въ прошлое лѣто ихъ было только 800. Рѣдкій изъ нихъ жертвуетъ сто рублей: большая часть даетъ пять рублей серебромъ.—На вопросъ мой, — есть ли на Аеононѣ строгіе подвижники, — отецъ іеронимъ отвѣчалъ: есть, но они отличаются только суровостію житія, пощеніями и келейными поклонами, а выпрєннихъ созерцаній, безкнижныхъ мо-

литвѣ съ внутреннимъ горѣніемъ всей души, разбора помысловъ и разныхъ прилоговъ, и тому подобнаго не нищи въ нихъ.

Отъ Архимандрита Анатолія, проведеннаго два дня (21 и 22 августа) въ Руссикѣ. Всѣ аеонскіе монастыри и скиты много пострадали отъ Турковъ во время возстанія Еллиновъ. Въ началѣ его, 1821 г., окрестные христіане съ женами и дѣтьми своими, въ числѣ пяти тысячъ проживали нѣсколько недѣль въ лѣсистыхъ мѣстахъ Аэона, начиная отъ Мегали Виглы до окологковъ монастырей, Зографскаго, Хиландарскаго и Есфигменова. Изъ ихъ сонма жители полуострова Кассандры укрывались въ большой горной пещерѣ близъ Зографа. Для исполненія духовныхъ требъ назначены были престарѣлые іеромонахи; и они крестили новорожденныхъ младенцовъ. Когда Аэонцы, по наважденію супостата, вооружились и на судахъ своихъ отправились воевать городъ Каваллу, гдѣ и были побиты Турками; тогда паша небольшими военными отрядами занялъ всѣ монастыри, покинутые монахами, которые на судахъ уѣхали, кто куда хотѣлъ. Эти отряды стояли тамъ десять лѣтъ 1821—1830, стрѣляли въ св. образа, выдирали изъ рукописей листы для закуриванія трубокъ и приготовленія ружейныхъ пыжей, раскрывали свинцовыя кровли, и изъ свинцовыхъ листовъ отливали себѣ пули; зажгли лѣсъ на Аэонѣ; и онъ сгорѣлъ начиная отъ скита св. Анны до монастыря Филоѳейскаго. По удаленіи Турковъ съ Аэона послѣ мира Турціи и Россіи, пали на святогорцовъ другія тяжести, какъ то увеличеніе податей и строгій таможенный надзоръ, такъ что въ настоящее время рыщутъ по Аэону пятнадцать таможенныхъ досмотрщиковъ. Они зорко наблюдаютъ особенно берегъ монастыря Павловскаго, въ которомъ живутъ монахи подданные Англіи, и во зло употребляютъ покровительство ея консула, такъ что нашъ консулъ въ Солунѣ постоянно совѣтуетъ ему не вмѣшиваться въ дѣла Аэономонастырскія.—Говорилъ мнѣ о. Анатолій и о Зографской обители своей, что деньги ея 50,000 рублей онъ внесъ въ Одесскій банкъ, и что изъ процентовъ сей суммы двѣ тысячи рублей расходуются на Зографскую больницу,

а 2000 на Болгарскія школы и на училище, недавно открытое на Аѳонѣ для обученія молодыхъ иноковъ. Кстати онъ добавилъ, что для этого училища нужно выписать изъ Россіи 50 катихизисовъ московскаго митрополита Филарета, переведенные на Греческій языкъ Александромъ Скарлатовичемъ Стурдзою, и что надобно преподавать тамъ русскій языкъ. Выписка катихизисовъ состоится по рѣшенію представителей всѣхъ монастырей, засѣдающихъ въ Протатѣ, а Русскій языкъ, Богъ вѣсть, будетъ ли изучаемъ на Еллинскомъ Аѳонѣ.—Въ концѣ концовъ о. Анатолій вручилъ мнѣ составленную имъ краткую записку объ Аѳонѣ на русскомъ языкѣ весьма плохомъ. Эту записку я помѣщу въ оправданіяхъ исторіи Аѳона. А здѣсь помѣщаю одинъ конецъ ея:

„Подвизающіеся на сей святой Горѣ смиренные иноки совершенно увѣрены, что благочестивѣйшая Всероссійская Держава приметъ глубочайшую преданность ихъ, *смирить безчисленныя стремленія Западныхъ и самой Оттоманской власти, свирѣпо взирающей на святую сію гору*, и защититъ данныя ей древними царями и другими властителями въ разныхъ мѣстахъ нынѣ господствующей Порты и прочихъ земель подворья и другія недвижимыя имущества, отъ которыхъ большая часть обителей имѣютъ нужное содержаніе, и *установитъ древній, постоянно существовавшій до 1820 года, Оттоманской Державы платежь податей и прочихъ небывшихъ прежде сборовъ отъ возможныхъ избытковъ святой Горы*. Ибо Христолюбивѣйшая всероссійская Держава не только Богомъ, но и людьми почтена неоспоримымъ преимуществомъ всей православной восточной Церкви. Сего то покровительства призываетъ себѣ на помощь святая аѳонская гора, яко самую вещь обиталице православной Вѣры и истиннаго Богослуженія.

Когда я начертилъ эти строки, тогда вдругъ возникла во мнѣ мысль описывать аѳонскіе монастыри и скиты по одному плану, а не какъ придется. Эта мысль полюбилась мнѣ; и я придумалъ слѣдующій планъ:

Въ составъ сего описанія моего войдутъ:

I. Сказанія о встрѣчѣ язычества и Христіанства на мѣстности каждаго монастыря, или Скита, и о первоначальной, и только первоначальной судьбѣ каждаго изъ нихъ, такъ какъ цѣльную исторію ихъ удобнѣе писать особо отъ настоящаго сочиненія моего, дабы оно не сдѣлалось чрезмѣрно объемистымъ;

II. Описанія мѣстоположеній аѳонскихъ обителѣй, ихъ церквей, св. мощей, иконъ, стѣнной живописи, утварей, и замѣчательныхъ рукописей въ ихъ книгохранилищахъ, и выдержки изъ ихъ архивныхъ дѣписаній;

III. Замѣтки о числѣ монаховъ, объ ихъ преданіяхъ и толкахъ, объ имѣніяхъ монастырскихъ и о доходахъ съ нихъ, и о прочемъ, что только будетъ узнано.

По сему^{му} плану начинаю настоящую работу свою съ описанія Руссика. Господи благослови.

На горной мѣстности сего монастыря, въ дохристіанскія времена, не было города, потому что нѣтъ тутъ морской пристани, а находилось селище Вура. Поводомъ къ этому мнѣнію моему послужило названіе ближней къ Руссику рѣчки, составляющей западную границу его мѣстности. Ее называютъ *Пура-та*. Я думаю, что это названіе немного переименовано монахами Сербо-болгарскими, которые очень долго владѣли Руссикомъ, и что оная рѣчка древле называлась Вура, безъ болгарскаго придатка, *та*. Ежели это вѣрно, то сія Вура вызываетъ воспоминаніе о Пелопонесо-ахайской рѣкѣ Вурѣ и соименномъ ей городѣ, который стоялъ на берегу ея и разрушенъ былъ землетрясеніемъ въ 373 году до рождества Христова, и даетъ поводъ говорить, что въ то время, (около 1124 года до Р. X) когда Коринѳяне и Ахайскіе союзники ихъ водворяли свои торговыя селитвы, Потидею на ближнемъ къ Аѳону Кассандрскомъ полуостровѣ, и Ксиропотамъ, Аэропотамъ, Эгіонъ, Петру, Харадріэ на Аѳонѣ, тогда они же основали тамъ и Вуру на той ровной высотѣ сей горы, гдѣ лежатъ развалины стараго Руссика, и построили капище въ честь богини Илиѳи (Lucina), которая вмѣстѣ съ другими богинями и богами, Церерою, Венерою, Бахусомъ и Гер-

кулесомъ, была почитаема въ Вурѣ Ахайской. (Strab. L. 1. e. 3. Diodor. Sicul. L. XV. c. 48. 49. Pausan. L. VII. Voyage de l'Achaïe. (Смотри во 2-мъ отдѣленіи мои сказанія о монастыряхъ Павловскомъ, Діонисіатскомъ, Григоріатскомъ, Симопетрскомъ и Ксиропотамскомъ).

Селище Вура, вмѣстѣ съ прочими городами и мѣстечками аѳонскими, стояло на своемъ мѣстѣ до перваго запустѣнія Аѳона отъ погрома арабскаго. Но когда царь Константинъ Погонать въ 676 году заключилъ миръ съ Арабами, и Аѳонъ, какъ выморочное имѣніе, въ 680 году отдалъ монахамъ, которые въ то время скитались по городамъ, укрываясь въ нихъ отъ убійственныхъ нашествій варварскихъ народовъ *); тогда жители богатаго города Ѳессалоники, желая освободиться отъ такихъ злополучныхъ скитальцовъ, и вмѣстѣ жалѣя объ ихъ участи, построили имъ на мѣстѣ покинутой аѳонской Вуры небольшой монастырь, возобновивъ тутъ прежнюю церковь святаго и многоцѣлебнаго врача Пантеленмона, который по принятіи христіанства Вураптами замѣнили имъ Илиѳію, помогавшую женщинамъ въ трудныхъ родахъ ихъ. Въ память постройки сего монастыря *обимъ* иждивеніемъ жителей сказаннаго города онъ и назывался и въ судебныхъ дѣлахъ писался *обителію Ѳессалоникійцовъ* **). А когда Аѳонъ, уже монашескій, опять заустѣлъ съ 830 года по 870-й, и когда царь Василій Македонскій опять отдалъ его монахамъ; тогда одинъ изъ нихъ, родомъ Ѳессалоникіецъ, возвратился въ прежнюю обитель свою, древле основанную родичами его Ѳессалоникійцами, и обновилъ ее съ помощію ихъ. Посему она въ актѣ 1169 года (№ 7) названа обителію Ѳессалоникійца, Μονή τοῦ Θεσσαλονικεῶς. Такую древность я усвою ей на основаніи этого же самаго акта, въ которомъ сказано, что она *древле* была многолюдна, πολυάνθρωπος αὐτῆ παλαι ἐτύχανε. Въ 1169 году ее называли древнею. Какъ же велика была тогдашняя древность ея? Ежели Пан-

*) Смотри мою исторію Аѳона. Ч. III. § 1.—

***) Смотри въ Оправданіяхъ исторіи Руссика актъ подъ № 5: Μονή τῶν Θεσσαλονικέων.

телеимонова обитель въ первыйъ разѣ возникла вскорѣ послѣ 870 года, то древность ея въ 1169 году была 290-лѣтняя: а ежели ее построили Θεссалоникійцы вскорѣ послѣ 680 года, то въ 1169 лѣто исполнились 480 слишкомъ лѣтъ ея существованія. Та и другая древность значительна; но старшая почтеннѣе младшей. Я признаю древность ея 480 лѣтною, и отстаиваю это мнѣнiе свое вотъ какъ. Вскорѣ послѣ 870 года Θεссалоникійцамъ не было никакого повода строить монастырь на Аѳонѣ общимъ издвигенiемъ своимъ: а въ 680 году былъ поводъ къ тому законный. Тогда шестый вселенскій Соборъ, созванный царемъ Константиномъ Погонатомъ, узаконилъ правилами 18-мъ и 42-мъ: Клирикамъ, по причинѣ нашествiя варваровъ оставившимъ свои мѣста, возвращаться въ свои церкви, когда прекратятся варварскiя нашествiя, бывшiя причиною удаленiя ихъ. А пустынниковъ, которые въ черныхъ одеждахъ и съ отращенными волосами ходятъ по городамъ, опредѣлять въ монастыри, а если не пожелаютъ се-го, изгонять ихъ изъ городовъ, и жить имъ въ пустыняхъ, отъ коихъ и именованiе себѣ составили“. По силѣ этихъ правилъ Константинъ Погонать отдалъ опустѣвшiй Аѳонъ монахамъ; и они изъ матеріаловъ тамошнихъ городовъ и селищъ построили себѣ обители съ помощiю знакомыхъ христоробцовъ, и воспользовались тамошними, прежними церквами *). Тогда Θεссалоникійцы христоробивые и монахолюбивые помогли ушедшимъ отъ нихъ пустынникамъ возобновить Вурайтскую церковь св. Пантелеймона и обстроили ее въ видѣ монашеской обители.

Эту обитель, какъ я уже сказалъ, послѣ 870 года обновилъ какой-то монахъ Θεссалоникiецъ; и она, какъ въ первую Епоху аѳонскаго иночества (680—830 г.) такъ и во вторую (послѣ 870 г.) была многолюдна. Но въ 1083 или 1089 году, когда на Аѳонѣ Протомъ былъ Павелъ, царь Алексѣй Комнинъ отдалъ ее нашимъ Русскимъ монахамъ, пришедшимъ на Аѳонъ по горячимъ слѣдамъ св. Антонiя Кіевопечерскаго († 1073 г.) Однако они ско-

*) Смори мою Истор. Аѳона Ч. III. § 1. и читай ниже сказанiя о первоначальной судьбѣ Аѳонскихъ монастырей.

ро оставили ее *навсегда* по причинѣ смуть, причиненныхъ Аѳонцамъ жившими среди ихъ Валахскими семействами, и по примѣру прочихъ тамошнихъ монастырниковъ, покинувшихъ свои обители по этой же причинѣ. Такимъ образомъ эта обитель обезлюдѣла, и въ теченіи 69 лѣтъ, начиная съ 1100-го, завѣдываемая уже не игуменами, а дикееями, и не вспомошествоваемая Ѳессалоникійцами, которые, можно думать, обидѣлись передачею ея Русскимъ, постепенно разорялась и разрушалась такъ, что въ 1169 году всѣмъ на Аѳонѣ казалась *исчезающею* по причинѣ малочисленности монаховъ и недостаточности продовольствія, какъ это сказано въ тогдашнемъ актѣ: *σήμερον καὶ ἀφανῆς ὄραται, καὶ εἰς τὸ μὴ εἶναι παρὰ πάντων καὶ φαίνεται καὶ λογίζεται ἔχτε τῆς σπάνης τῶν μοναχῶν, ἀπὸ τοῦ μὴ εὐπορεῖν τὰ χορτάσματα, καὶ διὰ τὸ συμπεπτοκέναι τὰ τε τεῖχη αὐτῆς καὶ τὰ οἰκήματα, ἀλλὰ καὶ ἅπερ ἴσασθαι φαίνονται πῶσιν παντελῆ καὶ ἀφάνισμον προηγούοντα.* Однако Протатъ отдалъ ее другимъ Россамъ не нашимъ, а Сербскимъ; и они обновили и устроили ее.

Дальнѣйшая судьба сей обители будетъ изложена мною въ особой исторіи ея. А здѣсь я спѣшу помѣстить описаніе настоящаго состоянія ея, начиная съ мѣстности подъ нею.

Нынѣшній монастырь св. Пантелеимона, весь съ основаній построенный иждивеніемъ Молдовлахійскаго князя Калимахи въ 1812 году безъ малѣйшаго участія Русскихъ, и по справедливому замѣчанію Аѳоноесфигменскаго игумена Θεодорита, *можно* называемый Русскимъ, находится на самомъ берегу Сингитскаго залива Эгейскаго моря. Мѣстность *подъ нимъ и около него* почти вездѣ ровная: а околотокъ, которымъ онъ владѣеть, гористъ. Сей околотокъ не великъ. Къ востоку онъ граничитъ съ ближнимъ околоткомъ монастыря Ксиропотамскаго, и тутъ отдѣляется отъ него сухопотокомъ, заваленнымъ большими и малыми камнями, когда-то оторванными отъ горы; на западѣ естественную границу его составляетъ рѣчка Вура (Шурата), текущая съ горной высоты мимо стараго Руссика и въ устьѣ пріосѣненная не очень взрчными платанами; южная сторона его омывается сказаннымъ зали-

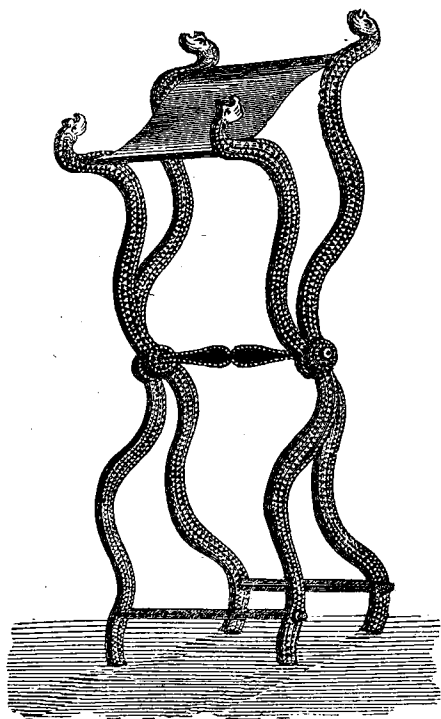
вомъ, а на сѣверѣ весь околотокъ стелется вверхъ по горѣ до самага хребта ея. На немъ въ восточной приморской части его разведенъ большой виноградникъ, а въ западной приморской же части овощный отличный огородъ, въ которомъ, по причинѣ ровности его, я часто прохаживался вдоль до рѣчки Вуры, дабы размять себя послѣ долготочасовыхъ сидѣній въ кельѣ; вся же сѣверная гористая мѣстность, за исключеніемъ луговъ вокругъ стараго Руссика, занята лѣсомъ, больше каштановымъ. Ёдучи по ней къ хребту Аэона по торной стезѣ, ведущей въ Карею, ничего не видишь, кромѣ моря позади себя и кромѣ деревь впереди своего Я, среди которыхъ однако обращаютъ на себя вниманіе путника одинъ громаднѣйшій четверугольный утесъ, словно столпъ, особнякомъ высящійся надъ своимъ мѣстомъ такъ, что вокругъ его можно ходить, а влѣсть на него нельзя, и источникъ сладкой воды, называемый *Добра вода*. Говорили мнѣ, что на этомъ утесѣ будтобы подвизался когда-то какой-то столпникъ. Могло это статся. Столпники на Аэонѣ были еще въ царствованіе Алексѣя Комнина, (1081—1118 г.) и тогда же ушли оттуда, боясь черноокихъ Валашекъ и проклятія вселенскаго патріарха Николая.

Пантелеимоновъ монастырь построенъ такъ же, какъ и всѣ святогорскія обители. Входятъ въ него чрезъ желѣзные ворота, устроенныя въ южной стѣнѣ, что со стороны моря. Надъ этими воротами нѣтъ башни. А привратникъ вооруженъ короткою булавою по общему обычаю святогорскихъ монастырей. Она на всякій случай можетъ служить и ударною въ ворота колотушкою для сбора братіи радостнаго, или тревожнаго. Какъ только войдешь внутрь монастыря, о которомъ идетъ рѣчь, разомъ видишь всѣ зданія его, какъ хорошую посуду на столѣ. Въ срединѣ его на ровномъ мѣстѣ высятся соборный храмъ, освященный во имя св. великомученика Пантелеимона. Напротивъ его на западѣ, стоитъ братская трапеза съ сквознымъ портикомъ предъ нею, надъ которымъ сооружена небольшая звоница, снабженная русскими колоколами. Немного поодаль отъ сего храма, къ сѣверу, на возвышенномъ

мѣстѣ красуется церковь во имя святаго Митрофана епископа Воронежскаго. На восточной линіи монастыря стоитъ одна лишь каменная ограда безъ келлій у нея; линія западная занята братскою трапезою и службами при ней; по линіи южной тянутся братскія келліи и архондарики вверху, а подъ ними погребъ и клѣти для складки пшеницы; а на сѣверной линіи, въ 184⁵/₆ году, ничего не было кромѣ каменной ограды, перехваченной четырехугольною башнею, и кромѣ нѣсколькихъ монашескихъ малыхъ келлій съ Параклисами среди ихъ въ самомъ углу сѣверо-западномъ. Если смотришь на весь монастырь снаружи, то онъ, съ малыми узкими и непрямолинейными окнами его и съ висячими балконами деревянными, кажется нестолько монастыремъ, сколько стариннымъ замкомъ.

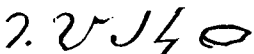
Соборный храмъ построенъ въ 1814 году, а освященъ вселенскимъ патриархомъ Григоріемъ въ слѣдующемъ году. Зодчество его не замѣчательно. Онъ состоитъ изъ трехъ отдѣленій: первое изъ нихъ есть нарѣиоксъ, или сквозной портикъ съ низкими колоннами, второе Литійный притворъ, и третіе настоящая церковь съ алтаремъ. Въ нарѣиоксѣ красива западная дверь, ведущая въ притворъ храма. Обѣ стороны ея обрамлены изваянными изъ бѣлаго мрамора пилястрами Ионическаго ордена; надъ нею къ стѣнѣ храма прикрѣплена мраморная плита съ дугообразнымъ выемомъ среди ея, и съ изваянными на ней 1) высокими широколиственными растеніями, похожими на букву *z*, 2) двумя ручными кадильницами (кацами) и 3) солнцемъ и полулуніемъ; а надъ сею вычурною плитою помѣщенъ поясной образъ св. Пантелеимона подъ высокою узорчатою дугою, изсѣченною изъ бѣлаго же мрамора и соединенною съ дверію такъ, что дуга эта составляетъ одно цѣлое съ нею. Рисунокъ этой двери съ надписью надъ нею помѣщенъ на 17 листѣ моего живописнаго обозрѣнія Аѳона. Вы спросите меня: что значать изваянныя тутъ двѣ кадильницы, цвѣтистыя растенія и солнце съ полулуніемъ? Отвѣчаю вамъ: кадильницы напоминаютъ вамъ псаломъ: *да исправится молитва ваша, яко кадило*, т. е. да несется она прямо къ Богу, какъ несется

вверхъ оиміамъ кадилый; цвѣтистыя растенія вѣщаютъ вамъ: расцвѣтайте и вы для рая; а солнце и полулуніе означаютъ деннонощныя бдѣнія святыхъ старцовъ аонскихъ. Но войдемъ въ Притворъ собора. Онъ ничѣмъ не украшенъ. У голыхъ стѣнъ его стоятъ старческія деревянныя сѣдалища (*καθίστα*). Тутъ наканунѣ большихъ праздниковъ совершаются литіи съ такимъ продолжительнымъ пѣніемъ *Славы* Святому или празднику, что иные старцы подь монотонные звуки такой Славы преспокойно засыпаютъ тутъ вмѣстѣ съ задремавшими на нихъ клопами. Въ настоящей церкви, отдѣленной отъ притвова стѣною съ дверью, полъ устланъ мраморными плитами, бѣлыми и черными, въ видѣ звѣздчатаго круга; деревянный иконостасъ русской работы блеститъ яркою позолотою; иконы въ немъ написаны въ 1812 году, а кажутся старше Аѳона; стѣнныя изображенія мучениковъ воиновъ у праваго и лѣваго хора русскою кистію написаны такъ, какъ будто эти воины родились въ Россіи и выросли среди на-

Дискеллій (двубѣдренникъ)

шихъ дебелоплотныхъ мѣщанъ и купцовъ. Въ этой церкви мѣ полюбились два наложя на двухъ клироссахъ и *дискеллій* т. е. *двубѣдренникъ*, на которомъ читается евангеліе предъ царскими вратами. Всѣ эти три клиросныя принадлежности срисованы и помѣщены на 21 листѣ моего живописнаго обзорѣнія Аѳона. Онъ весьма цвѣтисто и узорчато облицованы мелкою мозаикою изъ перламута, слоновой кости и индійской черепахи. Полюбуйтесь здѣсь *дискелліемъ*. Онъ составленъ изъ четырехъ змѣй, какъ бы слушающихъ евангеліе. Къ чему же тутъ змѣи? Вы скажете, что онѣ

напоминаютъ евангельскія слова: *будите мудри яко змѣя*. А я вамъ скажу: извините, не угадали! Тутъ иная мудрость, великая мудрость, старинная мудрость! Вонемь. Слушайте. Змѣи, изъ которыхъ составленъ *Дискелий*, напоминаютъ собою изобрѣтателя письменъ Финикійскихъ и поводъ къ изобрѣтенію ихъ. Этотъ изобрѣтатель былъ Татъ. Онъ наблюдалъ огненную природу змѣй, и на таблицахъ изобразилъ ихъ различныя движенія и положенія въ разныхъ состояніяхъ, когда, напримѣръ, змѣя сбрасываетъ съ себя старую кожу, или когда по прошествіи многихъ лѣтъ разлагается и истлѣвается. (Euseb. praeparat. Evangel. L. I.) Эти изображенія, отподобленные съ отпечатковъ ихъ на песокъ, напр:

у Тата были первоначальныя буквы, видомъ своимъ похожія на змѣй: τὰ πρῶτα στοιχεῖα τὰ διὰ τῶν ὄφειων: (Ibidem) буквы же эти изображаемы были въ Финикійскихъ капищахъ; и имъ, какъ первымъ въ свѣтѣ иконамъ, Финикіяне приносили жертвы, проразумѣвая въ нихъ величайшихъ боговъ и вседержителей; напр: когда видѣли букву Хѣинъ , воображали богиню Хасторетъ— Астарту, когда смотрѣли на букву *Тетъ*, представляли себѣ мудрость Божію и поклонялись ей. Τὰ μὲν πρῶτα στοιχεῖα τὰ διὰ τῶν ὄφειων, ναὸς κατασκευασάμενοι, ἐν αὐτοῖς ἀφιέρωσαν, καὶ τούτοις θυσιάς καὶ ἐορτάς ἐπιτέλουσιν καὶ ὄργια, θεοὺς τοὺς μεγίστους νομίζοντες καὶ ἀρχηγοὺς τῶν ὄλων. (Ibidem.) Отъ Финикіянъ сѣмъ буквы заняли Греки, но немного передѣляли ихъ по своему. А такъ какъ они помнили, что поводъ къ изобрѣтенію буквъ дали змѣи, оставившія на песокъ очертанія своихъ движеній и положеній, и такъ какъ сами они, еще до рождества Христова, въ капищахъ

своихъ изображали змѣевидныя буквы, напр: и видя эту

букву произносили ΙΟΥΒΑΚΧΟΣ, разумѣя Бахуса, то и въ христіанскихъ церквахъ, по старой привычкѣ, начали изображать буквы на стѣнахъ, крестахъ, иконахъ, священныхъ одеждахъ, напримѣръ: Θ Θ Θ Θ. Ε Ε Ε Ε, а читали ихъ такъ: Θεά Θεοῦ Θεῶν

Θαῦμα, т. е. Чудись Чудному Чуду Чудодѣйствующаго, Εβρηκεν Εβρημα 'Ελένη 'Εν γολγοθᾶ—Обрѣла Елена Обрѣтене (крестъ) Отъ голговы, Ο ΩΝ, ΜΡ ΘΥ, и кромѣ этихъ буквъ выдумали змѣвидный Дискеллій, въ память изобрѣтенія змѣвидныхъ буквъ, и начали ставить этотъ по истинѣ замысловатый наложъ подѣ евангеліе, написанное греческими буквами, передѣланными изъ змѣвидныхъ буквъ финикійскихъ.

Въ алтарѣ соборнаго храма, кромѣ малой части Животворящаго Древа, хранятся слѣдующія частицы св. мощей: 1) глава св. Пантелеимона, присланная въ даръ обителя Сербскимъ царемъ Стефаномъ Душаномъ въ 1347 году, 2) глава преподобномученика Стефана Новаго, 3) глава св. преподобномученицы Параскевы, 4) ребро св. великомученицы Марины, 5) частицы св. Иосифа Обрученника, св. апостола Θомы, препод. Симеона столпника, св. мученика Іакова Перса, св. мученика Кирика, Трифона, священномученика Харалампія, преподобномученика Нектарія Новаго, и нѣсколько частицъ другихъ святыхъ.

На наложной иконѣ св. Пантелеимона лице сего великомученика недавно написано такъ молодежаво и такъ миловидно, что Зографскій архимандритъ Анатолій называлъ мнѣ эту икону фрейлиною. Чудакъ!

Въ ризницѣ нѣтъ ни древнихъ ризъ, ни другихъ достопамятностей, кромѣ евангелія и церковныхъ сосудовъ, пожертвованныхъ Великимъ Княземъ Константиномъ Николаевичемъ, посѣтившимъ Аѳонъ въ 1845 году.

Кромѣ соборнаго храма внутри монастыря отдѣльно стоятъ еще двѣ небольшія церкви, Успенская, построенная въ 1820 году и ничѣмъ незамѣчательная, и Митрофаніевская, освященная въ 1846 году адрианопольскимъ митрополитомъ Григоріемъ. Она красива внутри и снаружи. Блестящій иконостасъ въ ней и утварь пожертвованы русскимъ инокомъ Саввою, бывшимъ Петербургскимъ купцомъ Семеномъ Максимовичемъ Комаровымъ, который въ 1844 году вмѣстѣ со мною путешествовалъ по св. землѣ Палестинской. Въ этой церквѣ память св. Митрофана спис-

копа Воронежскаго торжественно празднуется русскими и греческими иноками. Житіе его переведено на греческій языкъ и читается въ братской трапезѣ; переведена погречески и составленная у насъ служба ему.

Между кельями Пантеленмонова монастыря устроены Параклисы: 1) св. архангеловъ, 2) усѣкновенія главы св. Іоанна Предтечи, 3) св. Харалампія, 4) св. Николая Чудотворца, 5) преподобнаго Саввы освященнаго, 6) св. великомученика Дмитрія Солунскаго, 7) и преподобнаго Сергія Радонежскаго.

Внѣ описываемой мною обители, вблизи, на взморьѣ расположено братское кладбище съ малою церковію. А подъ нею находится костовница. Я ѡходилъ въ эту костовницу и замѣтилъ, что черепы умершихъ иноковъ отдѣлены отъ сложенныхъ тутъ костей ихъ, и размѣщены на полкахъ; на вопросъ мой,—почему это такъ дѣлается,—послышался отвѣтъ, что въ день общаго воскресенія мертвыхъ оживутъ только однѣ головы ихъ, а прочія члены, по слову апостола, *будутъ упрзднены вмстѣ съ чревомъ*. Выслушавъ такой толкъ неученаго кладбищнаго монаха изъ Грековъ, я вспомнилъ болтовню многоученаго наставника своего архимандрита Иннокентія Борисова, который училъ, что мы, по воскресеніи своемъ, будемъ летать, и что для этого волосы подъ мышками нашихъ рукъ преобразятся въ крылья. Знать: не помнилъ этотъ профессоръ богословія извѣстной заповѣди: ничего своего не прибавлять къ тому, что сказано въ священномъ Писаніи: или, такъ себѣ, фантазировалъ предъ нами младоумными. Щеголялъ онъ на кафедрѣ своею *нѣмецкою* ученостію и неологизмомъ! Но Богъ съ нимъ! Займемся Аеоно-руссикомъ.

Видѣлъ я такъ называемую *арсану* этого монастыря т. е. зданіе, въ которое втягиваются мореходныя лодки, видѣлъ и самую пристань ихъ. Ничего особеннаго тутъ нѣтъ; но замѣчательнень разсказанный мнѣ способъ очищенія дна морскаго отъ наносныхъ камней немалаго размѣра. Водолазъ оцѣцляетъ каждый такой камень желѣзнымъ обручемъ, который на шолнерѣ

разгибается и сгибается, и къ этому обручу привязываетъ толстый канатъ: а рабочіе люди хватаются за этотъ канатъ и съ помощію его вытаскиваютъ камень на берегъ. Просто и дешево!

Не мало занимало меня и устройство водяной мельницы, поставленной у сѣверовосточнаго угла монастырской ограды снаружи. Позади и выше ея изъ камней складень четвероугольный водоемъ глубокой, но не очень великой. Вода издалека съ горы течетъ въ него тонкою струею по деревяннымъ жолобкамъ, утвержденнымъ на сошкахъ. Когда этотъ водоемъ наполнится, тогда воду спускаютъ изъ него по крутому жолобу подъ мельничное колесо, а оно приводитъ въ движеніе жернова, и мука мелется. Зритель же вспоминаетъ греческую поговорку: *θεωρίαν ἴονα, καὶ καρδίαν μολονᾶ*, по виду *Иона* (пророкъ), а по сердцу *мельника*, и говоритъ самъ себѣ: въ самомъ дѣлѣ иной профессоръ съ виду—такой важный и величавый Акимъ Семенычъ, что хоть въ пророки записывай его, а мелеть такой вздоръ, что уши вянутъ.

Всѣхъ въ мірѣ профессоровъ лучше старинныя рукописи. Люблю я ихъ и читаю съ отмыннымъ удовольствіемъ. Онѣ по своему недавно обогащали мой умъ и мою память на Синаѣ и Сіонѣ, на Ливанѣ и Антиливанѣ. А теперь обогатятъ меня и на Аѳонѣ. Это рудники, изъ которыхъ добываются золото, серебро и всякіе металлы и многіе драгоценные камни и жемчужины.

Первый такой рудникъ на Аѳонѣ, первый по времени моей разработки его, былъ Руссиковскій. Называется онъ по гречески Вивлююики, по латинѣ Библиотека, а по русски Книгохранилище. Что же тутъ особенно хорошо и достойно вниманія, изученія, переписыванья? Многое. Но это многое хорошее и достойное будетъ помѣщено мною въ общемъ каталогѣ аѳонскихъ рукописей. Здѣсь же передается лишь нѣчто, не столько для любопытства, сколько для большей содержательности науки, наипаче богословской.

А. ИЗЪ СВ. ПИСАНІЯ:

Псалтирь съ Богомъ, по изданію Святоградца (Ψαλτήριον сὺν θεῷ κατὰ τὸν Ἀγιοπολίτην) на пергаментѣ, 6702—1194 года, начата пространнѣмъ предисловіемъ Евѳимія Зигавина, современника царя Алексѣя Комнина (1081—1118 г.).—Это предисловіе тщательнѣо переписано мною, и дополнено по рукописи Аѳонскоуверскаго монастыря, 1262 года. Оно весьма замѣчательно. Познакомимся съ нимъ хоть отчасти. Зигавинъ полагалъ, что всѣ 150 псалмовъ написаны Давидомъ. Ἄλλοι λέγουσι, οἷς καὶ ἐγὼ συντίθημι, πάντας τοὺς ψαλμοὺς εἶναι τοῦ Δαβὶδ.

Псаломъ есть такое пѣснопѣніе, которое безъ перерыва голосомъ поется подъ звуки струннаго псалтиріона. Ψαλμὸς μὲν κυρίως, ὁ μετὰ ὀργανικοῦ ψαλτηρίου ἐμμενῶς ἐκφωνούμενος.

Пѣснь музыкально и гармонически поется однимъ только голосомъ (безъ инструмента). Ὡδὴ—φωνή τις μουσική καὶ ἐναρμόνιος ἀπὸ μόνου σώματος.

Гимнъ есть пространное славословіе. Ὕμνος—ἡ ἐπιτεταμένη δοξολογία.

Хваление есть краткая похвала. Αἶνος—ὁ σύντομος ἔπαινος.

Исповѣданіе есть пространное перечисленіе или благъ, кои мы получали, или золь, коихъ избѣжали. Ἐξομολόγησις—ἡ κατεπιτεταμένη ὀμολογία, ἢ καλῶν, ὧν πεπόνθαμεν, ἢ κακῶν, ὧν δεδράχαμεν.

Молитва есть прошеніе, умоленіе. Πρὸςευχή ἢ δέησις.

Обѣтъ—обѣщаніе. Εὐχὴ—ἡ ὑπόσχεσις.

Пѣснь псалма сперва звучитъ инструментально, а потомъ вторится голосомъ. Ὡδὴ ψαλμοῦ ὑποληπτέον, ὅτι προτάσσεται ἢ δι' ὀργάνου μουσική· ἔπεται δὲ ἢ διὰ στόματος φωνὴ δευτέραν λαμβάνουσα χώραν.

Псаломъ пѣснн, наоборотъ, сперва голосомъ поется, а потомъ играется на инструментѣ.

Одни говорили, что Ездра, а другіе что Езекиа сдѣлалъ сборникъ псалмовъ числомъ 150.

Самъ Давидъ имѣлъ въ рукахъ царственный псалтиріонъ, а прочіе пѣвцы держали трубы, тимпаны, кимвалы, лиры, кноары.

Трубы и сиринги — духовые; лира и кноара — съ струнами; кимвалы и тимпаны — ударны пальцами; псалтиріонъ, который называютъ и киннирою, и кноарою, и лирою, былъ инструментъ струнный, но стоявшій стоймя (τῶν ἐνταῦθ' ἔστιν ἡ, πλὴν ὄρθιον): десять поворотныхъ колковъ натягивали и ослабляли струны по желанію играющаго и по требованію риѣмы, а правая рука двигала смычекъ, лѣвая же, касаясь струнъ и перебѣгая по нимъ, извлекала звуки низкіе, или высокіе, или средніе.

Многое въ псалмахъ не ясно. Причины тому суть слѣдующія: во первыхъ, символизмъ, или прообразованіе Христа и новой благодати; во вторыхъ, особенныя свойства Еврейскаго языка; въ третьихъ, пророческій обычай (προφητικὸν ἔθος) прикрывать многое ради жесткости и непослушанія слушателей; въ четвертыхъ, пророчества правильно понимаются только тогда, когда исполняются; послѣдняя причина есть переводъ псалмовъ съ еврейскаго языка на греческій, такъ какъ всякій у всѣхъ языкъ, переводя чужое нарѣчіе, вводитъ неясность и невразумительность. Τελευταία δὲ αἰτία, ἡ ἀπὸ τῆς Ἑβραϊδος ἐπὶ τὴν Ἑλλάδα γλῶτταν μεταβολή. Πᾶσα γὰρ γλῶττα μετατιθεμένη πρὸς ἀλλοτριάν, ὡς ἐπὶ πᾶσι, ἔχει τὸ ἀσαφές καὶ δυσκατανόητον.

Переведены же псалмы (по гречески) во дни Египетскаго царя Птолемея Филадельфа. Впрочемъ было семь переводовъ Ветхозавѣтнаго писанія. *Первый* — 70 толковниковъ, которые всѣ были Евреи, приглашенные названнымъ царемъ, и всѣ согласно сдѣлали весь переводъ. *Второй* — Акилы Синопа. Этотъ еллинъ изъ Понтійскаго города Синопа крещенъ былъ въ Иерусалимѣ, потомъ разсорившись съ нѣкоторыми христіанами, презрѣлъ крещеніе свое, и приставъ къ Иудеямъ, издалъ переводъ св. Писанія при царѣ Адрианѣ прокаженномъ, спустя 370 лѣтъ послѣ перевода 70 толковниковъ *), но многое перепортилъ, παρέφθειρε,

*) Стало бытъ: Акила переводилъ писаніе около 124 года по Р. Х. Тогда царствовалъ Адрианъ (117—138 г.). А если такъ, то 70 толковниковъ трудились за 246 лѣтъ до Р. Х.

въ отместку христіанамъ. *Третій* переводъ—Симмаха, который будучи родомъ Самарянинъ и не сподобившись того почета, какого домогался, присталъ къ Іудеямъ, снова обрѣзался, и въ отместку Самарянамъ перевелъ св. Писаніе при царѣ Верѣ, спустя 56 лѣтъ послѣ изданія Акилы (слѣдовательно въ ¹⁷⁹/180 году). Онъ, угождая Евреямъ, переименовалъ все, что говорилось о Христѣ. — *Четвертый* переводъ—*Θεοδοτία* изъ Ефеса, который, заразившись ересію Маркіона, сдѣлалъ свое изданіе въ царствованіе Коммода. (180—193 г.) *Пятый* переводъ не имѣетъ извѣстнаго имени отца; а найденъ былъ въ Іерихонѣ, вложенный въ корчагу въ царствованіе Каракалла (211—217 г.) *Шестой*, такъ же безыменный найденъ былъ въ Никополѣ Актіискомъ (*κατὰ τὴν Ἀκτιῶν*) при царѣ Александрѣ Маммеѣ. *Седьмой*—*Λουκιανῶν* великаго аскета и мученика. Онъ зная вышерѣченные изданія, и прилежнѣе занявшись Еврейскимъ языкомъ до совершенства, сдѣлалъ для христіанъ собственное изданіе, въ которомъ нѣтъ ничего опущеннаго и лишняго. Это изданіе его, *собственноручное*, найдено было въ Никомидіи замазанное известью въ малой башнѣ послѣ мученичества его и послѣ гоненія Діоклитіана и Максиміана, въ царствованіе Константина великаго. Этотъ переводъ сходенъ съ переводомъ 70 толковниковъ; и въ немъ нѣтъ того, что перепорчено въ другихъ переводахъ. *Ἐβδόμη προέβη παρὰ Λουκιανοῦ τοῦ μεγάλου ἀσκητοῦ καὶ μάρτυρος, ὃς ταῖς προρρήθεις ἐπισησας ἐχδόσεσι, καὶ τῷ ἑβραϊκῷ φιλοπονώτερον ἐντυχὼν καὶ ἀκριβοσάμενος, ἐχδοσιν ἰδιόκληρον καὶ μηδὲν ἔλλειπες, ἢ περιττὸν ἔχουσαν χριστιανοὶς ἐποίησατο. ἥτις εὑρέθη κατὰ Νικομήδειαν, ἰδιόγραφος αὐτοῦ, παρ' Ἰουδαίων ἐν πυργίσκῳ κεχρισμένη κονιάματι μετὰ τὴν ἀθλήσιν αὐτοῦ καὶ τὸν παρὰ Διοκλητιανοῦ καὶ Μαξιμιανοῦ διωγμὸν, Κωνσταντίνου τοῦ μεγάλου βασιλέως κρατοῦντος. Αὕτη συνάδει τῇ τῶν Ο, τὰ παρεφθαρμένα τῶν ἄλλων ἀθετοῦσα.*

Переведши по русски частицу предисловія Зигавина, слышу сказать нѣскольکو словъ о текстѣ псалтири Агіополита—*святоторца* и о немъ самомъ. Я сличалъ текстъ ея съ печатною греческою псалтирью, какая нынѣ читается въ церквѣ, и не на-

шелъ никакой разницы, кромѣ опечатокъ; на примѣръ въ рукописи читаешь *παρὰ σοί*, а въ печатной псалтири *παρὰ σοῦ*, тамъ *καταιγίς σφοδρά*, а здѣсь *σφοδρά*. Въ разсматриваемой мною рукописи нѣтъ толкованія псалмовъ, за то надъ каждымъ изъ нихъ помѣщены надписи и объясненія ихъ, большею частію пространныя. Изъ числа ихъ я перебѣлилъ для себя 39. Вотъ образчики ихъ:

Псаломъ 4. — На немъ надписано, „*въ конецъ въ тьснѣ*“, потому что въ немъ содержится пророчество о воскресеніи мертвыхъ, которое совершится въ будущемъ вѣкѣ, или потому что въ немъ рѣшительно говорится о чемъ-то такомъ, что имѣлъ получить Давидъ и о чемъ онъ, какъ пророкъ, твердо зналъ, что получить это. „*Конецъ Въ тьснѣ*“: Это надписано такъ потому, что въ семъ псалмѣ Давидъ воспѣваетъ дивныя дѣла Бога, освободившаго его отъ тиранства Авессаломъ. Псаломъ этотъ пригоденъ и всякому, избавленному отъ какой либо опасности. *Εἰς τὸ τέλος μὲν ἐπιγέγραπται, διὰ τὸ προφητεῦσαι περὶ τῆς ἐκ νεκρῶν ἀναστάσεως, ὡς προϊόντες ἐπιδειξομεν, ἧτις τοῦ μέλλοντος ἐστὶ αἰῶνος· ἢ διὰ τὸ περὶ τινῶν εἰπεῖν ἀπλῶς, ἅπερ ὡς προφήτης βεβαίως ὑπίστατο ληφόμενα. τέλος ἐν ὕμνῳ, διὰ τὸ κηρύττειν τοῦ θεοῦ τὰ θαυμάσια, ποιήσαντος αὐτὸν ὑπέρτερον τῆς Ἀβεσσαλὼμ τυραννίδος, μεθ' ἧν ἦν ἦσε τὸν παρόντα ψαλμὸν. Ἀρμόζει δὲ καὶ παντὶ ἀπαλλαγέντι κινδύνου.*

Псаломъ 6. — На немъ надписано: „*Въ конецъ. Въ тьснѣ. О осьмомъ. Псаломъ Давиду*“.—Что значить *въ конецъ*, это объяснено выше. А *въ тьснѣ* пророкъ величаетъ Бога. *О осьмомъ*, т. е. о будущемъ осьмомъ вѣкѣ умоляетъ Его. Этотъ вѣкъ настанетъ послѣ седьмаго текущаго нынѣ во второй половинѣ своей *). Но не отъ своего только лица, а и отъ лица всѣхъ насъ Давидъ приноситъ молитву Господу, имѣющему тогда сѹдить. А сочинилъ онъ этотъ псаломъ тогда, когда подвергся

*) Подъ 7-мъ вѣкомъ здѣсь разумѣется седьмая тысяча лѣтъ отъ сотворенія міра. Во время этой тысячи жилъ Евонмій Зигавинъ, которому принадлежатъ сіи объясненія надписей на псалмахъ. А мы живемъ въ осмой тысячѣ лѣтъ.

испытаніямъ за нѣкоторыя прегрѣшенія—Εἰς τέλος ἐν ὕμνῳ ὑπὲρ τῆς ὀγδόης. Ψαλμὸς τῷ Δαβίδ:—Τὶ μὲν δηλοῖ τὸ, εἰς τὸ τέλος, προεῖρηται. Ὑμνῷ δὲ καὶ μεγαλύνει τὸν θεὸν ὁ προφήτης. Ὑπὲρ τῆς ὀγδόης παρακαλεῖ, τούτεσι τοῦ μέλλοντος αἰῶνος: ἕβδομος μὲν γὰρ ὁ παρῶν, ὡς τῇ ἐβδόμῃ μετρούμενος καὶ ἀναχοκλούμενος καὶ συμπληρούμενος: ὀγδοὸς δὲ ἐκεῖνος, ὃς μετὰ ἕβδομον τούτον. Οὐ προσώπῳ δὲ μόνον ἰδίῳ, ἀλλὰ καὶ πάντων ἡμῶν προσάγει τῷ κρίναι τηνικαῦτα μέλλοντι Κυρίῳ τὴν δέησιν. —Ἐξέθετο δὲ τὸν Ψαλμὸν πειρασμοῖς περισχεθεῖς ἐπενεχθεῖσιν αὐτῷ διὰ τινα πλημμυλήματα.

Изъ объясненія надписи надъ 15 псалмомъ видно, что Псалтирь толковалъ митрополитъ Никейскій Анастасій. Надобно въ рукописяхъ отыскивать толкованія его.

Надъ 72 псалмомъ надписано: Ἐξέλιπον οἱ ὕμνοι Δαβὶδ υἱοῦ Ἰεσσαί. Ψαλμὸς τῷ Ἀσαφ: *окончимася пѣсни Давида сына Иессеова. Псаломъ Асафу.* Эту надпись Евѳимій Зигавинъ протолковалъ вотъ какъ: не псалмы Давидовы кончились 72-мъ псалмомъ: а послѣ этого псалма онъ пересталъ *самъ* пѣть ихъ, и уже отдавалъ ихъ пѣвцамъ своимъ, Асафу, Идиѳуму сынамъ Кореевымъ и другимъ, такъ какъ самъ онъ сочинилъ *всю* псалтирь.

Надъ 95 псалмомъ надписано: Αἶνος ὠδῆς τῷ Δαβίδ. ὅτε ὁ οἶκος ὠκοδόμητο μετὰ τὴν αἰχμαλωσίαν, ἀνεπίγραφος παρ' Ἑβραίοις: *Хвала пѣсни Давиду, внигда домъ созидашеся по плъненіи. Не надписанъ у Евреевъ.*—А семьдесятъ толковниковъ сдѣлали эту надпись, назвавъ псаломъ *Хвалою*, потому что въ немъ восхваляется Богъ и прибавивъ „*пѣсни*“, потому что его пѣли мелодически. Что касается до строенія дома послѣ плѣна, то *исторически* разумѣется здѣсь постройка Иерусалимскаго храма Зоровавелемъ, а *таинственно*—созданіе тѣла, въ которое вселился Сынъ божій и Богъ послѣ плѣна, которымъ плѣнилъ діаволь грѣшниковъ.

Надъ 145 псалмомъ надписано: *Alleluia. Аггея и Захаріи.*—Настоящій псаломъ есть Хваленіе. Въ *нѣкоторыхъ* епискахъ псалтири прибавлено: „Аггея и Захаріи“. Но такой прибавки нѣтъ

ни въ Еврейской псалтири, ни въ переводѣ седмидесяти, и ни у кого изъ толковниковъ.

Достаточно этихъ образчиковъ для ознакомленія съ рукописью. Но кто былъ Агіополитъ—Святоградецъ, сдѣлавшій такое изданіе Псалтири, съ котораго она переписывалась даже въ 1194 году? Пока не могу отвѣчать на этотъ вопросъ утвердительно, встрѣтивши въ первый разъ сію псалтирную новость. Однако думаю, что этотъ Святоградецъ есть Исихій пресвитеръ Іерусалимскій. Онъ былъ мужъ ученый и писатель. Въ Аеоноиверской рукописи десятаго вѣка, содержащей четыре евангелія, я замѣтилъ его сказаніе о Маріи Магдалинѣ и объ овчей купели въ Іерусалимѣ, имѣвшей пять притворовъ,—четыре во кругъ пятаго средняго *). Въ Аеоноруссикувской толковой Псалтири, писанной на пергаментѣ въ XII вѣкѣ, помѣщено топографическое изъясненіе 8 стиха 59 псалма, сдѣланное блаженнымъ Исихіемъ, τοῦ μαχαρίου Ἠσυχίου „раздѣлю Сикиму и юдолю скиній раздѣрю“, διαμετρίω Σίκιμα καὶ τὴν κοιλάδα τῶν σκηνῶν διαμετρήσω“. —Χωρίον δὲ τοῦτο πρὸς τῆ Σιχέμ... Τα Σίκιμα καὶ ἡ τῶν σκηνῶν κοιλάς κτήμα τοῦ πατριάρχου Ἰακώβ γέγονε: т. е. *Сикима была деревня подлѣ Сихема (нынѣ городъ Набулусъ)... Эта деревня и юдоля шатерная была имѣніе патриарха Іакова. Онъ отдалъ ее въ наслѣдство сыну своему Іосифу, прообразовавшему собою новаго Іосифа—Христа, который приобрѣлъ себѣ въ наслѣдіе все народы“.* Итакъ Іерусалимскій Исихій толковалъ евангеліе Іоанна и Псалтирь, и толковалъ буквально и иносказательно. Должно быть: его называли Агіополитомъ, и онъ издалъ стихомѣрную псалтирь, въ которой считалось 4782 стиха, тогда какъ въ изданіяхъ Церкви Константинопольской считался только 2531 стихъ: что я читалъ въ аеоноиверской рукописной псалтири XIV вѣка: ἔχει ὁ ἀγιοπολίτης στίχους δψπβ· ἡ δὲ ἐκκλησία στίχους βφλα.—Но когда жилъ-былъ этотъ Исихій Святоградецъ, Іерусалимитъ? Въ крат-

*) Ἠσυχίου πρεσβυτέρου Ἱεροσολύμων εἰς τὸ κατὰ Ἰωαννὴν Εὐαγγέλιον περὶ Μαρίας τῆς Μαγδαληνῆς· περὶ τῆς προβατικῆς πέντε σοῦς ἐχούσης. Отсюда видно, что онъ изъяснял евангеліе Іоанна.

кой исторіи Еллинской Филологіи, составленной Шеллемъ (F. Schoell.) и переведенной съ французскаго Грекомъ Скуфомъ въ 1816 году, во второмъ томѣ (стр. 231) сказано, что нѣкій іерей Іерусалимскій, именемъ Исихій, сочинившій церковную исторію, давно потерянную, умеръ въ 428 году. Хронологистъ Дюфреснуа въ своемъ перечетѣ христіанскихъ писателей поставилъ Исихія, о которомъ идетъ рѣчь, подъ 610 годомъ и замѣтилъ, что имъ написаны толкованіе книги Левитъ и нѣсколько проповѣдей, кои напечатаны in Bibliotheca Patrum. Въ моихъ каталогахъ аѳонскихъ рукописей удѣленъ ему 565 годъ. Вотъ три распутія. Пойдешь на право: тамъ нападетъ на тебя волкъ. Пойдешь налѣво: тутъ съ голоду умрешь. Пойдешь прямо: встрѣтишься съ рыцаремъ. Я избираю путь средній, помня 565 годъ. Если тутъ какой либо рыцарь науки побѣдитъ меня, я сдамъ ему охотно. А между тѣмъ продолжаю свое книжное дѣло.

Въ библіотекѣ Руссика еще есть замѣчательная псалтирь, писанная на пергаментѣ въ XIII вѣкѣ. Въ ней на верхнихъ и нижнихъ поляхъ кратко выражено *пророчесвенное* содержаніе каждаго псалма. А содержаніе это было показано епископомъ Кесаріи Палестинской Евсеіемъ Памфиломъ, современникомъ Константина Великаго, скончавшимся въ 340 году. Вотъ оно:—

Εὐσεβίου τοῦ Παμφίλου ὑπόθεσις εἰς τοὺς ψαλμοὺς.

Исаамы.

1. Προτροπή θεοσεβείας καὶ ἀποτροπή τοῦ ἐναντίου: побужденіе къ благочестію и предостереженіе отъ нечестія.
2. Пророчество о призваніи народовъ.
3. Пророчество о благахъ, кои будутъ даны Давиду.
4. Προφητεία τῷ Δαβὶδ περὶ ὧν πέπονθεν: прорѣченіе Давиду о страданіяхъ его.
5. Молитва отъ лица Церкви.
6. Исповѣданіе Давида и пророчество о призваніи народовъ.
7. Διδασκαλία ἐξομολογήσεως: наученіе исповѣди.
8. Пророчество о призваніи народовъ.

9. Смерть Христа и воскресеніе, и царства воспріятіе, и враговъ всѣхъ низложеніе.
10. Побѣдная пѣснь подвизающагося ради Бога.
11. Обличеніе злыхъ, и пророчество о пришествіи Христа.
12. Чаеніе пришествія, *παρουσίας*, Христа.
13. Обличеніе злыхъ и чаеніе явленія Христа.
14. Τοῦ κατὰ θεὸν τελείου ἀποκατάστασις: возстановленіе усовершенствоваго божьяго челоуѣка въ первоузданное состояніе.
15. Избраніе Церкви и Христово воскресеніе.
16. Совершенствоу мужа, или самаго Христа молитва о тѣхъ, которые имѣють бытъ спасены имъ.
17. Благодареніе Давида и пророчество о явленіи Христа и вознесеніи.
18. Θεολογία σὺν διδασκαλίᾳ ἡθικῇ: Богословіе съ ученіемъ нравственнымъ.
19. Молитва праведниковъ, содѣйствующихъ Давиду.
20. Пророчество о страданіяхъ Христа и о призваніи народовъ.
21. Ἐντευξις τῶν συμπραττόντων τῷ δικαίῳ: Молитвенное изліяніе Праведнаго среди дѣятелей около его.
22. Διδασκαλία καὶ νέου λαοῦ ἐισαγωγή: ученіе и руководство новаго народа.
23. Пророчество о призваніи народовъ и совершенствоу спасаемыхъ.
24. Διδασκαλία ἐξομολογήσεως: наущеніе исповѣди.
25. Ἐντευξις κατὰ θεὸν προκόπτοντος: молитвенное изліяніе челоуѣка, успѣвающаго въ богоугодноу жизни.
26. Благодареніе и прошеніе благъ.
27. Моленіе съ пророчествомъ.
28. Таинственное (*αἰνιγματώδης*) пророчество и богословіе.
29. Благодареніе съ исповѣданіемъ.
30. Исповѣданіе съ мольбою.
31. Пророчество о тѣхъ, которые имѣють бытъ спасены Христомъ.

32. Παρακείμεσις ὁμολογίας σὺν θεολογία: побужденіе къ пѣсно-словію и богословіе.
33. Наученіе благодаренію.
34. Моленіе Праведнаго, и пророчество о Христѣ.
35. Обличеніе нечестивыхъ и богословіе.
36. Ученіе о благочестивой жизни.
37. Наученіе исповѣди.
38. Молитвенное изліяніе съ исповѣдію.
39. Благодареніе спасеннаго Богомъ, и поминаніе Церкви.
40. Пророчество о Христѣ и предателѣ Его.
41. Пророчество объ отверженіи Іудейскаго народа.
- 42) Тоже самое.
- 43)
44. Второе пришествіе Христова.
45. Проповѣдь апостоловъ.
46. Признаніе народовъ.
47. Пѣснь церкви Богу.
48. Θείας ἀκρόασις διδασκαλία: наученіе слушанію слова Божія.
49. Упраздненіе Моисеева закона о жертвоприношеніяхъ и установленіе Новаго Завѣта.
50. Наученіе исповѣди.
51. Обличеніе лукавства и конецъ сего порока.
52. Явленіе Спасителя, и безбожія отмѣненіе.
53. Молитва подвизающагося богоугодно.
54. Обличеніе возстающихъ противъ Христа.
55. Благодареніе Праведнаго, избавленнаго отъ враговъ.
56. Благодареніе Давида и пророчество о призваніи народовъ.
57. Ученіе о праведномъ судѣ Божіемъ.
58. Призваніе народовъ и отверженіе Іудеевъ.
59. Моленіе съ благодареніемъ.
60. Моленіе съ благодареніемъ.
61. Ученіе врачушующее.
62. Благодареніе совершеннаго человѣка божія.

63. Наученіе благочестію подвижническому.
64. Призваніе народовъ и проповѣдь апостоловъ.
65. Призваніе народовъ и мученичество апостоловъ.
66. Тоже.
67. Вочеловѣченіе Христа и призваніе народовъ.
68. Страданія Христа, и отверженіе Іудеевъ.
69. Мольба Праведнаго, или и самаго Христа.
70. Страданія Христа и воскресеніе.
71. Пророчество о царствѣ Христовомъ и призваніе народовъ.
72. Исповѣданіе чelовѣческой немощи при взглядѣ на благополучіе нечестивыхъ и на долготерпѣніе Божіе.
73. Предсказаніе послѣдняго завоеванія Іудеи Веспасіаномъ и Титомъ.
74. Χριστὸ θεολογία καὶ ὑπόμνησις τοῦ θεοῦ δικαστηρίου: богословіе о Христѣ и напoминаніе о Божіемъ судѣ.
75. Местъ суда Божія нечестивымъ.
76. О долготерпѣннiи Бога и о чудныхъ дѣлахъ Его.
77. Χριστὸ διαβολὴ πρὸς τὴν ἐκκλησίαν περὶ τῆς τοῦ προτέρου λαοῦ παρανομίας: Вѣсть Христа Церквѣ о беззаконіи ветхозавѣтнаго народа.
78. Пророчество о событіяхъ въ Іудеѣ при Антиохѣ.
79. Пророчество объ осадѣ Іерусалима Ассиріанами, и мольба о явленіи Христа.
80. Призваніе народовъ и ученіе о событіяхъ съ ветхозавѣтнымъ народомъ.
81. Обличеніе князей Іудейскаго народа и пророчество о народахъ.
82. Моленіе о народѣ, потерпѣвшемъ неудачи, и прорѣченіе о концѣ враговъ Бога.
83. Вочеловѣченіе Христа, и о Церквахъ.
84. Пророчество о Христѣ и объ искупленныхъ Имъ.
85. Пророчество о призваніи народовъ.
86. Вочеловѣченіе Христа.
87. Пророчество о смерти Христа.

88. Царство Христа отъ сѣмени Давида.
89. Отверженіе Іудеевъ.
90. Побѣда Христа и всякаго усовершившагося вѣрою въ него.
91. О успокоеніи въ Богѣ.
92. Пѣснь царства Христа при первомъ пришествіи Его.
93. О гоненіяхъ на Церковь.
94. Призываніе Іудеевъ и отверженіе ихъ.
95. Призываніе народовъ и Христово пришествіе.
96. Пѣснь царства Христа при второмъ пришествіи Его.
97. Призваніе народовъ и Христово пришествіе.
98. Гимнъ царства Христова.
99. Призваніе народовъ.
100. Гимнъ богоспасеннаго.
101. Плачь о ветхозавѣтномъ народѣ и пророчество о людяхъ новыхъ, и призваніе народовъ.
102. Наученіе благодаренію.
103. Наученіе Славословію.
104. Повѣданіе народамъ о благодѣяніяхъ Бога, оказанныхъ ветхозавѣтному народу.
105. Повѣданіе нечестія народа Іудейскаго.
106. Пророчество о призваніи народовъ и восшествіи Бога Слова на небо.
107. Призваніе народовъ.
108. Страданія Христа.
109. Побѣда Христа.
110. Благодареніе Христу.
111. Ученіе Христа.
112. Призваніе новаго народа.
113. Ученіе новаго народа.
114. Успѣхъ новаго народа.
115. Усовершеніе новаго народа.
116. Призваніе народовъ.
117. Побѣда подвижающихся о Христѣ, и пророчество о немъ.

118. Στοιχείωσις τῆς κατὰ θεὸν εἰσαγωγῆς: перечень духовнаго возрастанія.
 119. О переселеніи (вавилонскомъ).
 120. О возвращеніи изъ Вавилона и разсѣяніи.
 121. О возвѣщеніи благъ.
 122. Молитва.
 123. О благодареніи.
 124. Περὶ ἀποκαταστάσεως: о возстановленіи (т. е. о состояннн души послѣ воскресенія мертвыхъ.)
 125. Чаяніе будущаго.
 126. Созиданіе Церкви.
 127. Призваніе народовъ.
 128. Страданія Христа и побѣда воинства Божія.
 129. Молитва мучениковъ.
 130. О смиренномудрїи.
 131. Молитва Давида и явленіе Христа.
 132. Λαοῦ τελείου: (голосъ) людей усовершившихся.
 133. Λαοῦ ἀρχομένου:— людей начинающихъ.
 134. Διδασκαλία εἰσακτικῆ: ученіе пригготовительное.
 135. Благодареніе искупленныхъ.
 136. Вопли Святыхъ въ плѣну.
 137. Благодареніе искупленныхъ, съ пророчествомъ.
 138. Изліянн Праведника, съ Богословіемъ.
 139. Вопли подвизающагося о Богѣ.
 140. Молитва совершеннаго угодника Божія.
 141. Вопль побораемаго праведника Божія.
 142. Молитва исповѣдующагося.
 143. Благодареніе побѣдившаго.
 144. Гимнъ съ богословіемъ.
 - 145—149. Тоже.
 150. Παρακείμεσις ὄρνου καθολικῆ: приглашеніе всѣхъ къ Богохваленію. (Всякое дыханіе да хвалитъ Господа).
- Итакъ Псалтирь, по указанію епископа Евсевія Памфила, почти вся содержитъ пророчества о Христѣ, о царствѣ его, и о

приваніи народовъ въ это царство послѣ отверженія Іудеевъ, словомъ, догматическое Богословіе. Но его ли это указаніе? Имъ ли оно придумано? Нѣтъ. Евсевій передалъ пониманіе первенствующей Церкви Христовой, пониманіе пророчественности Псалтири; а церковь эта узнала пророчественность ея отъ апостоловъ, которые словесно и письменно приводили пророчества изъ Псалтири; апостолы же слышали отъ самаго Христа: „*испытайте Писанія... оныя свидѣтельствуютъ о мнѣ*“.— „*И начавъ отъ Моисея, изъ всѣхъ пророковъ изъяснилъ имъ сказанное о Немъ во всемъ Писаніи.* (Лук.) Псалтирь безъ пророчественности едва ли читалась бы и пѣлась бы всѣя во время христіанскаго богослуженія: мы слышали бы только нѣкоторые отрывки изъ нея, подобно тому, какъ слышимъ нѣчто изъ книги Притчей, изъ Премудрости Соломоновой, а изъ книгъ Еккліаста, Пѣсни пѣсней, Есѣири, не слышимъ даже и ни одинаго слова.

Было бы полезно выписать изъ Псалтири тѣ слова, кои соотвѣтствуютъ указанному Евсевіемъ содержанію ея; на примѣръ: слова, *всякое дыханіе да хвалитъ Господа* въ 150 псалмѣ, дѣйствительно, призываютъ *всѣхъ* къ Богохваленію, какъ это выразилъ Евсевій. Но этимъ дѣломъ пусть займется наши богословы: а я спѣшу продолжать описаніе лучшихъ манускриптовъ Аеоноруссика.

Между ними замѣчательна Псалтирь, переложенная въ героическіе стихи Лаодикійскимъ епископомъ Аполлинаріемъ *) (370 г.) Я съ жадностію книгоѣда читалъ эту новизну для меня, и переписалъ двадцать одинъ псаломъ съ лексиконными уясненіями древле-поэтическихъ словъ почти на каждомъ псалмѣ; на примѣръ: *κοτεσάρμενος—ὀργισθεὶς, ἔγρεο καὶ με σάω—ἀνάστα καὶ σόζου, περισσολαχῆσιν—σεναγμοῖς, ὄχα—ταχέως.* Такъ какъ у насъ рѣдко кто знаетъ эту Аполлинаріеву Псалтирь, то я помѣщаю здѣсь отрывки изъ нея:

*) Она напечатана была съ Латинск. переводомъ въ Парижѣ въ 1580 году.

Ψ α λ μ ο ς Α.

“Ολβιος ὅστις ἀνὴρ ἀγορήνδ’ οὐ νίσειτ’ ἀλιτροῖς,
Οὐδ’ ἐπὶ δὴν σήριξεν ἀτασθάλων ἴχνος ἀταρπῶ,
Οὐδ’ ὀλοῆς ἔδρησιν ἐφίζετο λυμαντήρων.

Ψ α λ μ. Β.

Τιφθ’ ὑπεροπλίην κενεόφρονα σύνθετο φῶλα,
Καὶ γαίης βασιλῆες ἀλλίσθησαν ἔτοιμα,
Καὶ σφέων ἠγερέθοντο δικαστόλοι εἰς ἔν ιόντες,
Ἀθανάτου κατέναντα, κατέναντά τε Χριστοῦ;

Сладко читать и понимать такіе хорошіе стихи! Пригоди-
лось же мнѣ прилежное изученіе древле-еллинскоѣ поэзіи въ
Одессѣ подѣ руководствомъ грека Хризохόоса!

Люблю я классицизмъ. На Аѳонѣ, гдѣ на столъ подаютъ те-
бѣ только овощи варенные и печенные, жаренные и паренные, тамъ
только и посластишься чтеніемъ Омира, Есхила, Θεокрита, Пин-
дара, Аполлинарія.

А посидишь въ библіотекахъ Аѳонскихъ, да считаешь ста-
ринныя рукописи, такъ узнаешь многое новое, или дополнишь,
либо исправишь свои прежнія свѣдѣнія. Прежде я слыхалъ, что
у Грековъ (будто бы) не было акаѳиста Сладчайшему Іисусу; од-
нако въ концѣ вышеразсмотрѣнной Евсевіевой Псалтири XIII
вѣка усмотрѣлъ этотъ акаѳистъ. Примемъ же это къ свѣдѣнію.
А вотъ и еще достопримѣчательность въ библіотекѣ Руссика. Это—
— Весь Новый Завѣтъ, *Νέα Διαθήκη*, начиная отъ евангелія
Матѳея до апокалипсиса включительно, въ 5 вершковъ длины и
4 ширины. Онъ писанъ на бѣломъ и тонкомъ пергаментѣ мелкимъ,
но четкимъ и красивымъ почеркомъ въ X вѣкѣ. Эта рукопись,
какъ видно изъ приписокъ на ней, принадлежала Евстаѳію Ди-
лію, въ 1565 году жившему въ городѣ Іоаннинѣ.

Текстъ въ ней—церковный, католическій. Зачала и оконча-
нія недѣльныхъ евангельскихъ чтеній намѣчены въ срединѣ ея
словами: ἀρχή, τέλος. Послѣ евангелистовъ Матѳея, Марка и Лу-

ки написаны предисловія къ нимъ, сочиненныя Козмою Индоплавателемъ, который жилъ и трудился въ 540 годахъ: посему можно думать, что и всѣ четыре Евангелія переписаны съ изданія сего Индоплателя. Послѣ евангелія Іоанна непосредственно слѣдуетъ 'Υπόθεσις τῆς βίβλου τῶν πράξεων, т. е. *содержаніе книги Дѣяній (апостольскихъ)*, и слѣдующая важнѣйшая приписка:

Παῦλος ἀπόστολος ἐμαρτύρησεν ἐπὶ Νέρωνος καίσαρος Ῥωμαίων ξίφει τὴν κεφαλὴν ἀποτμηθεὶς ἐν τῷ λς ἔτει τοῦ σωτηρίου πάθους ἐν Ῥώμῃ, πέμπτη ἡμέρα κατὰ Συρομακεδόνας Πανέμου μηνός, ὅστις λέγεται παρ' Αἰγυπτίους ἐπιφί, παρὰ δὲ Ῥωμαίοις ἢ πρὸ τριῶν καλανδῶν ἰουλίων καθ' ἣν ἐτελειώθη ὁ ἅγιος ἀπόστολος τῷ κατ' αὐτὸν μαρτυρίῳ, ἐξηκοστῷ καὶ ἐνάτῳ ἔτει τῆς τοῦ Κυρίου καὶ θεοῦ καὶ σωτῆρος ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ παρουσίας. Ἔστιν δὲ ὁ πᾶς χρόνος, ἐξ οὗ ἐμαρτύρησε, τριακόσια τριάκοντα ἔτη μέχρι τῆς παρουσίας ἐνάτης ἰνδικτιῶνος τῆς πέντε καὶ δέκα ἐτερικῆς περιόδου: μηνὶ ἰουνίῳ κθ'. —

Павель апостоль мученически скончался при Неронѣ кесарѣ римскомъ, будучи усѣченъ мечемъ во главу, въ 36-е лѣто спасительнаго страданія, въ Римѣ, въ пятый день Сиромакедонскаго мѣсяца Панема, который у Египтянъ называется Елифи, а у Римлянъ бываетъ предъ тремя календами Юльскими, *въ этотъ день скончался святой апостоль его мученическою смертію въ шестьдесятъ девятое лѣто отъ пришествія Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа.* Всѣхъ же годовъ съ поры его мученичества считается 330 до настоящаго 9 индикта пятнадцатилѣтнаго періода: мѣсяца юня 29.

Для лучшаго уясненія и оправданія этой приписки сопоставляю съ нею подобную же, но болѣе полную, приписку на моей собственной рукописи 1301 года, содержащей дѣянія и посланія апостольскія, обозначивъ разницы косвенными буквами.

Ἐπὶ Νέρωνος τοῦ καίσαρος Ῥωμαίων ἐμαρτύρησεν αὐτόθι Παῦλος ὁ ἀπόστολος: ξίφει τὴν κεφαλὴν ἀποτμηθεὶς ἐν τῷ λς ἔτει τοῦ σωτηρίου πάθους, τὸν καλὸν ἀγῶνα ἀγωνισάμε-

При Неронѣ кесарѣ Римлянъ мученически скончался *здесь**) Павель апостоль, мечемъ во главу усѣченный, въ 36-е лѣто спасительнаго страданія, *добрымъ*

*) Т. е. въ Римѣ.

νος ἐν Ῥώμῃ· πέμπτῃ ἡμέρᾳ Πανέμου μηνός, ἣτις λέγεται ἂν κατ' Αἰγυπτίους ἐπιφί πέμπτῃ, Ῥωμαίοις δὲ πρὸ τριῶν καλανῶν Ἰουλίου· καθ' ἣν ἐτελειώθη ὁ ἄμιος ἀπόστολος τῷ κατ' αὐτὸν μαρτυρίῳ ξθ τοῦ σωτήρος ἡμῶν παρουσίας. Ἔστιν οὖν ὁ πᾶς χρόνος, ἐξ οὗ ἐμαρτύρησε, τριακόσια τριάκοντα ἔτημέχρι τῆς παρουσίας ταύτης ὑπατίας, τετάρτης μὲν Ἀρχαδίου, τρίτης δὲ Ὀνορίου τῶν β' ἀδελφῶν αὐτοκρατόρων Αὐγούρων· ἐνάτης ἰνδικτιῶνος τῆς πέντε καὶ δέκα ἐτερικῆς περιόδου· μηνός δὲ εἰκοστῆ ἐνάτῃ ἡμέρᾳ. —

Καὶ ἀπὸ τῆς ὑπατίας τετάρτης μὲν Ἀρχαδίου μέχρι τῆς παρουσίας, ταύτης ὑπατίας πρώτης Λεόντος Αὐγούρου· ἰνδικτιῶνος ιβ'· ἐπιφί πέμπτῃ. Διοκλητιανοῦ ροθ', ἔτη: ξγ': ὡς εἶναι τὰ πάντα ἀπὸ τῆς τοῦ σωτήρος ἡμῶν παρουσίας μέχρι τοῦ προχειμένου χρόνου ἔτους ἔτη υξβ':

δόξα τῷ θεῷ πάντων ἕνεκα· εὐχου τῷ γράψαντι.

подвигаго подвижавиши въ Римѣ, въ пятый день Панема мѣсяца, который (день) у Египтянъ называется пятый Епифи, а у Римлянъ предъ тремя календами юля. Въ этотъ день скончался святыи апостоль Его мученическую смертию въ 69 лѣто пришествія Спасителя нашего. И такъ всѣхъ годовъ съ поры его мученичества считается 330 до сего настоящаго четвертаго консульства Аркадія, и третьяго (консульства) Онориѣ, двухъ братьевъ самодержцовъ Августыишиихъ, девятаго индикта пятнадцатилѣтнаго періода, мѣсяца же юня въ 29 день. —

А отъ четвертаго консульства Аркадія до сего настоящаго перваго консульства Льва Августа, индикта 12-го Епифи пятаго дня (отъ Диоклитіана 174-е) такъ что всѣхъ лѣтъ отъ пришествія Спаса нашего до подлежащаго года, четыреста шестьдесятъ два: —

Слава Богу за все. Молись о написавшемъ сіе.

Сопоставивъ эти двѣ приписки, разлагаю ихъ на части, критикую и дѣлаю изъ нихъ надлежащіе выводы.

Индиктъ отъ латинскаго глагола *indico*—показываю, есть показатель времени. Онъ со времени римскаго императора Августа неотгмѣнно начинался въ первый день сентября, и служилъ показателемъ на цѣлый годъ до будущаго 1-го Сентября. Всѣхъ индиктовъ назначено было только 15-ть на каждыя пят-

надцать лѣтъ. По прошествіи этихъ лѣтъ опять начинался индиктъ 1-й. Напримѣръ:

Годы отъ Р. Х.	Индикты	Годы отъ Р. Х.	Индикты
343	1	356	14
344	2	357	15
345	3		
346	4	358	1
347	5	359	2
348	6	360	3
349	7	361	4
350	8	362	5
351	9	363	6
352	10	364	7
353	11	365	8
354	12	366	9
355	13	402	15

И такъ далѣе.

Присмотрѣвшись къ этому индикціонному численію времени, понимаемъ: что значить въ выше приведенныхъ припискахъ 9-й индиктъ *пятнадцатилѣтняго періода*.

Кромѣ сего знай, что древніе римляне и греки, христіане, считали время еще по Упатствамъ, или что то же, по консульствамъ. Напримѣръ:

Въ первый годъ рождества Христова	консулами были Кай Юлій Цезарь и Эмилиѣ Павель.
Во второй годъ отъ Р. Х.	— Алфиній, Афраній, Варъ и Непось.
Въ третій „ „ „	Элій Ламіа и Сервилій Геминъ.
Въ трехсотый „ „	Константій Хлоръ и Галерій Максиміанъ Цезарь.
Въ триста первый „ „	Постумій Титіанъ и Попилій Непотіанъ.
Въ 396-й годъ „ „	Аркадій Августъ и Онорій Августъ, два родные брата.
Въ 462-й годъ „ „	Левъ Августъ.

Теперь по консульствамъ и индиктамъ самъ считай годы, показанные въ обѣихъ вышеприведенныхъ припискахъ.— Во второй припискѣ поименованы консулы Аркадій и Онорій; а консулами они были въ 396 году; въ этотъ же годъ индиктъ, поставленный въ обѣихъ припискахъ 9-мъ, дѣйствительно былъ 9-й; и такъ ты вѣрно узнаешь 396-й годъ.

Вычти же изъ этого числа 330 лѣтъ, протекшіе отъ кончины Павла до консульства Аркадія и Онорія, ты получишь 66-й годъ отъ Р. Х. (396—330=66). Въ этотъ 66-й годъ скончался Павелъ въ Римѣ при Неронѣ, который тогда еще былъ живъ и царствовалъ. А и въ обѣихъ припискахъ упомянуто, что Павелъ замученъ при Неронѣ. Итакъ приписки вѣрны; вѣренъ и счетъ годовъ.

Въ этихъ припискахъ сказано, что Павелъ замученъ спустя 36 годовъ по смерти Христа. Присоединимъ къ этимъ годамъ 30 лѣтъ отъ рожденія Спасителя: получимъ тотъ же 66-й годъ, который мы уже нашли, и вмѣстѣ узнаемъ, что первый, старшій составитель приписки, той-что въ Русикѣ, вмѣстѣ съ нѣкоторыми хронологистами надревнѣйшими полагалъ, что Иисусъ Христосъ жилъ только 30 лѣтъ: на 30 году крестился, въ этотъ же одинъ годъ училъ, чудодѣйствовалъ и умеръ на крестѣ.

Послѣ сего сдѣлаемъ обратный счетъ годовъ, не отъ консульства Аркадія и Онорія, а отъ рождества Христова *по указанію приписокъ*: мы получимъ тѣже итоги.

Отъ рожденія Христа до смерти Его прошли	30 лѣтъ.
Отъ смерти Его до кончины Павла	36
Отъ кончины Павла до консульства Аркадія и Онорія.	330
	<hr/>
Итого	396

Повѣримъ счетъ годовъ, продолженный на моемъ манускриптѣ: Отъ консульства Аркадія или отъ 396 года до консульства Льва Августа прошли 63 года: ошибка писца въ моемъ манускриптѣ! Надобно считать . . . 66 лѣтъ

Получится . . . 462-й г.

Въ этотъ годъ консуломъ былъ, дѣйствительно, Левъ Августъ. Этотъ же годъ есть 462 отъ рождества Христова по слѣдующимъ двумъ указаніямъ на моемъ манускриптѣ.

А) Отъ рожденія Христа до смерти Его прошли	30 лѣтъ.
Отъ смерти Его до кончины Павла	36
Отъ кончины Павла до Аркадія	330
Отъ Аркадія до Льва	66

Итого 462 отъ

Р. Х., указанные въ моемъ манускриптѣ.

Б) Отъ рождества Христова до гоненія Діоклитіана прошли ,	288 л.
Отъ Діоклитіана до Льва Августа	174 г.

Итого 462 г.

Послѣ сего наивѣрнѣйшаго лѣтосчисленія считаю нужнымъ обнаружить вотъ что: Во первыхъ 462-му году соотвѣтствуетъ не 12 индиктъ, показанный въ моемъ манускриптѣ, а 15-й; стало быть: онъ показанъ такъ по ошибкѣ переписчика. Во вторыхъ, въ обоихъ манускриптахъ, о коихъ идетъ рѣчь, слова, — *καθ' ἣν ἐτελειώθη ὁ ἅγιος ἀπόστολος τῷ κατ' αὐτὸν μαρτυρίῳ ἐξηκοσῶ καὶ ἐνάτῳ ἔτει τῆς τοῦ Κυρίου... παρουσίας*—эти слова *вставлены* послѣ какимъ-то хронологистомъ, который считалъ 33 года жизни Спасителя, и потому сказалъ, что Павелъ замученъ въ 69 году отъ Р. Х. Эта вставка должна быть исключена по слѣдующимъ научнымъ требованіямъ. 1) Павелъ замученъ былъ при Неронѣ, а Неронъ умеръ ранѣе 69 года по Р. Х; слѣдовательно этотъ годъ вставленъ невѣрно. 2) Вставка эта грамматически не вяжется съ строемъ приписки. 3) Если мы 69-й годъ примемъ за годъ смерти Павла и скажемъ, что отъ смерти его до Аркадія прошли 330 лѣтъ, то получимъ 399 годъ: а въ этотъ годъ индиктъ былъ 12, а не 9-й, указанный въ припискахъ, да и консулами тогда были не Аркадій и Онорій, а Манлій Θεодоръ, и Евтропій. Итакъ не надо вставки! Прочь ее!

Счеты годовъ кончены. Начинаются обѣщанные выводы для библейской критики.

Первый составитель приписки на Руссиковскомъ манускриптѣ жилъ въ 396 году по рождествѣ Христовѣ.

Тогда онъ издалъ Дѣянія и всѣ посланія апостольскія, и на этомъ изданіи намѣтилъ годъ мученической смерти апостола Павла въ Римѣ, минушіе послѣ нея годы числомъ 330-ть, и 9-й индиктъ того лѣта, въ которое самъ онъ жилъ. Но кто онъ? Изъ приписки видно, что составитель ея былъ грекъ Сиромакедонскій, жившій въ Египтѣ; ибо онъ назвалъ мѣсяць іюнь по Сиромакедонски, Панемъ, и по Египетски Епифи. Тщательное изданіе имъ полнаго Апостола съ предисловіями доказываетъ его ученость. Имя и прозваніе его скрыто. Но я полагаю, что этотъ издатель былъ тринадцатый наставникъ и начальникъ Александрійской огласительной школы, знаменитый обширнѣйшею ученостію и толкованіями св. Писанія Дидимъ, (*Διδυμος*), трудившійся въ этой школѣ съ 340 года по 396-й *).

Второй составитель приписки на *моемъ* манускриптѣ, повторившій первую приписку съ пополненіями, жилъ въ 462 году. Тогда онъ вновь издалъ весь Апостолъ съ предисловіями и со счетомъ стиховъ во всѣхъ апостольскихъ посланіяхъ. Это былъ Александрійскій діаконъ Евѳалій, извѣстный этимъ изданіемъ, которое напечатано было нѣкимъ Закагніемъ съ упоминаніемъ имени сего діакона.

Итакъ разсмотрѣнный мною Новый Завѣтъ въ Руссиковской библиотекѣ доставилъ мнѣ слѣдующія свѣдѣнія о преемственныхъ изданіяхъ сего Завѣта въ египетской Александріи: Первое изданіе полнаго Апостола съ апокалипсисомъ было сдѣлано Диди-

*) Кстати сообщаю здѣсь списокъ предшественниковъ его: 1) Аѳингоръ съ 160 года по 181. 2) Пантенъ, съ 182 по 211. 3) Климентъ, 212—213. 4) Оригенъ 213—231. 5) Иракль—232. 6) Діонисій, 233—265. 7) Шерій, 266—282. 8) Феогностъ, 283—290. 9) Серапионъ, 291—295. 10) Петръ мученикъ, 296—312. 11) Арій, 313—320. 12) Макарій, 330—340. 13) Дидимъ, 340—396. 14) Родонъ. Послѣ него огласительная школа въ Александріи прекратила свое существованіе.

момъ въ 396 году, а второе Евваліемъ въ 462 году, четыре же евангелія изданы были тамошнимъ монахомъ Козмою Индоплателемъ около 540 года.

Всѣ эти изданія были весьма уважаемы православными христианами. Доказательствомъ тому служатъ *многіе* списки съ нихъ, которые я видѣлъ въ библіотекахъ Синайскихъ, Сіонскихъ, Афонскихъ и Метеорскихъ. Уваженіе же къ нимъ обусловливалось правильностію содержащагося въ нихъ текста, принятаго вселенскою православною Церковію. Съ этихъ-то древнѣйшихъ изданій и надобно намъ печатать Новый Завѣтъ, разумѣется, осторожно и тщательно, по сличеніи многихъ однородныхъ манускриптовъ между собою и съ моимъ манускриптомъ Евваліевскимъ, переписаннымъ въ 1301 году. Такой трудъ я взялъ бы на себя, дабы напечатаніемъ оныхъ избавиться отъ поклоновъ Нѣмцамъ, и имѣть текстъ св. Писанія свой, православный, католическій, надревнѣйшій. Но успѣю ли я сдѣлать это? На умъ приходитъ греческая поговорка: εἰς οὐδαίς, - т. е. *одинъ въ полъ не воинъ*.

А поле разстилагется предо мною великое и пространное. Иди тутъ впередъ да впередъ, собирай цвѣты, и клади ихъ на жертвенникъ Науки. Иду, собираю и кладу.

Вотъ крупный и сочный цвѣтъ знаменитаго патріарха Фотія, называемый τὰ Ἀμφιλόχεια, ἢ λόγων ἱερῶν καὶ ζητημάτων ἱερολογία πρὸς Ἀμφιλόχειον τὸν δσιώτατον μητροπολίτην Κυζίκου, ἐν τῷ καιρῷ τῶν πειρασμῶν, ζητημάτων διαφόρων εἰς ἀριθμὸν 300 συντεινόντων ἐπὶ λόγον αἰτησάμενον: т. е. *Амфилохія, или толкованіе рченій св. Писанія и ршеніе вопросовъ Амфилохія преподобнѣйшаго митрополита Кизическаго, который во время бѣдственнаго просилъ (Фотія) ршить ему разные вопросы, числомъ 300*. Эта рукопись на бумагѣ, въ большой листъ, въ 606 страницъ, переписана мелкимъ греческимъ почеркомъ въ прошломъ столѣтіи. Она раздѣлена на двѣ книги въ одномъ переплетѣ. Въ первой книгѣ содержатся сто отвѣтовъ Фотія на вопросы Амфилохія, а во второй 194 отвѣта ему же. Эту рукопись кто-то сличалъ съ другими тезоименитыми рукописями, и на поляхъ ея отмѣтилъ раз-

ночтенія. Не знаю, какъ она досталась Руссику. (Такая же рукопись на пергаментѣ находилась въ аѳонской лаврѣ св. Аѳанасія. Лавріоты препроводили ее въ Аѳины для напечатанія; и она тамъ напечатана, и посвящена нашему Государю Александру Николаевичу). Тутъ я вычиталъ, что современникъ ап. Петра Симонъ волхвъ, первый изъ всѣхъ, держалъ у себя образъ Христа, и выставялъ его при совершеніи крещенія. Изъ этой рукописи извлечены мною нѣкоторые вопросы и отвѣты и помѣщены въ моемъ каталогѣ руссиковскихъ манускриптовъ.

Кромѣ этой Амфилохін и кромѣ рукописей, содержащихъ св. Писаніе, замѣчательны

В. ИЗЪ ЧИСЛА БОГОСЛУЖЕБНЫХЪ КНИГЪ.

— *Чинъ* литургій Василия великаго, Іоанна Златоустаго, и Пржеосвященныхъ даровъ, на пергаментѣ, писанный въ 1409 году. — Тутъ не положена молитва при освященіи Даровъ: „Господи, иже пресвятаго твоего Духа“... Но за то по нашему написано: „Твоя отъ твоихъ тебѣ *примослаще*, а не *приносимъ*, какъ возглашаютъ нынѣшіе Греки: и еще: „со страхомъ божіимъ и вѣрою приступите“. Недавней же прибавки греческой — „и *любовію*“ — нѣтъ.

— Κανόνες ἑγκωμιαστικοὶ καὶ παρακλητικοὶ εἰς τὴν ὑπεραγίαν θεοτόκον, ψαλλόμενοι εἰς τὰ ἀπόδειπνα: т. е. *хвалѣбные и молебные каноны пресвятой Богородицы, поемые въ повечерія*. Болѣе 70 каноновъ. Толстая рукопись на пергаментѣ писана хорошимъ почеркомъ въ 1209 году. Всѣ эти каноны начинаются съ субботняго дня. Въ каждую субботу положены два и три канона, а въ прочіе дни по одному. Всѣ они поются на восемь гласовъ.

— Мѣсяцесловъ съ кондаками и тропарями писанъ нѣкимъ Гедеономъ въ 1414 году. Начало его потеряно.

— Συναξαριστής, т. е. Собраніе краткихъ житій св. мужей и женъ. Рукопись XIII вѣка, къ сожалѣнію, неполная. Нѣтъ

ни начала, ни конца. Нѣкоторыя житія, напримѣръ, Евфросиніи, дочери Пафнутія египетскаго, написаны стихами.

В. ИЗЪ ТВОРЕНІЙ СВ. ОТЦОВЪ И ПРОПОВѢДНИКОВЪ

заслуживаютъ вниманіе слѣдующія рукописи:

— Слова св. Василія Великаго. Прекрасная рукопись на бѣломъ пергаментѣ въ листъ. Она писана въ X вѣкѣ въ два столбца превосходнымъ почеркомъ съ раззолоченными заглавными буквами, но къ сожалѣнію не имѣетъ ни начала, ни конца.

Въ первой уцѣлѣвшей тетради содержится 7-е слово, изъясняющее 32-й псаломъ. Толкованія псалмовъ окончены 115 псалмомъ. Потомъ слѣдуютъ первое и второе слово о постѣ, послѣ нихъ 19-е Слово о вниманіи къ себѣ и 20-е о благодареніи. Последняя бесѣда 37-я—*Ὁμιλία ῥηθεῖσα ἐν Λακίμοις*.

— Βασιλείου ἀρχιεπισκόπου Καισαρείας Καππαδοκίας ἐξηγήσεις καὶ ὑποσηματισμοὶ εἰς με λόγους Γρηγορίου Ναζιανζηνοῦ τοῦ θεολόγου, ἀφιερωθέντες Κωνσταντίνῳ αὐτοκράτορι τῷ πορφυρογεννήτῳ. *Василія архієпископа Кесаріи Каппадокійской* (не святаго, иного) *изъясненія и примчанія при 45 словахъ Григорія Богослова Назіанзійскаго, посвященныя порфирородному самодержцу Константину* (который умеръ 11 Ноября 1028 года). Претолстая рукопись на пергаментѣ въ 5 вершковъ длины и 4 ширины. Она писана стенографически мелкимъ почеркомъ съ изъясненіями на поляхъ. Слова 45-го нѣтъ, а 44-е кончено. Всѣхъ страницъ 554. Эта рукопись, кажется, современна Константину Порфирородному. Въ ней найдешь всю ученость одинадцатаго вѣка. Она драгоценна. Но кто желаетъ прочесть, переписать и напечатать ее, тотъ пусть посвятитъ сему труду лѣтъ семь, если не болѣе.—Эта рукопись, какъ видно изъ приписокъ на ней, принадлежала Пелагонійскому епископу Димитрію: а онъ пожертвовалъ ее монастырю св. великомученика Димитрія муроточиваго, находившемуся, вѣроятно, въ его епархіи.—На второмъ листкѣ помѣщено оглавлен-

ніе словъ, а на третьемъ посвященіе царю. Оно начинается такъ: Προοίμιον: Βασίλειος ἀρχιεπίσκοπος ταπεινὸς Καισαρείας Καππαδοχίας.— „Ἐν ταῖς μεγίσταις καὶ δημοτελέσι τῶν πανηγύρεων, μέγιστε αὐτοκράτωρ, οὐ μόνον οἱ ἐν τέλει... κ. τ. λ. Очень трудно читать, потому что чернила весьма блѣдны. Предоставляю другимъ прочесть и переписать это предисловіе и всю книгу.

— Λέοντος σοφοῦ βασιλέως Λόγοι ἐκκλησιαστικοί: *Льва Мудраго царя слова церковныя.*— Эта рукопись на бумагѣ, въ большой листъ переписана въ 1845 году іеродиаконѣмъ русской киновіи Амфилохіемъ. Всѣхъ словъ 35-ть, да пѣснь, ὠδάριον, о второмъ пришествіи Христовомъ.—Слова эти были говорены (sic) царемъ Львомъ Мудрымъ († 911 г.) въ разныхъ церквахъ, въ великую субботу, въ Пасху, въ господскіе и богородичные праздники, и въ празднества Святымъ, по случаю освященія храмовъ и возведенія брата его Стефана въ санъ патриаршіи (Слово 17-е.) Тридцатое Слово, по причинѣ недосуга царя Льва, произнесено было придворнымъ чиновникомъ, ὑπογραφεύς.—Въ этихъ словахъ loquentiae sat̄is, sapientiae parum, т. е. *говорливости много, а мудрости мало.* Когда я во второмъ словѣ прочелъ слѣдующія слова: ὦ μακάριαι γυναῖκες... πρώται μὲν τὸ χωρίον τῆς ἀφθαρσίας ὡραῖφ ποδὶ κατελάβετε, т. е. *о, блаженныя жены... вы первыя къ вѣстимому нетлѣннѣя (гробу Господню) красною стопою подошли:* улыбнулся и закрылъ рукопись, подумавъ, что царю Льву и у св. Мвроносицъ мерещились хорошенькія ножки.

— Σωμεῶν τοῦ ἀγιωτάτου ἀρχιεπισκόπου Θεσσαλονίκης (τοῦ νέου θεολόγου) περὶ τῶν μυστηρίων τῆς ἐκκλησίας: *Симеона святѣйшаго архіепископа Солунскаго (новаго Богослова) о Таинствахъ Церкви.* Рукопись четкая и полная на бумагѣ въ листъ 1573 года, съ припискою: Νικόλαος ἱερεὺς ὁ Λάπτης γέγραφα. Σωθεῖς ὁ γράφας. ἐλεηθεῖς ὁ ἔχων· ἐν ἔτει ζπα μηνὶ μαῖῳ, ἰνδικτίωνος α:—Я Николай іерей Лаптевъ писалъ. Спасеніе писавшему. Помилованіе имѣющему (эту рукопись). Въ лѣто 7081, въ мѣсяцѣ маѣ, при индиктѣ 1-мъ.

— Τοῦ σοφωτάτου Κυροῦ Μαξίμου ἱερομονάχου τοῦ Πελοποννησίου Διδαχαὶ εἰς τὰς κυριακάς τοῦ ὅλου ἐνιαυτοῦ, ἀρχόμεναι ἀπὸ τῆς κυριακῆς πρὸ τῆς ὑψώσεως τοῦ σταυροῦ. Τόμοι δύο in 4^ο *Мудрѣйшаго господина Максима іеромонаха Πελοπονнесца Поученія въ воскресные дни всего года, начинающіяся съ недѣли предъ воздвиженіемъ креста. Два тома въ 4-ю долю листа.*—Въ первомъ томѣ 31 поученіе. Последнее изъ нихъ въ пятую недѣлю великаго поста. Этимъ поученіямъ предшествуетъ предисловіе, написанное самимъ проповѣдникомъ 7 мая 1614 года въ городѣ Іоаннинѣ. Въ концѣ сего тома приписано: Τὸ παρὸν Κυριακοδρόμιον ἐγράφη ἐν ἔτει 7158 χειρὶ Ἀντωνίου εὐτελοῦς ἱερομονάχου, οὗ καὶ κτῆμα ὑπάρχει: *Настоящій кругъ недѣльный написанъ въ 7158—1650 году рукою Антонія смиреннаго іеромонаха, и ему принадлежитъ, какъ собственность.*—Второй томъ написанъ тѣмъ же Антоніемъ въ 1651 году. Въ немъ содержатся поученія во всѣ послѣдующія недѣли.

Г. ИЗЪ ЗАКОНОВѢДѢНІЯ

занимательны:

— Κανονικόν, ἧτοι οἱ θεοὶ κανόνες τῶν πανσέπτων ἀποστόλων, τῶν τε οἰκουμενικῶν καὶ τοπικῶν ἀγίων συνόδων, καὶ τῶν κατὰ μέρος θεοφόρων πατέρων, κατ' ἐπιτομήν συναλεγμένοι παρὰ ΧΡΙΣΤΟΦΟΡΟΥ μοναχοῦ τοῦ ἐν τῇ κατὰ τὴν εὐαγγῆ μονῇ τῶν Ἰβηριτῶν ἱεραῖ σκήτῃ τοῦ τιμίου προδρόμου διάγοντος: *Канониконъ, или божественныя правила всесвятыхъ апостоловъ, вселенскихъ и помѣстныхъ святыхъ Соборовъ и нѣкоторыхъ Богоносныхъ Отцовъ, сокращенно совокупленныя Христофоромъ монахомъ, живущимъ въ священномъ Скитѣ честнаго Предтечи, принадлежащемъ благоустроенной обители Иверской.*—Рукопись на бумагѣ in 4^ο. Писана четко и разборчиво. Этотъ трудъ былъ посвященъ Христофоромъ вселенскому патріарху Неофиту, когда онъ святительствовалъ во второй разъ съ 1799 года по 1800-й.

Мои выписки изъ предисловія этой рукописи:

Константинъ Алексѣй Аристинъ, діаконь и законоблуститель великой Церкви, трудился въ царствованіе Мануила Комнина около 1165 года.

Канонистъ Константинъ Арменопуль, законоблуститель и судія Θεσσαλονικійцовъ былъ почти современникъ предпоименованнаго Аристина.

Канонистъ Матѳей Властаръ іеромонахъ Θεσσαλονικійскій существовалъ около 1331 года въ царствованіе Андроника Палеолога младшаго, который былъ сынъ Михаила, а внукъ Андроника Старшаго и правнукъ латиномудрствовавшаго Михайла.

Правила Собора Карѳагенскаго составлены въ 258 году.

Правила Собора Анкирскаго	„	въ 314 году.
„ „ Неокесарійскаго	„	„ 314 г.
„ „ Гангрскаго	„	„ 330 г.
„ „ Антиохійскаго	„	„ 341 г.
„ „ Лаодикійскаго	„	„ 364 или 367 г.
„ „ Сардикійскаго	„	„ 346 г.
„ „ Карѳагенскаго	„	„ 419 или 420 г.

— Ἐπιτομή τῶν ἱερῶν κανόνων τῆς μίας ἁγίας καθολικῆς καὶ ἀποστολικῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας... συντεθεῖσα παρὰ τινος τῶν τῆς τοῦ Χριστοῦ ἐκκλησίας τροφίμων Ἀθωνίτου: *Сокращеніе священныя правилъ святой, соборной и апостольской Церкви Христовой... составленное однимъ изъ питомцевъ Церкви Христовой, Афонитомъ.* Эта рукопись на бумагѣ въ большой листъ съ 1835-ю страницами есть не что иное, какъ сборникъ, въ которомъ догматы, заповѣди, правила Церкви, ея преданія и разные уставы соединены въ одно цѣлое, такъ что составитель ихъ іеродиаконъ Неофитъ, родомъ изъ Пелопонесскихъ евреевъ, многословно разсуждаетъ и о св. Троицѣ, и о смиренномудрїи, молитвѣ и милостынѣ, о таинствахъ и о клирѣ и правахъ его, приводя на все свидѣтельства изъ

св. Писанія, изъ твореній Отцовъ церкви и изъ правилъ церковныхъ. Эта рукопись, по словамъ Руссиковскаго игумена Герасима, была пересмотрѣна недавно скончавшимся дидаскаломъ Аѳонорусскою киновіи Венедиктомъ; и онъ вырѣзалъ изъ нея много страницъ, на конхъ написано было гнилое пустословіе Неофита. Тутъ есть сказанія и разсужденія и о Франкмасонахъ и о св. огнѣ Иерусалимскомъ, котораго полученіе и раздачу Неофитъ называлъ *Драматургіею*. Это сочиненіе не стоитъ разбора. Но въ исторіи богословскою науки стоитъ упомянуть о Неофитѣ, какъ о дикой пчелѣ, которая выдѣлывала свой медъ въ прошломъ столѣтіи около 1749—1764 года. Вышепомянутый игумень Герасимъ зналъ его лично, и мнѣ отозвался о немъ такъ: *острая голова! безпокойная душа!*

Д. ИЗЪ ПАНӨКТОВЪ, ИЛИ СБОРНИКОВЪ

достоинны чтенія слѣдующія рукописи:

— Сборникъ писанный въ 1424 году. На первой страницѣ его приписано: *Post obitum reverendissimi Patris Berezansky Bibliothecae Mohileanae applicatus*. Итакъ эта рукопись принадлежала достопочтеннѣйшему отцу Березанскому, и по смерти его причислена къ бібліотекѣ Петра Могилы. А какъ она изъ Кіева попала въ Аѳонорусскіе: это Богъ вѣсть. Тутъ, кромѣ Новелль Іустиніана I, помѣщенъ *чмв* принятія въ церковь разновозрастныхъ людей, различнымъ образомъ отречшихся отъ Вѣры и опять возвратившихся.

Ἀρχή.— Εἰ μὲν παιδίον συνελήφθη καὶ ἠρνήσατο, ἢ φόβῳ καὶ ἀγνοίᾳ καὶ ἀμάθει, ὁ τοιοῦτος λαμβανέτω ἰλαστήριός εὐχὰς ἐπὶ ἑπτὰ ἡμερῶν, καὶ τῇ ὁδοῦ λουέσθω, καὶ ἀπὸ τοῦ λουτροῦ λεντίῳ περιεζωθεὶς, χρισθεῖτω μύρῳ, ὡς οἱ βαπτιζόμενοι, καὶ φορεσάτω ἱμάτια καινὰ κατὰ τὸν τύπον τῶν βαπτιζομένων.

Начало.— Если схвачено и отрелось дитя или по страху и невѣдѣнію и не обученности, то да приметъ оно очистительныя молитвы въ теченіи седми дней, а въ осьмый да омоется въ банѣ, и препоясанное лентіемъ да помажется муромъ, какъ крещаемые, и да облечется въ одежды новыя по образу крещенныхъ.

Εὐχαί.

Κύριε, Κύριε, ὁ τῶν ἀπάντων ποιητής καὶ δεσπότης, ἡ πηγὴ τῆς ἀγαθότητος...

Ὁ κλίνας οὐρανοὺς καὶ καταβάς... Κύριε ὁ θεὸς ὁ παντοκράτωρ, ὁ διὰ τῆς ἀποστολῆς τοῦ παναγίου πνεύματος...

Μεθοδίου πατριάρχου διάταξις. „Βογομίλοι τὸν μὲν Πατέρα ὡς γέροντά τινα φαντάζονται πολιόν, τὸν δὲ Υἱὸν τῆς ἀνδρικῆς ἡλικίας ἐγγύς, τὸ δὲ Πνεῦμα τὸ ἅγιον νεανίσκον, φίλὸν ἔχοντα τὸν πώγωνά.

Μοιτвы:

Господи, Господи, всѣхъ творче и владыко, источниче благодѣтелии...

Преклонивый небеса и спедый... Господи Боже вседержителю, иже ниспосланиемъ всесвятаго Духа...

Чинъ Меодія патріарха: „Βογομίлы воображаютъ Отца, какъ нѣкоего старца сѣдаго, а Сына въ возрастѣ близкомъ къ возрасту мужа, Духа же святаго въ видѣ юноши безбрадаго.

Въ особой статьѣ о разныхъ ересьяхъ сказано, что Богомиловъ называли и Кудугерами: οὗτοί εἰσιν οἱ λεγόμενοι Κουδοῦγεροι. (Объ этихъ Кудугерахъ и о князѣ Херцегѣ смотри отвѣтъ вселенскаго патріарха Геннадія Схολарія въ моемъ первомъ путешествіи на Синай.)

— Сборникъ на бумагѣ въ листъ, писанный въ 16 вѣкѣ разными почерками, изъ которыхъ Малоазійскій, похожій на Турецкое письмо, труденъ для чтенія. Эта замѣчательная рукопись принадлежала Клеирскому епископу Максиму Маргунію, который родился на островѣ Критѣ, жилъ въ Венеціи (въ 1595 году) и тамъ скончался ἐκ κωλυτικῆς αὐτοῦ διαθέσεως. Въ ней между прочими статьями помѣщена Амфилохія знаменитаго патріарха Фотія.

— Λόγοι διάφοροι на бумагѣ in 4°.—Тутъ я читалъ: а) Отрывокъ изъ третьяго слова св. Аванасія Александрійскаго, содержащаго толкованіе евангелія Матѳея, въ которомъ отрывкѣ сказано, что Іоаннъ Предтеча въ пустынѣ питался *акридами*, то есть, не саранчею, а листьями растѣнія, называемаго 'ΑΚΡΙΣ—*акрида*; б) читалъ такъ же замѣтку о томъ, что праздника Рождества Христова не было въ церкви до дней Златоустаго, и что уже онъ началъ со-

вершать его съ пѣснопѣніями, по опредѣленію, *орисифъ*, верховнаго архіерея стараго Рима.

в) Отсюда переписаль для себя стихомѣрное переложеніе Псалтѣри, сдѣланное Аполлинаріемъ. г) Здѣсь я въ первый разъ въ книжной жизни моей нашель греческія загадки: *αίνιγματα διάφορα*. Всѣхъ ихъ сто.

Загадка: Хороша невѣста наша, но крива.

Отгадка: Хороша душа наша, но грѣшна.

Загадка: Говори, мнѣ что хочешь. Я, госпожа Варвара, слышу.

Отгадка: Сколько ни грѣши, а въ рай не войдешь безъ покаенія и милостыни. Я, душа Варвара, слышу это, и выгнанная изъ рая опять стремлюсь туда.

Видѣнные мною въ библіотекѣ Руссика Панюекты такъ заинтересовали меня своимъ разнороднымъ и богатымъ содержаніемъ, что я рѣшился подробно разсматривать такіе сборники во всѣхъ книгохранилищахъ Афонскихъ. Подобная рѣшимость созрѣла во мнѣ и при чтеніи писемъ разныхъ высокопоставленныхъ лицъ, такъ какъ эти письма показались мнѣ наилучшими матеріалами для составленія исторіи церковной и исторіи наукъ. Въ Русскѣ заняли вниманіе мое—

Е. ПИСЬМА

І.—Максима Маргунія епископа Киѳирскаго къ Давиду Есхелію на языкахъ Латинскомъ и Греческомъ съ 1589 года.—Эта рукопись, въ листъ, переплетена. Въ ней всѣ письма съ печатями изъ сургуча, вытѣсенными чрезъ накладную бумагу, перенерованы. Всѣхъ № 126. Но писемъ тутъ болѣе. Ибо къ одному письму пришиты индѣ два; иногда Максимъ чрезъ посредство Есхелія пересылалъ свои письма къ другимъ лицамъ: и эти письма тутъ шиты вмѣстѣ съ прочими. Отвѣтовъ Есхелія нѣтъ: а только на адресахъ онъ надписывалъ полатински, что получили письмо тогда-то и отвѣчалъ тогда-то. На этомъ манускриптѣ ру-

кою дидаскала Дороея Вулизмы, жившаго въ Аѳоноруссикѣ, по гречески написана слѣдующая замѣтка о епископѣ Максимѣ: „Максима Маргунія, когда онъ жилъ въ Киѳирѣ, весьма опасалось Венеціанское начальство, какъ бы онъ на островахъ не подготовилъ какое-нибудь возстаніе противъ Франковъ, какъ епископъ способный убѣдить весь народъ. Посему оно, боясь его, переселило его съ Киѳиры въ Венецію, а на содержаніе ежегодно давало достаточное жалованье. Тамъ онъ жилъ, мудрствовалъ и скончался отъ сухотки, ἐκ κολλητικῆς αὐτοῦ διαθέσεως.

Содержаніе рукописи, о которой идетъ рѣчь, изложено мною въ каталогѣ непечатныхъ книгъ Руссика. А здѣсь я для знакомства съ Киѳирскимъ епископомъ Максимомъ помѣщаю лишь небольшія выдержки изъ нея.

Письмо № 1. Davidi Haeschelio, viro doctissimo, Maximus Margunius episcopus Cytherensis S. P. D.

Vides ne, quot vires tuorum morum probitas habeat! quantum naturae tuae suavitas et non vulgaris doctrina valeat, Haescheli doctissime!.... Quod de libellorum editione scripsi, rogo te, ut lubenter perficias, pergratum enim mihi feceris... Philonis atque Josephi tractatulos ne in somniis quidem, quod ajunt, vidimus; si in aliquem forte eorum incidamus, nostri sanè haud immemores officii erimus; de hoc tamen te certiores interim velim. Plethonis non aspernanda nobis superesse astronomica, nec non Gregorii Nyssae episcopi nonnullos tractatus pulcherrimos. adde his etiam in Rhetoricen tractatum, brevem quidem illum, opus vero viri doctissimi, sed ἀνεπιγράφοι. Si tibi horum alicuius opus fuerit, de hoc nos certiores facere tuum erit, nostrum vero jussa tua explere, ut ita dicam, citissime. Opuscula de virtutibus si et latina feceris, bene erit, sin minus, tuum esto judicium. Epistolam tamen ad Beatissimum Constantinopolitanum patriarcham Hieremiam, quanto citius excudi efficies, tanto mihi sane jucundius atque gratius fuerit. Mittimus insuper et quaedam nostra carmina obiter facta, quae si placuerint, tuum de ipsis quoque esto judicium.—Vale vir eruditissime atque amantissime, et quo in-

cepisti amore amare me ne desinas et atque obsecro. — Venetiis XXV die julii anno humanae salutis MDLXXXIX.

Mittimus τὸ ἀνθολόγιον. Disederamus Zosimi historiam cum aliis, et Photii Χρησομαθίαν cum Apollonio. Quidquid pretii fuerit, statim dabimus. Et scribas, obsecro, saepius.

Адресъ на оѳоротѣ полиуста:

Davidi Haeschelio magistro classico in schola Anea, viro doctissimo. Augustae.

Πισυμο № 61. Μάξιμος ταπεινὸς ἐπίσκοπος Κυθήρων Ἐσχελίῳ τῷ σοφωτάτῳ εὖ πράττειν.

† Γράφεις, τὸ εἰς τὰς Πράξεις τῶν ἀποστόλων ὑπόμνημα τοῦ Χρυσορρήμονος τὸ τῇ παρ' ὑμῖν ἀντέθησαυρισμένον βιβλιοθήκῃ εἰς ἐξήκοντα σχεδὸν ἀριθμὸν φύλλων ἦκειν. ἐγὼ δὲ τῷ παρ' ἐμοὶ σωζομένῳ ἐν μεμβράναις παλαιοτάτῳ καὶ τὸν χαρακτῆρα εἰς κάλλος ἀπεικῶς ἐξησηκόμενον ἔχοντι αὐτὸ παραβάλλον, πολλῶ τούτου ἐλλιπέστερον ἔχειν τὸ παρ' ὑμῖν διατεκμαίρομαι *). Τὸ γὰρ παρ' ἐμοὶ μένον ὁμιλίας μὲν ἐμπεριέχει πέντε πρὸς ταῖς πεντήκοντα, cartas δὲ ἦτοι φύλλα περὶ τὰ ἑκατὸν πρὸς ταῖς ἐβδομήκοντα, πρὸς δὲ καὶ ἐγκώμια ἄττα ἰδία τοῦτο ἐμπεριεῖληφεν. εἰς Παῦλον τε καὶ Πέτρον καὶ Ἰωάννην τὸν εὐαγγελιστὴν καὶ Ἰάκωβον τὸν τοῦ Ζεβεδαίου, καὶ Θωμᾶν, καὶ Ἰάκωβον τὸν Ἀλφαῖου, καὶ Βαρθολομαῖον, καὶ Φίλιππον, εἰς ἕξ πρὸς τοῖς εἴκοσι· καὶ ταῦτα φύλλα ἐξήκοντα ὡς ἐγγὺς ποῦ εἶναι τῶν διακοσίων τὸν σύμπαντα ἀριθμὸν. Ἔστι δὲ πρώτου μεγάλου μήκους, id est in magno folio, τὸ βιβλίον καὶ ἀξιόλογον.... Περὶ τοῦ Σιμπλικιανοῦ εἰς τὸ τοῦ Ἐπικτήτου ἐγχειρίδιον ὑπομνήματος καὶ πρὸς τούτου σοὶ μέμνημαι γεγραφῶς, ὅτι οὐχ' εὐρηται, καὶ τάνυν οὐδὲν ἦττον ταυτολογεῖν ἀναγκάζομαι. Σοῦ δ' ὦ σοφώτατε μοὶ Ἐσχέλιε μὴ παραδράμοι τὴν μνήμην Μάξιμος, ὃ, τε κάνταῦθα σοὶ ἐγχαράττων αὐτοσχεδίως, καὶ ὁ τοῦ συμβολικοῦ πονήματος ἱερὸς συγγραφεὺς: Si apud vos, sive apud Sylburgium invenitur Λυκόφρων cum scholiis, pergratum mihi erit, illius possessori (graecismo, velim, ignoscas) fieri. Ἐρρώμενον σὲ διαφυλάττει ὁ Κύριος ψυχῇ τε καὶ σώματι, ἀνδρῶν σοφωτάτῃ μοι καὶ φίλτατε.

*) После этого доверья Нѣмецкимъ изданіямъ Отцовъ Церкви! Нѣтъ, всѣ изданія ихъ надобно свѣрить съ рукописями восточными.

Ἐνετίηθεν, μουνιχίωνος ς ἱσταμένου κατὰ τὸ ἀφιε ἔτος τὸ σωτήριον.
De his et aliis scri- Γρηγορίου Νίσσης λόγοι ἕγ κατ' Εὐνομίου.
bas et Sylburgio, et Λέοντος βασιλέως περὶ ἀρατῶν γεωργίας.
quid animi sit, prout Νικολάου τοῦ Καβάσιλα περὶ τῆς ἐν Χριστῷ ζωῆς
hoc meam declarat λόγοι ἕξ.
epistolam, addas et Τοῦ αὐτοῦ λόγοι διάφοροι.
nomina horum au- Προκοπίου χριστιανοῦ σοφιστοῦ ἐκλογὴ
torum vale. ἐκ διαφορῶν εἰς τὸ ἄσμα τῶν ἀσμάτων.
Μεθοδίου ἐπισκόπου Πατάρων συμπόσιον περὶ ἀγ-
νείας.

Φωτίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως ἐπιστολαί
Τοῦ αὐτοῦ ἡ λεγομένη Μυριόβιβλος mea manu
exarata.

Γενναδίου τοῦ σχολαρίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως περὶ
προορισμοῦ.

Ἰωάννου τοῦ Δαμασκηνοῦ τὰ Παράλληλα.

Ἰσιδώρου Πηλουσιώτου ἐπιστολαί ἄλλαι, παρὰ τὰς
ἤδη τυπωθείσας.

Кромѣ писемъ епископа Максима въ манускриптѣ помѣщен-
ны письма другихъ лицъ къ Есхелію, именно:

- 1) Константина Лукариса 1591 года къ Есхелію Изъ
по гречески. Вене-
ци.
- 2) Его же 1591 г. по латинѣ. ци.
- 3) Его же 1590 г. по гречески.
- 4) Леонтія іеромонаха Евстратія Кипрянина безъ
года.
- 5) Его же Оттуда
- 6) Матѳея іеромонаха Галатіана 1603 года же.
- 7) Юлія Кесаря Сантамавра изъ Рима, № 115, 1604 г.
- 8) Υἱὸν ὁ Βροχθωνός, изъ Франкфурга безъ года.
- 9) Его же оттуда же сентября 29, 1600 года.
- 10) Его же. 1601 „
- 11, 12, 13) Его же 1604, 1606, 1607 г.
- 14) Его же, ἕξ Αννουίας τῆς φερ. безъ года.

15) Τῷ Οἰσχελίῳ Αἰμίλιῳ Πόρτῳ ὁ Φραγκίσκου Πόρτου Κρητὸς ἐξ Ἐδεμβέργης 1599 γ. № 123.

16) Samuel Gladius Anglobritanus 1608 an. по латынѣ.

17) Его же по гречески изъ Венеціи 1608 года.

Между письмами Максима Маргуниа вставлены (Стран. 108).

α) Κικέρωνος παράδοξα παρὰ Μαξίμου Κιθήρων ἐπισκόπου ἐκ τῆς τῶν Λατίνων εἰς τὴν Ἑλλάδα γλώτταν μεταφρασθέντα.

Ἐπαινετός δ' ἄρα οὗτος ὁ αὐτοκράτωρ...

β) Τοῖς περὶ τὴν ἱερὰν ἐσχολασίαν φιλοσοφίαν, безъ года, безъ города, безъ адреса.

γ) Τοῖς τῶν λόγων ἐρασταῖς ἐν τοῖς καλοῖς ἐπίδοσιν 1600 γ. 7 ἰουλ. Clarissimo atque doctissimo viro domino Marco Velsero. Augustae.

δ) Κυρίλλῳ τῷ Λούκαρει ὀσιωτάτῳ ἐν ἱερομονάχοις 1595 ἔτους. Изъ Венеціи.

ε) Τῷ πανιερωτάτῳ μητροπολίτῃ Χίου κυρίῳ Ἰππολότῳ. 1595 ἔτους. Оттуда же.

ς) Πίναξ τῶν ἐμπεριεχομένων τῷ τοῦ μεγάλου Ἀθανασίου παρ' ἡμῖν τέυχῳ.

η) Τοῖς περὶ φιλοσοφίαν ἐσχολασίαν. 1595 ἔτ. безъ адреса.

θ) Τοῖς αὐτοῖς 1594 ἔτ. Изъ Венеціи безъ адреса.

ι) Александрійскому патріарху Мелетію 1593 года изъ Паттавіи.

Π. — Πисьма, переплетенныя вмѣстѣ съ рукописью, содержащею толкованіе Прокопія Софиста на пророка Исаію:—

— Учителя Ефрема, (впослѣдствіи патріарха Іерусалимскаго) въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1761 года, къ Хури Іосифу о разностяхъ между католиками и православными. Всѣхъ разностейъ 170.

— Нѣкоего Геродея, 1767 года 8 февраля.

— Привѣтственное посланіе воспитанниковъ Аѳонской академіи, 1759 года января 1 дня, къ начальнику ея іеродіакону Евгенію Вулгари. Оно переписано мною все сполна.

III. — Письма ієродіакона Неофита Пелопонесца родомъ Еврея, жившаго на Аѳонѣ въ Кавсокаливскомъ Скитѣ, къ разнымъ лицамъ, къ Молдовлахійскому первосвятителю, Константинопольскому патріарху Кириллу, Василию учителю на островѣ Патмосѣ, Евгению (Вулгари?) и къ другимъ, письма о разныхъ предметахъ съ 1749 года по 1764-й. Этотъ Неофитъ (*острая голова, безпокойная душа*) писалъ по гречески красно.

Въ библіотекѣ Руссика я въ первый разъ познакомился съ медициною древнихъ врачей Греческихъ, и по свойственной мнѣ любознательности рѣшился изучать и этотъ предметъ въ книгохранилищахъ Аѳонскихъ. Вотъ первые уроки мои.

Ж. ИЗЪ МЕДИЦИНЫ ГРЕЧЕСКОЙ.

Врачебную науку Грекамъ сообщилъ Асклипій или Эскулапій, парствовавшій въ Тессалии въ 13-мъ вѣкѣ до рождества Христова, и за то былъ причисленъ къ лику боговъ. Его врачебныя свѣдѣнія долго-долго передавались изъ рода въ родъ Асклипіадами, а два сына его Махаонъ и Подалирій, какъ искусные врачи, пользовали греческихъ воиновъ во время Троянской войны. Послѣ Эскулапа извѣстенъ большими познаніями въ медицинѣ Пиагоръ, жившій въ 530 годахъ до Христа. Онъ заимствовалъ ихъ изъ Египта и первый изъ врачей наблюдалъ и распознавалъ дни перелома болѣзней къ добру или къ худу.

Ученикъ его Алкмеонъ первый анатомировалъ, т. е. разсѣкалъ *тѣла животныхъ*.

Медицинскія *школы* въ первый разъ появились на островахъ архипелага, Книдѣ и Ко въ пятомъ вѣкѣ до Р. Хр. Изъ Койской школы вышелъ знаменитый Иппократъ, родившійся въ 460 году дохристіанскомъ. Онъ донинѣ почитается отцомъ врачебной науки. Его наблюденія и свѣдѣнія заключаются въ извѣстныхъ *афоризмахъ*, которые и въ наши дни признаются

достойнымъ вниманія *). Иппократъ усовершенствовалъ *хирургію* и *патологію*, и первый изложилъ *діететику* и *симіотику* (о признакахъ болѣзни). Ему усвояютъ семьдесятъ два сочиненія, изъ коихъ однако лишь пять принадлежатъ ему, какъ то: 1) *О Епидеміяхъ*, 2) *Прогностика*, 3) *Афоризмы*, 4) *О воздухахъ, водахъ, мѣстностяхъ*, сочиненіе классическое, и 5) *О діетѣ*. Слогъ Иппократа сжатъ, и потому индѣ темень. Послѣ него греческіе врачи закружились въ лабиринтъ разныхъ системъ и теорій, и потому замедлили дальнѣйшее усовершенствованіе Медицины.

Уже философія Аристотеля, знаменитаго учителя царя Александра Македонскаго, впередъ подвинула эту (извините мое выраженіе) *кладбищную* науку. Ученикъ его Теофрастъ много писалъ о врачебномъ искусствѣ (*περί ἰλιγγων, περί ἰδρωτων, περί χολων*).

Въ Аристотелевскую эпоху за 245 лѣтъ до Христа славился знаменитѣйшій изъ врачей Діоклесь, родившійся въ Каристѣ на островѣ Евбеѣ (Негропонѣ). До нашихъ дней уцѣлѣло его письмо къ царю Антигону о сбереженіи здоровья.

Изъ числа Александрійскихъ врачей, этихъ первыхъ разсѣкателей *труповъ человѣческихъ*, Проксагоръ, потомокъ Аскліпіадовъ Койскихъ, сдѣлалъ замѣчательныя открытія въ анатоміи. Онъ отличалъ жилы отъ артерій, и черепъ головы считалъ началомъ спинной кости. Въ годы царствованія первыхъ Птолемеевъ Египетскихъ въ Александріи были два наилучшіе анатомиста, Ирофилъ и Ерасистратъ. Они основали двѣ новыя медицинскія школы. Когда Птоломей Фисконъ (146—117 г. до Р. Х.) выгналъ ученыхъ изъ Александріи, тогда оба эти врача ушли въ малую Азію, и тамъ основали медицинскія училища. Страбонъ въ 12-й книгѣ своей Географіи упомянулъ, что въ Фри-

*) И я помню одинъ афоризмъ его: не врачуетъ лѣкарство, такъ исцѣляетъ желѣзо: не исцѣляетъ желѣзо, такъ помогаетъ огонь.

гійскої области между городомъ Лаодикією и Карурами, еще въ его время, существовало большое Профіліанское училище врачей, поддержанное Зевксидомъ и послѣ него Александромъ Филалиеомъ, и что въ городѣ Смирнѣ при предкахъ его (Страбона) находилась Ерасистратская школа, поддержанная Икесіємъ, а во дни его уже была закрыта *).

Профилъ Халкидонецъ, жившій за 300 лѣтъ до Р. Х., анатомировалъ весьма многіе трупы человѣческіе. Нѣкоторые говорятъ, что ему дано было позволеніе дѣлать опыты и надъ живыми людьми, и что народъ съ ужасомъ смотрѣлъ на эти опыты его и разтерзалъ бы его, если бы не защищали его цари Египетскіе. Профилъ сдѣлалъ столь великія открытія въ анатоміи, что Гавріиль Фаллопъ назвалъ его евангелистомъ анатомиковъ. Главнѣйшія открытія его касаются нервной системы, которую онъ почиталъ основою нашихъ чувствованій. Древніе очень хвалятъ его описаніе круговращательнаго счетанія обоихъ глазъ, малой кости, той что въ корнѣ языка, и дѣтородныхъ—удовъ. Онъ первый имѣлъ правильное понятіе о пульсѣ. А патологическія познанія его были посредственны.—Думаютъ, что Профилъ первый написалъ примѣчанія на афоризмы Иппократа. Это сочиненіе его въ рукописи хранится въ Амвросіанской библиотекѣ города Милана.

Изъ первыхъ учениковъ его извѣстны Мантіасъ, который издалъ *древнѣйшее* собраніе лѣкарственныхъ питій, *ιατρικῶν δόσεων*, Вакхій Танагреецъ, Каллимахъ, Калліанакъ и Андрей изъ Кариста, изобрѣтатель какого то *коллурия* и машинки для легчайшаго изыятія плечъ.

Современникъ Профила Александрійскій врачъ Ерасистратъ родился въ городѣ Іуліадѣ на островѣ Кео; прожилъ нѣсколько времени при Антиохійскомъ дворѣ царя Селевка Никатора **),

*) Strabo. L. XII. c. 8. Phrygia. — Μεταξὺ τῆς Λαοδικείας καὶ τῶν Καρούρων ἱερὸν ἐστὶ Μηνὸς Κάρου καλούμενον. Συνέστηκε δὲ καθ' ἡμᾶς διδασκαλεῖον Ἐροφίλιον ἰατρῶν μέγα ὑπὸ Ζεὺς ξίδος· καὶ μετὰ ταῦτα Ἀλεξάνδρου τοῦ Φιλαλήθους· καθάπερ ἐπὶ τῶν πατέρων τῶν ἡμετέρων ἐν Ἐμύρῃ τὸ τῶν Ἐρασιστρατείων ὑπὸ Ἰκασίου. νῦν δ' οὐχ ὁμοίως τι συμβαίνει.

**) Царствовалъ съ 312 года по 282-й до Р. Х.

гдѣ вылѣчилъ сына его Антиоха и за то пользовался величайшимъ почетомъ, но больше жилъ въ Александріи и занимался анатоміею, отказавшись посѣщать больныхъ. Особенное ученіе его было ученіе о воздухѣ, проходящемъ чрезъ легкія въ артеріи. Когда воздухъ входитъ въ артеріи, а кровь въ жилы, тогда человѣкъ бываетъ здоровъ: а когда жилы по какой либо причинѣ замкнутся, тогда кровь бросается въ артеріи и отъ того бываютъ болѣзни. Если кровь войдетъ въ большую артерію, то произведетъ лихорадку, а если будетъ приливъ ея къ окраинамъ артерій, то послѣдуетъ воспаленіе. Ерасистратъ рѣшительно не одобрялъ ни кровопусканія, ни слабительныхъ снадобій, и замѣнялъ ихъ діетою, клистирами, рвотными, теплыми ваннами и тѣлесными упражненіями; вообще любилъ давать больнымъ лѣкарства простыя. Ему извѣстна была такъ называемая *Идіосинкрасія*, т. е. особенность одного организма, не похожая на особенность другаго организма человѣческаго тѣла. Изъ сочиненій его ни одно не дошло до насъ. Во время сего врача Хирургія отдѣлена была отъ Терапевтики, и медицинскую науку составляли Діететика, Фармацевтика и Хирургія. Врачъ предписывалъ діету и лѣкарства внутрь, а Фармацевтъ лѣчилъ чирьи, раны и порѣзы, Хирургъ же занимался рѣзаніемъ, сращеніемъ, перевязками членовъ.

Изъ числа послѣдователей Ерасистрата знаменитые были: Стратонъ Вериноеецъ, врагъ кровопусканій, и другой Стратонъ изъ города Лампсака, прозванный *Физикомъ*: этотъ занимался Физіологіею и училъ, что сѣдалище души находится въ передней части головы подъ челомъ.

Ученики же Ирофила, Филиносъ Коецъ и ученикъ его Серапіонъ Александріецъ жили за 250 лѣтъ до Христа и основали новую школу медицинскую, такъ называемую *Емпирическую*, отдавая преимущество опытамъ, а не теоріямъ.

Послѣдній царь Пергамскій Атталъ (138—133 г. до Р. Х.) былъ большою любитель медицины и Ботаники и потому въ садахъ своихъ воспитывалъ многія лѣкарственные растенія и

опытами извѣдываль силу ихъ. По его приказанію Никандръ писалъ сочиненіе объ этомъ предметѣ.

Митридатъ, царь Понтійскій, (кажется *великій* 12⁰/₃ год. до Р. Х.) изобрѣлъ противоядіе, составивъ его изъ 54 веществъ.

Нѣкто Зопироть врачъ прославился изобрѣтеніемъ противоядія называемаго *Амвросія*.

Въ этотъ кругъ времени греческая медицина проникла даже въ Римъ. Первые греческіе врачи, появившіеся тамъ, были вольноотпущенные люди.

Въ 219 году дохристіанскомъ Архагаѳосъ поселился въ этомъ городѣ и занимался врачеваніемъ недужныхъ, а въ 110-мъ году до Христа славился тамъ врачъ Асклипіадъ родомъ изъ Бруссы. Съ нимъ дружили Ликиній Крассъ и Цицеронъ. Онъ былъ послѣдователь философіи Епикура, и душу не отличалъ отъ воздуха, движущаго тѣло; анатоміею пренебрегалъ. Сочиненія его о клистирахъ, о перемежающейся лихорадкѣ, о водяницѣ, не дошли до насъ.

Лѣтъ за 70 до рождества Христова Александрійскій врачъ Аполлоній Китіэць написалъ три книги *о членахъ тѣла*, *περὶ ἄρθρων πραγματεία*, и посвятилъ ихъ Кипрскому царю Птоломею, брату Египетскаго царя Птоломея Авлита. Это сочиненіе еще не издано.

Лѣтъ за 40 до Христа врачъ Ксенократъ Афродисеець написалъ книгу *περὶ τῆς ἀπὸ ἐνὸδρων τροφῆς*—*о питаніи водяными животными*. Эта книга даетъ намъ понятіе объ Ихтиологическихъ познаніяхъ древнихъ ученыхъ мужей.

Современникъ Римскихъ императоровъ Августа и Тиверія врачъ Кассій Феликсъ оставилъ по себѣ *Ἱατρικὰ ζητήματα καὶ προβλήματα*, т. е. *врачебные вопросы и проблемы*.

У императора Нерона (54—68 г. по Р. Х.) придворными врачами были Андромахъ Критянинъ и сынъ его. Первый изобрѣлъ противоядіе, названное имъ *Γαλήνη*, которое онъ воспѣлъ стихами въ одной элегіи своей.

Знаменитостию этой же эпохи и этой же Емпирической школы былъ Педаній Dioscurидъ изъ Киликійскаго города Аназарва, превосходный Ботаникъ и медицинскій писатель. Изъ классическаго сочиненія его, *περὶ ὀλῆς ἰατρικῆς*, черпали свѣдѣнія о Ботаникѣ Плиній, Галенъ, Оривасій, и многіе другіе писатели въ теченіи 17-ти вѣковъ. Даже я въ своей исторіи Аэона (ч. III. § 49) помѣстилъ извѣстныя ему на Дакійскомъ языкѣ названія разныхъ растеній.

Перечисливъ врачей Емпириковъ, т. е. *опытниковъ*, знакомлюсь и съ теоретиками. Изъ нихъ —

Θемисонъ Лаодикіецъ, ученикъ вышепомянутаго Асклипіада, за 90 лѣтъ до Христа поселился въ Римѣ. Онъ училъ, что во всѣхъ членахъ человѣческаго тѣла существуетъ нѣкая *дисаналогія* (несоотвѣтственность); и она то есть главная причина всѣхъ недуговъ. Онъ первый отличилъ хроническія болѣзни отъ острыхъ; отчетливо описалъ проказу; ученію о ревматизмѣ отвелъ особое мѣсто въ Патологіи, и первый началъ приставлять пиявки къ вискамъ страждущихъ головными болями.

Римскіе врачи вообще были теоретики. Они пренебрегали анатоміею и фізіологіею, и при лѣченіи не брали во вниманіе ни возраста, ни рода, ни привычекъ больнаго, ни климата, ни времени года, ни слизей, и полагали, что тѣла портятся или отъ величайшаго напряженія, или отъ величайшаго разслабленія твердыхъ частей тѣла. Между ними извѣстны Антоній Муса вольноотпущенникъ императора Августа, Θессаль Траліецъ, Соранъ Ефесскій, Критонъ, Мосхіонъ, Аѳинэй, Агаѳинъ, Аретэй, Руфъ и Галенъ.

Θессаль Траліецъ жилъ въ царствованіе Нерона. Этотъ врачъ изъ самаго низкаго рода, невоспитанный, во всю жизнь сохранившій дурныя привычки худородія своего, почти ничему неучившійся, презиралъ открытія и опыты своихъ предшественниковъ, собралъ вокругъ себя скопище молодыхъ учениковъ такихъ же, какъ и онъ, и съ ними посѣщалъ больныхъ, по прошествіи же полугодій давалъ имъ свидѣтельства на право само-

стоятельнаго лѣченія. Онъ первый въ Римѣ завелъ обычай ходить къ больнымъ вмѣстѣ со всѣми учениками его; причинъ болѣзней не изслѣдовалъ, а лѣкарства прописывалъ такія, кои дѣйствуютъ не на ту, или другую часть тѣла, а на всѣ части его.

Соранъ Ефесскій, учившійся въ Александріи, жилъ въ Римѣ во дни императоровъ Траяна и Адриана (96—138 г.) и тамъ лѣчилъ и училъ Медицину съ большимъ успѣхомъ. Уцѣлѣли до нынѣ разныя сочиненія его, περί Ἐπιδέσεων, περί σημείων κατὰ ταγμάτων, περί μήτρας καὶ αἰδοίου γυναικείου, и биографія Иппократа.

Критонъ, жившій при Траянѣ, писалъ о *Косметикѣ*, Κοσμητικὰ. Но изъ этого сочиненія дошли до насъ лишь немногіе отрывки.

Мосхиону приписывается сочиненіе о болѣзняхъ женскихъ περί τῶν γυναικείων παθῶν. Оно издано въ Вѣнѣ Девезомъ въ 1793 году подъ названіемъ: Gynoesia sive de mulierum affectibus.

Аѳинѣй изъ Киликійскаго города Атталіи жилъ въ Римѣ въ 50 годахъ послѣ рождества Христова. Онъ въ Θεραπευτικὴν включилъ *Симіологию* и *Діететику*.

Одинъ изъ учениковъ его, Агаѳенъ Спартіатъ былъ основатель Еклектической школы, соглашавшей теоріи съ опытами. А его превзошелъ въ еклектизмѣ Архигенисъ, уроженецъ города Апаμίи, жившій въ Римѣ въ царствованіе Траяна. Но писалъ онъ неясно.

Современникъ его Аретѣй изъ Каппадокіи, жившій въ 80-хъ годахъ послѣ Христа, еклектикъ, оставилъ послѣ себя два классическія сочиненія, первое о причинѣ и признакахъ острыхъ и хроническихъ болѣзней, второе о лѣченіи ихъ: Περί αἰτιῶν καὶ σημείων ὀξείων καὶ χρόνιων παθῶν. Περί θεραπείας αὐτῶν.

Между знаменитыми врачами сего времени числится и Руфъ Ефесянинъ, жившій спустя 100 лѣтъ послѣ Христа. Извѣстны его сочиненія, о *костяхъ* и Ὀνομασίαι τῶν κατ' ἀνδρῶπων.

Второй вѣкъ христіанскій произвелъ превосходнѣйшаго врача, который созданъ былъ для того, чтобы сдѣлать спаситель-

ный переворотъ въ медицинѣ. Это—Клавдій Галенъ, родившійся въ малоазійскомъ городѣ Пергамѣ въ 131 году послѣ Христа. Отецъ его, знаменитый математикъ и архитекторъ, далъ ему хорошее воспитаніе и образованіе. Галенъ учился медицинѣ сперва на своей родинѣ, потомъ въ Александріи, но выучившись недолго жилъ въ Пергамѣ и, будучи 34 лѣтъ, поселился въ Римѣ, гдѣ и стяжалъ себѣ великую славу, какъ искусный врачъ, и какъ учитель анатоміи. Послѣ путешествія въ Азіи и Греціи онъ опять возвратился въ Римъ и былъ придворнымъ врачомъ у императоровъ Марка Аврелія, Луція Севера и юнаго Коммода. Не извѣстно время возвращенія его изъ Рима на родину и смерти: вѣдомо только то, что онъ еще живъ былъ въ царствованіе императора Севера. (193—211 г.)

Этотъ врачъ составилъ свою особую систему медицины, положивъ въ основаніе ея философію Платона, Аристотеля и Иппократа съ добавкомъ извлеченій изъ всѣхъ древнихъ системъ. Анатомія, по мнѣнію его, есть наука самая необходимая для врача; и онъ занимался ею до конца своей жизни, анатомируя трупы обезьянъ, потому что ему не позволяли разсѣкать тѣла человѣческія. *Мнологія*, (т. е. ученіе о мозгѣ) обязана ему значительными открытіями. Въ Физиологію онъ не допускалъ никакой философской теоріи, и вносилъ одни уроки опыта. Содержаніе этой науки у него составляло ученіе о человѣческихъ силахъ, 1) *жизненныхъ* въ сердцахъ, 2) *душевныхъ* въ головахъ, и 3) *физическихъ* въ тѣлѣ.

Въ теченіи тринадцати вѣковъ христіанскихъ Галенъ служилъ оракуломъ для врачей Европы, Азіи и Африки. Особенно чтили его Арабы. Въ сочиненіяхъ его найдеть себѣ пищу и врачъ, и философъ, и риторъ, и критикъ, и грамматикъ. Въ нхъ встрѣчаются даже стихи (Chardon Larochette. *Melanges de critique et de philologie*. Т. II.)

Этихъ сочиненій очень много. Изъ нихъ 82 уцѣлѣли, а 168 утрачены. Такъ какъ мнѣ доведется встрѣтить ихъ въ аеонскихъ

библиотекахъ; то я, *прилагая умъ свой къ пути*, предварительно отмѣчаю для себя главнѣйшія изъ нихъ.

1) *Περὶ αἰρέσεων: объ отдѣлахъ Медицины.* Тутъ Галенъ вооружается противъ эмпиризма и методизма.

2) *Ὅτι ἄριστος ἰατρός, καὶ φιλόσοφος: о томъ, что наилучшій лікаръ тотъ, который есть вмѣстѣ и философъ.*

3) *Περὶ τῶν τοῦ Ἱπποκράτους καὶ Πλάτωνος δογμάτων (περὶ ἀνατομίας τοῦ ἀνθρώπινου σώματος) βιβλία ἐννέα: о догматахъ Иппократа и Платона (объ анатоміи человѣческаго тѣла) 9 книгъ.*

4) *Περὶ ἀνατομικῶν ἐγχειρήσεων βιβλία ἐννέα: объ анатомическихъ операціяхъ 9 книгъ.* Это—главное сочиненіе Галена объ анатоміи.

5) *Περὶ νεύρων ἀνατομῆς: о разстѣненіи жилъ.*

6) *Εἰ κατὰ φύσιν ἐν ἀρτηρίαις αἷμα περιέχεται: по природѣ ли кровь содержится въ артеріяхъ.*

7) *Περὶ χρέιας τῶν ἐν ἀνθρώπῳ σώματι μορίων βιβλία ἑξ: о надобности малыхъ частей въ человѣческомъ тѣлѣ. 17 книгъ.* Это сочиненіе считается наилучшимъ произведеніемъ Галена.

8) *Περὶ τῶν πεπονθῶτων τόπων βιβλία ε': о пострадавшихъ мѣстахъ въ тѣлѣ 6 книгъ.* Великій Галлеръ предпочиталъ это сочиненіе Галена всѣмъ прочимъ.

9) *Τέχνη ἰατρική: Искусство врачеванія.* Это сочиненіе введено было во всѣ медицинскія училища. Кто не зналъ его, тому и лѣчить не дозволяли.

10) *Περὶ συνδέσεως φαρμάκων τῶν κατὰ τόπους βιβλία ἰ, καὶ τῶν κατὰ γένη βιβλία ζ: о составленіи лекарствъ 17 книгъ.*

11) *Περὶ φλεβοτομίας: о кровопусканіи.* Это сочиненіе было переведено Арабами на ихъ языкъ.

12) *Ἑξαίμωνων λόγοι ε': шесть словъ о здоровыхъ.* И это сочиненіе есть одно изъ наилучшихъ. Тиссотъ расхвалилъ его.

13) *Ὅτι τὰ τῆς ψυχῆς ἤθη ταῖς τοῦ σώματος κράσεσιν ἐπεταί: о томъ, что нравы души зависятъ отъ темпераментовъ тѣла.*

14) *Τῶν Ἱπποκράτους γλωσσῶν ἐξήγησις: изъясненіе речей Иппократа.*

Послѣ Галена извѣстнѣйшіе врачи—писатели были:—Оривасій изъ Пергама, современникъ императора Іуліана богоотступника (36¹/₃ г.). Онъ, по приказанію сего императора, сдѣлалъ извлеченія изъ древнихъ медицинскихъ сочиненій, и методически изложилъ ихъ въ 72 книгахъ. Изъ нихъ уцѣлѣли 22, и въ этомъ числѣ 9 на языкѣ греческомъ, а остальные на латинскомъ.

Въ половинѣ шестаго вѣка христіанскаго жилъ-былъ врачъ Аетій, уроженецъ Месопотамскаго города, Амиды. Онъ обучался медицинѣ въ Александріи, а врачомъ состоялъ при дворѣ царей Византійскихъ. Имъ составленъ сборникъ всѣхъ наилучшихъ сочиненій древнихъ врачей, особенно тѣхъ, которые держались ученія Галена.

Александръ изъ Лидійскаго города Траллы, жившій въ 550 годахъ послѣ Христа, долго путешествовалъ, а лѣчилъ въ Римѣ. Сочиненія его суть: βιβλίον θεραπευτικόν—*книга врачебная*, содержащая много опытовъ медицинскихъ, и περί ἐλμίνθων—о червяхъ въ человѣческомъ тѣлѣ.

Іоаннъ Александріецъ существовалъ въ концѣ шестаго вѣка. Его толкованіе шестой книги Иппократа о *Эпидеміяхъ* перепеведено на греческій языкъ уже съ Арабскаго.

Павелъ Этгинить славился врачеваніемъ болѣзней женскихъ, и первый занимался акушерствомъ (καὶ πρῶτος ἐνησχολήθη εἰς τὴν ματρικὴν τέχνην). А жилъ онъ въ седьмомъ вѣкѣ, и въ 7 книгахъ изложилъ врачебное искусство древнихъ лѣкарей и свои собственные наблюденія. Шестая книга его о хирургіи уважается.

Феофилъ Протоспааръ монахъ и врачъ, въ 610 годахъ, написалъ пять книгъ περί κατασκευῆς τοῦ ἀνθρωπίνου σώματος, καὶ περί οὐρούς, о *строении человеческого тѣла и о мочѣ*.

Ученикъ его Стефанъ Аюинянинъ составилъ толкованіе первой книги Терапевтики Галена.

Палладій Александріецъ, изъ седьмаго вѣка, написалъ толкованіе Иппократова сочиненія περί καταγμάτων—о *переломахъ и горячкахъ*.

Иоаннъ Дамаскинъ оставилъ послѣ себя разныя медицинскія сочиненія, кои изданы на латинскомъ языкѣ. Между ними одно *о горячках*, а другое подъ названіемъ, Афоризмы.

Теофанъ, по прозванію Ноннъ, по приказанію царя Константина Порфиророднаго (около 950 года) составилъ Сокращеніе медицинскихъ теорій, ἐπιτομήν τῶν ἰατρικῶν θεωρημάτων.

Никита врачъ Константинопольскій, жившій въ одиннадцатомъ вѣкѣ, составилъ *Сборникъ Хирургическаго искусства*, Συλλογὴν τῆς χειρουργικῆς τέχνης, въ которомъ помѣстилъ выдержки изъ сочиненій Иппократа, Аполлонія, Сорана, Руфа, Галена, Павла Егинита, Палладія, и цѣлыя пять книгъ Орибасія. Константинъ, по прозванію Африканъ, изъ Карфагена, монахъ изъ обители на горѣ Кассинской и врачъ школы въ Салернѣ, жилъ въ концѣ 12 вѣка, и оставилъ послѣ себя разныя сочиненія, какъ то: 1) системѣ теоретической и практической медицины, 2) Ὀδοιπορικὸν—Путешествіе Абу—Джаффера—Ахмета бенъ—Ибрагима, переведенное съ Арабскаго языка на греческій, 3) о распознаваніи и врачеваніи болѣзней, 4) о естествѣ человѣка, 5) περὶ ἐλεφαντιάσεως, 6) о врачевствахъ изъ царства животныхъ, и проч.

Въ царствованіе Мануила Комнина (около 1150 г.) Синесій перевелъ съ Арабскаго языка на греческій сочиненіе Абу Джаффера о воспаленіяхъ.

Иоаннъ, по прозванію Актуарій, (около 1290 года) написалъ хорошимъ слогомъ сочиненіе περὶ ἐνεργειῶν καὶ παθῶν τοῦ ψυχικοῦ πνεύματος καὶ τῆς κατ' αὐτὸ διαίτης λόγοι β, подъ названіемъ: *два слова объ энергіяхъ и болѣзняхъ душевныхъ и объ ухаживаніи за ними*, придерживаясь Галена. Семь книгъ его *о мочѣ* и сочиненіе *о методѣ врачеванія* изданы только на латинскомъ языкѣ.

Димитрій Пергамецъ, по приказанію Михаила Палеолога (1261—1282 г.) писалъ περὶ ἀρθρίτιδος—*о подагрѣ или ревматизмѣ*, по замѣткамъ Галена и по своимъ наблюденіямъ.

Пифагоръ Архикѣсторъ жилъ въ концѣ 13-го вѣка, и сочи-

нилъ Προγνωστικὸν τῶν ἀσθενειῶν—*Примѣты болѣзней*. Это сочиненіе его въ рукописи хранится въ библиотекѣ Мадрита.

Николай Миренсодъ александрійскій врачъ (около 1200 г.) издалъ Сборникъ περὶ συνθέσεως τῶν ἰατρικῶν—*о составленіи лекарствъ*, состоящей изъ 48 статей. Это сочиненіе, наполненное суевѣріями, издано только на Латинскомъ языкѣ.

Послѣдній греческій врачъ изъ числа старинныхъ, котораго сочиненіе уцѣлѣло, жилъ въ 15 вѣкѣ: это Георгій Сангинатихій. А сочинилъ онъ *Ерминію о частяхъ тѣла*.

Достаточно написалъ я о врачахъ.—Приступаю теперь къ разбору врачебнаго Сборника, написаннаго на бумагѣ in 8° въ 1403 году. Въ немъ, къ сожалѣнію, нѣтъ начала.

Тутъ прописаны: 80 рецептовъ, изъ коихъ 19-й озаглавленъ именемъ неизвѣстнаго мнѣ врача Хрисиппа, Σκευασία τοῦ Χρυσίππου, и 81 составъ пластырей, Σκευασίαι τῶν ἐμπλάστων. Въ числѣ сихъ послѣднихъ помѣщенъ рецептъ святаго всехвальнаго апостола и евангелиста Луки. Вотъ онъ.

Σκευασία: τὸ ἀλάτιον τὸ σκευασθὲν ὑπὸ τοῦ ἁγίου καὶ πανευφήμου ἀποστόλου Λουκᾶ, ἔχον ὑποτεταγμένα ἰβ κεφάλαια, διὸ καὶ Δωδέκατον λέγεται. Ὅθεν οἱ εὐσεβῶς βιοῦντες τούτῳ κέχρηται τῷ φαρμάκῳ. Ὅρασιν τηρεῖ μέχρι γήρωσ· φλέγμα ἐν τῷ θώρακι οὐκ ἔα γενέσθαι, οὐκ ὀφθαλμίαν, οὐκ ἀπόρροϊαν τριχῶν· χολήν τε πᾶσαν καθαίρει, καὶ τοὺς χυμοὺς ἀναλύει: †

Σκευασία: τὸ ἀλάτιον τοῦ ἁγίου ἀποστόλου Λουκᾶ:

Ἰσώπου κρητικοῦ . . . οὐγγ.—δ.
Γλήχωνος . . . οὐγγ.—β.
Κυμήνου αἰθιοπικοῦ . . . οὐγγ.—ε.

Составъ: Соль, составленная святымъ и всехвальнымъ апостоломъ Лукою изъ 12 специй, и потому называется *Двенадцатерикъ*. Этимъ врачевствомъ пользовались живущіе благочестиво. Оно сохраняетъ зрѣніе до старости, не допускаетъ ни флегмы въ груди, ни боли въ глазахъ, ни потери волосъ, а печень очищаетъ, и мокроты разгоняетъ: †

Составъ соли святаго апостола Луки.

Иссопа Критскаго унцовъ.—4.
Полея травы . . унцовъ.—2.
Кимины Эѳіопскаго унцовъ.—5.

Ζιγγιβέρεως ούγγ.—α.	Имбиря унцовъ.—1.
Ἐπιθόμου. ” —с.	Епиоума ” —6.
Ἄλατος ἀμωναχοῦ ” —с.	Соли амоніакской. ” —6.
Ἄμεως ” —в.	Амея ” —2.
Τραγοφυράνου. ” —д.	Трагоригана (душицы) ” —4.
Μακροπεπέρεως —а.	Длиннаго перца ” —1.
Πεπέρεως λευκοῦ. ” —а.	Перца бѣлаго ” —1.
Πεπέρεως κοινοῦ. ” —а.	Перца обыкновеннаго ” —1.
Κορύμβου ” —а.	Коримва (Спѣржи?) ” —1.

Ταῦτα ὅλα τρίψας καὶ σείσας, χρῶ
καθ' ἑκάστην ἐξ αὐτῶν ἐσθίων ἐμβά-
πτων τὰς τροφὰς ἀπάσας ἀπὸ τε κρε-
ῶν καὶ ἰχθύων: †

Все это сотри, просѣй и еже-
дневно употребляй, посыпая этою
солію всякую пищу, мясную и
рыбную: †

Дальнѣйшія статьи суть:

— Приготовленія 17 родовъ масла изъ мастихи, миндаля, мир-
сины, розы, и проч.

—Павла Эгинита изъ седьмой книги съ надписью: „изъ Галена
περὶ ἀντιβαλλομένων=о *замыняемости*. Поводъ къ написанію этой
весьма длинной статьи былъ слѣдующій. Въ Александріи одна
женщина была опасно больна. Эгинитъ спросилъ у ней травы
Лихниды *). Не нашлась она. Тогда онъ замѣнилъ ее тернов-
нымъ семенемъ и далъ больной. Безъ этой замѣны она погибла
бы. По этому случаю нѣкоторые просили Эгинита изложить пись-
менно всѣ *замыняемости*; и онъ сдѣлалъ это въ алфавитномъ
порядкѣ, такъ напримѣръ:

Ἄρχῆ τοῦ Ἄλφα.

Ἀντὶ ἀκανθίου σπέρματος	λοχνίς.
Ἀντὶ ἀρωματικῆς	κάλαμος ἀρωματικός.
Ἀντὶ ἀλόης Ἰνδικῆς	Ἄλόης χλωρᾶς φύλλα,
” ” ”	ἢ κόπρος Ἰρεως.
Ἀντὶ ἀσφάλτου	Πίτος ὄγρᾶ, ἢ ρετίνη.

*) Изъ листьевъ ея древніе приготовляли свѣтильники.

— Разные способы лѣчить подаргу, смотря по темпераментамъ, сангвиническому, меланхолическому, флегматическому и холерическому, предложенные опытнѣйшимъ врачомъ Иоанномъ Калонда.

— Πνευματικὴ ἰατρεία — врачество духовное. Вотъ оно:

Говорили отцы, что нѣкій монахъ, вошедши въ лечебницу, увидѣлъ тутъ многихъ приходящихъ, которые имѣли различныя болѣзни. Каждому изъ нихъ врачъ давалъ лѣкарство. Подошелъ къ нему и монахъ этотъ и привѣтствовалъ его. Врачъ же спросилъ его: зачѣмъ ты, отецъ, пришелъ къ намъ? Монахъ отвѣчалъ ему: есть ли у васъ такая травка, которая исцѣляетъ отъ множества грѣховъ? Есть; сказалъ врачъ и продолжалъ. Поди и возьми корень *духовной нищеты*, и листьевъ *тертнiя*, и золотой желудъ *смирения*, и индiйскiй желудъ *кротости*, да *молитву* недужнаго; смѣшай и истолки все это въ ступкѣ *послушанiя*, просѣй *сквозь сито чистыхъ помысловъ* и вложи въ чистый горнь *ума твоего*, подлеи тутъ воду *любви*, а снизу раздуи пламень *любви къ Богу*, и когда вскипятишь все это достаточно, налей въ ложку *умиленiя* и выпей, потомъ уже не возвращайся къ прежнимъ дѣламъ твоимъ во всѣ дни жизни твоей, и питайся только любовiю къ Владыкѣ Христу. Тогда лѣкарство это исцѣлитъ тебя отъ множества грѣховъ.

— Павла Эгзинита главнаго врача *περὶ καταρτάτων* — о *разрывахъ и о причинахъ ихъ* отрывокъ изъ Хирургiи.

Занятiя мои въ библиотекѣ Руссика увѣнчаны были новымъ прибыткомъ знанiя.

3. ИЗЪ ОБЛАСТИ ЯЗЫКОВѢДѢНIЯ.

Тутъ попалась мнѣ греческая тетрадка, содержащая изясненiе Египетскихъ iероглифовъ, составленное Оромъ Аполлономъ. Она заинтересовала меня такъ, что я списалъ ее всю сполна. Мѣсто ей дано въ составленномъ мною каталогѣ *наилучшихъ*

руссиковскихъ рукописей. А здѣсь я любопытства ради представляю лишь немногія выдержки изъ нея въ русскомъ переводѣ.

Какъ Египтяне означаютъ царя, уходящаго отъ глупаго челоуѣка?

Они изображаютъ слона и свинью, потому что слонъ, слышавъ голосъ свиньи, уходитъ отъ нея.

Какъ означаютъ челоуѣка, который не ходилъ долго, а потомъ началъ ходить?

Изображаютъ лягушку съ задними ногами, потому что она рождается безногая, и уже вырастая выращаетъ изъ себя заднія ноги.

Какъ означаютъ челоуѣка, отчуждающаго дѣтей своихъ по причинѣ бѣдности?

Изображаютъ коршуна, потому что онъ изъ трехъ яицъ своихъ выбираетъ только одно, а два разбиваетъ, и это онъ дѣлаетъ тогда, когда теряетъ ногти и потому не можетъ кормить трехъ птенцовъ.

Какъ изображаютъ старика, умирающаго отъ голода?

Изображаютъ стараго орла у котораго искривился клювъ въ одну сторону, и который потому не можетъ ничего клевать, и умираетъ отъ голода.

Какъ означаютъ челоуѣка, охраняющаго себя отъ злаго наваѣта враговъ?

Изображаютъ журавля. Ибо журавли сами себя берегутъ, ставя чередныхъ сторожей на каждую ночь.

Какъ означаютъ челоуѣка обманываемаго лестію?

Изображаютъ елень и дудку челоуѣка. Ибо она, слышавъ пріятные звуки ловчихъ, начинаетъ валяться по землѣ отъ удовольствія.

Какъ означаютъ челоуѣка долговѣчнаго?

Изображаютъ ворона умирающаго. Ибо онъ, по мнѣнію Египтянъ, живетъ сто годовъ: а годъ у нихъ состоитъ изъ четырехъ лѣтъ. Слѣдовательно воронъ живетъ 400 лѣтъ.

Какъ означаютъ женщину, родившую однажды?

Изображаютъ львицу, потому что она дважды не зачинаетъ.
Какъ—человѣка ядущаго?

Рисуютъ крокодила съ отверзтою пастью.

Какъ—человѣка, перенесшаго несчастія безстрашно?

Рисуютъ шкуру гѣны, потому что тотъ, кто обвернетъ себя этою шкурою, пройдетъ среди непріятелей безопасно.

Какъ — человѣка, скрывающаго свои недостатки?

Рисуютъ обезьяну, испускающую мочу свою и заметающую ее.

Какъ — человѣка, который никогда не выходитъ изъ дома своего?

Рисуютъ муравьевъ и крылья нетопыря, потому что ни одинъ муравей не поползетъ, коль скоро на гнѣздо ихъ будутъ положены эти крылья.

Какъ — человѣка слѣпаго?

Въ видѣ крота, не имѣющаго глазъ.

Какъ — дѣтей, которые враждуютъ противъ матерей своихъ?

Въ видѣ ехидны, потому что она рождается, прогрызши чрево матери своей.

Какъ — человѣка таинственнаго, скрытнаго?

Въ видѣ кузнечика, потому что голосъ его выходитъ не изъ усть, а изъ спины.

Какъ — человѣка, безопасно живущаго въ городѣ?

Въ видѣ орла, держащаго камень въ когтяхъ, потому что онъ изъ моря, или съ земли беретъ камень и кладетъ въ гнѣздо свое, дабы вѣтеръ не снесъ его.

Кого означаютъ, изображая мула?

Женщину безплодную.

Кого означаютъ, написавъ слѣпаго жука?

Человѣка, умершаго отъ солнечнаго удара, потому что жукъ умираетъ, когда ослѣпляетъ его солнце.

Какъ понимать іероглифъ, представляющій растеніе душицу?

Подразумѣвай прогнаніе муравьевъ, потому что гдѣ положена душица (origan), туда муравьи не подползутъ.

Кого представляет голубица черная?

Пожизненную вдову; ибо эта голубица не спознается съ чужимъ самцомъ до издыханія своего.

Запечатанная книга есть іероглифъ древности; лѣстница есть знакъ осады города; ласточка символъ наслѣдства, оставленнаго дѣтямъ; коршунъ съ распростертыми крыльями означаетъ вѣтеръ; человѣкъ, вооруженный и стрѣляющій, представляетъ цѣлый народъ; перстень означаетъ уста человѣка; *αἰδοῖον χειρὶ κρατοῦμενον, σωφροσύνην δηλοῖ ἀνθρώπου*; двѣ ноги соединенныя и идущія выражаютъ путь солнца въ зимнихъ тропикахъ, звѣзда напоминаетъ иногда Бога, иногда ночь, иногда душу мужчины; два глаза крокодила означаютъ востокъ солнца, потому что въ водѣ не видно это животное, а глаза его видны; змѣй представляетъ Вседержителя; пчела—народъ, повинующійся царю и проч. и проч.

Прочитавъ все это, я думаль—думаль о происхожденіи Египетскихъ іероглифовъ и надумаль, что это письмо—не первоначальное, не первобытное, такъ какъ оно предполагаетъ весьма долговременное наблюденіе людей надъ природою, надъ растеніями и животными, и изученіе ихъ свойствъ и инстинктовъ; а письма, вѣдь, по замѣчанію Плинія, *употреблялись испоконъ вѣковъ aeternus litterarum usus*. Названнымъ іероглифамъ должно предшествовать другое, *старшее* письмо, которое подало поводъ къ усовершенствованію ихъ не въ раннее время, когда Египтяне уже хорошо знали ботанику, ихтіологию, зоологию и астрономию. Какое же это *старшее* письмо? Гдѣ оно и какъ изобрѣтено? Было ли оно алфавитное, звуковое? или образное, изобразительное? или то и другое вмѣстѣ? Буквы ли звуковыя напередъ выдуманы, или іероглифы; или букво-іероглифы? Отвѣчать на эти вопросы можно только съ помощію исторіи человѣческаго рода и наидревнѣйшихъ памятниковъ письменности его. Такіе отвѣты выработаны мною; и я излагаю ихъ здѣсь въ краткихъ положеніяхъ съ представленіемъ образчиковъ разнороднаго письма человѣческаго, письма самаго древняго.

Первобытные люди жили на южномъ полушаріи земли и оттуда заходили на полушаріе сѣверное, но не любили его по причинѣ холода и скудости природы. Это высказалъ и Козма Индоплаватель, жившій въ 540 годахъ. Оба полушарія въ первобытное время, по неизвѣстной причинѣ, обледенѣли. Людямъ стало холодно; и они ешили себѣ, какъ говоритъ Моисей, *ризы кожаны* и начали селиться подлѣ горъ огнедышущихъ, а обледенѣніе земли увѣковѣчили вотъ какими письменами:

Зубцы означаютъ ледъ.

Ледъ таялъ и производилъ потоцы. Материкъ южнаго полушарія *постепенно* погружался въ океанъ. Но люди спасались и толпами перемѣщались оттуда одни въ Америку, и отсюда черезъ Беринговъ проливъ въ Азію и сѣверную Европу, другіе на Гималайскую возвышенность Азіи и отсюда въ Индію, Персію, Сирію и въ югозападную Европу, иные въ Египетъ, Абиссинію, сѣверную Африку.

Обледенѣніе земнаго шара, житье подлѣ огнедышущихъ горъ, потоцы, постепенное погруженіе южнаго материка въ глубь океана, переселенія, все это, изумившее первобытныхъ людей, оставалось въ ихъ памяти, и *выразилось въ ихъ азбуку, изобрѣтенной во время сказаннаго погруженія*. Вотъ эта дивная, прародительская, подсказанная уму природою азбука, извлеченная изъ письменныхъ памятниковъ, Мексиканскихъ и Перуанскихъ.

А. символъ воды соленой. а. глазъ попугая съ точками вокругъ его означаетъ отверстіе огнедышущей горы и вмѣстѣ бога такихъ горъ. а. Это символъ материка, раздробленнаго въ антильскомъ морѣ.

Б. произносится на Маяйскомъ языкѣ *бат*, и выражаетъ собою мячъ, градины, снѣгъ, жаровню пылающую.

Г-х сія буква съ вариантами ея, изображающая бам-
букъ, означаетъ стояніе на ногахъ, прямизну.

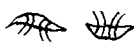
Т. т вмѣсто Д, по неизмѣнію звука д въ языкѣ Ма-
лайскомъ. Этотъ буквенный знакъ весьма замѣчателенъ. Одинъ и
тотъ же въ Египтѣ и въ Мексикѣ, онъ выражаетъ собою во-
споминаніе о первой землѣ, которую люди послѣ потопа заселяли
на склонахъ огнедышущей горы. Тутъ внизу видна эта гора: а
вверху и на сторонахъ черточками изображены части обитаемой
земли. У волкана, у этого очага, отогрѣвались люди, застигну-
тые обледенѣніемъ земнаго шара. Тутъ же образовалось и сре-
доточіе селенія ихъ, котораго четыре части (кварталы) застра-
ивались снизу вверхъ до конуснаго кратера волкана. А конусъ
эотъ служилъ жилищемъ невидимаго божества, издающаго бла-
годѣтельный огонь, жертвенникомъ священнаго, спасительна-
го огня, и назывался Θεοκάλλι *), что значитъ: калива, жилище
Бога. Буква Т, изображаемая вотъ такъ, есть эмблема бла-
гоустроеннаго, *четыречастнаго* города. Четверчастными горо-
дами были Римъ, Roma quadrata, Вавилонъ. У насъ Кремль въ
Москвѣ и въ другихъ городахъ устроились по тому же наидре-
внѣйшему преданію, по которому устроились сейчасъ названные
города. Это—средоточія жизни народной, жизни вѣровой, нрав-
ственной, хозяйственной, охранно-военной, огненной, вѣчевой.

Е.   эта *буква знакъ*—замѣчательна такъ же, какъ
и предыдущая. На Мексиканскомъ языкѣ она означаетъ счетъ
три, каковъ счетъ и написанъ въ ней тремя точками; озна-
чаетъ также *три вершины* высочайшихъ горъ, выказывавшіяся,
какъ три зуба земли, во время потопа. У этихъ вершинъ осно-
вывались жилища людскія. Посему въ азбукахъ трисоставною

*) Замѣчательно, что слово Θεός—Богъ есть не греческое, а американо—Майское.

буквою Е. Е. э. е. начинаются глаголы, выражающіе житье, быть, существованіе. est, ésti, éstia, есть.

З. С. Это перо на чашѣ означаетъ внутри земли газъ, пыль, паръ и свистъ его, подобно тому, какъ и буквы З. С. соотвѣтствуютъ свистящимъ звукамъ нашихъ устъ.

Г. сія буква на языкѣ Маяйскомъ изображаетъ зародышъ женщины, такъ же младенца, внука, отрасль изъ земли, а на языкѣ Гаитійскомъ означаетъ жизнь, дѣятельность внутреннюю и внѣшнюю, первоначально же—выпуклости острововъ, возвышающіяся надъ водою.

Ка челюсть съ зубами. Это малые Антильскіе острова, представляющіе собою видъ дугообразный. Но вотъ замѣчательнѣйшій вариантъ сей буквы Это—сіи же острова съ ихъ волканами, служившіе морскимъ перепутьемъ для племень, переплывавшихъ въ галерахъ въ Америку и Индію во время южноокеаннаго потопа. Эта буква напоминаетъ устройство старинной галеры, которой фигура, — замѣтьте, — часто встрѣчается вырѣзанная на утесахъ Скандинавіи. Значить: въ эту страну люди приплыли изъ Америки и Океаніи, которая и есть *vagina gentium*, а не Скандинавія.

Ке Эта пасть съ зубами означаетъ горныя высоты, выказывающіяся на поверхности морей, кои Маяйцы сравниваютъ съ зубами и называютъ ихъ *ко ако*—зубы. А вѣдь въ самомъ дѣлѣ остроголовые холмы и горы походятъ на зубы. Земля холмистая, — земля зубастая!

Ку exprime les parties secrètes de la femme, вообще обозначаетъ все скрытое, тайное, ученое. Полудуга направо напоминаетъ видъ Антильскаго моря, явившагося вслѣдствіе вол-

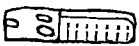

каническихъ проваловъ; крестъ въ этой полудугѣ, или чашкѣ, означаетъ разсѣданіе земли; а на лѣво кружокъ съ точками есть вулканъ.

Ку Это—птичье гнѣздо съ яйцами; это—три яйца въ

гнѣздѣ и вмѣстѣ эмблема божества, придуманная по поводу растаявшаго льда. Такъ какъ на малыхъ Антиллахъ три вулкана проторглись сквозь ледъ, и такъ какъ во кругъ ихъ основались жилища людскія, то поселившіеся тутъ люди, будучи движимы чувствомъ благодарности, признали въ этихъ вулканахъ три вмѣстилища трехъ благодѣтельныхъ божествъ, и эти вмѣстилища изобразили тремя яйцами въ гнѣздѣ.

Ки Это—глаза мертваго съ опущенными рѣсницами,

и внизу голова кошки, тигра, или шакала, которые часто кричатъ и потому служатъ символомъ шумящей волны моря.

Ла Ло Лу   Эта гусеница и голова *личинки* выражаетъ длину, движеніе, плодородіе земли.

Ли Ле   Это—праца съ камешкомъ; это—

петля, которую накидываютъ на то, что хотятъ поймать. Сею буквою пишутся Слова *лепп*—схватывать, *лих*—крюкъ, *лемба*—молнія поражающая.

М.   Это—обликъ Антильскаго моря, и эмблема земли, увлажненной водою.

Н. сею буквою начинаются слова, выражающія все священное, величественное, доброе; напримѣръ *на*—мать, *наат*

—умъ, мудрость, *наби*—пророкъ, помазанникъ, *нак*—вѣнецъ царя, *нах*—справедливый, равный, *ниб*—благость, *ник*—благополучіе, *нох*—величіе, *нук*—основаніе. Эта буква, какъ бы *зміи*, есть подобіе малыхъ Антильскихъ острововъ, изъ которыхъ каждый закругленъ супротивъ Океана, и потому послужилъ убѣжищемъ для людей, спасавшихся отъ потопа. Замѣчательно, что и въ Египетскихъ іероглифахъ знакъ ставился на коронѣ жрецовъ и царей; а у католическихъ епископовъ на сей знакъ походить верхъ пастырскаго жезла ихъ.

О. Это образъ волкана съ коническою вершиною во время горѣнія его.

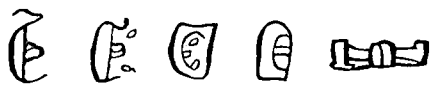
о А это—подобіе волкана, уже угаснаго послѣ многоруснаго наслоенія его.

П. Эта голова лютаго звѣря съ пѣною у рта, означенною точками, есть символъ вулканическаго дѣйствія въ нѣдрахъ земли.

П. П. Эта буква и ея варианты показываютъ, что труба волкана открыта и готова выбросить пламя.

Сею буквою начинается множество словъ въ Маяйскомъ языкѣ, кои всѣ выражаютъ разверстіе, разсѣченіе, растираніе, насильственное движеніе; на примѣръ *па* открытъ насильно, *пех* разсѣчь, *пез* отрубить, *пул* катить стремительно.

Ѹ по маяйски *ик* ипославянски *ик* выражаетъ пламень на жертвенникѣ, огонь въ горнцѣ.

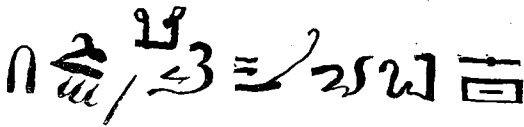
У. Это—чаша, бассейнъ, на шейный уборъ.

первыхъ входятъ азбуки: Ассирійская клинообразная, лучше бы *перстообразная*, потому что счетъ по пальцамъ, я думаю, далъ поводъ выражать мысли и слова разнообразными перстоположеніями и вверхъ и внизъ, и стоймя и плашмя, и разными приставками перстовъ одного къ другому, и наставками ихъ одного надъ другимъ, какъ это дѣлаютъ глухонѣмые, напр.

А.   В. Г. Д.

— Финикійская, Сирійская, Синайская, Пальмиро-Набатейская, Самарянская, — всё зміеобразныя подобныя одна другой *); τὰ δι' ὀφθαλμῶν γράμματα.

Египетская димотическая, буквенная; напримѣръ:

Особый разрядъ азбуки *изобразительной* составляетъ азбука египетская, іероглифическая. Въ ней — немало іероглифовъ весьма схожихъ съ Мексикано-Перуанскими; напримѣръ: зубъ.

 земля. бассейнъ. яйцо. носъ.

кисть руки. горшокъ, горнъ. пастырьскій жезль. городъ.

зданіе. жертвенникъ. пастырьскій жезль. узелъ.

Посему эта азбука есть самая старшая послѣ новосообщенной мною азбуки прапращурской, даже современная ей, но въ слѣдствіи дополненная уже въ Египтѣ послѣ достаточнаго знакомства съ Ботаникою, Ихтіологіею и Зоологіею.

Финикійская азбука есть праматерь азбукъ грекоіонійской, Етрурійской, Латинской и церковнославянской. Что касается до

*) Смотри образчики ихъ въ моемъ Сочиненіи: Письмена Книжя Малаам на Сипайск. утесахъ. С. П. Б. 1857 года. — Письмена Набатейскія нимадо не отличаются отъ Синайскихъ.

письменъ такъ называемыхъ глаголическихъ, то я имѣю свое особенное понятіе о нихъ. Глаголитская азбука, по мнѣнію моему, весьма древна. Въ ней нѣкоторыя буквы, на мой взглядъ, переделаны изъ Маяйскихъ, а нѣкоторыя изъ Зендскихъ. Сличайте:

Зендскія.	Глаголитскія.	Наши.
ш	𐎍 . . .	Азь.
𐎎	𐎎 . . .	Буки.
ε	𐎎 . . .	Есть.
𐎎	𐎎 . . .	Рцы.
𐎎	𐎎 . . .	Слово.
𐎎	𐎎 . . .	Твердо.
Маяйскія.	Глаголитскія.	Наши.
𐎎	𐎎 . . .	Есть.
𐎎 𐎎 𐎎	𐎎 𐎎 𐎎 . . .	Како.
𐎎	𐎎 . . .	Мыслете.
𐎎	𐎎 . . .	Нашъ.
𐎎	𐎎 . . .	Онъ.
𐎎	𐎎 𐎎 . . .	Фертъ.
𐎎	𐎎 𐎎 . . .	Икъ.
𐎎	𐎎 . . .	Ша.

Въ глаголической азбукѣ многія буквы смотрять влѣво; на-

примѣръ: Σ глаголь. Э есть. Θ земля. П ѣ. Ѣ како.

В онъ. Ѣ у. Ѧ цы. Ѧ юсь. Ѧ л. Ѧ ужица. Такая

постановка ихъ доказываетъ, что глаголическая грамота первоначально читалась отъ правой руки къ лѣвой, и слѣдовательно выдумана въ Азій. Это—грамота тѣхъ Р^ассовъ, которые, принадлежа къ надревнѣйшему племени Арійскому, въ самое отдаленное отъ насъ время составляли звѣно среднее между Арійцами—Славянами и Мидо-Персами—Арійцами же. Славяне изъ Азій съ высочайшей равнины Памира (Аріана Ваеджо) перешли на берега Волги, Дона, Днѣпра, Дуная и т. далѣе, а Р^ассы поселились на лѣвомъ берегу извѣстной рѣки Тигра, на сѣверѣ отъ Сузіаны. Отсюда они ходили на службу къ царямъ Іудейскимъ, подъ именемъ РАСЕИМ, и въ 883 году до Р. Х., какъ царскіе тѣлохранители, спасли седмилѣтняго царевича Іоаса отъ злости Гоооли (4 царст. XI, 4 исл. *). Тамъ ихъ зналъ пророкъ Іезекіиль (гл. 38, 2. 3.—гл. 39.) Тамъ утѣснялъ ихъ и сосѣдей ихъ Московъ и Кувовъ (Кіевлянъ азійскихъ) Ассирійскій царь Саргонъ (718—704 года до Р. Х.) **). Оттуда они, не терпя ассирійскаго ига,

*) 'Εν ἔτει τῷ ἐβδόμῳ ἀπέσειλεν Ἰωασαὲ καὶ ἔλαβε τοὺς ἑκατοντάρχους, τὸν Χορρέι καὶ τὸν ΡΑΣΕΙΜ, καὶ ἀπήγαγεν αὐτοὺς πρὸς αὐτὸν εἰς οἶκον Κυρίου καὶ διέθετο αὐτοῖς διαθήκην Κυρίου, καὶ ὤρκισεν αὐτοὺς, καὶ ἔδειξεν αὐτοῖς τὸν ὕψος τοῦ βασιλέως... Καὶ ἔλαβε τοὺς ἑκατοντάρχους καὶ τὸν Χορρέι καὶ τὸν ΡΑΣΕΙΜ, καὶ κατήγαγον τὸν βασιλέα ἐξ οἴκου Κυρίου.. καὶ ἐκάθισεν αὐτὸν ἐπὶ θρόνου τῶν βασιλέων... Ὑἱὸς ἐπτὰ ἐτῶν Ἰωᾶς ἐν τῷ βασιλεύειν αὐτόν...

**) Les inscriptions de Khorsabad interpretées par J. Oppert. Paris 1870. Inscription des annales de Sargon.—«Voici ce que j'ai fait jusqu'à la 15 année de mon règne... A partir du pays de Ras dans la province d'Elam, les tribus de Poukoud, Tamoun... jusqu'au fleuve de Mousri (Egypte), de la Phénicie, la Syrie, tout cela me donnait des tribus... Ma main puissante s'étendit... jusqu'aux Moschiens... Dans la 7-me année j'occupai les villes de Harroua et d'Ousnami du pays de Kouï, que Mita roi des Moschiens avait usurpées... Je secourus Mita, roi des Moschiens dans les districts de son royaume... mais les places fortes de Harroua et d'Ousnami, du pays de Koue, qui avaient appartenu aux hommes de ce pays depuis des temps immémoriaux, je les lui ai restituées... Ibidem. Inscriptions des toureaux de Khorsabad.—«Sargon roi d'Assyrie... chassa Mita, roi des Moschiens, changea en champs les citadelles de Kouë... Il attaqua Ras...—Sargon... j'ai régné à partir de Ras, qui est de la dependance d'Elam, sur Poukoud, Tamoun...

ушли, одни, къ родичамъ своимъ Славянамъ на берега Волги, Дона, Чернаго моря и Днѣпра, а съ Сербами зашли и въ Далмацію, другіе же чрезъ малую Азію отправились въ Италію, гдѣ извѣстны были въ исторіи подъ именемъ, Расѣновъ, *) (они же и Етруски), по изгнаніи же изъ Италіи перешли на берега Эльбы, Одера и далѣе къ сѣверу, а отсюда какъ варяги — *товарищи, союзники*, призваны были братьями ихъ Волжскими и Черноморскими Россами въ Новгородъ. Эти Рассы дали имя свое Волгѣ, РАΣ; и оно значится на картѣ географа Птолемея. Эти Рассы всюду занесли свою надревнѣйшую азбуку глаголитскую. Въ нашемъ Таврическомъ Херсонесѣ они имѣли свой торговый домъ; и тутъ св. Кирилль, апостоль славянской, видѣлъ Псалтирь и Евангеліе, написанныя русскими, т. е. глаголитскими буквами, и заимствовалъ для славянской азбуки глаголическія буквы ж. ч. ш. щ. ѣ. ы. ъ.

О Рассахъ и ихъ глаголицѣ я буду говорить *классически* въ исторіи Аѳона, а здѣсь спѣшу досказать кое-что объ Аѳонорусикѣ.

Въ архивѣ сего монастыря хранится болѣе 80 старинныхъ дѣписаній на языкахъ греческомъ, сербскомъ, молдавскомъ, русскомъ и Турецкомъ. Онѣ начинаются съ 1030 года, но между ними нѣтъ никакой записи о первоначальномъ водвореніи *нашихъ земляковъ* въ Аѳоноксилургійской обители; нѣтъ и хрисовула или приказа царя Алексѣя Комнина (1080—1114 г.) о передачѣ имъ святогорскаго монастыря св. Пантелеимона: каковой хрисовулъ, или приказъ зналъ игумень Θεодоритъ, составившій весьма дѣльное описаніе Аѳона. (1805—1817 г.). Должно быть: архихъ Руссика не полонъ, растерянъ. Изъ уцѣлѣвшихъ же въ немъ актовъ видно, что этотъ монастырь съ 1169 года по 1705-й принадлежалъ монахамъ сербскимъ, которыхъ игумены подѣлами Про-

*) Dionys. Halicarnass. L. I. pag. 24. Lipsiae. 1691.—Αὐτοὶ (Ἐτρούσκοι) μέντοι σφᾶς αὐτοὺς ἀπὸ τῶν ἡγεμόνων τινοῦ ΡΑΣΕΝΑ τὸν αὐτὸν ἐκείνῳ τροπῶν ὀνομάζουσι; т. е. а сами они (Етруски) именуютъ себя именемъ пѣкагого вождя своего **РАСѢНА**....

тата всегда подписывались по Сербски: *игуменъ Рускій* имркъ. А въ 1705 году всѣ святогорскіе отцы, по благословенію вселенскаго патріарха Гавріила, рѣшили, чтобы между всѣми греческими и болгарскими монастырями на Аѳонѣ былъ *одинъ Русскій*, и передали его русскому архимандриту Варлааму, который и называлъ его *Новорусскимъ*. Это свидѣніе извлечено мною изъ предисловія къ Помяннику, точнѣе къ сборной книгѣ, сочиненнаго симъ Варлаамомъ, который съ этою книгою самъ лично собиралъ подаванія въ Москвѣ, Кіевѣ, Черниговѣ, Смоленскѣ и во многихъ городахъ западной Россіи. Вотъ замѣчательныя мѣста въ этомъ предисловіи: „Есть убо и доднесъ на превысокой до небеси до-связающей Аѳонской горѣ дивнаго подобія монастырь, иже отъ древнихъ лѣтъ бѣ Русскій подъ именемъ св. великомученика и цѣлебника Пантелеимона. О семъ азъ и многая братія совершенно разсуждаючи, много его ради поболѣхомъ, яко не бѣ ему *свойственнаго* благодѣтеля и Ктитора, дабы былъ по чину церковному украшенъ, яко же и прочіи монастыри святогорски украшаются. Се, чудо дивно и велико, яко многи милостивіи христіане отъ самаго основанія любезно творять церкви новыя: сего же точію обновити никто необрѣташеса, или чрезъ толь долгое время боголюбивымъ православнымъ церкви сыномъ не бѣ вѣдомо, яко никто о ея нестроеніи ни мало не поскорбѣ. Мы же вѣруемъ сему: иже кто радуется о пространствѣ церковномъ, поболѣлъ бы и о великомъ утѣсненіи оной, и могъ бы своимъ промысломъ и милостію пособствовать. Се бо не помнозѣхъ временехъ ветхости ради въ великомъ нестроеніи стоялъ, отъ всѣхъ вещей монастырскихъ зѣло оскудѣ, всего церковнаго украшенія обнажися, *и мало нѣ бѣ вертепъ разбойниковъ, торжущихъ продающихъ и купующихъ*.. Православніи! Не укоризна ли дому Божію, яко честнѣйшій много и славнѣйшій прежде бысть надъ всѣ Аѳонскія горы монастырь, но се, *самое пространное различныхъ птыцъ* и звѣрей не помнозѣ жилище быше... И кто сіе отъ вѣрныхъ можетъ стерпѣти? Но *днесъ*, слава Богу, паки веліимъ божіимъ промышленіемъ начинаетъ обно-

влятися... *Понеже всѣ святогорскіе Отцы совѣтовавшіе съ собою за высокімъ благословіемъ святѣйшаго господина Кор Гаврііла патріарха Цареградскаго, избраша единому быти, между всѣми греческими и болгарскими монастырями, русскимъ, дабы отсюду приходящіи странники при немъ, хотящіи тамо (на Аѳонѣ) быти, сопрѣбываніе имѣли.*

На обновленіе и огражденіе сего монастыря, и ради дани, юже Сквѣомъ коегождо лѣта отдаемъ должно, и всякаго оскудѣнія монастырскаго (ради), молю азъ всемирно Варлаамъ, убѣжденный быти недостойнымъ архимандритою, съ всею о Христѣ *новоизбранною* своею братією всѣхъ великородныхъ . . . православныхъ христіанъ милостыню подати . . . сію растворенную представляю книгу, да всѣ въ ней своя имена вписати вожделѣете. Сія книга есть книга живота вѣчнаго.

Сборъ продолжался въ Россіи до 1722 года. Но странно! Въ сборной книгѣ записаны только имена добродѣтельныхъ дателей, Стефана и Максима Сухозагнѣтовъ, пана Алексѣя Михайловича Турянскаго, судіи войска запорожскаго Енеральнаго, Неплюева, Головкина, Охатѣева, Строгонова, Квѣтки полковника Харьковскаго, и другихъ: а денежныя подаянія всѣхъ ихъ не прописаны, а только въ кинцѣ книги есть какой-то глухой счетъ: 100, 200, 100, 115, 72, 22, 40, 40, 30, 10, 26, всего 875 рублей.

Но напрасны были труды отца Варлаама! Въ 1726 году нашъ Барскій засталъ въ Русикѣ только четырехъ монаховъ, „*два отъ Русовъ и два отъ Болгаровъ: игуменъ болгаринъ бляше*“. А въ 1744 году онъ не нашель тамъ ни одного русскаго инока.

„Се, чудо дивно и велико, яко многи милостивіи христіане отъ самага основанія любезно творять церкви новыя: точію *Новорусска* этого жилища птицъ и звѣрей обновити никто не обрѣташеся“.

Этими словами о. Варлаама заключаю свое слово объ архивѣ Аѳоно-русской обители, который,—Богъ дастъ,—цѣликомъ будетъ помѣщенъ въ историческомъ сказаніи о ней, какъ оправданіе его.

Не блистательна была судьба Руссика во все прошлое время существованія его. Не завидно и настоящее состояніе его.

Всѣхъ монашествующихъ въ немъ Грековъ и Русскихъ 150.

Всѣхъ келлій въ околоткѣ его семь: двѣ на Кареѣ съ церквцами, Козмодамиановская въ лѣсной чащѣ на горѣ *), Амвросіева на выси горнаго отрога въ виду Руссика, Всесвятская въ концѣ овоцнаго огорода подлѣ сего монастыря, Георгіевская близъ Ксенофскаго скита, и еще одна.

Ижѣнія его на *самомъ Аѳонѣ*—каштановый лѣсъ по дорогѣ въ Карею, и садъ съ пашнею въ мѣстности, называемой Хромица и находящейся ниже чела Мегали-Виглы; на *Каламаріи* благоустроенный метохъ съ пахатною землею; на *полуостровѣ Кассандрскомъ*—пашня и двѣ водяныя мельницы. Вотъ и все богатство! Но не о единомъ хлѣбѣ живѣ будетъ человѣкъ, а о словѣ-Божіемъ!

На Аѳонѣ монахи ѣдятъ мало, а больше поютъ да читаютъ въ церквахъ. Тамъ и я не заботился о пищѣ и питіи. Что подавали, то и вкушалъ, да и того понемногу. За то умственного брашна тамъ вдоволь! Насытился я имъ въ Руссикѣ: а какая роскошь ждетъ меня впереди! Самая вождѣленная. Гдѣже послѣ Руссика, насладиться мнѣ духовною трапезою прежде прочихъ монастырей? Въ Лаврѣ св. Аѳанасія аѳонскаго! Хорошо. Ёду туда. Господи, благослови мой путь, *и приложи къ нему мой умъ.*

IV

ПОВѢЗДКА ВЪ ЛАВРУ СВ. АѠАНАСІА.

Сентябрь.

1. Суббота.—Сегодня утромъ я съ домочадцами своими, Иваномъ и Михаиломъ, отправился въ эту Лавру и весь путь свой

*) Тутъ жилъ извѣстный въ нашей паломнической литературѣ Святогорецъ Серафимъ. Онъ на стѣнѣ у своей кровати изобразилъ покойную попадью свою въ ростъ въ

чертилъ на бумагѣ съ обозначеніемъ на ней даже часовъ ѣзды своей. На той горной плоскости, на которой стоитъ старый Руссикъ, трона наша у высокихъ торчащихъ тутъ камней поворотила насъ направо, и повела сперва по равнинѣ чрезъ дубовый лѣсъ, откуда хорошо видѣнъ Св. верхъ Аѳона, потомъ по мѣстности Анапавсіа, принадлежащей Ксиропотамскому монастырю, и взвела на самый хребетъ Аѳона. Два часа мы ѣхали отъ Руссика до сего хребта. На немъ водруженъ деревянный крестъ, какъ пограничный знакъ владѣнія названнаго монастыря. Отъ сего креста дорожка пролегаетъ по самому хребту св. горы. Онъ узокъ и ровень. Съ него ясно видны оба залива морскіе, Стримонскій и Сингитскій, и обѣ стороны Аѳона. Шагая тутъ на чужихъ ногахъ; я любовался то моремъ, то Аѳономъ, и поглядывая на обонхъ, по сочетанію понятій, вспоминалъ разныя разности классическія:

Въ минуты проѣзда чрезъ дубовый лѣсъ: Тѣ древніе Еллины, которые по бѣдности своей не могли воспитывать новорожденное дитя свое, клали его въ дупло дуба, или у каменной скалы: а кто бралъ его оттуда къ себѣ тотъ говорилъ: „сей младенецъ родился отъ дуба или отъ камня“. Послѣ сего понятенъ вопросъ Пенелопы Одиссею: ἀλλὰ καὶ ὡς μοι εἶπὲ τεὸν γενος, ἀπὸ ποῦ ἐσσι· οὐ γὰρ ἀπὸ δρυὸς ἐσσι παλαιφάτου, οὐδ' ἀπὸ πέτρης; (Ὀμηρ. τ. 162) *Но повѣдай мнѣ родъ твой: откуда ты? Ибо ты приходишь не отъ дуба прорицательнаго и не отъ камня.*— Въ Ѳессаліи былъ знаменитый дубъ Додонскій, по шуму котораго жрецы Додонскаго Зевеса угадывали и предсказывали волю божію. Этотъ дубъ предвозвѣстилъ Одиссею возвращеніе въ Иѳаку. (Ὀμηρ. ξ. 327. τ. 296). У Ѳеокрита, въ 7-й Идилліи его дубы оплакивали пастушка Дафниса, влюбленнаго въ Ксенею, когда онъ грустный блуждалъ по горамъ, и таялъ, какъ снѣгъ таетъ на Аѳонѣ.

одной рубашкѣ съ распущенными волосами. Ему замѣтили, что это не хорошо. Тогда онъ пририсовалъ къ ней крылья, и сталъ выдавать ее за своего ангела хранителя. Poetis omnia licent.

Τίτορος ἐγγύθεν ἄσει·

Ὡς πόκα, τὰς Ξενέας ἠράσσατο Δάφνις ὁ βώτας,
X' ὡς ὄρος ἀμφεπολεῖτο, καὶ ὡς δρύες αὐτὸν ἐθρήνευον
Εὔτε χιῶν ὡς τις κατετάκετο μακρὸν ὑφ' Αἴμον
Ἦ Ἄθω...

При взгляде на море:—У Омира море называется *θάλασσα*, *πέλαγος*, *πόντος*, *λίμνη*.

Θαλασσα у него означает море, какъ часть вселенной, наравнѣ съ землею и небомъ, кои составляютъ вселенную. Такъ у сего поэта Вулканъ вычеканилъ на щитѣ Ахиллеса землю, небо и море:—Σ. 483. ἐν μὲν γαῖαν ἔτευξ', ἐν δ' οὐρανόν, ἐν δὲ θάλασσαν.

Πελάγος — море пространное, открытое, котораго берега не видны, и на которомъ вѣтры носятся туда и сюда: Ε. 328. ὡς τὴν ἄμ πέλαγος ἄνεμοι φέρον ἔνθα καὶ ἔνθα.

Πόντος — море весьма глубокое и стоящее выше другихъ морей. Таково наше Черное море, которое классически называется *Πόντῳ Ἐβξεινικῷ*.

Λίμνη — озеро и море у скалистыхъ береговъ, гдѣ находятся подводныя пещеры. Таково море у острововъ Тенедоса и Имвроса на пути къ Аѳонѣ.—Ν. 32. ἔστι δὲ τι σπέος εὐρὸ βραδείης βένθεσι λίμνης μεσσηγῶς Τενέδοιο καὶ Ἰμβρου παιπαλοέσσης. — Таковъ Торонскій заливъ Эгейскаго моря вблизи Аѳона и у Кассандрскаго полуострова. Тутъ богъ морей Посидонъ для морскаго же бога Протея, владѣвшаго и Торонскимъ заливомъ, устроилъ подъ моремъ пещеры и сухой проходъ отъ Кассандры до Египта: намекъ на эпоху, когда не было средиземнаго моря, и когда отъ Аѳона до Египта простиралась безводная земля. (*Ἑλληνικὸν Πάνθεον*. Πέστη. 1812. σελ. 10^{8/9}).

При взглядѣ на Аѳонъ. Пресловутые Аргонавты, тѣ, которые плавали въ нашу Колхиду за золотымъ руномъ, ночью проплыли мимо береговъ Кассандрскаго полуострова. *и на зарѣ увидѣли Аѳонъ тмистый.* (*Ὀρφεὺς Ἀργωναύτ.* Lipsiae. 1829). Это

было въ 1292 году до рождества Христова. Съ той поры до нашихъ дней (1845 г.) прошли три тысячи сто тридцать семь лѣтъ: а Аѳонъ и теперъ еще лѣсистой. Лѣса его съ высокаго хребта, гдѣ я ѣхалъ, казались мнѣ кудрями: а классическая память моя честила покрытые деревьями холмы и отроги сей горы Омировскимъ изреченіемъ: *A. 157. ὄβρεα σκιόεντα—горы пріостенныя.*

Полтора часа я ѣхалъ по хребту Аѳона отъ вышеупомянутаго креста Ксиропотамскаго до спуска въ Филоѳеевъ монастырь, извивающагося по крутоярому отрогу горы, а спускался туда по этому отрогу еще полтора часа, то пѣшкомъ, то на мулѣ. На половинѣ спуска стояла одинокая келья какого-то отшельника, а у кельи вошь съ большими рогами жевалъ зрѣлыя каштаны. Ниже кельи глубился Милопотамскій потокъ, прорывшій себѣ русло въ каменной горѣ, и стремился къ морю. Надъ нимъ водруженъ былъ деревянный мостъ топорной работы. Черезъ него переправился поѣздъ мой и скоро доѣхалъ до Филоѳеевской обители, гдѣ и остановился на ночлегъ.

2. Воскресенье.—Ночью мнѣ тяжело было отъ того, что воздухъ въ кельѣ моей пропитанъ былъ зловоніемъ отъ какой-то вяленой, или сушеной рыбы, наваленной въ сосѣдней клѣти. Я дремалъ, но не спалъ, и радъ, очень радъ былъ, когда мнѣ сказали, что мулы одни навьючены, а другіе осѣдланы, и ожидаютъ насъ за воротами монастыря. Туда проводилъ меня главный проэстосъ огреченный Болгаринъ, отлично знавшій славянскую брань, которая не печатается. Тамъ я сѣлъ на своего чернаго мула, и поѣхалъ въ Лавру, замѣтивъ на часахъ своихъ начало девятаго часа дня.

Отъ Филоѳеевской обители покатистая стезя привела поѣздъ мой къ самымъ воротамъ монастыря Каракальскаго, въ который я не заходилъ, а отсюда повела насъ выше и выше до верховья Каракальскаго потока. Перешагнувъ сей потокъ, мы ѣхали нѣсколько минутъ поперекъ мѣстности, называемой Провѣта, и принадлежащей Лаврѣ преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго, потомъ по весьма круто-

ярому отрогу горы, спускался ниже и ниже въ прямомъ направленіи къ морю. Этотъ спускъ многоизвилистъ и необыкновенно труденъ. Тутъ я не могъ держаться на мултѣ и шель пѣшкомъ, обливаясь своимъ потомъ. Наконецъ стропотная стезя свела меня въ глубь узкаго и мрачнаго ущелія, по которому течетъ мутная вода безыменная. Надъ нею виситъ мостикъ самой невзрачной работы. По минованіи ущелія опять надлежало то спускаться, то подниматься, и опять спускаться, по отвѣснымъ краямъ инаго горнаго отрога, до потока Морфинскаго. Этотъ потокъ составляетъ сѣверовосточную границу Проваты, о которой начинаю особую рѣчь.

Проватою называется горная пажитная мѣстность, лежащая между потоками, Каракальскимъ и Морфинскимъ. Она наклонна къ морю. Греческое названіе ея, которому въ нашемъ языкѣ соответствуетъ слово, *Овчарня*, доказываетъ, что тутъ, до появленія монастыря на Аеонѣ, была слобода съ торгомъ овцами. Подобныя слободы съ онымъ названіемъ существовали и въ другихъ мѣстахъ Византійскаго царства; на примѣръ, подлѣ Солуны въ восьми стадіяхъ на сѣверовостокъ отъ сего города (Georg. Aegropolit. hist. с. 4), и въ области митрополита Адрианопольскаго, подъ священноначаліемъ котораго состоялъ епископъ Проватскій, ὁ Προβάτου, числившійся седьмымъ въ списокѣ епархій, составленномъ при царѣ Львѣ мудромъ. На Аеонской Проватѣ находится нѣсколько монашескихъ келлій. Эту Провату въ 1772 году называли великимъ Скитомъ *), но едва ли правильно. Ибо тамъ ни тогда не было, ни теперь нѣтъ общаго для скитниковъ Кириакона (церкви), который по уставу Скитскому долженъ быть неотмѣнно.

Провата осталась за нами, а передъ нами высилась и длинилась особенная мѣстность, по которой протекають четыре рѣчки, Морфино, Куфо, большая Вела и малая Вела, получа

*) Προσκυνητάριον τῆς ἀγ. Λαύρας τοῦ ἀγ. Ἀθανασίου τοῦ ἐν τῷ Ἄθῳ, παρὰ Μακαρίου Κυδωνέως τοῦ Τριγώνη. 1772. Ἐν Ἐπίσημ. σελ. 44., εἶναι σκήτη μεγάλη, Προβάτα καλουμένη, καὶ εἶναι κελλία ὅμοια μετὰ ἄλλα ἕς...

свои воды изъ-подъ малаго Аэона и Антиаэона. Эта мѣстность замѣчательна, вопервыхъ, многоводностію никогда не изсякающею, во вторыхъ, своимъ вгибомъ во внутрь материка Аэонскаго, въ 3-хъ, малоподъемностію тамошнихъ паралельныхъ долинъ, тянущихся отъ моря почти до самаго хребетнаго остова горы Аэонской, который если бы вы прорыли тутъ насквозь, то высочайшую толщу Аэона сдѣлали бы островомъ; въ 4-хъ, на этой мѣстности, которую я назвалъ бы *Малоаэонье*, находится много Лаврскихъ наемныхъ келлій, построенныхъ въ розсыпь, какъ усадьбы, и кромѣ ихъ—уединенный скитъ, принадлежащій Аэонопавловскому монастырю, прозываемый Лаккосъ; наконецъ тамъ, на прибрежномъ пути въ Лавру, занимають вась двѣ мнѳологическія старины, о которыхъ нельзя не поговорить съ удовольствіемъ классика.

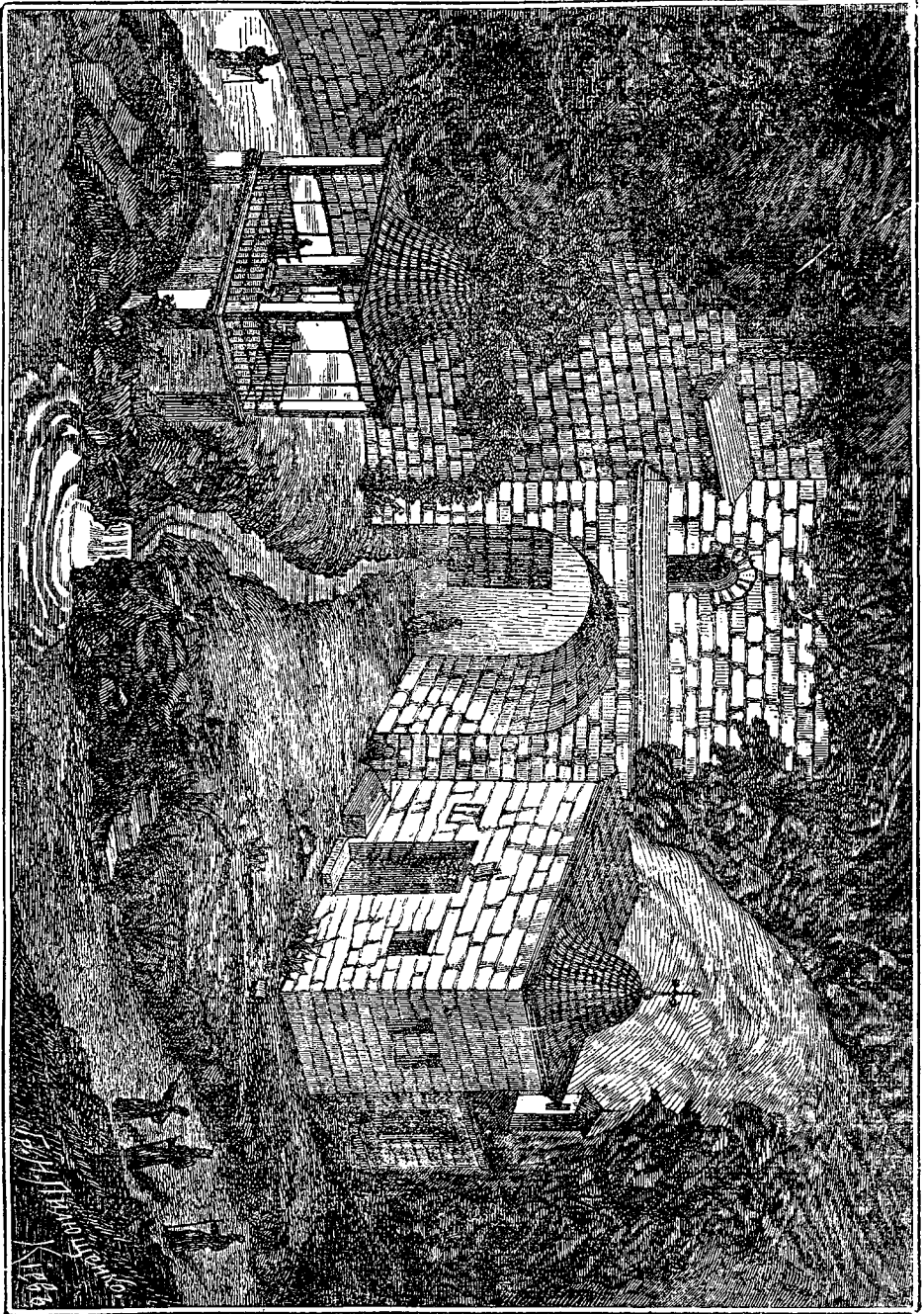
Какъ только спустишься съ Проваты на мостъ, раскинутый надъ Морфинскимъ потокомъ, тотчасъ увидишь направо отъ дороги, въ близкомъ разстояніи отъ нея, каменную башню (Πύργος), одиноко высящуюся на красивомъ холмѣ. Это мѣсто весьма живописно. Его называютъ Морфино. О немъ нашъ незабвенный Барскій передалъ вотъ какое сказаніе: „Въ двухъ часахъ пути отъ лавры обрѣтается Пиргъ, си есть столпъ мурованный еще древними лѣты, егда тамо мѣръ жительствоваше, создася же, яко же повѣствуютъ, отъ нѣкоего царя или вельможи ради *упокоенія* дщери своей, именуемой *Морфину*, *яже тамо многими лѣты безмолствоваше*, увеселяся красотою мѣста; ибо стоитъ на холмѣ зѣло красномъ недалече отъ моря, яко на выстрѣленіе изъ лука. При томъ же столпѣ послѣди отъ иноковъ созданъ есть храмъ святаго великомученика Георгія съ келліею въ безмолвіи хотящимъ жительствовати. Низу же столпа и холма въ юдолѣ течетъ малая рѣка, и мостъ древянь устроенъ ради прехожденія; — на самомъ же приморіи мельница, келлія и виноградъ великій монастырскій. Мѣсто же оное речется *Столпъ красоты*, или отъ имени предреченной дѣвы, или отъ естественной красоты мѣста“. (Путешест. Ч. II, стр. 54^{7/8} 1744 года).

Все это преданіе есть отголосокъ языческой мифологіи, съ которою кто знакомъ, тотъ съ перваго раза угадаетъ и скажетъ, что Аѳонская Морфина была Афродита — Венера, называемая *Μορφώ*. Сія богиня подъ этимъ названіемъ почитаема была и въ Спартѣ, гдѣ Павзаній видѣлъ кедровую статую ея, въ сидячемъ положеніи, съ покрываломъ на головѣ, и съ цѣпями на ногахъ (Pausan. L. III. 15. 11). Названіе ея *Μορφώ*, какъ оно ни близко къ Греческому слову *μορφή* — *образъ, красота*, не должно быть понимаемо въ смыслѣ этого слова, потому что цѣпи на ногахъ скорѣе означали ея собственную неволю и томленіе, чѣмъ то очарованіе, которымъ красота привлекаетъ къ себѣ любящихъ ее. Гораздо правильнѣе мифологисты производили слово *Μορφώ*, отъ *μορφῆ* — *тьма*, потому что покрывало и цѣпи на Венерѣ, по увѣренію Павзанія, намекали на то время природы, когда она находилась еще въ темномъ хаотическомъ состояніи въ оцепѣненіи, неразвита, безъ формъ, какія дала ей творящая и любящая сила *). Къ слову *μορφῆ* ближе названіе и Аѳонской Морфины: да и преданіе представляетъ ее невольницею, затворницею, запертою въ башнѣ. Она, какъ повѣдалъ намъ Барскій, жила тутъ нѣсколько лѣтъ и *безмолвствовала*. Явный намекъ на указанное время природы! Посему я полагаю, что Аѳонская статуя Морфины такъ же, какъ и Спарганская, имѣла покрывало на головѣ и цѣпи на ногахъ, и полагаю тѣмъ рѣшительнѣе, что статуи этой богини помѣщены были, на Аѳонѣ, въ высокой башнѣ, а въ Спартѣ въ *верхнемъ ярусѣ* капища Венеры, по свидѣтельству Павзанія. L. III. 15.

Къ морфинской башнѣ я не подѣзжалъ, отложивъ осмотръ ея до обратнаго проѣзда изъ Лавры въ Филоѳеевъ монастырь, и продолжалъ свой путь прямо къ такъ называемой Агіазмѣ св. Аѳанасія Аѳонскаго. Скоро она показалась. Это — родникъ сладкой воды, вытекающей изъ утеса на самую дорогу, и тутъ весьма близко падающей въ стремнину, а отсюда въ море. Угрюмо это

*) Religions de l'antiquité du Creuzer. T. II. 2 partie pag. 654/a. Paris. 1835.

мѣсто. Родниковый утѣсъ отвѣсно стоитъ у правой стороны дороги. Онъ облицованъ каменною стѣною и вверху осыненъ

деревами. Къ вытоку изъ него воды подходишь подъ искусственную аркою, надъ которою видно старинное окно; а какъ только приблизишься къ нему, видишь низменное окно съ желѣзною рѣшеткою, и за окномъ малый емъ воды, струящейся изъ утеса. Вода эта чиста, холодна и пріята для питья. Стремнина же, въ которую она низвергается, заглушена деревьями и кустарниками такъ, что нельзя слѣдить за теченіемъ воды. У вытока ея, направо стоитъ маленькій каменный храмъ во имя Богоматери живоноснаго источника; а налѣво—бесѣдка для отдыха проходящихъ тутъ монаховъ и мірскихъ поклонниковъ, которые въ желѣзномъ ковчезцѣ ея оставляютъ хлѣбъ и другія снѣди для бѣднѣйшихъ братій и странниковъ. Замѣчательно это мѣсто и замѣчательно по двумъ воспоминаніямъ, изъ коихъ одно христіанское, а другое миеологическое. Но о нихъ рѣчь впереди. А здѣсь мѣсто—сказанію о дальнѣйшемъ пути моемъ въ Лавру.

Отъ агіазмы Аѳанасія, такъ сказать, рукой подать до рѣчки Кофѳ, текущей изъ-подъ хребтоваго остова Аѳона. Названіе ея выражаетъ, что она течетъ не шумно. Надъ нею торчитъ мостъ весьма незатѣйливый, но прочный. Переѣхавъ его, мы шагали по утесистому краю Аѳона, омываемому моремъ и ращепанному на нѣсколько неравныхъ частей. Съ этой дороги ясно видна вся высочайшая оконечность святой горы, какъ громадная пирамида. Чудно то всемогущество, которое произвело ее. Человѣкъ можетъ измѣрить эту пирамиду: но не ему взвѣсить ее вмѣстѣ съ основаніемъ ея, которое глубоко, глубоко лежитъ въ Эгейской пучинѣ. Предъ этою высотой я—крохотка, но крохотка, удивляющійся величію всемогущаго и премудраго Бога, который создалъ Аѳонъ для любованья общаго и моего.

Аѳонъ, какъ громадный великанъ, стоитъ неподвижно и не кланяется мнѣ. Но и я не кланяюсь ему, потому что поклоняюсь Создателю его. Я лучше его. Онъ не рисуетъ меня, а я описываю его остовъ и ребра, глуби и текуція по нимъ воды. Вотъ еще вода—рѣчка предо мною съ мостомъ надъ нею. Ее называли мнѣ *Мегаги*—*Вела*, т. е. большая стрѣла, а мостъ нарекли Вел-

ласть, и повѣдали, что его нѣкогда построилъ архіерей Велласкій; и потому его называютъ такъ, какъ называютъ. Это правда. Въ Проскинтаріи Лавры св. Аѳанасія аѳонскаго, напечатанномъ въ 1772 году, сказано, что этотъ мостъ былъ построенъ нѣкогда бывшимъ епископомъ Велласскимъ Киръ Парѳеніемъ: (ὁπὸ τοῦ ποτὲ ἐπισκόπου Βελλᾶς κυρ Παρθενίου.) Его видѣлъ нашъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ: „на полчаса ходьбы отъ Лавры есть мѣсто на брежѣ моря, нарицаемое Велась, идѣже есть мостъ каменнозданъ крѣпко и лѣпо верьху одинаго и високаго круга, подъ нимъ же съ высоты горъ течеть рѣчка мала“. И такъ сей мостъ старше 1744 года. Что касается до названія рѣки, Вела—Стрѣла, то оно собственно не ей принадлежитъ, а большому отрогу Аѳона, который (отрогъ), подобно стрѣлѣ, опускается тутъ отъ хребта сей горы къ морю. Вѣдь, мы-то горныя ребра называемъ отрогами, а древніе Греки называли ихъ стрѣлами. Такъ, поэтъ Никандръ въ своей Европѣ свидѣтельствовалъ, что Аѳонъ, какъ исполинъ, мечетъ двѣ длиннѣйшія стрѣлы къ противоположному мысу Канастрійскому. Подобныхъ стрѣлъ на видѣнномъ мною съ моста Диѳонѣ, у котораго стоитъ Лавра, я насчиталъ пять.

Отъ большаго стрѣльчатаго отрога Аѳона и отъ омывающей его рѣки считаютъ одинъ часъ ѣзды до Лавры. Не болѣе часа отсюда досюда ѣхалъ и я, сперва, по краю узкаго отрога до рѣчки, называемой *Микра-Вела—малая стрѣла*, потомъ по мосту, перекинутому черезъ эту воду, и наконецъ по отлогостямъ Диѳона, на коихъ тамъ-сямъ растутъ виноградники. А всего времени, проведеннаго въ пути отъ Филоея до Лавры, прошло не болѣе 300^м минутъ, или пять часовъ.

Къ Лаврѣ подѣзжаютъ съ сѣверной стороны. Тутъ у малаго, открытаго, портика я спѣшился, и съ благоговѣніемъ вошелъ въ эту древнюю обитель чрезъ тройныя желѣзныя ворота, изъ которыхъ первыя устроены между двумя крѣпчайшими башнями, а третьи—подъ високою и крѣпкою башнею, имѣющею церковь усненія Пресвятой Богородицы. Въ третьихъ воротахъ встрѣтилъ

меня благообразный монахъ Лавры, принадлежащій къ числу власти имущихъ, и ввелъ въ почетный архондарикъ, устланный коврами и снабженный все́мъ нужнымъ для невзыскательнаго богомольца. Тутъ я отдохнулъ немного, и дорожа временемъ, посвятилъ весь остатокъ дня обзорѣнію обители св Аѳанасія.

3. Понедѣльникъ. Этому же занятію посвященъ былъ и весь настоящій день. Сначала я ходилъ вокругъ Лавры, и разсматривая ограду и башни ея съ наружныхъ сторонъ, списывалъ начертанныя тутъ надписи, и съ видѣнными предметами свѣрялъ замѣтки о нихъ Макарія Кидонійца въ его Проскниитаріи 1772 года и нашего Барскаго въ его Путешествіи 1744 года; потомъ внимательно осмотрѣлъ внутри Лавры все́ отдѣльно стоящія зданія и церкви ея, и въ нихъ утварь, иконы, стѣнную живопись, надписи, и все замѣченное и замѣчательное внесъ въ домикъ памяти, т. е. въ свой дорожный дневникъ.

V.

ВОСХОЖДЕНІЕ НА СВ. ВЕРХЪ АѲОНА.

Керасійское Безмолвище.

4. Вторникъ. Много я потрудился вчера, обзорѣвая Лавру и наполняя свой дневникъ замѣтками о ней: а сегодня даже утомился, восходя на самый верхъ Аѳона и спускаясь оттуда въ Керасійское переputье, но за то вознагражденъ былъ положительными свѣдѣніями о дикопрекрасномъ Подъаѳонѣ, на которомъ спасались святѣйшіе сподвижники, Петръ, Онуфрій, Евѳимій, Павелъ Ксиропотамскій, Максимъ Кавсокаливить, Нилъ, Акакій и другіе. Излагаю эти свѣдѣнія, принижывая къ нимъ классическія воспоминанія, какъ жемчужины къ рубинамъ, изумрудамъ, топазамъ, яхонтамъ.

Утромъ въ семь часовъ я съ чадцами своими выѣхалъ изъ Лавры въ полномъ веселіи души отъ одной мысли, что мнѣ придется провести нѣсколько минутъ на темени подвѣзнаго Аэона, выше облаковъ, выше громовъ и молній, тамъ, гдѣ уже не растетъ ни дерево, ни кустъ, ни трава. Вожакъ мой повелъ насъ по торной вымощенной камнями дорогѣ.

Ѣдемъ по склону Диеона, который стелется къ морю. Ѣдемъ полчаса, поднимаясь по этому склону. Налѣво отъ дороги намъ указываютъ келью съ церковію Пресвятой Троицы на красивомъ и хорошо обработанномъ мѣстѣ, и говорятъ, что это мѣсто носитъ имя того Исаи, у котораго въ послушаніи состоялъ Аэонасій Аэонскій.

Ѣдемъ еще полчаса, поднимаясь выше и выше, по направленію къ избушкѣ, называемой Хаири, и налѣво внизу видимъ Скитокъ съ церковію честнаго и славнаго Предтечи. Тамъ, по сказанію Проскинитарія 1772 года, подвизались преподобные и гостепріимные монахи, почти всѣ съ острова Хіоса, завѣдывая и двумя сосѣдними пещерами, изъ коихъ въ одной есть церковь съ чудотворнымъ образомъ Богоматери. Этотъ Скитокъ, какъ и избушка Хаири, стоитъ на самомъ мысѣ, вдающемся въ Эгейскую пучину. Тутъ морехоль и сухопутный ѣздокъ круто поворачиваютъ къ скалистому, неприступному съ моря, Подъаэонью, носящему на себѣ скиты—Кавсокаливскій, Керасійскій, много келлій, и тропу, ведущую на самое темя св. горы. У названной избушки я слѣзъ съ мула, потому что почувствовалъ въ себѣ робость при взглядѣ тутъ въ волнующуюся пучину моря, которая внезапно явилась испуганному взору моему и какъ будто тащила меня къ себѣ. Въ Хаирской избушкѣ ничего нѣтъ, кромѣ систерны съ свѣжею водою. Я отвѣдалъ ее, успокоился, и спросилъ проводника: то ли море я вижу, у котораго стоятъ монастыри Павловскій, Діонисіатскій, Григоріатскій и т. д.—Нѣтъ,—отвѣчалъ онъ: того моря еще не видать отсюда; на васъ смотритъ пучина, омывающая самую оконечность Аэона, но не Павловскую и не Діонисіатскую сторону его. Я поспасибовалъ его и продолжалъ свой

путь, не коса поглядывая на эту пучину своими глазами, непривычными ни къ горнымъ стремлинамъ, ни къ морскимъ пучинамъ, и для ободренія поя потихоньку: *Маниемъ твоимъ на земный об-разъ преложися прежде удобообразимое водное естество, Господи*. Религіозное воспитаніе, данное мнѣ матерію и школою, и въ этотъ разъ оказалось полезнымъ для меня въ часы робости. Да, Религія—сила животворящая! А что такое классицизмъ? Что такое философія? Это—бѣлила и румяна для лица и золотой порошокъ, насыпаемый въ черные волосы, и нимало не позлащающій ихъ.

У Хаирской каменной избушки раздѣляются двѣ тропы. Одна, что налѣво, ведетъ внизъ къ Скиту Кавсокаливскому, а другая, что направо, выше пролегаетъ почти прямо къ Керасійскому перепутью, у котораго восходятъ на вершину Аѳона. Меня вели по этой верхней тропѣ. Она отъ Хаирскаго поворота поднимается немного вверхъ до ближняго моста, перекинутаго черезъ какой-то безыменный потокъ пересыхающій, а оттуда уже прямо стелется къ Керасѣ. Тутъ мѣстность безлюдна и лѣсиста.

Тутъ ѣдешь и привѣтствуешь сосны: здравствуйте родныя. А онѣ шумя навѣвають холодокъ и свое сосновое благоуханіе, и такъ отвѣчаютъ на привѣтъ. На этомъ пути я видѣлъ только два тощіе потока, одинъ недалеко отъ моста, а другой, при въѣздѣ въ Керасійскую лощину, которую Барскій описалъ, какъ „удоль при пути великомъ, имъ же всѣ ходятъ отъ Лавры къ скиту св. Анны, а оттуда такожде къ Лаврѣ, удоль широкъ и зѣло плодоносенъ виноградомъ и всякими садовыми деревьями“. Удоль этотъ длиненъ. Весь десятый часъ дня прошелъ, пока я ѣхалъ тутъ медленно и доѣхалъ до Керасиской гостепріимной кельи отца Неофита, который встрѣтилъ меня любезно.

Не болѣе получаса продолжался отдыхъ мой подъ убогимъ кровомъ сего отшельника. Потомъ началось восхожденіе мое на заоблачную высь Аѳона, по прочтеніи слѣдующихъ строкъ у Барскаго: „требѣ восходити три часа, единъ часъ до кладезя обрѣ-

тающагося на пути ради пшты мимоходящихъ, второй часъ до храма Богородична, третій до самого верху, идѣже уже не раждаются дреса, но-нагій камень, ради великихъ вѣтровъ, снѣговъ и частыхъ облаковъ“.

Поѣздъ мой сперва двинулся по прежней дорогѣ къ кельѣ св. Димитрія, и уже тутъ началъ винтообразно подниматься по кругоярью Аѳона, подаваясь влѣво. На этой стезѣ торчали развалины какихъ-то келлій. По минованіи ихъ стезя повела насъ направо, выше и выше, но уже не винтообразно, и довела до ровной площади, на которой одиноко стоитъ церквица Пресвятой Богородицы. Тутъ мы спѣшили и отдохнули немного, запасаясь силами для дальнѣйшаго восхожденія уже на своихъ слабенькихъ ножкахъ. Церквицу эту съ примыкающею къ ней кельею и систерною вновь выстроилъ бывшій вселенскій патріархъ Діонисій Андросецъ послѣ 1665 года, а до него она существовала въ 15 и 16 вѣкѣ, какъ это видно изъ Житія святогорца Іакова Нового, который молился въ ней немного ранѣе 1520 года *). Тутъ ежегодно подъ Преображеневъ день сходятся почти всѣ окрестные подвижники и многіе монахи со всей св. горы, и отправивъ Вечерню, вкушаютъ пищу; потомъ восходятъ на святой верхъ Аѳона, поя Литію, и тамъ совершаютъ всеобщное бдѣніе, а съ восходомъ солнца служатъ божественную литургію, и опять сходятъ въ названную церквицу, и пообѣдавъ, возвращаются, каждый во свояси. Ужинъ и обѣдъ готовитъ имъ Лавра на свой счетъ, такъ какъ ей принадлежитъ вся эта мѣстность. Церквица, о которой шла рѣчь, видомъ своимъ походитъ на убогій домъ. Никакого убранства я не нашелъ въ ней. Назадъ тому сто лѣтъ, нашъ паломникъ Барскій провелъ тутъ ночь, прочитавъ Вечерню и поѣвши сухарей. А я, грѣшный, Вечерни тутъ не читалъ и ничего не ѣлъ, а только съ края площади взглянулъ въ глубочайшій отвѣсный низъ горы, ужаснулся и отскочилъ назадъ. Но любопытство превозмогло ужасъ; и я опять подошелъ къ самому краю

*) Смори ниже это Житіе въ XVI отдѣленіи сей книги моеи.

ужасающей стремнины, и прилегши тутъ грудью опять взглянулъ внизъ и опять оробѣлъ. Неимоверно страшна тутъ отвѣсная стремнина! Мнѣ явно было, что въ этомъ мѣстѣ случился насильственный обвалъ горы отъ землетрясенія, и что тутъ провалился городъ Акроаѳосъ, который Страбонъ ставилъ у верха Аѳона, *πρὸς τῆ ἑξοφῆ τοῦ Ἀθωνος*, а Помпоній Мела уже не ставилъ его тутъ, и сказалъ о немъ такъ: у вершины Аѳона *былъ* городъ Акроаѳонъ, въ которомъ, какъ *гласитъ молва*, *люди жили* вдвое болѣе, чѣмъ въ другпхъ мѣстахъ. Выраженіе его, *гласитъ молва*, и глаголы—*былъ*, *жили*, даютъ разумѣть, что въ послѣдніе годы жизни сего географа (предъ 43 годомъ по Р. Х.) Акроаѳосъ уже не существовалъ. Здѣсь то люди видѣли восходъ солнца ранѣе тремя часами сравнительно съ тѣми, которые населяли прибрежныя мѣста Аѳона. Понятно это, когда знаешь, что отъ уровня моря до верха этой горы насчитываются 6,400 фунтовъ.

Осеннее время поторопило меня. Послушный ему, я перекрестился и пошелъ на святой верхъ горы, откосный какъ пирамида, титькообразный по замѣчанію Страбона. Сперва восхожу туда по каменистой тропинкѣ, потомъ лѣзу, а дальше ужъ руками цѣпляюсь за камни, у самаго же верха выбиваюсь изъ силъ и сажусь отдыхать. Смотрю внизъ и вижу одно синее море. А вѣтеръ бушуетъ; и я начинаю робѣть, воображивъ, что онъ сброситъ меня въ Эгейскую пучину. Робѣю и говорю своему домоладцу: Иванъ, боюсь я, какъ бы вѣтеръ не снесъ меня въ море. А онъ покачалъ головою и отвѣтилъ мнѣ: да развѣ вы хлопчатая бумага? Признаюсь: такой отвѣтъ пристыдилъ меня, но и ободрилъ. Я всталъ и взошелъ на св. верхъ.

Это—маленькая площадь, среди которой стоитъ приземистый и весьма убогій храмикъ въ память Преображенія Господня. Вокругъ его можно ходить безъ затрудненія. Въ немъ не было никакихъ церковныхъ принадлежностей и украшеній: только на святомъ престолѣ лежалъ старый антиминсъ, напечатанный на холстѣ съ подписью Алепскаго епископа Герасима. Этотъ епископъ въ 1725 или 26 году антїохійскимъ патріархомъ Аванасіемъ сос-

ланъ былъ на ближней къ Аѳону островъ Лимносъ за послушаніе: что мнѣ стало извѣстно изъ арабскаго списка Антиохійскихъ первосвятителей, переведеннаго для меня по италіански въ 1844 году въ Константинополь. Съ Лимноса Герасимъ, какъ видно, ѣздилъ на Аѳонъ, или во время или послѣ пятилѣтняго съ половиною пребыванія своего на этомъ островѣ, и по просьбѣ лавріотовъ освятилъ оный антиминосъ. Онъ возвратился въ Алеппъ, и скончался въ уніатскомъ монастырѣ архангела Михаила на Ливанской горѣ Кесруанъ. Вспомнить же его мнѣ довелось на самомъ темени Аѳона, куда и воронъ не летаетъ и костей своихъ не заноситъ.

Съ этого темени я смотрѣлъ на Эгейское море и на ближніе острова, Тасосъ, Самоѳраки, Имбросъ и на тотъ далекій Лимносъ, на которомъ въ городѣ Миринѣ была видима тѣнь Аѳонскаго верха, покрывавшая тамошняго вола, изваяннаго изъ мрамора. Въ моей памяти мелькнула поговорка древнихъ Еллиновъ: Ἄθος εὐρέα νότα καλύπτει Ἀθωνίας βόας—*Аѳонъ покрываетъ хребетъ Лимнійскаго вола*. Потомъ я, тамъ сямъ ложась ничкомъ, смотрѣлъ внизъ, направо, налево, впередъ, и чувствовалъ въ себѣ непріятное смущеніе при видѣ ужасныхъ пропастей, стремнинъ и островерхихъ утесовъ. Это смущеніе усилилось во мнѣ еще болѣе, когда я вспомнилъ разсказъ проводника моего объ одномъ монахѣ, который собиралъ тутъ цвѣточки *иммортели*, оступился, полетѣлъ внизъ, и спиною наткнулся на острѣйшій утесъ такъ, что верхъ этого утеса вышелъ чрезъ живогъ и спину его. Однако любопытство мое было сильнѣе робости моей. Оно крѣпко прижало къ темени Аѳона грудь мою и живогъ мой. Въ этомъ положеніи я хорошо видѣлъ всю святую гору, ея Аѳоненка, Диеонъ и малый Аѳонъ, ея хребетъ съ маковками его, и ея отроги, долины, и даже мѣстности многихъ монастырей, но не самые монастыри, которыхъ не видать. Особенно поразилъ меня ближайшій видъ узкой, гладкой и длинной полосы, откосно спускающейся отъ Аѳоненки по направленію къ Лаврѣ у Диеона. Право, по ней можно было бы скатиться на санкахъ, и потомъ свалиться въ пропасть.

Вдоволь насмотрѣвшись на все это, я всталъ и начертилъ карту всего Аѳона, *) потомъ сѣлъ у одного большаго камня, и припомнилъ крупныя событія на этой горѣ. Вотъ онѣ:—

За 2,500 лѣтъ до Р. Х., высокія воды Чернаго моря, съ помощію огненныхъ землетрясеній, прорвали материки, Босфорскій и Дарданельскій, и навсегда затопили сушу около Аѳона, оторвавъ часть его, простиравшуюся къ острову Лимносу и къ малой Азіи, и погрузивъ ее въ подводную глубь.

2000—1529 г.—Потомъ, когда земля горѣла, когда, по словамъ Овидія, пламень пожиралъ самыя возвышенныя мѣста земли такъ, что она разсѣдалась и сохла, когда разрушались города, а люди и цѣлыя области обращались въ пепель, когда жители Ливіи почернѣли, когда пылали горы Тавръ въ малой Азіи, Тмоль и Эга въ Греціи, „*въ это время пылалъ и Аѳонъ*“.

1529. Наконецъ погасли огнедышущія жерла этой горы, Мѳливо близъ Хиландара, Кріонери у Ватопеда, Цука подлѣ монастыря Иверскаго и другія. Тогда поселились на ней выходцы изъ сопредѣльной Фракіи, Висалты, Крестоны и Идоны. У нихъ въ свое время царствовалъ Фамирисъ Фракіянинъ такой же пѣвецъ и мудрецъ, какъ и Орфей.

1124—656 г.—Къ этимъ Фракійцамъ присоединились Еллины, Пеласги и Халкидикійцы, и построили на Аѳонѣ небольшіе города, Діонъ, Фиссосъ, Клеоны, Харадриэ, Олѳфиксосъ, Санисъ и Аканѳосъ.

495—489 г.—Всѣ эти города съ самаго начала своего существованія были свободны и самоуправны. Но въ 495 году ихъ покорилъ своей власти Персидскій царь Дарій Истаспъ. А сынъ его Ксерксъ, во время своего похода въ Грецію, прокопалъ Аѳонскій перешеекъ, и устроилъ тутъ каналъ для плаванія судовъ.

431—360 г. Греки побѣдили Персовъ, и для своей защиты отъ нихъ содержали обще-еллинскій флотъ общимъ изживеніемъ включительно съ вкладами Аѳонскихъ городовъ, но спустя 59

*) Она сохранилась у меня.

лѣтъ послѣ сего сами раззорились и затѣяли извѣстныя въ исторіи войны Пелопонесскую и Олинейскую. Въ этихъ войнахъ живое участіе принималъ Аѳонъ.

360—148 г. За тѣмъ онъ скоро сталъ данникомъ царей Македонскихъ, изъ числа которыхъ Александръ великій не захотѣлъ преобразить верхъ Аѳона въ статую Зевеса по предложенію архитектора его Динократа, а царь Кассандръ дозволилъ брату своему Алексарху построить на перешейкѣ Аѳона городъ Уранополь.

148—268 г. Со времени подчиненія Македоніи и Аѳона Римской Державѣ въ 148 году, что происходило на сей горѣ: это неизвѣстно. А въ 268 году христіанскомъ въ пристаняхъ ея починавали военные суда свои Скионы, Ерулы, Певки и Готѣы.

325—676 г. Въ царствованіе Константина великаго свѣтъ христіанства озарилъ мірскихъ жителей Аѳона. Не угасилъ его Іуліанъ богоотступникъ: а при Θεодосіи великомъ и при ближайшихъ преемникахъ его, этотъ свѣтъ блисталъ тамъ ярко. Но нашла на Аѳонъ грозная туча изъ Магометанской Аравіи и Сиріи и разогнала оттуда всѣхъ жителей.

676—830 г. Аѳонъ опустѣлъ, но на короткое время. Царь Константинъ Погонать, по заключеніи мира съ Арабами, населилъ эту гору монахами, которые тогда скитались по городамъ и были въ тягость властямъ, мірскимъ и духовнымъ. Эти монахи крестили Влаховъ—Рихиновъ и Сагудатовъ, пришедшихъ къ нимъ съ береговъ Дуная, и терпѣли озлобленія отъ царей иконоборныхъ. А монастыри ихъ, по неисповѣдимымъ судьбамъ божіимъ, заустѣли послѣ того, какъ въ 830 году Арабы истребили весь греческій флотъ въ сраженіи у острова Таса и у Аѳона.

840—960 г. Однако заустѣніе это было кратковременно. Вскорѣ появились тамъ сперва отшельники такъ называемые Исихасты, по нашему Безмолвники, а потомъ и монастырники прежніе и новые.

963—1204 г. Преобразователь Аѳонскаго монашества преподобный Аѳанасій постройкою своей Лавры подаль примѣръ об-

щежитія монастырскаго. Къ нему изъ разныхъ странъ собрались 3000 разноплеменныхъ и разноязычныхъ монаховъ, и одни изъ нихъ построили новые монастыри, (Амальфійскій, Каракальскій), а другіе возобновили и расширили обители прежнія, (Ватопедъ, Иверъ). Съ той поры навсегда осуществилась великая идея, либо монашеская, либо царская, идея о соединеніи всѣхъ христіанскихъ племенъ на Аѳонѣ въ лицѣ монашествующихъ представителей ихъ предъ Богомъ, подъ хоругвию Православія. Тогда и славяне, именно, Болгары, Сербы и Русскіе, пошли туда спасаться и молить Бога о мирѣ всего міра и благостояніи святыхъ божіихъ Церквей.

Въ царствованіе Алексѣя Комнина (1081—1118 г.) случилось скоромное искушеніе на Аѳонѣ отъ трехсотъ семействъ Валахскихъ, коихъ терпѣлъ тамъ этотъ Государь. Но и оно прошло, и Рай опять сталъ Раемъ для ищущихъ его, умѣющихъ въ немъ жить и уходящихъ изъ него къ Господу.

1204—1261 г. Несчастія Аѳону—не враги. Они для него тоже, что для золота огонь. Огонь горитъ, а золото въ немъ очищается: такъ и Аѳонъ остался во всей чистотѣ православія и иноческаго преподобія въ то огненное время, когда Латины взяли Константинополь и подѣлили между собою Греческое царство, и когда одинъ изъ нихъ поселился на этой горѣ, и изъ крѣпости своей, которой развалины и теперь тамъ видны и называются Франкокастро, ходилъ по монастырямъ и грабилъ ихъ нещадно. Въ эту пору Аѳонцы пожаловались на него римскому Папѣ Иннокентію третьему; и Онъ защитилъ ихъ (въ 1211 году) съ помощію царственной Намѣстницы города Солуня Маріи и Латинскаго Императора, который лишилъ власти на Аѳонѣ онаго врага Бога и Церкви—*Dei et ecclesiae inimicum*. (Innocent. III epistol. II. p. 829. Edit. Val.). Этотъ Папа въ своемъ посланіи къ тамошнимъ монахамъ, отъ 12 января 1214 года. до небесъ превозносилъ ихъ, говоря: „ваша гора украшена тремястами обителей и многими святыми мужами, которые имѣютъ величайшую полноту благъ духовныхъ. Она по истинѣ есть мѣсто свя-

тое, домъ Божій, врата небесные. Посему многіе народы любятъ ее, а епископы, князи и цари покровительствуютъ ей, и проч“.

1261—1355 г. Латины господствовали въ Византійскомъ царствѣ только 58 дѣтъ. Потомъ Михаилъ Пелеологъ въ 1261 году отнялъ у нихъ Константинополь. Этотъ Государь жаловалъ Аѳонскимъ монастырямъ многія имѣнія въ разныхъ областяхъ своихъ, и склонялъ ихъ къ уніи съ Римомъ, но они не поддались обаяніямъ его. А сынъ и внукъ его, оба Андроника, (1283—1341 г.) любили и ущедряли Аѳонъ за его стойкое православіе и за святость. Не менѣе ихъ любили и угобжалъ всѣ тамошнія обители и Сербскій царь Стефанъ Душанъ сильный, который въ 1346 году даже былъ на Аѳонѣ вмѣстѣ съ супругою своею Еленою, и, какъ говорятъ, на конѣ взвѣхалъ на самый верхъ этой горы и водрузилъ на немъ свое знамя. Въ царствованіе обоихъ Андрониковъ происходили въ святогорскихъ монастыряхъ самыя жаркія пренія о Фаворскомъ свѣтѣ и объ Енергіяхъ естества Божія. Правое ученіе святаго аѳонита Григорія Паламы объ этихъ предметахъ было утверждено Константинопольскимъ Соборомъ въ 1355 году.

Аѳонъ ранѣе взятія Константинополя Турками (1453 г.) призналъ власть ихъ надъ собою. Это совершилось вскорѣ послѣ того, какъ Султанъ Муратъ II, въ 1430 году 1-го марта, взялъ съ бою городъ Солунъ и потомъ овладѣлъ сосѣднею съ Аѳономъ Сидирокавсійскою областію.

Въ 1520 году Султанъ Селимъ, обзрѣвъ Дарданельское укрѣпленіе Килидуль—Бахръ, отправился на св. Гору и тамъ во время пышныхъ празднованій принималъ богатые подарки отъ визирей своихъ, а оттуда возвратился въ свою столицу. (*Histoire de l'empire Ottoman par Hammer. Paris. 1844. — „Cette circonstance ne se trouve que dans l'histoire du grand vesir, Lutfi. p. 76).*

Довольно! Больше того, что я припомнилъ и изложилъ здѣсь, знать не знаю и вѣдать не вѣдаю, а постараюсь узнать.

Теперь же пора рассказывать иное. Уже вечерѣло, когда мы сошли съ св. верха и расположились ночевать въ гостепріимной кельѣ отца Неофита.

5. Середа.—А тремя ли часами раньше другихъ увидѣло насъ тутъ восходящее солнце: этого сказать я не могу, потому что проспалъ восходъ его. За то, есть о чемъ поговорить сегодня, и есть что записать въ дневникъ моему.

Отецъ Неофитъ, родившійся и выросшій въ Анатолиі, давно спасается самъ и другихъ спасаетъ на св. Горѣ. Онъ—іеромонахъ и духовникъ. У него исповѣдуются иноки пяти монастырей и архіерей, покоющіеся на Аѳонѣ. По словамъ его, монахи общежительныхъ обителей нерѣдко причащаются св. Таинъ, но безъ строгаго поста, такъ что наканунѣ ѣдятъ даже сыръ и масло. Такое воздержаніе не одобрялъ о. Неофитъ. Эта строгость его понравилась мнѣ, знающему отъ св. Іоанна Златоустаго, что причащающійся тѣла и крови Христовой долженъ быть чище солнечнаго луча; и я попросилъ собесѣдника сказать мнѣ что нибудь въ назиданіе. Онъ зорко посмотрѣлъ на меня и сказалъ: имѣй страхъ Божій и будь воздерженъ. „Аминь“; отвѣчалъ я ему, и сталъ слушать свободныя рѣчи его. „У меня, —говорилъ онъ, девять учениковъ. Я никуда не отпускаю ихъ. Днемъ они обрабатываютъ огородъ и виноградникъ, а подь ночь совершаютъ долгія *метаніи* (молитвы съ земными поклонами), каждый особо. Кто изъ нихъ болѣе другихъ любитъ эти метаніи, тотъ освобождается отъ работы. Согрѣшающихъ между ними я наказываю жезломъ, а иногда сажаю въ безводную систерну на трои сутки безъ хлѣба. Всѣ они никогда не ѣдятъ ни сыра, ни рыбы, и не пьютъ вина, а довольствуются однимъ сухояденіемъ: причащаются же еженедѣльно послѣ исповѣданія своихъ помысловъ, и послѣ разрѣшительной молитвы. Таково наше житіе. Милостыню мы принимаемъ, но только на содержаніе нашей церкви, на одежду, обувь, и на хлѣбъ насущный, который раз-

дѣляемъ со всѣми, кто у насъ бываетъ“. Сказавъ это, о. Неофитъ пригласилъ меня осмотрѣть всю Керасійскую мѣстность.

Мы пошли. Но я, молодой, едва едва поспѣвалъ за этимъ маститымъ старцемъ: такъ онъ легкокъ на ходу!

Дорога, по которой я пріѣхалъ въ Керасю, осталась у насъ влѣвѣ. Направо же отъ нея, близъ церкви св. Димитрія, показался намъ малый холмъ. Мы взошли на него; и тутъ о. Неофитъ повѣдалъ мнѣ вотъ что. На этомъ холмѣ, во время оно, была крѣпкая башня, называемая Сидирокастро. Отсюда Еллины поклонялись идолу Зевеса, который стоялъ на самомъ темени Аѳона, и сюда на зиму сносили его съ онаго темени, дабы онъ не попортился, будучи слить весь изъ чистаго золота, и имѣя глаза діамантовые. Подлѣ Сидирокастра находилось селище и торжище Цаконовъ, которыхъ потомки понынѣ находятся въ Пелопонесѣ.—Все это я выслушалъ съ большимъ вниманіемъ и вѣрилъ о. Неофиту, потому что весьма ясно видѣлъ предъ собою верхъ Аѳона, на которомъ въ самомъ дѣлѣ стояла статуя Зевеса, по свидѣтельству Греческаго лексикографа Исихія, и потому что внизу около холма усмотрѣлъ кой какія развалины, а на верху его замѣтилъ древнія систерны. На этомъ холмѣ у о. Неофита есть своя душеспасительная келейка. Въ ней ничего не было, кромѣ сундука, на которомъ преспокойно и переважно сидѣлъ котъ—бѣлая шкурка, усы какъ у турка.

Отсюда мы пошли далѣе къ другому подобному холму, но не всходили на площадку его. На ней видны малые остатки каменной башни. А называется она Палеокастро. Указывая ее мнѣ, о. Неофитъ молвилъ, что въ ней Еллины берегли цѣломудріе дѣвицы, *δία τὰ μὴ φθειροῦται*, но не объяснилъ: какія были эти дѣвицы, Весталки, или жрицы, или вѣщуньи: а не объяснилъ вѣроятно потому, что не зналъ подробностей древнѣйшаго преданія о нихъ.

Отъ Палеокастра мы воротились назадъ и позавтракали весьма умѣренно. Во время завтрака о. Неофитъ говорилъ мнѣ, что св. царь Константинъ великій отдалъ монахамъ Аѳонскую гору,

выселивъ жителей ея Цаконовъ, однихъ въ Анатолію, а другихъ въ Морею: сперва онъ зачислилъ ихъ въ полки свои съ жалованьемъ по три лева въ день, и на 60 судахъ отправилъ въ названныя области, гдѣ они находятся и теперь, а потомъ выслалъ къ нимъ женъ и дѣтей ихъ, сказавъ имъ: ваши мужья болѣе не возвратятся; что же вамъ тутъ дѣлать? Идите къ нимъ. И онѣ пошли къ нимъ.—Этотъ рассказъ я выслушалъ, не обнаруживая задѣшевнаго сомнѣнія въ справедливости его, и попросилъ словоохотнаго старца объяснить мнѣ: почему скитъ его называется Керася! Онъ отвѣтилъ мнѣ, что правильнѣе надобно называть его *Κοράσιον* (Дѣвичникъ), потому что тутъ берегаемы были дѣвицы, *διὰ τὰ μὴν φθειρόνται*. Тогда я раскрылъ Проскинитарій Лавры 1772 года, и на 51 страницѣ прочелъ отцу Неофиту: *τόπος ὡραιότατος ὀνομάζεται Κερασα, ἐπεὶ τὸν παλαιὸν καιρὸν ἐφύλαττον ἕκαστὴ ἐν χοράσιον, ἧτοι, γυναῖκα παρθένον εἰς ἓνα Πόργον, κτισμένον ἐπάνω εἰς τὸν βουνόν, ὅπου εἶναι ἕκει: τ. ε. Красивѣйшее мѣсто называется Кераса, потому что въ древнее время берегли тамъ одну красу, т. е. дѣвицу, въ одной башнѣ построенной на тамошнемъ холмѣ. Старецъ молча выслушалъ это, и началъ говорить, что Россія по пророчествамъ уже должна бы взять себѣ Константинополь, но вѣрояно, чей-то грѣхъ препятствуетъ ей совершить сіе дѣло. Что вы думаете объ этомъ? Я отвѣчалъ: не знаю, чей этотъ грѣхъ, нашъ или вашъ, а полагаю, что пророчества исполняются, но не такъ, какъ мы толкуемъ ихъ, а такъ какъ Богъ разумѣетъ ихъ, и не въ то время, которое назначаемъ мы, а въ то, которое опредѣлилъ Богъ. Притомъ у насъ еще дома много заботъ и хлопотъ; сперва надо устроить домъ свой, и уже потомъ думать о приобрѣтеніи другихъ имѣній.*

Этимъ разговоръ нашъ кончился. Конецъ былъ и нашему завтраку, и я уже намѣревался идти на ближній холмъ, называемый Новый Кармилъ, чтобы осмотрѣть стоящую на вершинѣ его церковь св. пророка Іліи, въ которой ежегодно Аѳонцы совершаютъ всенощное бдѣніе и литургіи, но отложилъ это намѣреніе узнавъ, что спутники мои Иванъ и Михайлъ сильно забо-

лѣли отъ простуды послѣ вчерашняго похода на св. верхъ Аѳона. Болѣзнь ихъ требовала прилежнаго врачеванія и усерднаго ухода. Надлежало отправить ихъ въ русскій монастырь. Они, оба немаломощные отъ природы, скрѣпили свои силы, и отправились вмѣстѣ со мною въ Лавру. Туда провожалъ насъ одинъ ученикъ отца Неофита, и дорогою съ увлеченіемъ говорилъ мнѣ о бдѣніяхъ и пощеніяхъ своего учителя, о прозорливости его и объ умѣнїи врачевать души, а въ концѣ концовъ повѣдалъ, что однажды предъ литургіею бѣсъ подошелъ къ Скитской церкви въ видѣ дикой свиньи, но о. Неофитъ прозрѣлъ въ ней злаго духа, и своею епитрахилью привязалъ его къ дереву, у котораго и пробылъ сей бѣсъ, пока кончилась литургія, потомъ исчезъ.

VI

МОИ ЗАНЯТІЯ ВЪ ЛАВРѢ.

6. Четвертокъ. Добрые лавріоты утромъ посадили недужныхъ моихъ въ лодку, и отправили въ Руссикъ. Я остался одинъ.

Сіжу въ кельѣ и объясняю себѣ названія видѣнныхъ мною вчера мѣстъ. — Керася находится между двумя отрогами св. Горы, кон оканчиваются двумя противолежащими мысами, Акроаѳосскимъ, гдѣ видится скитокъ Предтеченскій, и Нимфейскимъ, гдѣ расположенъ сосѣдній съ Керасею скитъ св. Анны. Названіе перваго мыса тезоименито съ бывшимъ городомъ Акроаѳосомъ, о которомъ я говорилъ выше: а второй мысъ названъ Нимфейскимъ, очевидно, отъ почитанія тутъ Нимфъ, которыхъ о. Неофитъ произвольно обратилъ въ дѣвиць, цѣломудренныхъ по неволѣ, перемѣнивши древнее Еллинское слово, Нимфи—дѣвица, на подобозначащее Новогреческое корасіонъ. Но какія Нимфы имѣли тамъ свои алтари или капища? Нимфъ было много. У Еллиновъ, одушевлявшихъ все существующее въ природѣ, Нимфы были небесныя, (Музы, Хариты, Естіа) и земныя, какъ то, 1) Нирреиды въ моряхъ, *Прото* благословляющая первый въ море выходъ новенькаго корабля, *Сао* спасающая мореплавателей, *Евдора*

ущедряющая ихъ прибылью, *Амфитрида* внушающая имъ страхъ отъ морскихъ волнъ, *Фетида* означающая положеніе разныхъ морей, *Галли* подающая тишину и пр. и пр.) 2) Енидриады въ сладкихъ водахъ, Наяды въ родникахъ, Эпотакиды въ потокахъ, Криниды въ криницахъ—колодезяхъ, Лимниады въ озерахъ: 3) Орестіады въ горахъ и пещерахъ, Лимоніады на лугахъ, Напей и Алсінтиды въ лѣсахъ, Хлориды и Аноусы въ зелени и цвѣтахъ, Агріады въ огородахъ, Дріады въ деревьяхъ и Епимиллиды у стадъ. Всѣ эти Нимфы воображаемы были, какъ свѣтолѣбныя, красивыя и нагія дѣвушки—духи, или душеньки, съ тѣмъ различіемъ, что у водяныхъ между ними видѣлись волосы свѣтозарныя, а у земляныхъ—зеленыя. Еллины съ особенною любовію почитали ихъ и всюду ставили имъ жертвенники и капища за то, что онѣ научили людей чтить и воспѣвать боговъ, одѣваться тканями, питаться древесными плодами и овощами, готовить медъ, и воспитывать скотъ. Какія же изъ этихъ Нимфъ чтимы были на Аѳонѣ, именно у Нимфейскаго мыса этой горы? Думаю, что всѣ кромѣ луговыхъ, озерныхъ и рѣчныхъ, всѣ, и стадныя, и древесныя, и огородныя, и цвѣточныя, и лѣсныя, и нагорныя, и пещерныя, и колодезныя, и поточныя, и родниковыя, и морскія, такъ какъ имъ можно было жить въ тамошнихъ горахъ и пещерахъ, лѣсахъ и водахъ, огородахъ и загонахъ, словомъ вездѣ, кромѣ луговъ, озеръ и рѣкъ, которыхъ тамъ нѣтъ. Смѣю думать, что и въ Палеокастрѣ, который я видѣлъ вчера, почитаемы были Нимфы, какъ образцы дѣвическаго цѣломудрія, и тутъ стояли ихъ статуи, а не живыя Еллинскія дѣвушки содержались въ заперти. Нимфы были дочери Зевеса. Этому отцу ихъ воздаваемо было почтеніе на самомъ темени Аѳона. И такъ кстати было почтить и благодѣтельныхъ дочерей его въ виду этого священнаго темени, которое хорошо видно у Керасійскаго Сидирокастра и Палеокастра. Въ Керасѣ и въ близкихъ къ ней мѣстахъ находятся отлично-хорошія проточныя воды и родники ихъ. Вотъ что говоритъ о нихъ Лаврскій Проскинитарій 1772 года. „Въ Аннинскомъ Скиту очень

много водъ наилучшихъ, такъ что почти каждая келья имѣетъ свою воду. Близъ скита Кавсокаливскаго струятся превосходныя воды, *φραιότατα νερά*. Немного выше этого скита и ближе къ Керасѣ есть прекраснѣйшее мѣсто, называемое *κρύα νερά*—*холодныя воды*, потому что тамъ вытекаютъ изъ горы *многія* и дивныя воды, *πολλά καὶ θαυμάσια νερά*. Въ самой Керасѣ находятся удобнѣйшія для житья келліи, потому что тутъ много сладкихъ водъ, и всякихъ растений, садовыхъ и дикихъ“. И такъ было гдѣ жить Нимфамъ, и въ водахъ и въ деревьяхъ Подъаѳонья! Отъ нихъ и тамошній мысъ названъ былъ Нимфейскимъ.

А Керася? Откуда это названіе? Для рѣшенія сего вопроса обращаюсь за пособіемъ не къ учительницамъ Нимфамъ, которыхъ уже нѣтъ даже въ воображеніи Аѳонитовъ, а къ географіи Аѳинскаго митрополита Мелетія, напечатанной въ Венеціи въ 1807 году. Во второмъ томѣ ея, (стран. 453) сказано, что въ Тессало-Магнисійскомъ околоткѣ, близъ озера Карла, у горы Пиліона расположена слобода Керася (*ἡ Κερασινᾶ*). Вогъ изъ этой слободы, по мнѣнію моему, въ первую эпоху Аѳонскаго монашества (680—830 г.) благочестивые монахи поселились на многоводномъ лѣсистомъ и плодородномъ мѣстѣ, о которомъ идетъ рѣчь, и назвали его Керася именемъ прежней отчизны своей. Лучше этого объясненія придумать нельзя. Если вспомнишь Пелопонесскую гору *Κεράρειον*, и оттуда выселишь жителей на подъяѳонье, то они назовутъ новую селитву свою Керавсіонъ, а не Керася. Если пойдешь за такими переселенцами на горы, отдѣляющія Аттику отъ Мегаріи и наваемыя Керата отъ того, что онѣ похожи на роги (*Κέρας*—рогъ), то они новому селищу своему дадутъ прозваніе Керата, а не Керася. Остаюсь при своемъ мнѣніи и пишу, что знаю о Керасѣ предположительно и положительно.

На мѣстѣ Кераси и въ смежныхъ окрестностяхъ стоялъ древнѣйшій городъ Акроаѳосъ. Его разрушило землетрясеніе еще въ первомъ вѣкѣ христіанскомъ. Но такъ какъ о немъ упомянулъ Стефанъ Византійскій (въ 5. в.) и сократитель его книги о го-

родахъ Ермолай (въ 6 вѣкѣ), то надобно полагать, что Акроаѳонцы опять возстановили свое селеніе въ царствованіе римскаго Императора Адріана (117—138), возобновившаго на Аѳонѣ городъ Стратоники. (Stephan. Byzant.). Это селеніе опустѣло во время арабскаго погрома предъ 676 годомъ; а когда царь Константинъ Погонатъ, заключивъ миръ съ Арабами въ этомъ году, отдалъ монахамъ весь Аѳонъ, какъ выморочное имѣніе, тогда на мѣстѣ Акроаѳоса, какъ я сказалъ выше, водворились Керасіоты, пришедшіе изъ Θεσσαλονικισίηςкой слободы Кераси, какъ тогда же близь города Аѳоса, (немножко ниже кельи св. Іоанна Златоустаго, которую въ виду Лавры выстроилъ на свой счетъ бывшій вселенскій патріархъ Діонисій Андросецъ), возникла иноческа я обитель, понынѣ называемая Παλεομοναστήριονъ, т. е. древній монастырь *). Керася и послѣ втораго Арабскаго погрома, постигшаго Аѳонъ въ 830 году, опять скоро заселилась пустынниками. Тамъ и на всемъ окрестномъ Подъаѳонѣ съ 847 года подвизались преподобнѣйшіе безмолвники Іосифъ армянинъ, другъ его Евѳимій и другіе аскеты, какъ это я узналъ изъ житія сего Евѳимія, недавно прочитаннаго мною въ Русскѣ. Ученики этого св. старца изъ Кераси ходили на верхъ Аѳона, и едва не погибли тамъ подъ выпавшимъ снѣгомъ. Это было въ 864 или 5-мъ году. Подобный случай въ Керасѣ былъ во дни св. Аѳанасія аѳонскаго. Однажды онъ позвалъ къ себѣ монаха Θεодора и сказалъ ему: возьми снѣди и иди скоро въ Керасійское мѣсто, и когда будешь противъ Трохаля, сойди къ морю. Тамъ ты найдешь трехъ мужей, томящихся отъ мороза и голода: изъ нихъ одинъ—инокъ. Бѣги же, чтобы застать ихъ живыхъ, дай имъ хлѣба и утѣшь ихъ, а когда они подкрѣплятся, возьми ихъ съ собою. Θεодоръ исполнилъ всё это въ точности, накормилъ ихъ, утѣшилъ и привелъ въ Лавру. Въ другой разъ самъ Аѳанасій съ братіею работалъ въ Керасѣ; и сюда носилъ имъ пищу келарь Павелъ. Тамъ у церкви св. пророка Іліи не

*) Προσκυνητῆριον τῆς ἀγ. Λαύρας τοῦ ἀγ. Ἀθανασίου 1772. σελ. 37. „Καταβαίνοντας εἰς τὸ κἀθισμα τοῦ Χρισσοῦμου, ὀλίγον παρακάτω εἶναι ἡσυχαστήριον, καὶ ὀνομάζεται Παλαιομοναστήριον. Я не былъ тутъ. Но прошу будущихъ паломниковъ побывать тамъ.

долго жилъ св. Максимъ Кавсокаливитъ въ первой половинѣ 14-го вѣка. Дальнѣйшая судьба этого мѣста съ 14-го вѣка до 18-го, пока, не извѣстна мнѣ: а надѣюсь узнать ее, когда пересмотрю и перебѣлю, ежели не всѣ, то многія старинныя дѣписанія и *памети* Аѳонскихъ обителѣй. Въ осмнадцатомъ же вѣкѣ, численно сказать въ 1744 году, видѣлъ Керасю и описалъ нашъ паломникъ о Василій Барскій. Вотъ его извѣстіе о ней. „Подъ Аѳономъ при пути великомъ, имъ же всѣ обще ходять отъ Лавры къ Скиту св. Анны, а оттуда также къ Лаврѣ, есть удолю широкъ и зѣло плодоносенъ, часомъ единымъ восхожденія высоко отъ моря, пдѣ же суть пять или шесть келлій, въ нихъ же живущіе корыстуютъ и изобильно питаются, и живутъ мѣрное иноческое уединенное житіе, а не скитское; сего ради скитники не именуются, но келлейники, или келіяши по Сербски. Мѣсто же оное нарицается Керася, си есть *Черешня*, можетъ быть, отъ нѣкоей Черешни дикой, еще предъ населеніемъ живущихъ тамо обрѣтшейся. Тамъ есть виноградъ Лавры съ келліею и церковію св. Димитрія, и въ другой келіи церковь св. Антонія, и въ третьей св. Аѳанасія. Оттуда же и путь общій восходитъ на самый верхъ Аѳона“. Кратко это извѣстіе о Керасѣ, а еще короче замѣтка о ней Лаврскаго Проскинитарія 1772 года. Тутъ сказано только то, что „Керасійское мѣсто весьма хорошо, многоводно и плодородно, и что тутъ въ башнѣ, въ древнее время, стерегли одну дѣвицу“. Немного больше сего наговорилъ о Керасѣ я, путникъ 1845 года.

Тамошній пустынникъ о. Неофитъ говорилъ мнѣ: какъ св. царь Константинъ выселилъ Цаконовъ съ Аѳона и отдалъ эту гору монахамъ. Но я не вѣрю ему. Такая передача тогда и быть не могла, потому что во дни сего царя не было монаховъ нигдѣ, кромѣ Египта; да и тамъ ихъ кельи были еще новехоньки. Церковь же Христова на Никейскомъ Соборѣ, бывшемъ при Константинѣ въ 325 году, не составила ни одного правила о монашествѣ. Явно, что она еще не знала его. Послѣ этого какіе же монахи могли бы тогда населить Аѳонскую гору? Притомъ въ извѣстномъ сочиненіи писателя пятаго вѣка, Стефана Византійца,

„о городахъ“ перечислены современные ему города на Аѳонѣ, а о монастыряхъ тамъ нѣтъ ни слова. Впрочемъ о. Неофитъ ошибся не въ имени греческаго царя, населившаго Аѳонъ монахами, а въ прозваніи его. Этотъ царь дѣйствительно былъ Константинъ, но не великій, а Брадатый. (Погонать)

Какъ только набросалъ я на бумагу всѣ эти замѣтки, явился въ мою келью тотъ же благообразный Проэстѣсъ, который встрѣтилъ меня въ воротахъ Лавры. Онъ принесъ мнѣ драгоценную рукопись, содержащую завѣщаніе св. Аѳанасія аѳонскаго: *Διατίθεσις*. Я благодарилъ его за это, какъ умѣлъ, а послѣ благодареній просилъ его склонить властныхъ лавріотовъ, чтобы они показали мнѣ царскіе хрисовулы и другія старинныя дѣписанія, хранящіяся въ архивѣ ихъ, просилъ же его объ этомъ, увѣряя его въ своей отчѣнной любви къ многонародному Богоблагословенному и святому Аѳону, и изъявляя пламенное желаніе написать исторію сей знаменитой горы. Онъ обѣщался передать эту просьбу-собратіямъ своимъ, потомъ по желанію моему сообщилъ мнѣ нѣсколько свѣдѣній о современномъ Аѳонѣ. Вотъ онѣ:—

— Въ Лаврѣ живутъ теперь 70 братій; да таксидіаровъ т. е. сборщиковъ милостыни въ разныхъ странахъ считается тридцать лавріотовъ: всѣхъ 100. Кромѣ ихъ въ наемныхъ кельяхъ найдется сотня отшельниковъ.

— Каждому новому Проигумену читаются особыя правила.

— Лаврѣ принадлежитъ въ Молдавіи метохъ, называемый Берзунсъ, и приноситъ ей ежегодно 40,000 піастровъ. (2,354 руб.). На Каламаріи она потеряла земли за долги Туркамъ, а на островѣ Лимносѣ имѣетъ три подворья съ пашнями, кои выкуплены ею сперва у Венеціанъ, а потомъ у Турковъ. До паденія же греческаго царства тамъ принадлежали ей семь подворьевъ. Уцѣлѣли небольшія имѣнія ея на островахъ Имбросѣ и Самоѳраки. Есть метохъ въ городѣ Смирнѣ.

— Ватопедскій монастырь со всѣхъ имѣній своихъ получаетъ 600,000 піастровъ.

— Всѣмъ двадцати обителямъ Аѳонскимъ принадлежатъ два монастыря, въ Молдавіи Трехсвятительскій, и въ Валахіи Успенскій „прозываемый Котручани, и ежегодно даютъ триста—четыреста тысячъ піастровъ. Но эти деньги неравно раздѣляются между монастырями. Изъ нихъ Лавра получаетъ 25,000 піастровъ.

— Для содержанія полицейской стражи на Аѳонѣ и для удовлетворенія всѣмъ общимъ потребностямъ святогорскихъ монастырей нужна бы общая денежная касса. Составить ее желаютъ Лавра и Иверъ: а Ватопедъ и нѣкоторые другіе монастыри не соглашаются на это, боясь растраты такой кассы.

— Въ Константинополь ежегодно посылаются съ Аѳона два избранные Епитропа, яко ходатаи по дѣламъ святогорскимъ.

— А въ Солунѣ каждый монастырь Аѳонскій имѣетъ свой конакъ, т. е. подворье. И въ этотъ городъ посылается одинъ, избранный старецъ—ходатай по дѣламъ монашескимъ съ жалованьемъ по 6,000 піастровъ въ годъ.

— Аѳониты опасаются политическаго и вооруженнаго нашествія Грековъ на ихъ свягую безмятежную гору. Объ этомъ нашествіи предвѣдомилъ ихъ лавріотъ Діонисій, посланный въ Аѳины ходатайствовать о возвращеніи всѣхъ имѣній Аѳонскимъ монастырямъ, отнятыхъ греческимъ правительствомъ. А аѳонское монашеское управленіе (Протатъ) извѣстило о семъ Порту и просило ее усилить стражу на Аѳонѣ.

— Турецкіе солдаты, во время своего поста въ аѳонскихъ монастыряхъ съ 1821 года по 1830-й, сожгли лѣсъ на Аѳонѣ, начиная отъ скита св. Анны до монастыря Филоѳеевскаго.

Повѣдавъ мнѣ все это, Прозѣстосъ ушелъ отъ меня. Но въ моей кельѣ осталось свободное время; и я воспользовался имъ и переписалъ для себя завѣщаніе св. Аѳанасія аѳонскаго, хорошо владѣя скорописнымъ перомъ, и твердо зная греческое правописаніе.

Это завѣщаніе, какъ видно изъ содержанія его, написано было основателемъ Лавры аѳонской послѣ 976 года, когда еще живы были современники его, греческій царь Васицій порфирород-

ный, строитель аеоноиверскаго монастыря, Иоаннь Ивиръ и сынъ его по плоти и духу Еввемій. Передаю сущность сего памятника десятаго вѣка.

„Я смиренный монахъ Аѳанасій, наставникъ вашей лавры, называемой Меланѣ, ежедневно и ежечасно помышляю о неизвѣстномъ часѣ смертномъ, и потому оставляю лаврѣ настоящее письменное завѣщаніе мое:

„Желаю по кончинѣ моей оставить игуменомъ одного кого либо изъ нашего во Христѣ братства, такого, который отличается словомъ, житіемъ и дѣятельностію“.

„Всѣхъ прошу именемъ Бога и Пресвятой нашей Богородицы повиноваться игумену, и жить другъ съ другомъ въ любви и единомысліи, соблюдать же и въ св. церкви и въ трапезѣ и во всѣхъ другихъ службахъ уставы, которые начертали святые Отцы, а мы недостойные заимствовали изъ ихъ писаній и преданій“.

„Оставляю послѣ себя блюстителемъ Лавры господина Иоанна Ивира, который много лѣтъ служилъ мнѣ со всякимъ смиреніемъ, а послѣ него—сына его Еввемія“.

„Я думаль-было святаго царя (Василія) оставить блюстителемъ священной Лавры нашей, но не посмѣлъ, и оставилъ покровителемъ и заступникомъ нашего во Христѣ общества истиннаго христіялюбца Патриція Никифора, дабы онъ ради награды отъ Бога и ради своей души помогаль во всемъ Иоанну Ивиру“.

„Къ Лаврѣ Иоанна Ивира и къ братіямъ его заповѣдую имѣть ту же любовь духовную, какую видите, имѣю и я.—Но и къ братіямъ св. горы нашей имѣйте любовь, и воздавая имъ подобающую честь, храните миръ, какъ хранить его смиреніе мое“.

„Кто служитъ хорошо, благочестиво и духовно, какъ въ самой Лаврѣ, такъ и въ подворьяхъ ея и на оствовахъ, тотъ пусть остается на должности своей до глубокой старости“.

„Участвующихъ въ выборѣ игумена братій должно быть не болѣе 15 человекъ. А лучше—и менѣе того. Такъ какъ въ большемъ числѣ, по различію свойствъ и мнѣній каждаго, одни стали бы избирать одного, другіе другаго, то я призналъ справед-

ливымъ, чтобы избирателемъ было немного. Поставленіе же игумена да бываетъ такъ. Пусть будетъ отслужено всенощное бдѣніе въ соборномъ храмѣ пресвятой Богородицы. А послѣ утрени, когда будетъ кончена божественная литургія, да будетъ возглашена Ектенія съ пѣніемъ, *Господи помилуй*, 50 разъ. Потомъ поставляемый пусть положитъ предъ алтаремъ поклонъ, и обратится лицомъ къ собранію монаховъ. Тогда пусть первый поклонится ему Блюститель, а за нимъ и всѣ прочіе“.

„Когда время покажетъ, что игумень пагубенъ для братства, и, обличенный, останется неисправимъ, тогда блюститель, посоветовавшись съ старшею братією, и по собственному усмотрѣнію, изберетъ другаго способнаго управлять Лаврою“.

„Болѣе всего будьте страннопріимны, и не нарушайте постановленія, которое я далъ вамъ касательно странниковъ, приходящихъ къ вамъ сушею и моремъ“.

„Во всѣхъ вашихъ молитвахъ поминайте меня, да обрящу милость и оставленіе многихъ грѣховъ моихъ въ день судный“.

Кончено завѣщаніе. Начинается описаніе Лавры.

Лавра, говорю съ Барскимъ, „*стоитъ на мѣстѣ равномъ и зѣло веселомъ*“ у подошвы громаднаго и престолаго отрога св. горы, спустившагося почти отъ самаго верха ея къ Стримонскому заливу, и близъ этой обители св. Аѳанасія вдругъ остановившагося *отвѣсно*, какъ будто нѣкая сила сказала ему: доселѣ дойди и непрейдеши. Сей отрогъ называется Дифонъ. Вокругъ Лавры на близкихъ и дальнихъ мѣстностяхъ растетъ множество масличій, виноградныхъ лозъ, грецкихъ орѣховъ, лимоновъ, поморанцовъ, черешень, сливъ, каштановъ, кипарисовъ, и нѣсколько деревъ *Тиссовыхъ*. Околотокъ сего монастыря весьма великъ. Вдоль Стримонскаго залива онъ простирается до владѣній Каракалла, и на этомъ пространствѣ замыкаетъ въ себѣ все *Поддифонье*, всю обширнѣйшую долину, по которой изъ-подъ малаго Аѳона течетъ рѣка Вѣласъ съ ея боковыми токами, и всю Провату: а вдоль Эгейской пучины и Стримонскаго залива ея обнимаетъ все *Подгафонье* съ скитами, Кавсокаливскимъ, Керасійскимъ

и Аннинскимъ; средоточіе же сего околотка составляетъ вся толща Аѳона съ св. верхомъ его. Вездѣ тутъ такое изобиліе воды,—говоритъ Барскій,—яко три мельницы мелютъ, огороды и сѣнокосы напоятся, и многія окрестъ келліи безмолвныя при истоцищахъ водныхъ въ зелѣностѣхъ лѣса, аки звѣзды окрестъ луны тѣлозрачно стоятъ. Есть же монастырь образомъ четвероуголень, но неравностѣнень; въ длину бо много протяженъ отъ запада къ востоку, а въ ширину меньше. Окружіе его измѣряется 3015 саженьми.

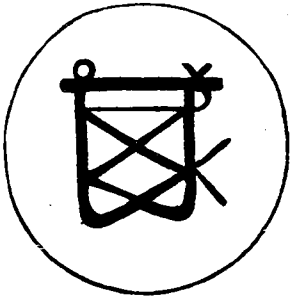
Въ оградѣ лавры Барскій насчиталъ приблизительно десять башенъ: „*близъ* десяти, отъ нихъ же иныя не весьма зрятся ради своей низкости и присовокупленія къ зданіямъ, иныя же болѣе зрятся“. А въ Проскинитаріи Макарія Кидонійца всѣхъ ихъ пятнадцать, имянно: *дѣтъ* по обѣ стороны св. воротъ Лавры, *третья* надъ воротами третьими, *четвертая* противъ южной стороны церкви Богоматери вратарницы, такъ называемая башня Цимисхи, *пятая* малая съ храмомъ св. Троицы, *шестая* высокая и крѣпкая съ кельями внутри, возобновленная богатымъ купцомъ Константиномъ Руссомъ изъ Сервіонской Епархіи близъ монастырской маслобойни, *осмая* высокая и крѣпкая, рекомая Цангарі (сапожная), *девятая* большая, высокая и крѣпкая съ церквцею св. великомученика Димитрія, *десятая* высокая и свѣтлая, называемая башня Козмы, близъ лаврской больницы, *одинадцатая* высокая и красивая надъ этою больницею, называемая Терзибаши, *двѣнадцатая* большая, высокая и крѣпкая съ церквцею свв. архангеловъ и съ кельями, кои устроилъ бывшій вселенскій патріархъ кир. Діонисій Андросецъ (1660—1665 г.), *тринадцатая* высокая съ храмомъ св. Онуфрія близъ скевофилакін—ризицы, *четырнадцатая* подлѣ Келарни, *пятнадцатая* надъ почетнымъ архондарикомъ высокая и крѣпкая.—

На первой угловой башнѣ, что направо отъ входа въ лавру, снаружи высоко, я прочелъ надпись: „ἔτος ζοβ̄ ἡγορευεῖσθαι τοῦ Ἀυτίμου, т. е. въ лѣто 7072—1564 *при игуменѣ Аноимѣ*“. Тогда при немъ только надстроена была эта башня: чтò доказыва-

еть верхняя кладка камней, рѣзко отличающаяся отъ кладки нижней новостію своею и добавкою тесаныхъ камней въ углахъ. Подлѣ этой же башни въ оградѣ, подъ первымъ зубцомъ ея, на мраморной плитѣ изсѣченъ четвероконечный крестъ съ сокращенными словами и лѣтосчисленіемъ: $\overline{\text{I}\Sigma}$. $\overline{\text{X}\Sigma}$. $\overline{\text{NIKA}}$. $\overline{\text{ἀναγεώθη ἔτους}}$ 7116, т. е. Ис. Христосъ побѣждаетъ. Возобновлена (стѣна) въ лѣто 7116—1608-е“.

Соборный храмъ въ Лаврѣ, во имя благовѣщенія пресв. Богородицы, построенъ св. Аѳанасіемъ аѳонскимъ въ самомъ концѣ десятаго вѣка. Подъ обрушившимся алтаремъ его онъ скончался вмѣстѣ съ достраивавшими его каменщиками. Поставлено это священное зданіе не въ самой срединѣ лавры, а ближе къ восточной оградѣ ея. Длина его отъ входа до конца алтаря измѣряется 26-ю обычными шагами нашими, а ширина 30-ю, но только въ той части, которая пролегаетъ предъ иконостасомъ и подъ куполомъ отъ праваго хора до лѣваго хора старцовъ: какковыя хоры, выдвигаясь наружу за продольныя стѣны, и увеличиваютъ тутъ ширину храма. Онъ вывершенъ весьма красивымъ куполомъ съ 16-ю продольными окнами, котораго ширину Барскій измѣрилъ тремя саженьями и двумя пядями, а покрытъ весь свинцовыми листами.

На западной сторонѣ сего святилища въ 1814 году устроенъ открытый нарѣйкъ, (портикъ) утвержденный на 12-ти мраморныхъ тонкихъ колоннахъ, а за нимъ литійный притворъ созданъ иждивеніемъ старца Аноима Карпенисіота и проигумена Макарія Критянина, которые съ юныхъ лѣтъ жили въ Лаврѣ. (Надпись). Жалѣю, что они сдѣлали это. Отъ ихъ перестройки тутъ пострадала священная древность, и на хорахъ уничтожена кельяная церквица св. Аѳанасія во имя пяти мучениковъ Критскихъ, его бібліотека и самая келья, гдѣ еще видны были на мраморномъ полу слѣды его колѣнопреклоненій. Изъ литійнаго свѣтлаго притвора срединная дверь ведетъ въ настоящую церковь. На верхнемъ мраморномъ косякѣ ея изсѣчена замыслова-

тая монограмма въ кружкѣ. Я отподобилъ ее. Вотъ она. А читается такъ: ΧΑΙΡΕ ΠΑΝ ΚΥΡΙΟΥ, т. е. радуйся двере Господня.

Эти слова, взятая изъ акаѳиста Богоматери, доказываютъ, что соборный храмъ въ лаврѣ строителемъ его Аѳанасіемъ былъ посвященъ Богоматери. Полагаю, что самъ

онъ примыслилъ и монограмму эту.

Въ настоящей церкви большой куполь покоится на четырехъ сводахъ, опирающихся на каменные массивные устои, а не на легкихъ колоннахъ, какъ въ Иверѣ и Русикѣ. Изъ сего купола прямо и кругло спущены двадцать мѣдныхъ поясковъ узорчатыхъ; а къ нимъ прикрѣпленъ мѣдный *хоросъ*, тотъ самый, который видѣлъ и описалъ Барскій. „Есть убо сей *хоросъ* нѣкій обручъ мѣдный, равною мѣрою съ куполомъ храма содѣланный, въ широту яко на пядь (4 верш.), но весь сквозъ дырявъ, изваянный съ переплетеніемъ различныхъ тонко изрытыхъ цвѣтовъ, птицъ и животныхъ, съ частыми вставками орловъ двоеглавыхъ и нѣкихъ круговъ на подобіе башенъ“. На верхнихъ краяхъ его уставлены 72 свѣчи, а въ срединѣ виситъ великій мѣдный полвелей трехъ-ярусный съ 36 свѣчами и съ 12 страусовыми яицами: увѣнчанъ же онъ летящимъ ангеломъ, который въ десницѣ держитъ мечъ, а въ шуйцѣ вѣнецъ. Во всей же настоящей церкви полъ выстланъ драгоценными мраморами. Послушаемъ, какъ описалъ его Барскій. „Подножіе паче всего зѣло драгое и лѣпое есть, драгими различными мраморами помощено сиче художественно и гладко, яко едва познавается соединеніе; кій же языкъ по достоянію изрещи, или каковая трость описать подробно возможетъ оныя различныя струи? Деки суть широки, на пять пядій, длиною же на десять, всѣ отъ бѣлаго чистаго мрамора съ дымообразными или облачными водами, сиче художественно камень къ камню и воды къ водамъ соединены, яко идѣже вкупѣ два

или четыре камня, аки единъ цѣль быти зрится на подобіе краснотканной плащаницы; между же ими инья червонныя, а инья сивыя и-рябыя, а инья инако скрижали съ разными на нихъ водами; помежду же всеми нѣкіе узкіе поясы отъ различныхъ дробныхъ мраморовъ упещренны, иже къ многой похвалѣ художника и къ великому удивленію зрящаго возбуждаетъ“. — И я весьма любовался этимъ изящнѣйшимъ поломъ церковнымъ и художественнымъ устройствомъ его. Лавріоты берегутъ его, какъ зѣнницы очей своихъ и моютъ розовою водою. Честь и хвала имъ за это! Видно: они твердо помнятъ, что Господь совершилъ Тайную Вечерю въ горницѣ богато *убранной и посланной* и въ этомъ подражаютъ Ему.

Стоя подъ куполомъ, любуешься иною прекрасною особенностію: я разумѣю *невиданное* у насъ устройство праваго и лѣваго хора старцовъ по линіи предъиконостасной. Тутъ полукруглыя стѣны, отъ самага пола аршина на два и десять вершковъ вверхъ облицованы бѣломраморными красивыми плитами, а выше ихъ, аршина на два слишкомъ, украшены цвѣтистыми изразцами издивеніемъ цареградскаго патріарха Діонисія (1660—1665 г.) *). Къ этимъ стѣнамъ приставлены старческія стоялица, *сидѣла*, самой изящной токарно-столярной работы. На этихъ стоялицахъ властные и почетные старцы, сидя и стоя, слушаютъ Богослуженіе и молятся, порой унисономъ подпѣвая протопсалту. На краю праваго хора супротивъ южныхъ дверей алтаря водружень игуменскій тронъ подъ балдахиномъ, весь изъ орѣховаго дерева, самой вычурной рѣзной работы. Къ задку его прикрѣплена икона св. Аѳанасія аѳонскаго. Онъ на дскѣ написанъ въ ростъ. Лице его благообразно. Раздвоенная на двѣ пряди борода его длинна. Колоритъ иконы темно красноватъ. Живопись—

*) Выше стоялицъ, яко на сажень въ высоту, усаженны суть стѣны пѣкими отъ череція драгаго полированными дсками, иже сиче суть зѣло гладки и блистательны, аки зеркало, яко ни прахъ къ нимъ не можетъ пристати; таковыя же дробныя и удивительно прилѣплены суть на нихъ цвѣты, яко едва сложеніе скрижалей познавается, ибо аки едина цѣла одежда удивительно тканна окрестъ распростерта зрится. Бысть же сіе коштомъ патріарха Діонисія, родомъ отъ Андра острова. (Барскій).

Влахоболгарская. Св. Аѳанасій держитъ въ рукѣ хартію съ словами: ΑΓΑΘΗ ΨΥΧΗ ΒΡΥΗ ΔΑΚΡΥΑ· ΠΡΟΣΕΥΧΝΙΔΕ ΚΤΑΤΑΙ ΣΟΦΡΩΣΥΝΗ: *добрая душа источаетъ слезы, а молитвою пріобрѣтается цѣломудріе*. У ногъ сего угодника Божія на сребропозлащенномъ окладѣ иконы вычеканены двѣ греческія надписи крупными буквами. Вотъ онѣ въ русскомъ переводѣ: † Іоаннъ Владиславъ великій воевода во Христѣ Богѣ вѣренъ господарь и самодержецъ всей Угровлахіи. † Анна благочестивѣйшая великая воеводица во Христѣ Богѣ вѣрная и самодержица всей Угровлахіи. Онѣ и она въ ростѣ вычеканены на сребропозлащенныхъ обраміяхъ иконы по обѣ стороны св. Аѳанасія въ уровень съ стопами его. Чеканъ—не изящень. Годъ не намѣченъ. Но изъ исторіи Угровлахіи извѣстно, что Владиславъ управлялъ этимъ княжествомъ въ 1521 году. Это Владиславъ второй: а первый господарствовалъ съ 1427 года по 1445-й. Слѣдовательно описанная мною икона прислана въ лавру Владиславомъ въ 1521 году. Съ нею пишете образъ св. Аѳанасія аѳонскаго.—Въ обоихъ старческихъ хорахъ предъ протопсалтами стоятъ деревянные налои для клиросныхъ книгъ, изящно облицованные самою узорчатою мозаикою изъ перламута, слоновой кости и индійской черепахи. А предъ мѣстною иконою Спасителя поставленъ налой подъ праздничныя иконы такой же узорчатый. Греческая надпись на немъ гласитъ, что работалъ его Іоануль перламутовый мастеръ, στεφζή, въ августѣ 1680 года.

Деревяннаго иконостаса въ Лаврскомъ соборѣ не было еще въ 1744 году. Тогда вмѣсто его стоялъ современный постройкѣ сего святилища *Дистилонъ* (Двустолпіе) мраморный, который и теперь видѣнъ внутри алтаря. Вотъ какъ описалъ его Барскій: „Обоюду (т. е. по обѣ стороны) царскихъ вратъ суть столпы мраморные четыре, зеленые съ бѣлыми своды (крапинами), яко полторы сажени высоты, толсты же, яко объяти челоуѣку единою рукою, съ надглавниками отъ бѣлаго мрамора, съ хитрымъ изсѣченіемъ на нихъ животныхъ, вверху же ихъ дски мраморныя, бѣлыя, великія, отъ нихъ же едина въ сажень.“ Весь

этотъ Дистилонъ съ основаніемъ его и тумбами видѣлъ и я. Двѣ колонны изъ зеленаго мрамора съ бѣлыми крапинами понынѣ стоятъ по правую сторону царскихъ вратъ, и двѣ такія же по лѣвую сторону ихъ. Въ складкахъ капителей ихъ видны изваянные овны. Между этими колоннами никакихъ мѣстныхъ образовъ не было, потому что нѣтъ и гнѣздъ для нихъ. Дистилонъ былъ сквозной по обычаю времени св. І. Златоустаго, дабы сквозь него всѣмъ было видно совершеніе Тайной Вечери. А завѣса прикрѣплялась къ сѣни надъ св. Трапезою, какъ это и теперь видно въ алтарѣ святогробскаго храма въ Иерусалимѣ. Деревянный иконостасъ, закрывающій этотъ мраморный Дистилонъ, и такіе же иконостасы въ другихъ лаврскихъ церквахъ устроены уже въ 1770—80 годахъ. (*Надписи*) Весьма сожалѣю объ этой деревянной замѣнѣ мраморной древности. Теперь приходишь въ церковь на тайную вечерю, и не видишь ни св. трапезы, ни совершителей величайшаго Таинства. Но откуда это деревянное нововведеніе? Разумѣется, отъ насъ. Афонцы частенько бывали въ Москвѣ, видали тамъ великолѣпные иконостасы въ нѣсколько ярусовъ, позлащенные и уставленные множествомъ образовъ въ серебрянныхъ окладахъ, и давай подражать намъ. А не надлежало бы имъ дѣлать сего, потому что наши многоярусные иконостасы не Византійскіе, а Египто-Коптскіе. Впрочемъ грѣха нѣтъ въ томъ, что мраморный безыконный Дистилонъ замѣненъ деревяннымъ иконостасомъ съ св. образами. Каковы же образа эти въ Лаврскомъ соборѣ? Макарій Кидоніецъ въ своемъ Проскинитаріи (1772 г.) донельзя расхвалилъ четыре большія иконы, двѣ царя Алексѣя Комнина, и двѣ царя Андроника Палеолога. Но первыхъ я не видалъ, а вторыя описалъ подробно. Вотъ мое описаніе. На мѣстной (*sic*) иконѣ Спасителя густые волосы съ пробормомъ надъ челомъ, орѣховаго—рыжеватаго цвѣта, закинута на спину; чело открыто; глаза остры; брови дугообразны; носъ прямъ; ланиты оттѣнены густо, и потому лице кажется узковатымъ и строго постнымъ; уста малы, сжаты и выпуклы, какъ будто что-то задерживаютъ выдавшимися впередъ губами; выя

толста; срачица малиноваго цвѣта, а верхній хитонъ—синій съ отливомъ зеленоватымъ; правый рукавъ срачицы у плеча прошитъ золотомъ; десницею Христосъ благословляетъ, какъ архіерей, т. е. именованно, а шуйцею держитъ раскрытое Евангеліе, въ которомъ по гречески написано: *Придите ко мнѣ вси труждающіися и обремененніи и проч.* Икона эта хорошо сохранилась. По мнѣ она—Андроникова.—Мѣстная икона Богоматери—неблагообразна. Чело ея закрыто омфоріономъ; глаза миндаальнообразны, а выраженіе ихъ строго, даже сурово и непріятно; вѣки глазъ, обѣ стороны лица у самого носа, и окранны ланить у ушей оттѣнены слишкомъ густо; носъ прямъ и въ концѣ загнутъ внизъ; на омофоріонѣ видны двѣ звѣзды и слова у кисти правой ручки: *ἐν ἱματισμῷ διαχρύσῳ περιβεβλημένη, πεπικολιμένη* т. е. *въ одежду позлащенную облеченна, испещрена*; божественный Младенецъ ея не по возрасту смотритъ строго; волосы на головкѣ его орѣховаго цвѣта; чело велико; глаза и брови черны; обѣ стороны ланить оттѣнены густо; уста малы и хороши; срачица на немъ синяя, а хитонъ малиноваго цвѣта; вся эта одежда прорисована золотыми полосками; десницею Онъ благословляетъ, *какъ вседержитель, а не какъ архіерей*; въ шуйцѣ держитъ свитокъ судебъ міра; сходства съ Матерію нѣтъ. Фонъ этой иконы закрытъ чеканною ризою, на окраинахъ которой видны чеканные образки: а чеканъ весь составленъ изъ разводныхъ цвѣтовъ въ кружкахъ.—Такихъ образовъ много въ церквахъ восточныхъ. Кто-то изъ иконописцовъ времени Андрониковъ, старшаго и младшаго (13—14 вѣк.), задалъ тонъ собратіямъ своимъ по ремеслу писать иконы Спасителя и Богоматери съ выраженіемъ строгимъ, аскетическимъ и съ густымъ оттѣненіемъ ланить и носа, дабы лица казались узки и сухощавы. Такія иконы нравились монахамъ. Но не таковы тѣ образа Господа и Матери его, которые описаны въ Евангеліяхъ! І. Христосъ въ этихъ св. книгахъ—не аскетъ! Впрочемъ при сужденіи о древнемъ церковномъ иконописаніи на востокѣ и о пошибахъ его надобно имѣть въ виду достойное вниманія желаніе во-

сточныхъ христіанъ и ихъ пастырѣй, боявшихся идолопоклонства, желаніе имѣть въ церквахъ и домахъ св. иконы такія, которыя только бы напоминали о божественномъ, и не развлекали бы молитвы своими красотами, то есть иконы лініеочертательныя, темноватыя, невыказывающіяся изъ полотна, напротивъ какъ бы скрывающіяся въ небесахъ. Иные вѣка и иное иконописаніе! Мы никогда не будемъ идолопоклонниками, и потому можемъ имѣть св. образа, написанные естественно и прекрасно. Однако и въ наше время для христіанъ, молящихся иконѣ, а не первообразу ея, и черезъ чуръ привязанныхъ къ старинѣ, лучше писать образа по старинному, поаѳонски. *Suum cuique*: каждому свое! У кого вѣра уяснена, тому въ руки икона Рафаэлевская: а у кого она не освѣщена, тотъ пусть пріобрѣтаетъ иконы въ родѣ Аѳонолаврскихъ, о которыхъ продолжаю рѣчь мою.—Въ соборномъ храмѣ надъ южнымъ входомъ въ алтарь указываютъ небольшую икону Спасителя и говорятъ, что она принадлежала царицѣ Θεодорѣ, возстановившей почитаніе св. образовъ въ 842 году. Къ сожалѣнію я не разсмотрѣлъ ее. Не описана мною и та икона, которая виситъ у лѣваго клироса, и которая пожертвована Угровлахійскимъ Воеводою Винтиломъ (1533—4 год.). Предъ обѣими иконами этими горятъ неугасимыя лампадки. Въ литійномъ притворѣ къ срединной колоннѣ, что направо, прикрѣплена немалая икона, представляющая Соборъ безплотныхъ силъ и слугъ Господа—*Ἡ Σύναξις τῶν ἀσώματων καὶ λειτουργῶν Κυρίου*, 1614 года. Архангелы и ангелы держатъ въ ручкахъ своихъ образъ Еммануила. Всѣ лица тутъ немилостивы, и немножко кривоносы; у глазъ свѣта, одежды, крылья, орари на ангелахъ все это прорисовано золотистыми полосками. Внизу иконы подписано по гречески, что она изготовлена иждивеніемъ Солунскаго священника Антонія Оксига въ 24 день декабрия мѣсяца 1614 года.—Въ томъ же притворѣ налѣво отъ входа въ настоящую церковь къ стѣнѣ прикрѣплена большая икона Богоматери на дскѣ. Ее ублажаютъ ангелы и Святые, Аѳанасій аѳонскій, Михайль Синадскій, Николай чудо-

творецъ и великомученикъ Димитрій. Тутъ всѣ лица слишкомъ оливковы, а одежды ихъ зелены. Внизу подписано по гречески, что эту икону живописаль въ 1742 году іеромонахъ Пареній Аграфіотъ.— Въ соборномъ храмѣ у игуменскаго мѣста большая икона св. Аѳанасія аѳонскаго на доскѣ написана въ 1836 году Аѳонскимъ живописцомъ Іоасафомъ. Она есть наилучшее произведеніе кисти его.— Предъ мѣстными иконами стоятъ весьма высокіе подсвѣчники, отчетливо вылитые изъ желтой мѣди съ круглыми яблоками. Они весьма красивы и величѣйны. Два изъ нихъ пожертвованы въ Лавру въ 1741 году Константиномъ Парасхомъ, жителемъ города Іоаннины, а другіе два, выше и больше, Солунскимъ гражданиномъ Іоасафомъ. Я любовался ими не мѣнѣе того Венеціанскаго мастера литейныхъ дѣлъ, который въ 1772 году былъ въ Лаврѣ и восхищался ими, приговаривая: лучше этихъ подсвѣчниковъ нѣтъ и въ самой Венеціи. (*Προσχωρητάρ. τῆς ἀγ. Λαύρας, ὑπὸ Μαχαρίου Κοδώνεως*).

Войдемъ въ алтарь святой. Здѣсь царскіе врата, облицованныя самою изящною и тонко-художною мозаикою изъ перламута и индійской черепахи, устроены иждивеніемъ Лаврскаго игумена Германа въ 1631 году. Святая трапеза—не квадратна, какъ у насъ, а болѣе длинна, чѣмъ широка, какъ въ Киевской лаврѣ и св. Софіи. Надъ нею водружена деревянная сѣнь съ главою на четырехъ колоночкахъ; рѣзьба ея позлащенная весьма узорчата. Подъ сводомъ ея виситъ (sic) св. Артофорій (по нашему Дароносица) среброкованный и позлащенный, имѣющій видъ церкви. Предъ нимъ сзади стоитъ высокій крестъ, такъ же среброкованный и позлащенный и по мѣстамъ осыпанный дорогими камнями. Напрасно нѣкоторые усваиваютъ его Константину великому, при которомъ ни Лавры, ни монаховъ не было на Аѳонѣ, и послѣ котораго, спустя долгое время, въ Цареградѣ святительствовадь св. Григорій Богословъ, *вычеканенный на окладъ сего креста*. Скорѣе можно признать его пожертвованіемъ строителя Лавры Никифора Фоки. (964 г.)—Алтарь, освѣщаемый тремя окнами, имѣетъ три отдѣленія, среднее для Тайной

Вечери, направо Діакониконъ для освященныхъ сосудовъ, и налѣво жертвенникъ для проскомидіи. Весь онъ устланъ драгоценными мраморными досками. А сколько въ немъ святынь! И какія святыни!

— Цѣлая глава св. Василя великаго и чудотворная глава св. великомученика Александра, иже въ Пиднѣ. Обѣ онѣ даны Лаврѣ ктиторомъ ея царемъ Никифоромъ при Хрисовулѣ его.

— Цѣльбоносная глава св. Михаила Синадскаго Исповѣдника, прогоняющая саранчу. Ее и двѣ частицы св. Іоанна Златоустаго, при хрисовулѣ, лаврѣ даровалъ царь Василій Порфирородный, (976—1028 г.) а сребропозлащенный ковчегъ для сей главы, украшенный дорогими камнями и зеркальцами, изготовилъ Валахскій господарь Константинъ Бассараба. (1691 г.).

— Всечестная глава св. великомученика Евстратія. Она и нижняя челюсть св. Θεодора Стратилата пожалованы при хрисовулѣ царемъ Константиномъ Мономахомъ. (1042—1054 г.)

— Глава св. мученицы Минодоры вмѣстѣ съ вышеописанными мною мѣстными иконами дарована, при хрисовулѣ, царемъ Андроникомъ Палеологомъ Старшимъ (1282—1328 г.) или младшимъ (1328—1341 г.)

— Чудотворная глава преподобнаго Θεодора Новаго, освященнаго. Она много чудесъ творила въ Молдавіи въ господарство воеводы Григораска.

— Глава и рука св. Григорія Армянскаго.

— Нижняя челюсть св. Прокопія благоухающая.

— Частицы мощей, *свв. апостоловъ*: Луки, Андрея, Варнавы, Прохора и Тита, св. архидіакона Стефана; *свв. Отцовъ*: Игнатія Богоносца, Іоанна милостиваго и св. Антипы; *свв. мучениковъ*: Кирика, Никиты, Евстаѳія, Артемія, Фоки, Андроника, Акиндина, Минны, Іакова Перса, двухъ Θεодоровъ, Ермолая, Пантелеимона, Іакинѳа, Аникиты, и муро св. Димитрія великомученика; св. Константина Великаго; *свв. женъ*: Θεклы, Іулиты, Пеллагіи, Марины, Параскевы; *свв. безсребрениковъ*: Козмы, Даміана

и Иоанна; *Преподобныхъ*: Θεοδора Студита, Стефана Новаго, Даниїла Столпника, Θεοδοσία Киновіарха, Евѡимія Великаго, Ефрема Сирина, Луки Стирійскаго, Пахомія, Сампсона страннопримника и Евдокима Праведнаго. — Всѣ эти мощи въ сребропозлащенныхъ ковчегахъ и ковчежцахъ сохраняются въ красивомъ шкафѣ, а въ немъ — въ 12-ти выдвижныхъ ящикахъ, по числу 12 мѣсяцовъ. Предъ ними горитъ неугасимая лампада *).

— Въ алтарѣ на маломъ столѣ лежитъ греческое Евангеліе, написанное на большихъ листахъ бѣловатаго отличнаго пергамина и пожертвованное Лаврѣ царицею Ириною Палеологиною по просьбѣ царедворца Димитрія: что видно изъ слѣдующей приписки на немъ: Προσετέθη τὸ παρὸν ἅγιον εὐαγγέλιον ἐν τῇ λαύρᾳ τοῦ ὁσίου πατρὸς ἡμῶν Ἀθανασίου παρὰ Εἰρήνης τῆς εὐσεβεστάτης Αἰθουσίτης Παλαιολογίσσης. Καὶ οἱ ἀναγιγνώσκοντες αὐτὸ εὐχεσθε ὑπὲρ αὐτῆς. — Οἱ πατέρες μὲμνησθε τοῦ Δημητρίου τοῦ τὸ εὐαγγέλιον αἰτησαμένου: *Приложено сие святое Евангеліе лаврѣ преподобнаго отца нашего Аθανасія Ириною благочестивѣйшею императрицею Палеологовою. Читаяице же оное молитесь о ней. — Отцы поминайте Димитрія, выпросившаго сие Евангеліе.* Почеркъ этой рукописи крупень и

четокъ. Вотъ образчики его: *Δόξα εἰς τὸ εὐαγγέλιον*

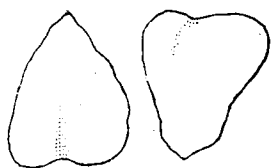
Жалѣлъ я, что не достало у меня времени для отчетливаго разсмотрѣнія этого дара благочестивой царицы: но за то вельми утѣшенъ былъ, когда мнѣ показали другіе священные предметы, хранящіеся въ алтарѣ Собора. Перечисляю ихъ здѣсь памяти ради.

— Крестъ изъ Животворящаго Древа, длиною вершка въ четыре, а толщиною съ перстъ, положенный плашмя, съ двумя, поперечниками изъ того же Древа, одинъ другаго короче, кои перевязаны серебряною проволокою, и съ словами внизу: ΑΘΑ-

*) Изъ Проскинитарія св. Лавры, составлен. Маларіемъ Кидонійскимъ. Въ этой книжцѣ нѣтъ и помину ни о волосахъ Христовыхъ, ни о млекѣ Богоматери, кои видѣлъ Барскій.

ΝΑΣΙΟΥ ΜΟΝΑΧΟΥ. Эту святыню при хрисовулѣ пожертвовалъ Лаврѣ Аѳанасія другъ его греческій царь Никифоръ Фока.

— Другой крестъ изъ того же Древа, немного меньшій перваго, при хрисовулѣ данъ лаврѣ блаженной памяти царемъ Михаиломъ Дукою, сыномъ Константина Дуки, прозывавшимся Парипинаки (1071—1078 г.). Эта святыня хранится въ сребропозлащенномъ ковчегѣ изящной работы. Въ крышку его вставлены четыре жемчужины, каждая величиною больше волосскаго орѣха.

Вотъ видъ и объемъ ихъ. Животворящее Древо—не черно въ поперечникахъ. Дверь ковчега—створчатая, въ два полотнища. Внутри много мощей. Надъ каждымъ мощами финифтяный образокъ. На полотнищахъ много иконокъ съ дорогими камнями и эмалью.

— Третій крестъ изъ того же Древа, принадлежавшій игумену лавры Григорію іеромонаху, какъ это видно изъ собственноручной записи его 6752—1244 года, въ которой онъ выразилъ, что эта святыня досталась ему по наслѣдству отъ предковъ его. Она осыпана дорогими камнями.

— Четвертый крестъ изъ того же Древа въ серебряной оправѣ, древнѣйшій. Отъ него струится неизрѣченное благоуханіе, потому что на немъ и около него въ ковчегѣ размѣщены орудія страданій Христовыхъ. Барскій весьма вѣрно описалъ его: „крестъ среброкованъ, съ украшеніемъ злата и эмали, великъ, больше пяди, съ подписью подъ титлою нѣкоего іеромонаха Давида, на немъ же суть три поперечія, горѣ и низу малыя, посреди же великое; содержитъ же въ себѣ многія заключенныя вещи отъ страстей Христовыхъ. На горнѣмъ возглавникѣ частица мала отъ честнаго Древа, ниже мало частица отъ сакоса (Хитона Христова); на прежднемъ же поперечіи одесную багряница и честная кровь, ошуюю же трость и терновъ вѣнецъ; въ долготѣ же ниже Хламида и святые Христовы Власы. Всѣ сіи малыя частицы дверцами загвождены; дверцы же диравы, аки дробныя сѣти; и сквозѣ ихъ исходитъ велие благоуханіе“.

— Два креста изъ золота съ св. образами на финифти, превосходной филогранной работы.

— Древніе складни небольшого размѣра съ тремя образами, Эммануила, Богоматери и Предтечи. Они будтобы принадлежали царю Теодорѣ, супругѣ иконоборнаго царя Теофила, и спасены ею отъ истребленія, яко бы куклы, или игрушки. Отроческій ликъ Эммануила я удачно отподобилъ чрезъ прозрачную бумагу *) не столько какъ древность, которой вѣка опредѣлить нельзя, сколько какъ рѣдкость, до сей поры невиданную мною. Мысль изображать Спасителя, какъ Эммануила отрока, и дарить такой образъ дѣтямъ, эта мысль полюбилась мнѣ такъ, что если бы я былъ начальникъ нашей академіи художествъ, то далъ бы задачу живописцамъ изобразить божественно-отроческій ликъ того, о которомъ Исаія вѣщаль: *Отроча родися намъ Сынъ... Эммануиль, съ нами Богъ.*

— Небольшая икона св. Иоанна Богослова, въ 5½ вершковъ, вся составленная изъ воскомастичной мозаики, весьма замѣчательна. На ней искусно подобраны и по рисунку соединены мельчайшіе, тончайшіе, разноцвѣтные, а больше позлащенные столбцы воскомастичные для изображенія лика Богослова. Надъ нимъ видно знаменіе втораго пришествія Христова, называемое Греками ΠΑΡΟΥΣΙΑ, то есть престоль съ крестомъ: а на серебряныхъ рамочкахъ мелкой и узорчатой работы помѣщены девять образковъ, написанныхъ на эмали, именно: Иоаннъ Предтеча, Иоаннъ Златоустый, Иоаннъ Коловъ, Иоаннъ Безсребреникъ, Иоаннъ милостивый, Иоаннъ Постникъ, Иоаннъ Дамаскянъ и родители предтечи Захарія и Елисавета. Самъ же Иоаннъ Богословъ изображенъ такъ: онъ держитъ писчую трость и евангеліе съ словами, *Ἐν ἀρχῇ ἦν ὁ Λόγος— Въ началъ бѣ Слово*; старческое чело у него открыто и возвышенно; носъ толстъ и широкъ; указательный перстъ приставленъ къ устамъ въ знаменіе того, что Богъ Слово раждается отъ Отца, какъ наше слово, *исходящее изъ нашихъ устъ*, раждается отъ нашего ума. Фонъ иконы, лице Евангелис-

*) Онъ помѣщенъ въ моемъ Живописномъ Обзорѣніи Ассона.

та, вѣнецъ и одежда, все это сдѣлано изъ позлащенной мозаики. Общій отсвѣтъ ея—золотистый, но уже потускнѣвшій отъ давности времени.

— Хороши и цѣнны и слѣдующія вещи: Церковно-славянское евангеліе изъ Россіи такой громаднѣйшей величины, что два іеродіакона едва выносятъ его въ минуты малаго выхода четыре раза въ годъ, серебряная ладанница въ видѣ пятиглавой церкви превосходной работы, серебряное блюдо для благословенія хлѣбовъ, и *языкъ дракона*, оправленный въ серебро.

Изъ Литійнаго притвора соборной церкви входятъ направо въ придѣлъ святителя Христова Николая, а налево, въ придѣлъ святыхъ сорока мучениковъ. Оба они помѣщены въ западной части церкви, за боковыми линіями ея, такъ что примыкаютъ къ ней только одною стѣною, первый сѣверною, а второй южною, остовы же ихъ стоятъ отдѣльно у боковыхъ линій собора. Такая постановка придѣловъ въ такихъ мѣстахъ весьма разумна. Въ обѣихъ ихъ, смотря по надобности, можно совершать богослуженіе въ то самое время, когда въ главной церкви служится литургія, или утреня, или вечерня. При затворенныхъ дверяхъ и притихомъ пѣніи ни священнослужашіе, ни предстояшіе, во всѣхъ трехъ храмахъ не будутъ мѣшать другъ другу.—Никольскій придѣлъ очень хорошъ. Свѣтлый куполь его покоится на четырехъ колоннахъ, изсѣченныхъ изъ отличнаго зеленаго мрамора, имѣющаго въ себѣ бѣлыя крапины. За деревяннымъ иконостасомъ, который соорудилъ какой то Игнатій въ 1770 году, скрытъ древнѣйшій Дистилонъ съ четырьмя колоннами и съ тумбами изъ бѣлаго мрамора. Посреди придѣла висятъ паникадило и хорось, оба свѣтло-бронзовые, а предъ иконами нѣсколько серебряныхъ лампадъ, изъ которыхъ три неугасимы.—Въ придѣлѣ сорока мучениковъ куполь поддерживается четырьмя прекрасными бѣло—розовыми колоннами, „зѣло чистой работы и зѣло драгія“, по словамъ Барскаго. Такія же четыре колонны служатъ украшеніемъ Дистилона, скрытаго за деревяннымъ иконостасомъ. А въ этомъ

иконостасѣ достопримѣчательны двѣ старыя, мѣстныя, иконы Сына Божія и Его пречистой матери.

Описываю ихъ подробно: Ширина первой иконы пять четвертей, а вышина почти вдвое. На фонѣ ея у главы Спасителя крупно написано: ἱ. ἡ. ἸΟΥΣ ΘΥ: то есть, Иисусъ Христосъ, Сынъ Божій: А на прекрасномъ вѣнцѣ, вычеканенномъ изъ серебра съ золотыми мелкотравчатыми цвѣточками и голубою эмалью читается надпись: διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου Ἀυθῆμου ἱερομονάχου. АХП: *содѣйствіемъ и иждивеніемъ Аноѿма іеромонаха. 1680 г.*—Волосы у Спасителя, темноорѣховаго цвѣта, пущены по лѣвому плечу; лице оливковаго цвѣта сурово, но очень выразительно и величественно; носъ прямъ; губы полны и написаны отчетливо; усы къ низу; въ устахъ много сладости; яблоко бороды безъ волосковъ; борода мала и клиновата; на шеѣ у праваго плеча видна язвина; будто кровь выступила, когда какой-то Турокъ (послѣ 1821 г.) прокололъ ее чѣмъ—то; Спаситель десницею благословляетъ именованно, а шуйцею держитъ переплетенное евангеліе, закрытое и застегнутое; персты его длинны; срачица на немъ багрянаго цвѣта, а хитонъ—синій съ отливомъ слабозеленоватымъ. Такихъ иконъ не мало я видѣлъ въ Россіи. Въ Аеонолверскомъ монастырѣ есть подобная ей, Московскаго письма. Посему я не вѣрю, что описанная мною икона дарована Лаврѣ строителемъ ея Никифоромъ Фокою, не вѣрю тѣмъ поваднѣе, что и Макарій Кидоніецъ въ своемъ Проскинитаріи, 1772 года, назвалъ ее величайшею и древнѣйшею, и только! Скорѣе можно полагать, что она около 1680 года написана была въ Москвѣ наилучшимъ придворнымъ живописцомъ, и оттуда привезена въ Лавру.—Старше ея—мѣстный образъ Богоматери Икономиссы. Онъ широкъ и высокъ, и написанъ такъ: Богоматерь сидитъ на тронѣ съ Божественнымъ Младенцемъ, надъ которымъ парятъ два ангела. Правая ручка ея простерта къ написанному подлѣ нея Самосскому архіерею Мартирію, построившему лѣвый придѣлъ лаврскаго Собора въ 1578 году: къ нему же обращено и лице ея. А на лѣвой сторонѣ изображенъ св. Аѳанасій Аѳонскій. Между нимъ и Богоматерию на

пустомъ пространствѣ написаны слѣдующіе стихи въ видѣ разговора сего преподобнаго Аѳонита и пресвятой Дѣвы:

Ὡς καὶ πάρος ἐμοί γε, Παρθένε Κέρη,
Δόμον ὑπέσχου φυλάττειν ἄχρι τέλους·
Οὕτω καὶ τὸν δὲ, ὃν Μαρτύριος πῆξεν,
Ὁ Σάμου πρώην ἀρχιερεὺς τυγχάνων,
Νῶν δὲ σχολάζων ἐνταῦθα, ὡς καὶ ἄλλοι,
Καὶ πάσης βλάβης ἱκετεύω φυλάττειν.
Ὡς τοῦ Ἰιοῦ μου μεσίτριά τε πέλων
Καὶ τὸν δὲ, Πάτερ, φυλάξω εἰς αἰώνας.
Ἡ Ὀικόνομος τῆς Λαύρας.

Какъ прежде мнѣ, безневѣстная Дѣво,
Ты домъ обѣщалась хранить до конца:
Такъ и этотъ Придѣль, который поставилъ Мартирій,
Бывшій архіерей острова Самоса,
А нынѣ покоющійся здѣсь, какъ и другіе,
Отъ всякаго вреда сохранить умоляю.
Какъ Ходатаица у Сына моего,
И его, отче, сохраню я во вѣки.
Икономисса Лавры.

Въ верхней части сей иконы изображены, Лавра, встрѣча Богоматери и Аѳанасія у утеса, и изведеніе изъ него воды. Колоритъ всѣхъ ликовъ—алый, рыжеватый. На задкѣ иконы не видать ничего, кромѣ червотчины. Годъ написанія ея не обозначенъ. Но я полагаю, что она изготовлена въ 1578 году, въ которомъ исторированъ былъ построенный епископомъ Мартиріемъ лѣвый Придѣль лаврскаго Собора, какъ это подтверждаетъ тамошняя надпись надъ западною дверью внутри Придѣла. Икона, о которой идетъ рѣчь, была обновлена въ 1826 году, который и намѣченъ на ней съ добавкою глагола: ἀνακαινίσθη--возобновлена.

Весь соборный храмъ расписанъ въ 1535 году монахомъ Теофаномъ, который увѣковѣчилъ свое имя надписью на западной

стѣнѣ сего храма у выхода изъ него въ литійный притворъ. † Ιστορίαι ναὸς μητροπαρθένου Κόρης· ἐξ αὐτῶν χριπίδων ἅμα καὶ βάρων, διὰ συνδρομῆς, κόπου τε καὶ ἐξόδου Νεοφύτου προέδρου περιφανοῦς Βερβόιας· ὁρμωμένου ἐξ Ἀθηνῶν τῇ πόλει· πατριαρχοῦντός τε κυροῦ Ἰερεμίου· ἡγουμενεύοντος κυροῦ Κοπριανοῦ· ἐν ἔτει τῶν ἐπταχιλίων τε εἰκάδι διπλῆ καὶ ἀπλῆ τρίτῃ· ΤΕΡΙΑ ἰνδικτ. ἡ.— Διὰ χειρὸς κυροῦ Θεοφάνους μοναχοῦ: то есть: † Исторированъ (расписанъ) храмъ матеродѣвственной Дѣвы, отъ самыхъ основаній, содѣйствиємъ, трудомъ и издивеніемъ Неофита предстоятеля (епископа) славной Верриі, урожденца изъ города Аѳинъ, когда патріаршилъ Кир. Іеремія, а игуменомъ былъ кир Киприанъ въ лѣто семь тысячъ двадцатое дважды, да третье (7020†20†3—7043—1535 г.) 14 дня четвертаго мѣсяца (т. е. декабря) индикта 8-го.—Кистию киръ Теофана монаха“. Живопись этого художника Макарій Кидоніецъ въ своемъ Проскинитаріи назвалъ предивною и неподражаемою, ὑπερβαύμαστος καὶ ἀμίμητος, а самага Теофана ученикомъ пресловутаго Панселина περιλαλήτου Πανσελήνου. Но на мой взглядъ нечему тутъ дивиться, а неподражаемость можно замѣнить болѣе хорошими образцами стѣннаго иконописанія. Впрочемъ, это я говорю о рисункахъ и освѣщеніи ликовъ: самое же сочиненіе Теофановскихъ стѣнныхъ изображеній стоитъ того, чтобы срисовать красками наилучшія изъ нихъ для исторіи восточнаго иконописанія. Желая составить эту исторію, я отмѣтилъ эти наилучшія изображенія. Указываю ихъ, начиная съ алтаря. Здѣсь надъ горнимъ мѣстомъ на стѣнѣ написана Богоматерь съ двумя архангелами. Божественный Младенецъ ея очень миловиденъ. Онъ благословляетъ какъ Вседержитель, сложивъ большой палецъ съ мизинцомъ и безъименнымъ перстомъ, и протянувъ прямолинейно персты указательный и средній. Немного ниже сей Богоматери на обѣихъ сторонахъ алтаря изображены ангелы, совершающіе Великій Выходъ съ Дарами въ іерейскихъ ризахъ. Картина у насъ невиданная, хотя мы и слышали, что ангелы совершаютъ литургію вмѣсто *порочныхъ* священниковъ, которыхъ они невидимо связываютъ. Еще ниже въ запрестольномъ углубленіи и подлѣ него на стѣнахъ алтаря изобра-

жены составители и совершители литургіи: Апостоль Іаковъ, Василій великій, Іоаннъ Златоустый, Аѳанасій великій, Кириллъ александрійскій, Іоаннъ милостивый, Николай чудотворецъ и Митрофанъ цареградскій. — Въ жертвенномъ отдѣленіи алтаря, гдѣ совершается проскомидія, изображенъ І. Христось, какъ Еммануиль, юный безъ бороды, окруженный четырьмя Евангелическими животными. — Въ небѣ купола помѣщенъ Господь Вседержитель. Отверзтая длань десницы Его напоминаетъ стихъ псалма: *отверзшу тебѣ руку, всяческая исполнятся благости*. Одежда его прорисована полосками. Вокругъ сего образа вылѣплена изъ гипса позлащенная надпись Греческая. Передаю ее по славяно-русски. † Царю небесный, челоуѣколюбче Господи, призри изъ святаго жилища твоего. и виждь смиреніе наше. да не яростію твоею обличиши насъ. ниже предаждь насъ въ руки враговъ нашихъ, да не рекутъ: гдѣ есть Богъ ихъ. мы же овцы пажити твоя, и имя твое призвахомъ и спаси Боже достойніе твое“. Эту надпись я прочелъ съ помощію зрительной трубы, лежа на мраморномъ полу, на который посланъ былъ для меня аскетическій войлокъ, и поворачиваясь тутъ круговидно по направленію кружковъ надписи. Въ шеѣ купола написаны вверху протцы въ кружкѣ а подъ ними пророки въ ростъ. Я прочелъ имена, Леви, Іуда. У иконостаса достопримѣчательны лики Петра и Павла и отмѣнно хороши большія изображенія Возстановленія почитанія иконъ царицею Θεодорою (842 г.) и Обрѣтенія честнаго креста. Первое написано на стѣнѣ по правую сторону иконостаса въ линію съ нимъ, а второе налѣво отъ него на одной же линіи съ нимъ. Перспективы тутъ нѣтъ; но замѣчательны 1) царскіе domestici т. е. пѣвцы, одѣтые въ длинные багряные хитоны, кои подпоясаны, и накрытые остроконечными шляпками въ родѣ корабликовъ, 2) стрижка волосъ на діаконѣхъ, въ видѣ вѣнца христова (corona Christi) 3) каца въ рукѣ священника, 4) осмиконечность креста, воздвигаемого епископомъ Макаріемъ, который стоитъ на зеленомраморномъ помостѣ, 5) бѣлыя увясла, или митры на чьихъ-то го-

ловахъ, кои видны около діакона и епископа, и наконецъ благоговѣйность всѣхъ лицъ и правильность рисунковъ. Эти два изображенія достойны подражанія. Относите ихъ къ разряду греческой живописи называемой Μεγαλογραφία.—За игуменскимъ мѣстомъ, выше его, хорошъ ликъ св. Аѳанасія аѳонскаго. Въ правомъ хоросѣ старцовъ пріятно смотрѣть на стѣнописный образъ св. мученика Евстаѳія въ ростъ. Тамъ же, но выше, любешься изображеніемъ Преломленія хлѣба въ Еммаусѣ. На южной стѣнѣ собора подлѣ игуменскаго мѣста видѣнъ ктиторъ лавры царь Никифоръ Фока съ пятью хрисовулами въ рукѣ, а супротивъ его на сѣверной стѣнѣ—Винтилъ угровлахійскій Воевода съ сыномъ Его Іоанномъ Арагици. Винтилъ держитъ въ рукахъ образъ церкви, какъ эмблему пожертвованій его на устройство Лавры. На западной стѣнѣ изображено Успеніе Богоматери, какъ и у насъ.

Въ Никольскомъ Придѣлѣ лаврскаго Собора всѣ стѣны сплошь исторированы живописцомъ Фралгомъ въ 1560 году. Объ этомъ гласитъ слѣдующая надпись начертанная внутри надъ западною дверію: † Ἀνισορίθῃ τὸ παρὸν θεῖον καὶ ἱερὸν παρεκκλησίον τῆς θείας καὶ ἱερᾶς ἡμῶν μονῆς, τοῦ ἐπ' ὀνόματι τιμωμένου τοῦ ἐν ἱεράρχαις μεγίστου καὶ θαυματουργοῦ Νικολάου, διὰ συνδρομῆς καὶ ἐξόδου τοῦ τιμωτάτου καὶ ἐν μοναχοῖς κυρίου κυπριανοῦ, ἡγουμενεύοντος τοῦ πανοσιωτάτου ἡμῶν πατρὸς κυρίου Ἰγνατίου ἱερομονάχου· ἐν ἔτει ζωζή· ἰνδικτῶνος γ.

† Χεῖρ εὐτελεστάτου Φράλγου τοῦ Κατελλάνου ἐκ Θηβῶν τῆς Βοιωτείας.

† Исторированъ сей божественный и священный Придѣлъ божественной и священной обители нашей, чествуемый во имя величайшаго святителя и чудотворца Николая содѣйствіемъ и иждивеніемъ честнѣйшаго монаха кир Кипріяна, когда игуменомъ былъ всепреподобнѣйшій отецъ нашъ киръ Игнатій іеромонахъ, въ лѣто 7068 (1560) индикта 3-го. † Рукою смиреннѣйшаго Фралга Кателлана изъ Θιβῶν, что въ Βιότην.—Кисть сего художника гораздо вѣрнѣе и бойчѣе кисти Θεοφάνου. Мнѣ отмѣнно

поправились слѣдующія изображенія: 1) въ алтарѣ надъ восточнымъ окномъ Богоматерь молящаяся съ воздѣтыми къ небу руками и достопокланяемая архангелами: у персей ея миловиденъ божественный Младенецъ Иисусъ; 2) тамъ же въ восточномъ углубленіи стѣны—Спаситель, приѣмлющій отъ ангеловъ Дары по великомъ выходѣ, благообразный въ крестчатомъ саккосѣ; 3) тутъ же позади Спасителя—сѣнь надъ св. трапезою *съ завѣсами*; 4) выше иконостаса, снаружи на алтарной аркѣ налѣво—Вознесеніе Христа на небо въ бѣломъ кругломъ сіяніи, сѣдящаго и возносящагося на двухъ полукругахъ небесныхъ ; и 5) надъ западнымъ выходомъ изъ Придѣла—Погребеніе св. Николая чудотворца. Это послѣднее изображеніе отподоблено, раскрашено и помѣщено въ моемъ Живописномъ Обзорѣни Аеона. Тутъ на первомъ планѣ видѣнъ усопшій святитель Николай, возлежащій на столѣ, покрытомъ шелковою тканію краснаго цвѣта съ золотистыми оторочками. Онъ облаченъ въ подризникъ, епитрахиль, палицу, фелонь и омофоръ, а на персяхъ своихъ обѣими руками держитъ закрытое евангеліе. Подъ голову его подложена шелковая подушка краснаго цвѣта съ золотистыми шитыми наугольниками. У возглавія его стоятъ два Епископа въ такихъ же облаченіяхъ, одинъ изъ нихъ съ евангеліемъ у персей своихъ, и у ногъ его такъ же два Епископа въ такихъ же облаченіяхъ съ евангеліями у персей: одинъ изъ нихъ кадитъ. Пятый Епископъ припалъ къ персямъ усопшаго святителя. За нимъ стоятъ два діакона въ розовыхъ стихаряхъ: одинъ изъ нихъ читаетъ или поетъ по книгѣ, а другой держитъ кацу съ еиміамомъ; на головахъ ихъ видны голыя гюменцы. Позади и около двухъ Епископовъ, стоящихъ у возглавія св. Николая, видны именитые граждане и начальники города Миры Ликійской, всѣ въ богатыхъ одеждахъ и островерхихъ шляпахъ, какъ бы въ шлемахъ: наибольшій изъ нихъ въ лѣвой рукѣ держитъ зажженную свѣчу, а персты правой руки сложилъ такъ, какъ слагаетъ ихъ нашъ архіерей, когда благословляетъ народъ; такое же перстосложеніе видно и у другаго наибольшаго: оно у мірянъ есть знакъ, выра-

жающій ихъ сознание, что они присутствуютъ при отпѣваніи архіерея. Замѣчательно это и, думаю, достойно подражанія. Позади и около двухъ епископовъ, стоящихъ у ногъ преставльшагося епископа, видны восемь монаховъ въ кукуляхъ и мантіяхъ, одинъ іерей безъ ризъ весьма печальный и подгорюнившійся, три мірянина и, кажется, нѣсколько женщинъ въ тѣни. Позади первой группы, мірской, нарисована кафедральная церковь святителя Николая съ тремя красивыми куполами, среднимъ большимъ, и боковыми поменьше: входъ въ нее открытъ, а въ глуби видѣнъ престолъ съ евангеліемъ на немъ. Позади второй группы, монашеской, изображены отворенныя ворота города Муръ въ видѣ зубчатой башни. Надъ всею этою картиною въ разверзтомъ небѣ видны два ангела, принявшіе душу святителя Христова, облаченную въ архіерейскія одежды. Картина превосходная! Всѣ лица—разнообразны и весьма благообразны; и во всѣхъ ихъ выражена печаль.—А колоритъ всей стѣнной живописи—естественный. Лица бѣлы. Это—образецъ иконнаго письма Греко-Фессалійскаго!

Въ другомъ Соборномъ Придѣлѣ, который посвященъ памяти 40 мучениковъ, показываютъ гробницу св. Аѳанасія аѳонскаго. Ее видѣлъ нашъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ: „гробъ святаго Аѳанасія мраморами бѣлыми покрытъ, съ четырьмя серебряными присногорящими кандилами; тутъ и два жезла желѣзные, одинъ на подобіе пастырицы, а другій простъ съ крестомъ на верху, ими же святой Аѳанасій, въ житіи своемъ путешествующій, подпирашея и бѣсы прогоняше и инья чудеса творяше“. Эти жезлы и эту гробницу видѣлъ и я. На ней лежитъ покровъ съ вышитымъ ликомъ преподобнаго основателя лавры. Монахи говорятъ, что останки его были взяты изъ этой гробницы ближайшимъ преемникомъ его и похоронены въ какомъ-то потаенномъ мѣстѣ, потому-де, что св. Аѳанасій, какъ нѣкогда Антоній Великій, не хотѣлъ, чтобы мощамъ его воздаваемо было почтеніе. Пусть будетъ такъ. Но за всѣмъ тѣмъ я думаю, что останки св. Аѳанасія, размноженные упадшимъ на него сводомъ ал-

таря, похоронены были не въ нынѣшнемъ Придѣлѣ 40 мучениковъ, котораго тогда и не было, и который построенъ Самоскимъ епископомъ Мартиріемъ немного ранѣе 1578 года, а на мѣстѣ сего Придѣла, снаружи, у сѣверной стѣны построенной имъ соборной церкви, но отсюда взяты были уже тогда, когда Лавра признавала власть Папы, (1211—1216 г.) взяты ревнителями Православія, и схоронены ими, Богъ вѣсть, гдѣ, по смерти же ихъ самихъ не возвращены въ Лавру, которая однако хорошо помнила мѣсто первоначальнаго погребенія ихъ и положила на немъ мраморную плиту, когда вышепомянутый Мартирій поставилъ тутъ Придѣлъ 40 мучениковъ. Какъ бы то ни было, но дорого и мѣсто погребенія преподобнаго преобразователя аеонскихъ монастырей. Придѣлъ, о которомъ идетъ рѣчь, расписанъ былъ иждивеніемъ боголюбивѣйшаго епископа Червенскаго кир Паисія, когда игуменомъ Лавры былъ Іосифъ, въ лѣто 7086 (1578-е *Надпись*). Но эта стѣнопись замѣнена новою безобразною въ 1854 году (*Надпись*).

Заключаю свое описаніе лаврскаго соборнаго храма словами Барскаго: „весь убо предреченный храмъ столповъ мраморныхъ имать 37, вратъ же 12, отъ запада и по бокамъ въ папертѣхъ сѣмо и овамо. расположенныхъ, оконъ же больше 70, но и сице не весьма свѣтелъ есть ради многихъ притворовъ, едины другихъ закрывающихъ, къ тому же и окна нарочно содѣланы суть малы ради великихъ и бурныхъ вѣтровъ, отъ Аеона низко ходимыхъ и зданія до зѣла колеблющихъ“.

Предъ западнымъ портикомъ Лаврскаго собора, на открытомъ дворѣ, подъ сѣнію многовѣковыхъ кинарисовъ, поставлена замѣчательная водосвятная чаша, *ψάλη*, вся съ подножіемъ изсѣченная изъ цѣльной массы сиваго мрамора. Окруженная колоннадною пролетною ротондою, которая имѣетъ свой куполь, покрытый свинцовыми листами, она очень велика. Вышина ея въ семь четвертей, а верхняя окружность въ 7½ аршинъ. Барскій описалъ ее весьма вѣрно. Прочтемъ это описаніе его. „Предъ великою церковію стоитъ лѣпо отъ изрядныхъ мраморовъ и плинѣ

созданна Водосвятильница, имущая главу, оловомъ лѣпо покровенну, внутрь же красно иконописанна съ чудесами, яже сотворишася въ Горданѣ. Глава виситъ на осьми столпахъ тонкихъ мрамора бѣлаго. Окрестъ не выше пояса человѣческаго Водосвятильница сія великими мраморными скрижали ограждена, съ двумя входами отъ востока и запада: выше же скрижалей вся насквозь зрима, понеже есть отъ столпа до столпа сводами окружена, и верху столповъ крѣпости ради вся желѣзомъ связана. Имянуется же отъ святогорцовъ *Фіали*, си есть Чапа, понеже посреде оного зданія стоитъ чапа мраморная, на сіе особливо опредѣленна, да великое въ праздникъ Богоявленія Господня совершается водосвятіе, такожде и въ началѣ коегождо мѣсяца малое да бываетъ. Окружаетъ убо внѣ все зданіе саженой десять. Чаши же таковой удивительной нигдѣ во всемъ моемъ странствованіи не обрѣтохъ. Како бо неудивительна, яко вся съ подножіемъ отъ единого мрамора дымобѣлзрачнаго или сиваго исѣченна, яже высоты имать пять точію пядій, широты же окрестной пядій тридесять три; посреди же имать высокую мѣдную трубу водруженну, въ ней же въ два ряда окрестъ суть изваянны болваны, на подобіе львовъ и коней крылатыхъ, верху же ихъ орель прямостоящъ съ распростертыми крыльями, верху главы имущій два рога и посреде роговъ крестъ; (креста я уже не видалъ). Во время убо освященія воды нарочно подъ землею пушается вода въ трубу, а изъ трубы чрезъ уста и ноздри различные тонкія точатся струи въ туюжде широчайшую чашу зѣло удивительно; ибо труба оная не простаго художества, но Венецкаго; суть же струй всѣхъ числомъ двадесять осмь; надъ трубою же сверху виситъ паникандило лѣпое, на немъ же въ праздникъ Богоявленія Господня вжигаются свѣщи, егда бываетъ великое Водосвятіе“. Къ этуто описанію водосвятнаго фіала я присовокупляю свои дополненія. Между осмью бѣломраморными колоннами, составляющими водосвятную ротонду, вставлены бѣломраморные же щиты широкіе и не низкіе (у Барскаго скрижали) числомъ шесть, съ изваянными на нихъ *миологическими* (sic) об-

разинами. Четыре изъ нихъ срисованы и помѣщены въ моему живописному обозрѣніи Аѳона. На первомъ щитѣ, раздѣленномъ на двѣ продольныя половины изваянными узкими извитіями, въ первой половинѣ, направо, видѣнъ левъ вскочившій на бычка и пожирающій заднюю часть его: это эмблема Аполлона: а во второй половинѣ, налѣво, раздѣленной пополамъ впоперекъ такими же извитіями, вверху изваяны два крылатые грифона, клюющіе стоящее посреди ихъ дерево, а подъ ними двѣ птицы, какъ бы пьющія воду изъ поставленнаго между ними сосуда. На второмъ щитѣ, раздѣленномъ на двѣ продольныя половины и съ четырехъ сторонъ окаймленномъ узорчатыми неузкими плетеницами, въ первой половинѣ выпукло изсѣченъ левъ, стоящій на волѣ и пожирающій его задницу, а во второй видны два павлина подъ какимъ-то цвѣстистымъ растеніемъ: одинъ изъ нихъ пьетъ воду изъ чаши, поставленной на столбикѣ, а другой клюетъ листъ, похожій на сердце. Въ срединѣ третьяго щита въ кругѣ выпукло изсѣченъ пеликанъ, стоящій на зайцѣ и клюющій голову его: а на четырехъ углахъ сего щита въ кружкахъ видны три звѣздчатые орнамента, четвертый же въ родѣ Мальтійскаго креста. Четвертый щитъ окаймленъ съ четырехъ сторонъ не неширокими полосатыми увяслами, и раздѣленъ на четыре равные четверугольника. Въ первомъ изъ нихъ, направо, изваяна птица съ распущенными и опускающимися книзу крыльями, схватившая предлиннаго змія у головы его, который полукругомъ взмахнулъ свившееся въ три кольца туловище свое и хвостъ къ самой головѣ птицы: а подъ нею во второмъ квадратѣ изсѣченъ двурогій олень, бѣгушій отъ преслѣдующей его собаки, и обернувшій свою голову къ птицѣ, представившей правую ногу свою ко рту оленя; въ третьемъ квадратѣ, налѣво, птица съ опущенными внизъ крыльями попираетъ двумя ногами своими двухъ змиевъ, взмахнувшихъ туловища свои къ головѣ ея съ двухъ сторонъ; въ четвертомъ квадратѣ на срединѣ стоитъ дерево, а къ нему подлетѣли двѣ птицы, и съ двухъ противоположныхъ сторонъ вцѣпились въ него своими когтями, поджавъ свои крылья. Всѣ эти изваянія не изящны. Колонны весьма

древни. Наглавіа ихъ вычурны, съ фестончиками, какъ бы въ Мавританскомъ вкусѣ.—Этотъ Фіаль и колокольню у собора устроилъ игумень Лавры Іоаннь въ 1060 году. Доказательствомъ сему служить современная надпись на песчаниковой плитѣ у входа въ братскую трапезу. Сообщаю ее въ подлинникѣ и переводѣ:

† Ἀριστον χρῆμα ἐξ ὕλης τῆς μαρμάρου
 Κύπελλον ὡσπερ χερσὶ τῶν λιθοξόνων
 Ἐξειργάσατο, τοῦ φωτίσματος χάριν,
 Ἵδωρ ἐκβλύζειν καὶ ῥαντίζειν τοὺς πέριξ,
 Δειδέστατον ἀγιάσματος ἄγγος,
 Ἰωάννης ἱερός ποιμενάρχης
 Ἐγείρας ἅμα καὶ τὸν δόμον ἐκ βάρων,
 Κώδωνος λαμπροῦ ἀσφαλῆ κρεμαστήρα,
 Σάλπιγγος δίκην ἀλαλάζοντος μέγα,
 - Πρὸς τοὺς ὕμνους τε τοὺς ὀπίστας τοῦ Λόγου
 Ἀνεγείροντος ἐν καιρῷ φαλμωδίας.
 Τὴν παράταξιν τῶν δαιμόνων ἀμύνειν,
 Συντόνοαρέμβαστον μέλποντας ἄσμα.
 Ἰνδικτιῶνος ιγ. ἔτους ςϛϛη.

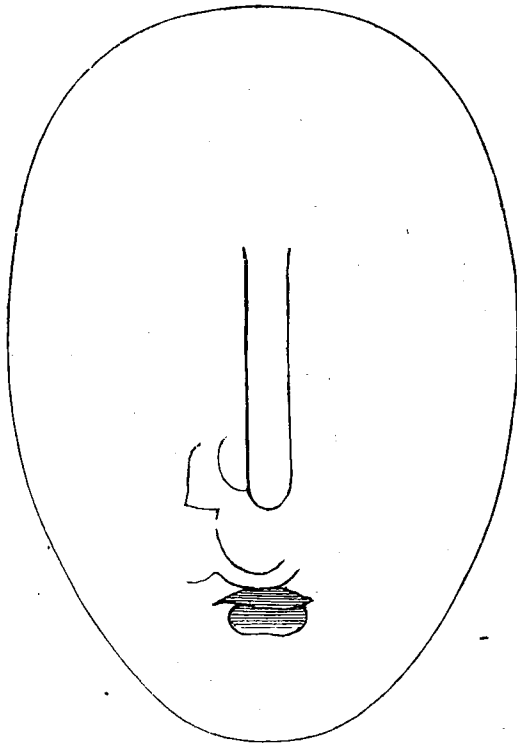
† Эту наилучшую вещь изъ мрамора,
 Этотъ источающій воду и орошающій предстоящихъ,
 Благолѣпнѣйшій водосвятный сосудъ,
 Въ видѣ чаши для освященія воды,
 Руками ваятелей сдѣлалъ
 Іоаннь священный пастыреначальникъ.
 Онъ же съ основаній построилъ и зданіе
 Для прочнаго висѣнія въ немъ знатнаго колокола,
 Который на подобіе гремящей трубы,
 Во время псалмопѣнія, къ пѣснямъ
 Сзываетъ воиновъ Слова,
 Прогоняющихъ строй бѣсовъ,
 И протяжно поющихъ немолчную пѣснь.

Индикта 13. 6568 — 1060 года.

Но откуда взялись щиты съ мѳеологическими образами? Такъ какъ на мѣстности Аеонской лавры нѣкогда стоялъ языческій городъ Аеось, который знали и тутъ помѣщали древніе географы, Птоломей и Стефанъ Византійскій; то оныя щиты уцѣлѣли тутъ послѣ разрушенія сего города и капищъ Аполлона и Черной Венеры, въ 676 году. Ихъ подобралъ вышешомянутый игумень Иоаннъ и вставилъ въ ротонду водосвятнаго фіала. Кстати заявляю здѣсь свое мнѣніе и о томъ, что онъ же въ развалинахъ Аеоса нашель и оправленный въ серебро языкъ дракона, о которомъ была рѣчь выше, и сберегъ его, какъ древность, напоминавшую о почитаніи въ этомъ городѣ *Эскулапа въ образъ дракона или змія*, такъ какъ змій, умѣющій помолодить себя послѣ сброшенія съ себя старой кожи своей, служилъ выразительною эмблемою эскулаповой науки, возвращающей людямъ здоровье, крѣпость и, если хотите, молодость, но уже на томъ свѣтѣ, куда эта наука часто отправляетъ насъ.—Куполь лаврскаго водосвятнаго зданія внутри весь расписанъ въ 1635 году иждивеніемъ архонта Юаннаки, жителя острова св. Евстратія. А расписывали его Меркурій и Апали. (*Надпись*). Живопись тутъ не хороша. Въ небѣ купола написано множество ангеловъ; и всѣ они смотрятъ оттуда на крещаемаго Господа, а нѣкоторые изъ нихъ выглядываютъ изъ раствореннаго въ небѣ оконца, имѣющаго золотыя рамки.

На первомъ со входа въ Лавру дворѣ *отдѣльно* стоитъ небольшая церковь, освященная во имя Богоматери. Она съ основаній заново построена была въ 1713 году, а историрована не въ одно время: литійный притворъ ея расписанъ Давидомъ Авлонитомъ въ 1715-мъ году, внутренность же—іеромонахомъ Дамаскинымъ изъ г. Іоаннины въ 1719-мъ (*Надписи*). Въ этой церкви замѣчательны: большой крестъ съ написаннымъ на немъ распятіемъ христовымъ, перенесенный сюда съ иконостаса Лаврскаго собора, и старинный образъ Богоматери Кукузелиссы. Лице распятаго Спасителя очень хорошо. Живопись Критская! Что

касается до Кукузелиссы, то сія икона написана на дскѣ и немного попорчена червоточиною. У Богоматери черныя брови дугообразны съ *бѣлою* чертою, проведенною надъ самою бровію слитно съ нею; подъ правымъ глазомъ замѣтны четыре *бѣлыя* косвенныя черты; носъ длинень, узокъ и прямъ; уста малы и обрисованы какимъ-то особеннымъ образомъ, такъ что между

концомъ носа и губами оставлено немалое пространство, и этотъ конецъ справа отѣненъ *бѣлою* чертою; а весь ликъ дѣвы оливковый. — Божественный Младенецъ не походитъ на нее; лице его не сурово; носикъ коротокъ; въ правой ручкѣ онъ держитъ свитокъ судебъ, а въ лѣвой шаръ: это значитъ, что онъ изображенъ какъ Вседержитель. Единственная икона съ бѣлыми черточками надъ бровями и около носа! Посему нельзя признать ее произведеніемъ кисти Греческой: она должна быть Грузинская, или, вѣроятнѣе,

Сирійская, написанная по подражанію той иконѣ Троеручицѣ, которая исцѣлила Іоанна Дамаскина, потому что и она Троеручица. Современность ея основанію лавры ничѣмъ не можетъ быть доказана, но ничѣмъ и опровергнуть ее нельзя. Прежде она находилась въ соборномъ храмѣ лавры. А теперь ее носятъ туда только въ великую субботу на Пасху, и въ день памяти Аенасія. На недавнемъ серебряномъ окладѣ сей иконы, покрывающемъ только однѣмъ фонъ ея, у плеча Богоматери вычеканена греческая надпись:

† Χρυσὸν πάλαι νόμισμα δωρησαμένη
Τῷ σῷ ὕμνοδῷ ἱερῷ Κουκουζέλη
Τῆς εὐλαβείας ἀντιμισθείαν ξένην,
Κουκουζέλησσα κέκλησαι φερωνύμως.

Внизу: † Ὕμνον προσοίκας ἐμμελῆ Κουκουζέλης δῶρον χρυσοῦν πρὶν
εὔρεν ἀντιμισθείαν:
‘Ἡμεῖς δὲ κόσμον σῆ ἀχράντῳ εἰκόνι φέροντες, ἀγνή, εὖρομεν
κακῶν λύσιν.

Διὰ χειρὸς Ἰωάννου υἱοῦ τοῦ Νικολάου.

† Златицу древле ты даровала
Пѣвцу твоему, священному Кукузелю,
Странное воздаяніе за благоговѣніе къ тебѣ,
И потому прозвалась Кукузелисса.

† Пѣніе умиленное принося тебѣ Кукузель въ воздаяніе
получилъ златицу:

Мы же, принесши ризу пречистой Иконѣ твоей, чистая,
получили избавленіе отъ золь.

Рукою Іоанна сына Николаева.

Повѣсть объ этомъ Кукузелѣ зѣло сладкослышательная напечатана въ греческой книгѣ, нарицаемой *Грѣшнымъ спасеніе* (Ἀμαρτωλῶν σωτηρία) и переведена Барскимъ. „Бѣ нѣкій юноша въ великомъ градѣ Диррахіи, древле нарицаемомъ *Етидаминъ*, и осиротѣ отъ отца; матери же его сущи благочестивая и Боголюбивая даде его изучитися священныхъ грамотъ; его же, понеже быаше быстроумень и доброгласень, вси именоваша *Ангело-гласна*. Во время оно (яко же есть всегда въ царствахъ) искаху благообразныхъ и доброгласныхъ, и обрѣтши его, опредѣлиша въ царскую школу, да изучится мусикійнаго художества, си есть, художнаго пѣнія, даже будетъ въ немъ совершенъ, иже въ малѣ времени, аки быстроумень, превзыде всѣхъ; сего ради и царь любяше его, и хотяше его оженити благородно. По времени же видѣвши, яко всѣ господа начальныи во многомъ его имѣяху почтеніи ради любви царской и ради сладкопѣсеннаго

гласа его, боящися, да не погубить, ради временной славы, небесной радости, ожидаше времени приличнаго, да удалится отъ міра. Во дни оны случися тамо къ царю пріити игумену сея великія лавры за нѣкою нужною потребою. Сей же блаженный Іоаннъ, *Кукузилій* проименованный, видящи добровидное лице игумена и добродѣтельное житіе его и слышащи о безмолвіи святой горы, обрѣте время удобное своему желанію, и оставивши всякую честь и славу царскую, и шелковыя совлеки съ себя одежды, одѣявшеся въ толстыя власыяныя, и взявши въ руку палицу пастырскую, отъиде тайно въ святую гору. Пришедши же къ Лаврѣ, вопроси его вратарь: что ищетъ, и каковаго званія челоуѣкъ? Онъ же отвѣщаше: инокъ хошу быти, и есмь пастырь скотамъ. Сія извѣстившисьъ чрезъ вратаря Игуменъ, возрадовася, понеже требоваше пастыря, и сотворивши его инокомъ, посла въ пустыню, да пасетъ козлища. Онъ же отъиде съ благодареніемъ многимъ на уединеніе, якоже желаше, и творяще оное послушаніе не лѣностно, но молящися непрестанно къ Богу. Царь же многу имѣяше печаль его ради, и посла людей во всѣ страны ради взысканія его. Пришедши убо въ Аѳонъ, искаху на всякомъ мѣстѣ прилежно, обаче никто же что помысли о немъ, понеже бяше одѣянъ въ рубища, и тако возвратишася къ царю тощны. Послѣди же въ единъ отъ днѣй пасущи козлища верху нѣкоего холма, и разсмотрѣвши сѣмо и овамо, яко никто же бысть, да его слушаеть, начать пѣти нѣкое церковное пѣніе съ великимъ художествомъ и умиленіемъ; скитникъ же нѣкій, тамо въ пустыни живущій, слышащій сичеву умиленную гласа сладость, удивися, и изшедши изъ вертепа, зреть удивительную вещь, пастыря поюща, козлищъ же не пасущихся, но стоящихъ и зрящихъ со ужасомъ и радостію, противу онаго ангельскаго пѣнія. Сія узрѣвши безмолвствующій монахъ, отъиде въ Лавру и извѣсти игумену; иже пославши по него и приведши его къ себѣ, рече ему: заклинаю тя Богомъ, да речеши мнѣ истину: ты ли еси Іоаннъ Кукузеллій, отъ царя чрезъ толикое время искомый“. Онъ же падъ на нозѣ его, проси-

прощенія со слезами, глаголющи: азъ есмь грѣшный и недостойный рабъ святыни твоей; обаче молю тя зѣло, да мя оставиши въ послушаніи семъ, еже мнѣ далъ еси сперва, да не како увѣдавши царь о мнѣ, возметъ мя силою отъ спасеннаго сего пристанища. Игумень же отвѣща: „Не печися о семъ, чадо мое, точию сотвори послушаніе, пребуди въ монастырѣ въ келии, юже азъ дамъ тебѣ; азъ же отъиду и умолю о семъ царя, да ти не стужаетъ. Сиде заповѣдавши отъиде въ царьградъ, и падши на ногу царя, рече: молю державу власти твоя, да даруетъ мнѣ единаго человѣка за спасеніе его души, и аще оскорби въ чемъ царство твое, да проститъ ему. Царь же вопроши о имени онаго человѣка. Отвѣща ему игумень: аще не даси мнѣ чрезъ писаніе прощенія, не реку имени его. Тогда убо царь повелѣ написать, и подписавши своею рукою, даде ему: и абіе игумень вѣста, и повѣда ему о Кукузели. Царь же, таковая слышавши, купно возрадовася и опечалися; возрадовася за благоговѣніе его и облеченіе въ схиму; опечалися же, яко чрезъ писаніе игумену сотвори даръ. Игумень же благоувѣтливими словесами укроти сердце царево; послѣди же воздавши благодареніе ему и поклонившись, отъиде въ обитель свою, и повѣда братіи вся собывшася. Пребысть убо достохвальный онъ Іоаннъ прочее нестужимъ отъ земнаго царя, къ служенію небесному, поющи ему нелѣбно на всякъ день. Послѣди же взявши отъ начальника прощеніе, созда келию и церковь святыхъ Архангель внѣ монастыря, и тамо безмолвствовавши шесть днй въ седмицѣ, въ недѣли же и праздники прихождаше въ монастырь, и пояше на правомъ крылосѣ съ желаніемъ и умиленіемъ, въ субботу же акафистную, по отпѣннѣ стиховъ сѣдальныхъ и каноновъ, отъ труда усну мало въ стоялищи; тогда явился ему пресвятая Богородица и рече: радуйся Іоанне чадо мое: пой мнѣ, и не оставлю тя. Сіе рекши, даде ему златицу едину. Онъ же возбудившись (о чудесе!) обрѣте въ руцѣ своей монету. Радости же неизрѣченной и слезъ исполнившись, благодаряше и славословяше Богоматерь. Оную же златую монету сокрыша въ церквѣ, яже сотвори многая чудеса.

Отъ онаго убо времени никогда же отставаше отъ деснаго крылоса, поющи и славословящи Бога нелѣнно. Сего ради отъ многоаго труда огноися нога и боляше нестерпимо; но всесильная Владычица исцѣли его, якоже Иоанна Дамаскина, явившися ему и глаголющи: буди отнынѣ здоровъ; и абіе оздравѣвши, къ тому болѣе никогда же не немоществоваше даже до смерти, живущи въ постахъ, бдѣніяхъ и прочихъ добродѣтеляхъ, паче же всѣхъ имѣяше смиреніе, прозрѣ же и кончину свою, и простившися съ братією, заповѣда, да погребутъ его при келіи св. архангеля, юже самъ созда, и сице преставися о Христѣ Иисусѣ. На томъ убо мѣстѣ всегда жительствуютъ и доннынѣ добродѣтельные иноцы“. Провѣримъ это сказаніе нотными обиходами и стихирарями рукописными, въ которыхъ упоминается Иоаннъ Кукузель, дабы по этимъ хартіямъ, на которыхъ означены годы ихъ написанія, узнать время, въ которое жилъ этотъ пресловутый пѣвецъ. Въ моемъ собраніи образчиковъ Греческихъ нотъ, которое начинается съ 999 года и оканчивается 1757 годомъ, есть перерисованная изъ нотнаго обихода 1700 года картина, представляющая Богоматерь на облакѣ, подающую *златицу* монаху Иоанну Кукузелю и *перо* Иоанну Дамаскину. Значить: въ 1700 году греческіе пѣснопѣвцы вѣрили въ чудесное событіе съ Кукузелемъ. Въ этомъ же собраніи моемъ есть другая картина, перерисованная изъ нотнаго обихода XIV вѣка: тутъ изображенъ придворный Протопсалтъ Иоаннъ Гликисъ, обучающій пѣнію Ксеноса Корони и Иоанна Кукузеля. Итакъ въ 14 вѣкѣ Кукузель считался ученикомъ Гликиса. Но сей вѣкъ состоитъ изъ ста лѣтъ. Въ какіе же десятки этого столѣтія учился и славился Кукузель? Да и не ранѣе ли сего времени жилъ и трудился онъ? Отвѣты на эти вопросы даютъ двѣ нотныя рукописи, именно Аеоноватошедскій Стихирарь, писанный на пергаментѣ монахомъ Даниломъ Ахрада 16 декабря 1299 года въ царствованіе Андроника старшаго, и Синайскій Ирмологъ, писанный на хлопчатой бумагѣ in 4-о Антономъ іеромонахомъ въ 1332 году. Въ первой рукописи поименованы весьма многіе сочинители церков-

ныхъ пѣснопѣній, начиная съ патріарховъ, Анатолія Константинопольскаго (449—458 г.) и Софронія Іерусалимскаго (636 г.) и оканчивая Ефремомъ Карійскимъ и самимъ Даніиломъ Ахрада; но Іоанна Кукузеля между ними нѣтъ. А во второй рукописи, послѣ краткой теоріи пѣнія, помѣщены образцовыя пѣснопѣнія Кукузеля. Слѣдовательно сей пресловутый пѣвецъ въ 1299 году не отличался мастерствомъ своимъ, а въ 1332-мъ былъ уже извѣстенъ, какъ образцовый композиторъ. Въ этомъ году царствовалъ Андроникъ младшій Кукузель былъ любимецъ его. А такъ какъ этотъ государь кончилъ жизнь свою въ 1341 году; то и надо полагать, что Кукузель ушелъ на Аѳонъ ранѣе сего года. Куда дѣвалась данная ему Богоматерію златица: не знаю. Въ замѣнъ же сего незнанія, спѣшу сказать нѣсколько словъ о стѣнной живописи въ той церкви, въ которой чествуется икона Кукузелиссы. Эту церковь расписалъ Дамаскинъ. Кисть его незавидна. Лучше расписанъ тутъ литійный притворъ Давидомъ Авлонитомъ, но какъ-то странно. Разматривая его изображеніе псалма, въ которомъ вся природа и все люди хвалятъ Бога, я увидѣлъ, что тутъ кромѣ Давида, бряцающаго на арфѣ, кто-то наяриваетъ Турецкій барабанъ, а подъ звуки его пляшутъ (sic) женщины и дѣвицы въ кисейныхъ воротенькахъ и въ шараварахъ, монахи-же съ подскокомъ тащатъ на плечахъ своихъ церковь; увидѣлъ это и улыбнулся, но не осудилъ простодушныхъ лавріотовъ, которые едвали и смотрятъ на стѣнопись увеселительнаго Авлонита. Впрочемъ мнѣ понравились два изображенія его: это—радостное круглое лице архангела, благовѣствующаго радость велию Пресвятой Дѣвѣ, и Аѳанасій аѳонскій, жезломъ своимъ изводящій воду изъ утѣса.

Кромѣ церкви Кукузелиссы въ лаврѣ есть другая хорошенькая церковь, отдѣльно стоящая на другомъ дворѣ ея по лѣвую сторону алтаря соборнаго храма. Она, во имя св. исповѣдника Михаила Синадскаго, построена свѣтлѣйшимъ Господаремъ Іоанномъ Матѳеемъ воеводою Угровлахійскимъ по старанію игумена Іосифа въ 1643 году, а по прошествіи десяти лѣтъ при игуменѣ Іоасафѣ

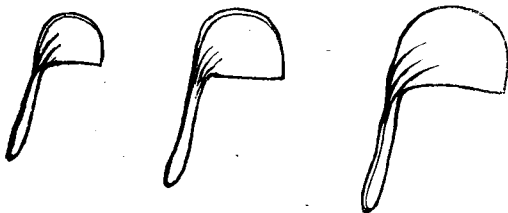
расписана (1653 г.) иждивеніемъ того же Господаря. Тутъ на стѣнѣ изображены въ ростъ оный Матѳей и его супруга Елена съ платочкомъ въ рукѣ и въ шапочкѣ съ кисточкою надъ правымъ глазомъ. Изображеніе ея помѣщено въ моемъ живописномъ обзорѣніи Аѳона. (Надпись).

Подлѣ соборнаго храма Лавры на южной сторонѣ его въ каменныхъ гробницахъ подѣ приземистыми сводами почиваютъ три благодѣтеля лавры—три вселенскіе патріарха: 1) Анѳимъ, ктиторъ большой трехъярусной башни лаврской, въ которой находится церквица во имя св. великомученика Димитрія (1623 г.), 2) Діонисій Андросецъ, уплатившій долги Лавры и пособившій ей устроить больницу, а скончавшійся и погребенный 27 августа 1696 года, и 3) Іеремія Патмосецъ такъ же ктиторъ той же больницы, почившій въ 1735 или 9 году. Гробницы ихъ требуютъ возобновленія и лучшаго присмотра. Лавра должна помнить своихъ благодѣтелей.

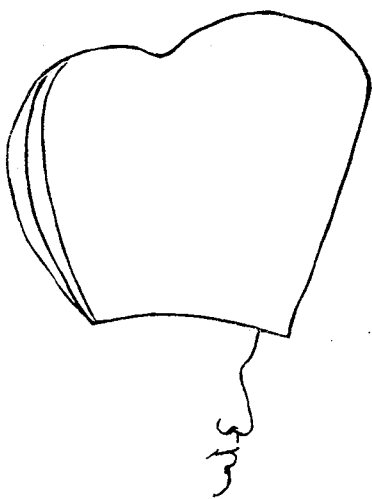
Въ этой обители, по счету Барскаго и Макарія Кидоніата, находится шестнадцать Параклисовъ, именно: 1) Успенскій надъ третьими входными воротами лавры, 2) св. архидіакона Стефана въ башнѣ Цимисіа, 3) св. Троицы въ ближней башнѣ малой, 4) поодаль отъ сей башенки прекрасный параклисъ честнаго Предтечи съ кельею, въ которой шьются рясы, 5) св. великомученика Георгія близъ башни, возобновленной Константиномъ Русомъ изъ епархіи Сервіонской, 6) св. апостола и евангелиста Іоанна Богослова съ помѣщеніемъ для уставщика, *τοπικάρχης*, и для литья восковыхъ свѣчъ, 7) Всѣхъ святыхъ въ башнѣ Цангарійской, 8) св. великомученика Димитрія въ девятой башнѣ, благоустроенной вселенскимъ патріархомъ Кир Анѳимомъ Константинопольцомъ, 9) св. священномученика Модеста Іерусалимскаго, 10) надъ нимъ параклисъ свв. двухъ Θεодоровъ подлѣ высокой и свѣтлой башни Космы, 11) св. Харалампа при Лаврской больницѣ, 12) св. Архангеловъ въ 12 башнѣ, которую устроилъ для своего покоя вселенскій владыка Діонисій Андросецъ, 13) св. Онуфрія въ 13-й высокой башнѣ, 14) св. Аѳанасія аѳонскаго въ Скевофи-

лакiи (ризницѣ): тутъ постригаютъ всѣхъ Лавріотовъ въ монашество; 15) св. Николая Чудотворца и 16) свв. безсребрениковъ Космы и Даміана въ гостинныхъ горницахъ, гдѣ и я жилъ и трудился.—Изъ числа этихъ Параклисовъ я не засталъ Придѣла свв. пяти мучениковъ на хорахъ соборнаго храма, сломанныхъ въ 1814 году, и св. великомученика Димитрія; но за то записанъ у меня новыи Параклисъ св. Василія Великаго. Всѣ эти Параклисы и четыреста монашескихъ келій сплошь устроены на всѣхъ четырехъ сторонахъ лавры, одни въ башняхъ, а другіе между двумя стѣнами ея, наружною и паралельною ей внутреннею, такъ что изъ иныхъ оконъ смотришь только внутрь обители, а изъ другихъ, продѣланныхъ въ оградѣ, видишь одну даль заобительную. Въ гостинничномъ Параклисѣ свв. Безсребрениковъ, устроенномъ въ 1580 году, мнѣ понравилась большая икона свв. Космы и Даміана, прикрѣпленная къ сѣверной стѣнѣ у иконостаса. Эти безсребреники вмѣстѣ написаны въ ростъ на холстѣ, приклеенномъ къ доскѣ. Косма обѣими руками держитъ свитокъ, а Даміанъ—свитокъ и ложечку съ крестикомъ. Ихъ лица хороши. Въ гостинничномъ же Параклисѣ св. Николая Чудотворца, сооруженномъ вмѣстѣ съ архондарикомъ въ 1779 году, очень хороши двѣ колоночки изъ мрамора съ красными и бѣлыми жилками и цвѣтами, а мѣстныя иконы Спасителя и Богоматери въ деревянномъ иконостасѣ, поставленномъ въ 1781 году, не казисты. За то весьма замѣчателенъ мѣстный же, большой и старинный, образъ Обрѣтенія главы Предтечи въ Сирійскомъ городѣ Емессѣ, написанный на доскѣ, а не на полотнѣ. Тутъ въ срединѣ эта глава лежитъ на столикѣ: видѣнъ только очеркъ ея. Подлѣ нея стоятъ архіерей, діаконы, пѣвецъ, князь и еще какой-то сановникъ, и служатъ литургію. А въ верхней части сего образа въ двухъ домикахъ видятся обрѣтеніе главы Предтечи и изгнаніе Евстаѳіа аріанина. Хороши лица священника, одѣтаго въ бѣлую фелонь и кадящаго главѣ Предтечи въ верху, и одного архіерейскаго пѣвца внизу. Этотъ пѣвецъ держитъ книгу съ словами: τὴν σεβαστήν αὐτῆς κεφαλὴν τοῦ βαπτιστοῦ σου Κύριε—*Честную главу предтечи Твоего,*

Господи. У діаконовъ и пѣвцовъ головы покрыты кругловатыми увяслами бѣлаго цвѣта. Полюбуйтесь ими, и знайте, что у іако-

витскихъ монаховъ въ Сиріи, гдѣ и Эмесса, понынѣ висятъ сзоди подобныя ленты, а подобныя увясла носятъ Кіевскіе схимонахи. Позади архіерея на образѣ видѣнъ Эмесскій князь въ золотой шапочкѣ съ сіяніемъ вокругъ головы его, означающимъ не святость его, а власть, полученную имъ отъ Бога. За этимъ же княземъ стоитъ сановникъ въ шапкѣ, похожей на шапки Деспотовъ Сербіи и Албаніи, коня видѣль и отподобилъ на Аеонѣ въ Есфигменскомъ монастырѣ.

Деспотъ
Сербскій.

Сановникъ
Емесскій.

Всѣ лица на этой иконѣ не греческія, а славянскія, и у всѣхъ волосы—свѣтлорусые, даже рыжеватые. Посему можно полагать, что живописецъ былъ не грекъ, а Сербъ, или Фессалиецъ сла-

ванскаго происхожденія. Θεσσαλίϊскую живопись мнѣ напомнили и замѣтныя на стихарѣ одного діакона какъ бы буквы, кои я видѣлъ на стихаряхъ діаконѡвъ, изображенныхъ въ монастыряхъ Θεσσαλο-метеорскихъ. Впрочемъ кто бы ни писалъ разсмотрѣнную нами икону, а бѣлыя Сирійскія увясла на ней, напоминающія наши бѣлые клобуки, я причисляю къ итогу нѣсколькихъ, пока мнѣ одному извѣстныхъ, доказательствъ на то, что христіанство вошло въ Россію по Дону и Волгѣ изъ Египта и Сиріи ранѣе появленія его на берегахъ Днѣпра изъ Византіи. Это—новость!

А братская трапеза въ Лаврѣ—старина! Современная строителю этой обители Аѳанасію, каменная, огромная, она отдѣльно стоитъ противъ соборнаго храма на западѣ отъ него. Надъ главнымъ входомъ въ это крестообразное, снѣдное, зданіе, высоко на стѣнѣ налѣво видно изображеніе Серронскаго митрополита Геннадія съ надписью: *ὁ πανιερώτατος καὶ ὑπέριμος μητροπολίτης Σερρών Γεννάδιος καὶ κτήτωρ τῆς παρούσης τραπέζης τ. ε. пресвященный и всечестный митрополитъ Серронскій Геннадій ктиторъ настоящей трапезы.* Такъ какъ онъ же въ 1522 году починилъ юго-западную башню съ церковію въ ней св. архидіакона Стефана, стоящую въ оградѣ лавры, что видно изъ надписи на этой башнѣ; то около сего же времени иждивеніемъ его или покрыта лещадникомъ трапеза, о которой идетъ рѣчь, или, вѣроятнѣе, расписана, кажется, тѣмъ же Теофаномъ, который въ 1535 году историровалъ лаврскій соборъ. Стѣнная живопись тутъ, попортившаяся отъ сырости, не огорчаетъ изящнаго вкуса. Нарисованы большею частію преподобные отцы, *иже въ раю*, какъ образцы воздержанія, пощенія и умерщвленія страстей. Они смотрятъ на тебя, и молча говорятъ: *не о единомъ хлѣбѣ живѣ будетъ человекъ.* Внялъ я этому поучительному глаголу ихъ, а внушительнымъ изображеніемъ св. пророка Иліи на стѣнѣ, по правую сторону выхода изъ трапезы, налюбовался вдоволь. Онъ въ козіей кожѣ, покрытой однако темнокраснымъ суконцомъ, сидитъ въ пещерѣ подгорюнившись, и скорбитъ о томъ, что всѣ поклонились Ваалу. Кромѣ этой живописи въ трапезѣ замѣчательны бѣломра-

морные столы, за которыми нѣкогда сидѣли лавріоты, вкушая снѣди, слушая поученія и благодаря Бога. Время уже сгладило съ нихъ лоскъ и состарѣло ихъ. Почти всѣ они закруглены у стѣнъ, къ которымъ приставлены плотно, а на другомъ концѣ ровны, какъ столы наши. Всѣхъ ихъ 24. А усѣсться по обѣ стороны каждаго стола могутъ 14 монаховъ, потѣснѣ же и 18-ть. Слѣдовательно лаврекая трапеза во время оно помѣщала отъ 336 до 430 братій. Τραπεζαὶς δλαὶς κδ. ἡ καθεμία πέρνει ἀπὸ τῆς ἡ καὶ τῆ ἀνδρώπους. — Προσκυνητ. 1772 ἔτους.

Подлѣ этой трапезы устроена поварня въ 1725 году. Надъ входомъ въ нее написано:

† Ἐστία πορὸς ἐμὴ. τρίποδά τ' ἔχω,
 Αἰθώνας τε λέβητας πίονας λαύρας:
 Τιμοθέου δὲ τοῦ προκαθηγουμένου
 Σκουρῶθεν νήσου Γεωργίου τοῦ θείου
 Οἰκοῖθεν ῥητοῖς χρήμασι χρησαμένου
 Πανεορύχωρον ὑπέστην καινουργίαν.
 αφε. ἀπριλίου χγ.

† Я очагъ. На мнѣ огонь горитъ.
 А вокругъ меня стоитъ
 Сей треножникъ средь котловъ, поставцовъ,
 Красноулей лаврекихъ старцовъ.
 Строилъ же меня Скирросецъ
 Проигумень инокъ Тимошеѣй.
 Честь тебѣ Побѣдоносецъ
 Юрій Скирра стражъ и чудодѣй.
 Серебро онъ взялъ сполна изъ дома
 И меня отъ низу до шелома
 Со всѣхъ силъ,
 Въ цѣломъ мірѣ
 Всѣхъ шире
 Взгромоздилъ.

1725 г. апрѣля 23.

Около трапезы и соборнаго храма устроены и облицованы мраморами пять струйниковъ, (фонтановъ): 1) противъ южной стороны сего храма въ 1634 году; 2) направо отъ входа въ братскую трапезу въ 1762 г.; 3) тутъ же другой струйникъ въ 1769 г.; 4) въ корридорѣ гостинницы близъ Параклиса св. Николая въ 1803 г.; 5) за алтаремъ соборнаго храма въ 1810 году. А шестой струйникъ сооруженъ, вѣ лавры противъ первой угловой башни въ 1642 году. Во всѣ эти струйники съ крантами вода проведена подземельными трубами съ высотъ Диеона. Она чиста, холодна, и пріятна для питья. Умывай ею лице твое: но омой и беззаконія твои.

Если же имѣешь жажду духовную, иди въ лаврское книгохранилище и тамъ утоляй ее. Я былъ тутъ и дѣлалъ свое дѣло.

Это книгохранилище устроено и приведено въ порядокъ въ 1565 году. (Надпись на немъ.). Налѣво отъ входа въ него къ стѣнѣ прилѣпленъ большой листъ бумаги, на которомъ бойко по гречески написана характеристика каждаго государства въ Европѣ, и замѣчено, что предъ паденіемъ Турціи сокрушится и исчезнетъ одно старое государство. (Это—Австрія). Внутренность книгохранилища не обширна и не казиста. Тутъ двѣ комнаты. Въ первой на открытыхъ полкахъ, приставленныхъ къ стѣнамъ, помѣщены книги печатныя. Между ними видны и фоліанты. Я не разсматривалъ ихъ, потому что хотѣлъ видѣть однѣ рукописи, да и тѣ не всѣ, а только древнія съ означенными на нихъ годами появленія ихъ, изъ новыхъ же только замѣчательныя по содержанію ихъ. Рукописи размѣщены на открытыхъ полкахъ у стѣнъ второй комнаты, которая гораздо больше первой. Ихъ не очень много. Списка имъ нѣтъ. Изъ нихъ я выбралъ 60 рукописей, разсмотрѣлъ ихъ внимательно въ теченіи 13 дней, составилъ для себя отчетливый каталогъ ихъ, и выписалъ изъ нихъ все, что показалось мнѣ замѣчательнымъ и новымъ въ области челоѣческаго вѣдѣнія. Не мѣсто здѣсь ни этому каталогу моему, ни этимъ выпис-

камь моимъ, такъ какъ имъ будетъ отведено особое отдѣленіе въ Статистикѣ Аѳона. Но кое что глубокомысленное, и кое что надобное для Русской исторіи, теперь же просится на божій свѣтъ. Уважаю такихъ просителей, и извожу ихъ изъ лаврской темницы.

Вотъ новость первая!—Всѣмъ богословамъ извѣстно, что древніе филологи пересчитали всѣ стихи во всѣхъ каноническихъ книгахъ священнаго писанія Ветхаго и Новаго Завета, даже въ *антилегоменахъ и апокрифахъ*; такъ напримѣръ, въ 22 книгахъ ветхозавѣтныхъ намѣтили 64,159 стиховъ, а въ книгахъ новозавѣтныхъ, кромѣ соборныхъ Посланій, 17,500 стиховъ. (In Chronographia Nicephori Cropolitani. † 828. Edit. Bonnæ. 1829). Но едва ли кто знаетъ, что они подобнымъ образомъ считали и намѣчали стихи и въ Твореніяхъ св. Отцовъ, наиболѣе уважаемыхъ. Что касается до меня, то я узналъ это только въ лаврской библиотекѣ. Тутъ есть превосходная, основная рукопись, содержащая всѣ Творенія Григорія Богослова, написанная на пергаминѣ, въ самый большой листъ, въ два столбца, въ осьмомъ вѣкѣ. Въ ней въ концѣ нѣкоторыхъ словъ счетомъ показаны стихи, или строки; напр: въ Словѣ объ Аѳанасіи епископѣ Александрійскомъ стиховъ 1164; въ словѣ о Маккавеяхъ стиховъ 430, въ словѣ о Киприанѣ мученикѣ стиховъ 495.—Удивительная филологическая работа! Она доказываетъ и величайшее уваженіе филологовъ къ твореніямъ Григорія Богослова, и ихъ заботливость о неповрежденной цѣлости этихъ Твореній, и ихъ большое терпѣніе. Самая же рукопись, о которой идетъ рѣчь, есть замѣчательнѣйшая рѣдкость. Вотъ съ нея-то и надобно печатать оныя Творенія, съ нея!!

Послѣ этой первой новости оповѣщаю вторую:—

Въ Лаврской библиотекѣ есть другая, превосходнѣйшая, основная рукопись на пергаминѣ, въ листъ, въ два столбца, осьмага вѣка, содержащая аскетическія слова св. Василія Великаго. Изъ двухъ современныхъ приписокъ на ней видно вотъ что.

1) У составителя сего манускрипта были подъ руками слѣдующіе списки оныхъ словъ: древнѣйшій и наилучшій Понтійскій, который имѣлъ только одно заглавіе въ самомъ началѣ, Ὑποπόπαις

ἀσκήσεως—*Образецъ подвижничества*, Кесарійскій изъ города Кесаріи, въ которомъ святительствовалъ Василиій Великій, Анатолійскіе (мало-азійскіе) и другіе списки.—2) Въ списокѣ Кесарійскомъ помѣщены всѣ аскетическіе вопросы и отвѣты, а въ стариннѣйшемъ Понтійскомъ не всѣ, но за то пространно; въ спискахъ же Анатолійскихъ—всѣхъ вопросовъ и отвѣтовъ 252.—3) Въ списку Понтійскому вышеномянутый составитель присовокупилъ въ концѣ своего манускрипта все, что недоставало въ немъ, позаимствовавъ это *все* изъ списка Кесарійскаго.—4) Какъ въ семь послѣднемъ, такъ и въ другихъ спискахъ, онъ нашелъ заглавія, (напр: Πίστις, ἀγάπη, ἐλπίς, Πρόλογος τῶν ἀσκητικῶν ἐρωτήσεων κ. τ. λ.) не вездѣ одинаковыя, и изъ этого заключилъ, что филологи уже *впоследствии* придумывали эти заглавія для удобнѣйшаго чтенія, тогда какъ въ древнѣйшемъ Понтійскомъ списокѣ было только одно заглавіе: *Образецъ подвижничества*.

Приписка первая на 12-мъ отъ начала листѣ во 2-мъ столбцѣ: „Τὸ ἀπὸ τοῦ Πόντου κομισθὲν ἀρχαιότατον ἀντίγραφον, ἐξ οὗ ἡ βιβλος αὕτη ἐπεγράφη, μίαν μόνην ἐπιγραφὴν εἶχεν τὴν ἐν τῇ ἀρχῇ προεταγμένην οὕτως· Ὑποτύπωσις ἀσκήσεως. Ταύτην δὲ καὶ τὰς ἄλλας πάσας, τὰς κατὰ μέρος ἐπιγραφὰς ἐν τῇ βιβλῷ τῇ ἀπὸ Καισαρείας, καὶ τοῖς ἄλλοις ἀντιγράφοις εὐρών, καὶ ἐν τούτοις δὲ, οὐ πανταχοῦ ταύτας, οὐδὲ ὁμοίως φερομένας. Φαίνονται τοίνυν ὑπὸ τινῶν φιλολόγων ἀνδρῶν ὕστερον ἐπιπονεῖσθαι πρὸς τὸ εὐκρινῆ καὶ ἀσύγχυτον φυλάττειν τὴν ἀνάγνωσιν.

Приписка вторая послѣ 85-го вопроса и отвѣта: Ἐν μὲν τῇ βιβλῷ τῇ ἀπὸ Καισαρείας συνῆπται πάντα τὰ κεφάλαια τῶν ἀσκητικῶν ἐρωτήσεων· ὁμοίως καὶ ἐν τοῖς κατὰ τὴν Ἀνατολὴν ἀντιγράφοις· ἐν δὲ τῇ παλαιοτάτῃ βιβλῷ τῇ ἀπὸ τοῦ Πόντου, βελτίονι διὰ μέντοι τῶν πλαυτοτέρων ἀποκρίσεων, ἃς αὐτὸς ὁ μέγας Βασίλειος κατὰ πλάτος εἶωθεν ὀνομάζειν, ἢ διὰ τῶν συντομωτέρων, καὶ κατ' αὐτὴν δὲ τὴν σύνθεσιν τούτων τῶν βραχυτέρων, ἀσύμφωνοι παντελῶς εἰσίν. ἐν δὲ τοῖς κατὰ τὴν Ἀνατολὴν ἀντιγράφοις ΣΝΒ, καὶ ὀλίγα δὲ τινα τὰ μὲν ἐν ταύτῃ φέρεται μόνη, τὰ δὲ ἐν μιᾷ τῶν ἄλλων. Ἡμεῖς τοίνυν ἀκολούθως ἅπαντα γράψαντες πρὸς τὴν βιβλὸν τὴν ἀπὸ τοῦ Πόντου προσεθήκαμεν ἐπὶ τοῦ τέλους τὰ μὴ φερομένα ἐν ταύτῃ ἐκ τῆς βιβλίου τῆς ἀπὸ Καισαρείας“.

Объ рукописи, о которыхъ сейчасъ была рѣчь, надоумили меня, во-первыхъ, называть въ моихъ каталогахъ подобные манускрипты *основными* съ присовокупленіемъ, что *ихъ то и надобно печатать*, во вторыхъ, не довѣрять напечатаннымъ на Западѣ твореніямъ св. Отцовъ, коль скоро въ предисловіяхъ къ нимъ, или въ заглавіяхъ ихъ, не сказано: съ какихъ рукописей онѣ напечатаны, и каково достоинство этихъ рукописей; въ третьихъ, не довѣрять и тѣмъ цитатамъ изъ отеческихъ Твореній, которыя помѣщены въ печатныхъ изданіяхъ Новаго Завѣта, обнаруженныхъ Нѣмцами, не довѣрять же потому, что издатели не сказали: кто, когда и съ чего переписывалъ оныя Творенія, еретикъ или христіанинъ каѳолическій, давно, или недавно, съ манускрипта книгопродавческаго безгодоваго и безыменнаго, или съ Церковнаго, на которомъ выставлены годъ, мѣсяць, и имя краснописца.

Замѣчательною новостію въ Лаврской библіотекѣ показалаcя мнѣ рукопись на бумагѣ въ листъ, переписанная, какъ замѣчено на заглавномъ листѣ ея, попеченіемъ и иждивеніемъ Николая Маврокордата, великаго Логоѳета великой Церкви Христовой, и главнаго (γερμικὸς) драгомана Оттоманской Порты, въ 1708 году. Излагаю здѣсь содержаніе этой рукописи, но сокращенно, помѣщая полный разборъ ея въ томъ отдѣленіи Статистики Аѳона, гдѣ разсматриваются толки и ученія святогорцовъ; предварительно же признаю нужнымъ сказать нѣсколько словъ о лицахъ, упомянутыхъ въ этой рукописи. Эти лица суть слѣдующія:

— Солунскіе и аѳонскіе монахи—*исихасты*, т. е. безмолвники, занимавшіеся, такъ называемою, *умною* молитвою, сидя въ запертой кельѣ, непрерывно смотря на свой пупъ и устремляя умъ свой внутрь сердца, вокругъ котораго показывался имъ божественный свѣтъ.

— Обратъ ихъ и защитникъ Григорій Палама, малоазіатецъ воспитанный въ царскихъ палатахъ, постриженецъ и подвижникъ Аѳонскій, іеромонахъ и, наконецъ, архіепископъ Солунскій, причисленный къ лику святыхъ вселенскимъ патріархомъ Филоѳеемъ

за его ангелоподобную жизнь и за постоянную борьбу его съ врагами Церкви православной.

— Порицатель Исихастовъ и противникъ Паламы Варлаамъ родомъ Калабріецъ изъ Италійскаго города Семинаріума, знатокъ греческой словесности, „человѣкъ, по отзыву современника его „царя Іоанна Кантакузина, воспитанный въ латинскихъ обычаяхъ „и законахъ, остроумный, проникательный, краснорѣчивый, изучившій Евклида, Аристотеля, Платона, и за то имѣвшій громкую славу. (Cantacuz. L. II. c. 39). Въ царствованіе Андроника Младшаго (1323—1341 г.) онъ переселился въ Константинополь и здѣсь преподавалъ богословіе. Сей Андроникъ въ 1339 году посылалъ его къ королямъ, французскому Филиппу IV, и сицилійскому Роберту, и къ папѣ Венедикту XII, съ тайнымъ порученіемъ выхлопотать у нихъ военную помощь противъ занявшихъ малую Азію Турковъ, и переговорить о соединеніи церквей, Восточной и Западной. Это посольство Варлаама было неудачно такъ же, какъ и посольство его на Аѳонъ, кончившееся не склоненіемъ аѳонитовъ къ уніи, а соборнымъ осужденіемъ его самаго, какъ еретика. (1341 г.)

— Усердные послѣдователи Варлаама, изъ знаменитыхъ, были Григорій по прозванію Акиндиносъ, византійскій историкъ Григорасъ, митрополиты Ефесскій и Ганскій, и вселенскій патріархъ Іоаннъ Калекасъ. Всѣ они были осуждены Соборами, созванными въ 1347 году по повелѣнію царицы Анны, управлявшей государствомъ за малолѣтствомъ Іоанна Палеолога, и въ 1351 году по волѣ похитителя престола Іоанна Кантакузина.

Знакомство съ этими лицами облегчаетъ мое изложеніе содержанія Маврокордатовой рукописи. Ее составляютъ слѣдующія статьи:

1) Письмо Паламы къ Акиндину, когда онъ былъ еще православнымъ, (*ἔτι τοῖς εὐσεβέσι καὶ φίλοις ἐναριθμοῦμενον*) о томъ, что Латины, исповѣдая исхожденіе св. Духа и *отъ Сына*, не могутъ избѣгнуть обвиненія въ томъ, что они одному Духу усволяютъ два Начала, т. е. Отца и Сына.

„Что побудило насъ писать? Мы слышали, что Калабріецъ Варлаамъ издалъ книжку противъ Латинъ, и желали прочесть ее. Желаніе наше исполнилось. Нѣкто пришелъ къ намъ въ праздникъ Пятидесятницы, и принесъ эту книжку“.

Варлаамъ пишетъ, что нисколько не странно, если кто признаетъ два Начала, то есть, Отца и Сына, разумѣется, нераздѣленные и непротивоположныя одно другому, а *одно подъ однимъ, или одно изъ другаго*. Продолжая же онъ утверждаетъ, что нимало не странно содержать такое ученіе, и свидѣтеля приводитъ Григорія Богослова, говорящаго о Сынѣ: ἡ ἐκ τῆς ἀρχῆς ἀρχή—*Онъ есть Начало изъ Начала*. Вѣдь, такъ-де нерушимымъ остается догматъ единоначалія въ божествѣ“.

„Но когда ты слышишь, что Сынъ есть Начало изъ Начала, то разумѣй, что онъ есть такое-же *Начало твореній*, какъ и Отецъ, а не Начало св. Духа. Діонисій Ареопагитъ, этотъ премудрѣйшій Богоявитель, Θεοφάντωρ, богословствуетъ, что Отецъ есть единый источникъ пресущественнаго Божества: а Сынъ и Духъ суть какъ бы цвѣты и пресущественные Свѣты богородительнаго Божества.... Потомъ заключаетъ (Діонисій), что Духъ отъ одного Отца исходитъ“.

2) Его же письмо къ тому же Акиндину о разногласіи Варлаама въ изложеніи догматовъ, περὶ τῆς τοῦ Βαρλαάμ ἐν τοῖς δόγμασι διαφορᾶς.

Это небольшое письмо показалось мнѣ очень темнымъ. Изъ него видно, что Варлаамъ часто переписывался съ Паламою, а Акиндинъ бесѣдовалъ съ нимъ. Но вотъ и выдержки мои: „вспомни слова мои... спѣши очистить себя самага посредствомъ умиловительныхъ молитвъ, и оросительныхъ уздравляющихъ ученій: τῶν λόγων ἀναμνήσθητι τῶν ἐμῶν... σαυτὸν ἀνακάθαραι σπεύσον ἰλαστηρίοις τε εὐχαῖς καὶ περιβραντηρίοις ὑγαίνουσαι λόγοις χρησάμενος“.—Замѣчательно вотъ и это: Нынѣ не знаю, что заболѣло у Варлаама, что онъ скорымъ шагомъ обходитъ богоносныхъ Отцовъ какъ неизвѣстныхъ, а Сократистовъ и Платонистовъ рисуетъ, какъ Боговидцовъ и Осіянныхъ: οὐκ οἶδ' ὅτι παθὼν, τοὺς τε

θεοφόρους πατέρας ληληθότας διασεύει, καὶ τοὺς κατὰ Σωκράτην τε καὶ Πλάτωνα θεόπτας καὶ πεφωτισμένους ἀναγράφει.

3) Послание Григорія Паламы къ философу Варлааму о тѣхъ двухъ Началахъ, о которыхъ онъ говорилъ, и объ Еллинскомъ мудрованіи. Оно весьма длинно и пересыпано замѣчательными изрѣченіями и солию. Напр.

Τί ὄφελος δογμάτων θεοφιλοῦς ἀπόντος βίου; Χωρὶς ἀγάπης γνώσις μηδαμῶς καθαιρούσα, ἀλλὰ καθαιρούσα τὴν ψυχὴν.

Λόγῳ παλαίει πᾶς λόγος:

Πεπαρρησιασμένος ἔλεγχος εἰρήνης βραβευτής:

Ἐγὼ δὲ νικᾶν ἐν τοῖς τοιοῦτοις αἰσχύνομαι:

Ἡ διαλεκτικὴ σὴ ὡς χνοώδης σοὶ ἐκπεφύσεται.

Какая польза отъ догматовъ, когда не боголюбезно житіе? Знаніе безъ любви (къ Богу) не очищаетъ душу, а засоряетъ ее.

Всякое слово отражается словомъ.

Сильное обличеніе награждается миромъ.

А я стыжусь побѣждать такимъ оружіемъ. (Діалектикою).

Діалектика твоя сдунется, какъ пушокъ.

Въ этомъ посланіи Палама настоить на томъ, что одно есть Начало и Сына и Духа—Отець, уличаетъ Варлаама въ пристрастіи къ діалектикѣ, удивляется тому, что Еллинскіе философы у него въ большомъ почетѣ, и критикуетъ этихъ философовъ. „Посмотримъ,—говоритъ онъ, на плоды просвѣщенія Сократовскаго и Платоновскаго. Чѣмъ они хороши? Ужь не дозволеніемъ „ли общенія женщинъ? Не допущеніемъ ли педерастіи? Не почитаніемъ ли демоновъ и героевъ? Не ссылкою ли нашихъ душъ „съ неба въ тѣла разныхъ животныхъ?... А Аристотелевское „*маловникающее Провидѣніе*, ἢ μικρολόγος Πρόνοια, что это такое? „Почему философія до Христа не возобновила насъ, а напротивъ сдѣлала нищими?... Наше же Богомудріе (θεοσοφία), этотъ „даръ Божій, на рыбарей ли сойдетъ свыше, сдѣлаетъ ихъ съ нами грома, на мытарей ли, превратитъ ихъ въ стяжателей „душъ, на жаркихъ ли гонителей, перемѣнитъ ихъ и изъ Савловъ сдѣлаетъ Павловъ. Съ помощію онаго Богомудрія и намъ

подобаетъ уподобляться Богу и по смерти быть Ему подобными... Вотъ это внушай ты, брате, любящимъ мірскую мудрость болѣе, нежели сколько должно, и притомъ сообщай имъ мудрыя изрѣченія Григорія Богослова, Василия великаго, Златоустаго, Діонисія Ареопагита...

Григорія Богослова: „Житіе достохвальное, очищенное Богомъ, есть мудрость первая“.

Василія великаго: Мы имѣемъ два щупала истины *),—1) вѣдѣніе всего того, что доставляетъ намъ жизнь божественную, и 2) здоровое пониманіе чего бы-то ни было существующаго въ семь мірѣ“.

4) Предлинные вопросы и отвѣты, извлеченные изъ трехъ Словъ Паламы въ защиту священнобезмолвствующихъ ὁκέρ τῶν ἱερῶς ἡσυχάζοντων. Тутъ онъ разглагольствуетъ о молитвѣ, о внутреннемъ свѣтѣ, и благодатномъ осіяніи. Напримѣръ:—

„Взыграніе сердца, какъ бы прыганіе его отъ пламенѣющей любви къ Благому (Богу), есть признакъ дѣйствующей въ немъ благодати“.

Св. Діадохъ говоритъ: не должно сомнѣваться въ томъ, что нашъ умъ; подѣ частымъ воздѣйствіемъ на него свѣта божественнаго, самъ весь дѣлается свѣтозарнымъ, такъ что ясно видитъ свой собственный свѣтъ. А это бываетъ только тогда, когда сила души усмирить всѣ страсти“.

„Св. Василий великій учитъ:—вѣдѣніе человѣческое приобрѣтается изученіемъ и упражненіемъ, а вѣдѣніе богоблагодатное—праведностію и благостию. Первое дается и страстнымъ людямъ, а второе только безстрастнымъ“.

„Брате, знай, что свободный отъ страстей умъ во время молитвы видитъ самъ себя, яко свѣтъ, и осіявается божественнымъ свѣтомъ ...умъ самъ себя вилящій видитъ себя, какъ свѣтъ υἱὸς αὐτοῦ ἐαυτὸν ὁρῶν ὡς φῶς ὁρᾷ“.

*) Не любя иностранныхъ словъ, я употребилъ рѣченіе *щупало* вмѣсто слова, критеріумъ.

„Говорять, что Богъ невидимъ и нестижимъ. *Бога никто-же видѣти нигдѣ же.* Однако ежели Духъ божій испытуетъ глубины божіи, то и христіанинъ, изгнавшій изъ себя духа міра и пріавшій въ себя Духа божія, видитъ посредствомъ сего Духа свѣтъ невидимый. Какъ зрачекъ глазной, соединенный съ солнечными лучами, проникается свѣтомъ, и дѣйствительно видитъ вещи чувственныя, такъ точно и умъ, содѣлавшись *однимъ духомъ съ Господомъ*, ясно видитъ предметы духовныя“.

„Св. Исаакъ говоритъ: Чистый умъ во время молитвы озаряется свѣтомъ пресвятой Троицы; и тогда онъ перестаетъ молиться, и весь бываетъ въ экстазѣ и созерцаетъ нестижимое, неизглаголанное. А это созерцаніе и есть то невѣдѣніе, которое выше вѣдѣнія; *καὶ αὐτὴ ἐστὶν ἡ ἀγνοία, ἡ ὑπερτέρα τῆς γνώσεως.*

„Богъ сообщаетъ намъ не существо свое, а славу свою, сіяніе свое“.

„Что такое свѣтъ ангельскій? Это—свѣтъ божественный и пренебесный“.

„А свѣтъ Ѡаворскій? Діонисій Ареопагитъ называетъ его Богоявленіемъ. Григорій Богословъ вѣщаетъ, что свѣтъ Ѡаворскій есть явленная ученикамъ божественность, *Θεότης.*

„Стефанъ первомученикъ видѣлъ Христа одесную Бога. И такъ Невидимаго видятъ тѣ, у которыхъ сердца чисты.

„Даже въ тѣлѣ отражается благодать, дѣйствующая въ душѣ. Такъ свѣтозарно было лице Моисея; лице Стефана казалось, какъ лице ангела. Марія Египетская или лучше небесная, была какъ метеоръ, *μετέωρος γέγονε*“.

„По другую сторону гроба мы увидимъ Божій свѣтъ даже тѣлесными очами: чему предзнаменованіемъ служитъ видѣніе сего свѣта апостолами на горѣ Ѡаворской“.

Григорій Палама упоминаетъ о преображеніи діавола въ ангела свѣтлаго, но ничего не говоритъ о *багровомъ свѣтѣ*, какъ признакъ навожденія діавольскаго.

5) Оповѣщеніе и опроверженіе того, что Варлаамъ написалъ противъ священнобезмолвствующихъ.

„Ὅδδὲν φεῦδος δεινότερον, οὐδὲν σοχοφαντίας ἄχθους βαρύτερον: нѣтъ ничего несноснѣе лжи; нѣтъ ничего тяжелѣе клеветы“. Такъ начинается эта статья.

Далѣе Палама говорить, что онъ радовался, видя Варлаама посланнаго къ монахамъ, и что безмолвники радовались и говорили: этотъ книжникъ будетъ для насъ, какъ сокровищница, выдающая старое и новое. Но вышло противное.

Варлаамъ присталъ къ простѣйшимъ исихастамъ подѣ видомъ ученика, но въ послѣдствіи поднялъ на нихъ пяту, и въ своихъ сочиненіяхъ, направленныхъ противъ нихъ, писалъ, что они священное писаніе считаютъ бесполезнымъ, а науку вредною, и думаютъ и вѣрятъ, что существо Бога можно видѣть тѣлесными очами, и что для возбужденія такого видѣнія нужны нѣкоторыя особыя приемы (*αἰσθητὰ τηρήματα, ἐνεργήματα, ἐπιτηδεύματα*—чувственныя наблюденія, усилія, снаровки). Такія мнѣнія Исихастовъ онъ называлъ *ὀμφαλοφυχία*—*пупоуіемъ*. Но сочиненій своихъ никому не показывалъ, и даже ученикамъ своимъ и послѣдователямъ подѣ клятвою запретилъ оповѣщать ихъ“.

Однако Паламѣ удалось приобрѣсть ихъ.

„Когда Варлаамъ узналъ о нашихъ возраженіяхъ ему, то дрогнулъ такъ, что скрылъ сочиненія свои и предѣ Церковію исповѣдалъ, что онѣ уничтожены имъ. Но когда за такую исповѣдь освобожденъ былъ отъ справедливаго осужденія, и потомъ случайно досталъ нѣкоторыя книжицы наши, опровергающія сочиненія его, и созналъ, что невозможно и отвѣчать на обличенія наши, тогда опять уѣлся и въ новомъ сочиненіи своемъ одно выпустилъ, а другое измѣнилъ, названіе же *ὀμφαλοφυσική* исключилъ, что же прежде обзывалъ *демонскимъ*, то теперь называлъ *естественнымъ*. Не знаю: почему онъ, доставши мои книжицы, умолчалъ о томъ и семъ содержащемся въ нихъ, какъ бы не видѣлъ ихъ, и какъ бы не смѣлъ разсматривать ихъ, а на са-

момъ-то дѣлѣ вооружился противъ нихъ и плакалъ, какъ оклеветанный. Это вторичное писаніе вручено было имъ даже не всѣмъ пріятелямъ его, а только самымъ близкимъ, да и тѣмъ немногимъ. Его принесъ мнѣ одинъ человѣкъ для прочтенія.

„Вотъ предисловіе къ нему: Ὁσπερ ἐπὶ ὑγείας, οὕτως ἔχει καὶ ἐπὶ τῆς φιλοσοφίας. κ. τ. λ. „Что здоровье, то и философія: дается отъ Бога, а поддерживается рачительностію; и какъ не иное здоровье дастъ Богъ и не иное возстановляетъ врачъ, а одно и то же: такъ и мудрость. Ее далъ Богъ пророкамъ и апостоламъ: онъ же и намъ сообщилъ наставленія, Λόγια, посредствомъ Божоводствій θεουργιῶν, и уроки философическія, при помощи которыхъ мы ищемъ и обрѣтаемъ мудрость“.

Кто изъ благомыслящихъ, услышавъ сіе, не осудитъ его за то, что онъ богодѣйственную премудрость Духа ставитъ на равнѣ съ уроками философій? и проч.

Все это предлинное разсужденіе Паламы, какъ музыкальное произведеніе, выражаетъ разными варіаціями одинъ главный тонъ что иное есть ученіе св. Духа, и иное—мудрованіе человѣка.

6) Слово Паламы о молитвѣ.—Въ началѣ его онъ упоминаетъ о какомъ-то Никифорѣ, родившемся въ Италіи, что онъ отринулъ Латинское вѣроученіе, и принялъ православіе, но за то отправленъ былъ съ Аѳона въ ссылку латинумудрствовавшимъ царемъ Михаиломъ Палеологомъ.

Дорожу я этимъ свѣдѣніемъ, какъ нечаянною добавкою къ скудной исторіи Аѳона въ царствованіе сего Палеолога.

7) Его же Слово о свѣтѣ священномъ.— Оно весьма длинно. Вотъ главные тоны его: Фаворскій свѣтъ былъ свѣтъ несозданный: даже въ тѣлѣ нашемъ отражается благодатное озареніе.

8) Обличеніе нелѣпостей ἀτόπων Варлаама, содержащихся во вторичныхъ сочиненіяхъ его.

Въ этомъ предлинномъ Словѣ Палама разсуждалъ о божественномъ свѣтѣ и осіяніи, и объ энергіи существа Божія.

9) Того же Паламы исчисленіе нелѣпостей Варлаама.

Это слово—невелико. Въ немъ содержится разсужденіе о безначальномъ существѣ Бога и о вѣчно присущей Ему энергій.

„Имѣеть ли Богъ вѣдѣніе, предвѣдѣніе, творчество, провидѣніе, причинность съ послѣдствіями (συνεχτικόν), Богодѣйственность, θεουργικόν, и *просто*, все это, или не имѣеть? Если не имѣеть, то и не Богъ онъ. А ежели имѣеть, но силы эти приобрѣль со временемъ, то онъ нѣкогда былъ не совершенъ, то есть и не Богъ. Если же онъ отъ вѣчности имѣеть въ себѣ эти силы, то безначально и вѣчно-не одно существо его, а вѣчна и каждая изъ этихъ силъ. По ученію св. Максима, „бытіе и жизнь, и святость, и могущество суть дѣйственности Бога, не со временемъ приобрѣтенныя: ἡ ὀντότης καὶ ἡ ζωὴ, καὶ ἡ ἀγίαότης καὶ ἡ ἀρετὴ ἔργα τοῦ θεοῦ εἰσὶν οὐκ ἠργμένα χρονικῶς.

10) Такое же исчисленіе.—„Варлаамъ вѣщаетъ, что Богъ сообщается съ человѣкомъ посредствомъ Ангела, и что мы чрезъ ангеловъ освящаемся *ιεραρχοῦμεθα*. Но что ты дѣлаешь человѣче? Скажи мнѣ развѣ ангель говорилъ Моисею: Азъ есмь сынъ?

Далѣе Палама разсуждаетъ о божественномъ свѣтѣ.

11) Первое слово Паламы, написанное какъ бы отъ другаго лица, о лжи и нечестіи Григораса.

„Ложь, клеветы и наговоры употребляетъ Григорасъ противъ Паламы... Но какъ пощадилъ бы онъ Паламу, когда не пощадилъ благочестивѣйшаго Государя? (Іоанна Палеолога).

„Государь по принужденію подписалъ соборный томъ, противный правой Вѣрѣ? такъ говоришь ты, пустыньскій мудрецъ (ὁ σοφὸς κορυφαίος) Григорасъ!! Государь, которому отъ матерней утробы врождено-благочестіе благодатию царя Христа, и на которомъ положена ею печать самодержавія? Государь, который еще недостигши совершенности, самъ по себѣ не могъ благосклонно смотрѣть на Варлаама? Государь, который будучи еще отрокомъ, свыше отъ Бога побуждаемый повелѣлъ предстоявшимъ мужамъ изгнать Акиндиновцовъ изъ царскихъ палатъ? такой Государь

подписалъ принужденно? Нѣтъ, не принужденно, а идя по слѣдамъ блаженной памяти божественнаго царя и отца своего (Андроника) и царственнаго тестя своего, котораго еще и теперь мы часто называемъ благочестивѣйшимъ, и притомъ убѣждаясь патріархомъ и самую истинною“.

„Что еще? Григорасъ говоритъ, что оный томъ произвелъ ссоры и разгласія, а что всего хуже, воздвигъ волны на божественные догматы Церкви, и потомъ ярится на Паламу, какъ на причинившаго все это. Но соборные протоколы утверждены тремя царями, припечатаны тремя патріархами (изъ которыхъ одинъ, — говорятъ, — мученичествомъ запечатлѣлъ свою Вѣру въ Іерусалимѣ), и болѣе чѣмъ 50-ю архіепископами, кромѣ подчиненныхъ имъ епископовъ. Итакъ ежели томъ, утвержденный такими и столькими лицами, произвелъ ссоры, то какъ тутъ виноватъ Палама? Сей томъ служитъ поводомъ къ разгласію, но только въ кружкѣ тѣхъ, которые не покажутся истинѣ.

„Царицу (мать Іоанна Палеолога) всякій языкъ называетъ христіанскою: а Григорасъ и сего не захотѣлъ слышать“.

„Когда Соборъ осудилъ патріарха Іоанна за то, что онъ склонился на сторону Акиндина, тогда Григорасъ и не подумалъ защитить его предъ Царемъ.

„А теперь какъ сова, любящая мрачную ночь, онъ отдалъ мозги свои ненавистному демону, и во мракѣ неправды сочиняетъ всякую ложь. Напримѣръ, говоритъ, что царь сознавалъ богохульства Паламы, какъ должно, только не высказался. Но на какомъ основаніи ты говоришь, что царь сознавалъ должное, ты, который не говоришь ничего должнаго? Царь, находясь въ Солунѣ, присутствовалъ при богослуженіи Паламы и былъ первый изъ числа освящаемыхъ. Онъ и въ Константинополѣ слушалъ Литургію, которую совершалъ патріархъ вмѣстѣ съ Паламою, и послѣ литургіи цѣловалъ руку его въ присутствіи всего народа. А когда Палама, послѣ разговора съ тобою, о Григорасъ, въ присутствіи царя, отправился въ Солунь, тогда не его ли царь напутствовалъ достопокланяемыми приказами? —

Григорасъ называлъ Паламу безграмотнымъ, ἀναλφάβητον.

Но и Палама не щадилъ его говоря: Какъ желѣзо, будучи черно по природѣ своей, послѣ сильнаго разженія огнемъ измѣняетъ цвѣтность свою лишь на нѣсколько минутъ, и потомъ опять чернѣетъ; такъ и Григорасъ, блеснувъ разсужденіемъ, опять становится урожденнымъ невѣждою.

Палама сравниваетъ ползающаго умомъ по землѣ Григораса съ муравьемъ, который, когда разгнѣвался на него Богъ, подвизалъ себѣ крылья и полетѣлъ воевать съ Богомъ, но упалъ и разбился.

Далѣе разбирается ученіе сего философа и говорится, что онъ былъ преемникомъ Варлаама и Акиндина, хотя самъ Григорасъ и говоритъ, что у него не было никакого общенія съ ними. Πολλὰ καὶ τῶν θεολόγων πατέρων ὄντα φανερώς, οὐκ οἶδ' ὅ τι παθὼν, ὡς τὰ τοῦ Παλαμᾶ προτίθησιν αὐτολεξεῖ, καὶ πρὸς ταῦτα ἀντιλέγει, καὶ τ' ἀνάντια τούτων συμπεραίνειν ἀγωνίζεται. Καὶ νῦν μὲν τὰ θεῖα καὶ αὐτοῖς τοῖς πονηροῖς κτίσμασι δυσσεβέζατα συντάττει. νῦν δὲ τὸ αὐτὸ καὶ οὐσίαν εἶναι τοῦ θεοῦ καὶ κτίσμα δείκνυσιν, ἄλλο τε δὲ πάλιν τὸ αὐτὸ μηδαμῶς εἶναι μηδαμῆ κατασκευάζει. Καὶ νῦν μὲν τὴν θεῖαν ἔνωσίν τε καὶ διάκρισιν ἐπανίστησιν ἀλλήλαις· νῦν δὲ τὴν καταφατικὴν καὶ ἀποφατικὴν θεολογίαν, καὶ ἀπλῶς τὰ προσᾶλληλα διαφωνεῖν δοκοῦντα τῶν ἀγίων. δι' ὧν καὶ πᾶσαν τὴν θεόπνευστον γραφὴν αὐτὴν ἐφ' ἑαυτὴν ἐγείρει, καὶ τοὺς θεοφόρους θεολόγους ἐπιστρατεύει καθ' ἑαυτῶν τε καὶ ἀλλήλων· καὶ νῦν μὲν τὴν θεῖαν διάκρισιν καὶ ἐπ' αὐτῶν τῶν θείων ὑποστάσεων τελέως ἀθετῶν τῷ Σαβελλίῳ συμῆρους γίνεται· νῦν δὲ τὴν θεῖαν ἔνωσιν ἀποσειόμενος, καὶ εἰς κτιστὰ καὶ ἄκτιστα διχοτομῶν τὸ θεῖον, Ἀρείῳ καὶ Εὐνομίῳ καὶ Μακεδονίῳ σύμφωνος καθίσταται, πολλαχοῦ καὶ αὐταῖς ταῖς φωναῖς ἐκεῖνων χρώμενος.

12) Второе слово о лжи и нечестіи Григораса.

„По когтямъ узнается левъ, и по ткани паукъ“: такъ начинается это пространное Слово о св. Троицѣ, о существѣ Бога и объ енергіяхъ Его. Изъ него между прочимъ видно, что Григорасъ обвинялъ Паламу въ многобожїи.

13) Его же третіе слово, направленное противъ сочиненій Григораса и представленное святѣйшему патріарху вселенскому.

Въ немъ содержатся обличеніе хулы Григораса на божественный свѣтъ преобразившагося Господа, и противоположное ей исповѣданіе, что этотъ свѣтъ былъ воистину несозданный и вѣчный.

„Кто изъ насъ Преображеніе называетъ Божествомъ? Мы не о Преображеніи разсуждаемъ, а о томъ: во что преобразился Христосъ. Кто изъ насъ преображеніе Христа на горѣ признаетъ за измѣненіе и пересуществованіе естества божескаго? Ибо во Христѣ преобразилось на горѣ не божеское естество Его, а занятое отъ насъ естество человѣческое, какъ всѣ мы въ церквѣ поемъ единогласно: μετασχημάσας αὐτὴν εἰς τὴν αὐτοῦ τῆς θεότητος δόξαν τε καὶ λαμπρότητα—*премѣнивший. ѿ въ славу и сіяніе божества своего*“. Кто изъ насъ понималъ преображеніе Христова на Оаворѣ, какъ преложеніе человѣческаго естества Христова въ естество божеское? Напротивъ, Творецъ на этой горѣ явилъ первообразную красоту свою въ твари, оставшейся тварію, какъ и это мы воспѣваемъ. Кто изъ насъ говорилъ когда либо, что тѣло Христово измѣнено въ тѣло несозданное, и что оно по природѣ своей было несозданное? Кто изъ насъ уважаетъ мудрованіе нечестивыхъ иконоборцовъ? А Григорась, все то признавъ нашимъ мудрованіемъ, вооружается противъ него, какъ противъ нашего ученія.

14) Его же четвертое слово противъ сочиненій Григораса содержитъ:

„Обличеніе всяческаго хуленія Григораса на божественный свѣтъ преобразенія Господня, и пространнѣйшія доказательства на то, что этотъ воистину несозданный и вѣчный свѣтъ есть не божеское естество, никому никакъ не проявляемое, а сущая у него истинная и наипрѣятнѣйшая красота, по ученію Боговѣщателей, которая и нынѣ открывается, какъ залогъ, только святымъ людямъ, а въ будущемъ вѣкѣ сообщается и созерцается *вѣчно*.“

15) Ἀγιορειτικὸς τόμος—Святогорскій Томъ, написанный Аѳонскими монахами въ защиту священно-безмолвствующихъ для тѣхъ, которые, по своей неопытности и непокорности Святымъ, отри-

даютъ таинственныя энергіи Духа, дѣйствующія въ живущихъ по духу, и проявляющіяся въ дѣлахъ, а не словами доказываемыя. Изложенное въ семь Томѣ ученіе о божественномъ свѣтѣ и благодатномъ озареніи душъ, отражающемся и въ тѣлахъ нашихъ, совершенно согласно съ ученіемъ Паламы. Вотъ заключеніе сего Дѣписанія:

„Это мы узнали изъ Писаній, приняли отъ нашихъ отцовъ, извѣдали своимъ малымъ опытомъ; это же самое увидѣвши и въ сочиненіяхъ честнѣйшаго іеромонаха и брата нашего господина Григорія Паламы, писанныхъ въ защиту священнобезмолвствующихъ, и усвоивши какъ точно-согласное съ преданіями святыхъ, подписали мы въ удостовѣреніе всѣхъ, кому случится читать сіе“.

16) Συνοδικὸς τόμος πρῶτος — Соборный Томъ первый, составленный въ великихъ Соборахъ, отвергшихъ нечестіе Варлаама и Акиндина, въ которыхъ (соборахъ) не только вся Церковь, но и Синклитъ и окружные судьи Ромеевъ οἱ καθολικοὶ τῶν Ῥωμαίων κριταί, присутствовали подъ предсѣдательствомъ божественнаго царя Андроника Палеолога, пока онъ былъ живъ. (1341 г..)

Отмѣчаю начало и содержаніе сего дѣписанія.

Начало:—По истинѣ хвалы достоинъ тотъ, кто сказалъ, что смиреніе постигаетъ истину. Ибо оно знаетъ всему мѣру (предостерегаетъ отъ излишества); съ помощію его мы приобрѣтаемъ миръ съ Богомъ и съ ближними, а такъ же и покой въ настоящемъ вѣкѣ и въ будущемъ, по законоположительному и побудительному гласу Господа: *научитесь отъ мене, яко кротокъ есмь и смиренъ сердцемъ, и обрящете покой душамъ вашимъ.* Оно убѣждаетъ насъ внимать себѣ и Богу.

Содержаніе:—„А Калабриецъ Варлаамъ монахъ, безразсудно и самовольно зыблясь на пучинѣ великомнѣнія о себѣ, и гордясь своею философіею, вооружился противъ выпренняго и истиннаго любомудрія, противъ ученія Духа. Притворившись ученикомъ, онъ нѣкогда коварно пришелъ къ нѣкимъ у насъ монахамъ, которые, провождая житіе безмолвное, и всѣмъ другимъ говоря, радуйтесь, съ однимъ Богомъ бесѣдуютъ, и между ними расчи-

танно присталъ не къ умнѣйшимъ, а къ простѣйшимъ; но и отъ нихъ скоро ушелъ и письменно похулилъ толки ихъ. Услышавъ отъ нихъ, что тѣ, у которыхъ сердца очищены исполненіемъ заповѣдей божіихъ, таинственно и неизглаголанно сподобляются осіяній божественныхъ, Варлаамъ этотъ обвинилъ ихъ въ томъ, что они признаютъ передачу самаго существа Божія, когда же они отвѣчали ему, что передается не существо это, а вѣчная, несозданная и боготворящая благодать Духа, тогда взвелъ на нихъ обвиненіе въ двубожіи, и даже явившись въ Церковь, повѣдалъ это и нашей Мѣрности, винилъ наипаче честнѣйшаго іеромонаха киръ Григорія Паламу, и требовалъ, чтобы всѣ они позваны были въ священный и божественный Соборъ нашъ. Но когда они призваны были, самъ онъ не явился, оправдываясь тѣмъ, что въ Соборѣ не было царя, *) а на самомъ дѣлѣ боясь обличенія. Потомъ Соборъ открытъ былъ въ знаменитомъ храмѣ Премудрости Бога Слова, въ присутствіи царя, его Синклита, и немалаго числа честнѣйшихъ архимандритовъ и игуменовъ, и гражданъ. Введенъ былъ туда и Варлаамъ. Ему предложили высказать и доказать все, что у него есть на умѣ противъ монаховъ, живущихъ въ безмолвіи. Но онъ, оставляя это въ сторонѣ, требовалъ прежде всего разрѣшенія вопросовъ и недоумѣній догматическихъ. Тогда патриархъ повелѣлъ прочитать въ слухъ всѣхъ, присутствовавшихъ въ Соборѣ, священные и божественные *каноны*, которыми воспрещено всѣмъ, кромѣ архіереевъ, разсуждать о догматахъ. (64-е правило шест. вселен. Собора съ изъясненіемъ св. Григорія Богослова, 19-е правило Халкидон. Собора). Затѣмъ были принесены и прочитаны сочиненія Варлаама подъ заглавіемъ, „Противъ Мессалианъ“ (такъ называлъ онъ безмолвниковъ), въ которыхъ онъ выражался о Ѡаворскомъ свѣтѣ, между прочимъ, такъ:

„Свѣтъ, возсіявшій на Ѡаворѣ, не былъ недоступный, не „былъ истинный свѣтъ божества; онъ не только не превосходитъ „ангеловъ, но ниже и самаго мышленія нашего. Всѣ мысли и

*) Тогда онъ находился въ Акарнаніи. Contacuzen. L. II, Cap. 39.

„умствованія наши лучше этого свѣта, который чрезъ воздухъ „доходитъ до нашихъ глазъ, подчиняется силѣ чувствительности „нашей, и зрящимъ показываетъ одни чувственные предметы. по- „тому что и самъ онъ вещественъ и образенъ, является въ про- „страдствѣ и времени, окрашиваетъ воздухъ, и то—сгущается и „является, то разрѣшается и ни вочто обращается, будучи при- „зракомъ, дробью и летучкою. Да и видѣли его люди, еще не „воспріявшіе священныхъ энергій (Духа), еще не очищенные, „не совершенные, и при самомъ видѣніи, какое было на Фаво- „рѣ, еще не сподобившіеся пониманія Боговидѣній. Итакъ тѣ, „которые говорятъ, что оный свѣтъ превосходитъ умъ и есть ис- „тинная существенность, и тому подобное, заблуждаются, и не „зная ничего лучшаго кромѣ видимыхъ красотъ, вводятъ въ Цер- „ковь вредные догматы, какъ нечестивцы“.—Такія разсужденія Варлаама Соборъ призналъ противными вѣщаніямъ св. Отцовъ о Фаворскомъ свѣтѣ; и эти вѣщанія ихъ были прочитаны въ слухъ всѣхъ. (Іоанна Дамаскина: *τῆμερον φωτὸς ἀπροσίτου ἄβυσσος...*

Діонисія Ареопагита: *οὕτως ὁ δεσπότης ὀφιδήσεται τοῖς ἑαυτοῦ τε- λείαις θεράπουσιν, ὃν τρόπον ἐν ὄρει Θαβὼρ τοῖς ἀποστόλοις ὀπτάνεται...*

Св. Андрея Критскаго: *ἐπὶ τὸ ὄρος ἀνάγει τὸ ὑψηλὸν τοὺς μα-θητάς ὁ σωτήρ, τί ποιήσων ἢ τι διδάξων; τὴν ὑπεραστράπτουσαν παράδει- ξων τῆς οἰκείας θεότητος δόξαν τε καὶ λαμπρότητα...*

Св. Григорія Богослова: *Ἦξει μὲν ὡς ὁ ἐμὸς Λόγος, τοιοῦτος δὲ αἶος ὄφθη τοῖς μαθηταῖς, ἢ παρεδείχθη, ὑπερνωώσης τὸ σαρκίον τῆς θεότητος....* Св. Максима, св. Василия Великаго, св. Афанасія Алек-сандрійскаго).—Кромѣ того въ сочиненіяхъ Варлаама указаны бы-ли нападки на особенности (ἔθιμα) безмолвниковъ и на обычную у нихъ, и у всѣхъ христіанъ, молитву, Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя, произносимую съ вдыханіемъ воздуха внутрь себя. По словамъ Варлаама наставникъ этихъ безмолвни-ковъ (Палама), по примѣру Богомиловъ, научилъ ихъ говорить: Господи Іисусе Христе *Сыне Божій*, помилуй мя, а не Господи Іисусе Христе *Боже нашъ* помилуй насъ, какъ говорятъ всѣ хри-стіане, и даже отмѣнилъ *Отче нашъ*, считая эту молитву и всѣ

прочія излишнимъ многоглаголаніемъ. Но все это противно исповѣданію верховнаго ап. Петра и ублаженію его за то Владыкою. Ибо Петръ сказалъ: Ты еси Христосъ Сынъ Бога живаго: а Господь отвѣтилъ ему: блаженъ еси Симоне Варъ Іона, яко плоть и кровь не яви тебѣ, но Отецъ Мой, иже на небѣсахъ. Да и въ символѣ Вѣры мы читаемъ: вѣрую во единаго Бога Отца и въ Сына Божія едиnorodнаго, иже отъ Отца рожденнаго прежде всѣхъ вѣкъ. Итакъ, когда мы говоримъ, „вѣрую въ Сына Божія“, развѣ не Богомъ признаемъ Христа? Вѣщаетъ же объ оной священной молитвѣ и Златоустый и божественный учитель Іоаннъ въ своемъ посланіи къ монашествующимъ: „служите непрестанно Господу Богу вашему, доколѣ помилуетъ васъ, и ничего другаго не просите кромѣ милости отъ Господа славы. Прося же милости, просите ее въ сердцѣ смиренномъ и умиленномъ, и вои́йте отъ утра до вечера и, если можно, во всю ночь: Господи Іисусе Христе Сыне Божій помилуй мя.... Прошу васъ: не удаляйте сердець вашихъ отъ Бога, и ожидайте царствія небеснаго, непрестанно вспоминая Господа нашего Іисуса Христа, доколѣ не укоренится это имя въ сердцѣ вашемъ, и помышляйте только о томъ, какъ бы возвеличился въ васъ Христосъ. Прошу васъ: никогда не опускайте правила (Καύουα) оной молитвы, но, ядите ли вы, или пьете или ходите, или, что дѣлаете, непрестанно взывайте: Господи Іисусе Христе сыне божій помилуй мя.— Далѣе изложены подобныя наставленія св. Діадоха и Василя великаго. Наконецъ прописано слѣдующее рѣшеніе Собора: „Итакъ оказалось, что Варлаамъ неправославно и хульно говорилъ и писалъ о Фаворскомъ божественномъ свѣтѣ и о священной молитвѣ, часто произносимой монахами; монахи же оказались невиновными, такъ какъ они содержатъ преданія и ученія о семь святыхъ Отцовъ: что и исповѣдали они и подтвердили. Поелику же Варлаамъ испросилъ у нихъ прощеніе, то Мы объявляемъ, что если онъ истинно покается и исправится, и никогда не будетъ ни говорить, ни писать о семь, то благо ему будетъ: въ противномъ случаѣ будетъ

отъявленъ (*ἀποκήρυκτος*) и отлученъ отъ святой, соборной и апостольской Церкви Христовой и отъ православнаго единства Христіанъ... Затѣмъ слѣдуютъ подписи: Іоаннъ милостію божіею архіепископъ Константина града Новаго Рима и вселенскій патріархъ. — Смиренный митрополитъ Сардійскій, экзархъ всей Лидіи и всечестный Григорій. Смиренный митрополитъ Лакедемонскій и всечестный Ниль. Митрополитъ Мадитонскій смиренный Исаакъ. — Смиренный митрополитъ Витзіи и всечестный Макарій. — Смиренный митрополитъ Аланіи и Сотиріуполя и всечестный Лаврентій и пр. и проч.

Оскорбленный и униженный Варлаамъ вскорѣ послѣ Собора уѣхалъ въ Италію и тамъ посвященъ былъ въ санъ епископа *). Но въ Греціи остались ученики и послѣдователи его. Изъ нихъ наиболѣе замѣчательный былъ монахъ и богословъ Григорій Акиндиносъ. Онъ подобно Варлааму училъ, что свѣтъ, видѣнный апостолами на Фаворѣ, былъ сотворенный, и что въ Богѣ существо его, свойства и дѣйствія различаются между собою только нашимъ разсудкомъ, а въ дѣйствительности составляютъ одно и тоже божественное естество. Соперникъ же его Палама въ своихъ сочиненіяхъ изъяснялъ и утверждалъ ту мысль, что существо божіе имѣетъ такъ сказать двѣ стороны, одну недоступную для человѣческаго пониманія, а другую доступную: первая есть существо Бога, а вторая свойства Его. По этому не допуская, что Фаворскій свѣтъ былъ проявленіемъ самой сущности божества, онъ утверждалъ, что въ этомъ свѣтѣ видимо проявилась доступная человѣку сторона Божества. Сторону Акиндина принялъ патріархъ Іоаннъ Калекасъ и на Соборѣ въ 1345 году отмѣнили свое прежнее осужденіе Варлаама, а Паламу осудили, какъ неправославнаго, и отлучили отъ Церкви единомышленниковъ его. Но патріархъ этотъ и Акиндинъ недолго торжествовали. Царица сблизилась съ Паламою. и въ февралѣ мѣсяцѣ 1347 года созвала Соборъ изъ приверженныхъ къ Паламѣ епископовъ; и тутъ патріархъ Калекасъ былъ осужденъ и лишенъ

*) Cantacuzen L. II, cap. XX 40.

патріаршества. Дѣяніе этого собора помѣщено въ Маврокорда-
товой рукописи. Вотъ начало и содержаніе его:

Начало: „Поистинѣ существуетъ только одинъ главный стро-
итель разныхъ золь: это-супостать производитель и предстатель
всякаго нечестія. Онъ древле отдаливъ отъ Бога человѣческій
родъ, научилъ его признавать и почитать множество боговъ,
какъ будто одинъ Богъ не могъ спасти человѣка, сіе животное
небесное и земное...

Содержаніе: Варлаамъ называется головщикомъ и защитни-
комъ подновленнаго Аріанства и Савелліанства, и безбожнаго и
многобожнаго сочетанія и разсѣченія Божества, συστολῆς τε καὶ
κατατομῆς τῆς Θεότητος. Онъ многихъ увлекъ за собою, и обвинилъ
въ ереси честнѣйшаго монаха Григорія Паламу. Посему созванъ
былъ Соборъ (1341 г.), который и осудилъ его. Осужденный
Варлаамъ изъявилъ было раскаяніе, но потомъ передумалъ и убѣ-
жалъ тайно, нахлобучивъ на себя, какъ говорятъ, адскій колпакъ
изъ выдры, τὴν ἄδου κυνὴν, ὃ φαίν, ὑποδύς. Вскорѣ послѣ Собора
скончался царь (Андроникъ младшій). Тогда ученики Варлаама
и особенно Акиндинъ снова зашумѣли и увлекли къ себѣ мно-
гихъ. Узналъ это Палама и многократно обличалъ Акиндина.
А этотъ, немогши устоять противъ него, собственноручною рос-
пискою утвердилъ свое точное согласіе во всемъ съ святымъ От-
цами *); но вскорѣ отринулъ и росписку, и подпись своей руки,
и опять зашумѣлъ. И опять состоялся священнѣй Соборъ въ
присутствіи царя; опять блистательнымъ ключемъ било благо-
честивое ученіе Паламы и единомышленниковъ его. πάλιν ἀνά
ῤῥῆσις περιφανεσάτη τῆς τοῦ Παλαμά καὶ τῶν αὐτῶ συναδόντων ἀσφα-

*) На полѣ Маврокордатовой рукописи другимъ почеркомъ и другими чернилами
написана слѣд. росписка Акиндина:

Τὸ τοῦ Ἀκινδόνου οικειόχειρον γράμμα.

„Ἐπεὶ συνεληλύθαμεν καὶ συνεξήτάσαμεν περὶ τῆς διαφορᾶς, ἧς ἤχαμεν πρὸς ἀλλήλους,
ἐφάνη δὲ χάριτι Χριστοῦ, ὅτι οἱ πατέρες πρὸς ἃ ἤχον τὴν διαφωνίαν, ἐν οἷς λέγουσι καὶ γρά-
φουσι σύμφωνοι εἶναι ἀλλήλοις καὶ τοῖς ἁγίοις. κατῶ συμφωνήσας αὐτοῖς κατὰ πάντα, τὴν παρούσαν
συμφωνίαν εἰς ἀσφάλειαν οικειοχείρως ἔγραψα.

Γρηγόριος ὁ Ἀκινδόνος“.

λοῦς ἐρρεβαίας. Далѣе поясняется: какъ и въ какихъ обстоятельствахъ этотъ Соборъ состоялся.

„Послѣ перваго Собора, подписаннаго патріархомъ Іоанномъ Калекасомъ, не прошли и два мѣсяца, какъ вдругъ въ Константинополѣ явились раздѣленія и смуты по причинѣ коварства и честолюбія нѣкоторыхъ изъ Синклита. Эти сановники вознамѣрились устранить Іоанна Кантакузина отъ опекуинства надъ царскими дѣтми, не смотря на то, что онъ былъ родной братъ и другъ покойнаго государя, и всѣ дѣла велъ хорошо. Къ этой партіи присталъ патріархъ Іоаннъ, и завлекъ и царицу Анну. Все это возмутило священнаго Паламу. Онъ предвидѣлъ имѣющую произойти отсюда пагубу для царства, и не однажды, не дважды, а многократно на единѣ и въ присутствіи многихъ, то самъ одинъ, то съ помощію другихъ благочестивыхъ, велъ надлежащія бесѣды, сегодня о несправедливо обвиняемомъ Кантакузинѣ, завтра о благѣ христоименитаго народа; но когда убѣдился, что патріархъ идетъ противъ него и относится къ нему враждебно, тогда ушелъ изъ Константинополя, и проживалъ въ окрестностяхъ его. А патріархъ началъ покровительствовать Акиндина, и бесѣдовалъ съ нимъ днемъ и ночью; пересчитывая же многихъ сторонниковъ своихъ, кромѣ царицы Анны Палеологини, рѣшился рукоположить Акиндина сперва въ санъ іерея, а потомъ и въ архіерея. Но царица воспрепятствовала, такъ что произошелъ шумный беспорядокъ въ церквѣ, и Акиндина съ безчестіемъ вывели изъ нея и послѣ побоевъ въ оковахъ отправили на галеры. Но онъ убѣжалъ оттуда чрезъ подземельные ходы и трубы. Патріархъ же былъ помилованъ, однако сдѣлался еще хуже, и сочинилъ цѣлую книгу противъ Паламы и монаховъ для передѣлки прежде подписаннаго имъ Соборнаго Тома, εἰς ἀνασχεοῦν τοῦ συνδικτοῦ τόμου. Но когда онъ вознамѣрился рукоположить въ Солунь какого-то единомышленника Акиндинова, тогда царица снова пристыдила его. А онъ въ оправданіе свое представилъ ей оную книгу. Между тѣмъ святѣйшій патріархъ Іерусалимскій Лазарь, и освященные митрополиты и епископы, жившіе внѣ

Царяграда при своихъ церквахъ, съ дозволенія державнаго и святаго царя Иоанна Кантакузина, составили Соборъ и присудили низложить патріарха Иоанна не только за прежнія общевредныя дѣйствія его, но и за общеніе и согласіе съ Акиндиномъ. Тоже самое сдѣлали и проживавшіе въ Цареградѣ въ своихъ кельяхъ митрополиты, Ефесскій, Кизическій, Аланійскій, Хриstopольскій, Апрскій и Лопадійскій, и о своемъ отлученіи патріарха письменно увѣдомили царицу. Послѣ сего она пригласила къ себѣ Паламу, и посовѣтовавшись съ нимъ, созвала Соборъ іерарховъ. Въ этомъ Соборѣ, бывшемъ въ царскихъ палатахъ подъ предсѣдательствомъ ея и сына ея Иоанна Палеолога, присутствовали весь Синклитъ, знатные клирики, архимандриты, игумены и властные граждане. Сперва прочитанъ былъ, въ слухъ всѣхъ, Томъ перваго Собора, содержавшій осужденіе Варлаама. Потомъ процѣдили книгу патріарха Иоанна, которую онъ представилъ царицѣ, и въ которой хитро опровергалъ оный Соборъ, обзывалъ сообщниковъ Паламы многобожниками, и изложилъ слѣдующія анаѣемы:

— Говорящимъ, что слава божества Христова отлична отъ существа Бога, анаѣема.

— Говорящимъ, что божественная благодать хотя и не создана, но отлична отъ существа Бога, анаѣема.

— Говорящимъ, что несозданное Божество видится тѣлесными очами, анаѣема.

— Глупы и слѣпы тѣ, которые, разсуждая о преображеніи Господа нашего Иисуса Христа, говорятъ, что чрезъ него просіявалъ свѣтъ несозданный.

Въ оной патріаршей книгѣ помѣщены были и Акиндиновы сочиненія, въ коихъ Ѡаворскій свѣтъ выставленъ не только созданнымъ, но и ниже естества ангеловъ.

Изслѣдоваши все это дѣло, мы епископы, — съ согласія божественной и мудрой ревнительницы благочестія, боговѣнчанной царицы нашей, и святаго самодержца нашего и царя Кириъ Иоанна Палеолога, всего Синклита, клира, благоговѣйныхъ архи-

мандритовъ и игуменовъ, и многихъ властныхъ гражданъ, мы патриарха, недостодолжно правившаго, отмѣнившаго Тома, который утвердилъ благочестивые догматы, и присоединившагося къ Акиндину и единомышленникамъ его, отлученнымъ отъ соборной и апостольской Церкви, а Паламу и сотрудниковъ его, подвижавшихся за истину и оправданныхъ Соборомъ, отвергшаго, лишаемъ святительскаго сана и священнослуженія, и низлагаемъ, а если не раскается, то и анаѳемъ предаемъ: осуждаемъ же и всѣ сочиненія ихъ, наполненныя всякимъ коварствомъ и нечестіемъ и произведшія междуусобное раздѣленіе: равно и Варлаама и Акиндина и всѣхъ сообщниковъ ихъ, нераскаившихся, отлучаемъ отъ Церкви: а покаившихся приѣмлемъ въ общеніе, и даже священнослуженіе дозволяемъ имъ. Если же кто или мыслить, или говорить, или писать противъ Паламы, то и такового анаѳематствуемъ: а іеромонаха Паламу и другихъ, учащихъ согласно съ благочестіемъ и преданіемъ, почитаемъ защитниками Церкви и помощниками Ей. Мѣсяца февраля Индикта 15 го“.

† Смиранный митрополитъ Кизическій всечестный и Экзархъ всего Еллиспонта Аѳанасій.

† Митрополитъ Филадельфійскій Макарій.

† Митрополитъ всей Аланіи Лаврентій.

† Лазарь милостію Божіею и пр. и пр. патриархъ Іерусалимскій.

† Адрианопольскій Іосифъ. и пр. и пр.

На оборотъ сего Соборнаго Тома подписались Ираклійскій Филоѳей, Солунскій Григорій, Севастійскій Іаковъ, Брусскій Іероѳей, Траянупольскій Герасимъ, Митилинскій Маркіанъ, Эносскій Данилъ, Согдейскій Евсевій, Витзинскій Кириллъ, Готескій Петръ, Гареллонскій Іоанникій, Калліупольскій Іосифъ.

18) Осужденные Акиндиновцы не только не покорились патриарху и Церкви, но однажды составили свой Соборъ въ самомъ Константинополѣ, въ который явились десять епископовъ, а двадцать прислали свои письменныя мнѣнія и рѣшенія, въ коихъ

осудили патріарха, Паламу и его сподвижниковъ. Этотъ патріархъ былъ уже Исидоръ, по прозванію Вухирасъ, прежній епископъ Монемавасійскій (съ 1347 года по 1350). Онъ въ августѣ мѣсяцѣ 1347 года, когда Палама уже былъ архіепископомъ Солунскимъ, соборно осудилъ приверженцевъ Акиндина, именно Ефесскаго митрополита имярекъ, и архіереевъ, Неофита Филиппійскаго и Іосифа Ганскаго. Это Соборное дѣяніе его, цѣликомъ содержащееся въ Маврокордатовой рукописи, подтвердили патріархъ Іерусалимскій Лазарь и двѣнадцать митрополитовъ тѣ же, что и прежде, и въ числѣ ихъ Григорій Палама.

19) Послѣ сего прошли четыре года. Въ Константинополѣ патріаршествовалъ Каллистъ (съ 1350 по 1362.), а въ Солунѣ святительствовалъ тотъ же Григорій Палама. Поелику же Варлаамо-акиндиновщина тогда была еще сильна, такъ что защитниками этой ереси считались самыя видныя личности, именно, даровитый и ученѣйшій историкъ и философъ Григорасъ и вышепомянутые митрополиты Ефесскій и Ганскій; то противъ нихъ созванъ былъ Соборъ, въ которомъ, кромѣ многихъ архіереевъ, присутствовалъ самъ царь Іоаннь Палеологъ.

Еретики сильно защищались, но были осуждены. Составлено было въ августѣ 1351 года соборное дѣяніе, подтверждающее рѣшенія прежнихъ Соборовъ, и осуждающее Варлаамо-акиндиновщину и всѣхъ приверженцевъ ея. И это дѣяніе помѣщено въ Маврокордатовой рукописи. Оно весьма длинно. Для перебѣленія его я нанялъ грамотнаго Лавріота, который и доставилъ его мнѣ уже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1846 года, когда я занимался въ монастырѣ Есфигменскомъ. Смотрите этотъ актъ въ моей статистикѣ Аѳона, гдѣ излагаются толки и мнѣнія святогорцовъ. А я спѣшу сказать нѣсколько словъ объ изложеніи разсмотрѣнныхъ мною Соборныхъ Дѣяніи.

Въ первый разъ въ жизни моей я читалъ такія дѣянія въ Аѳонской лаврѣ. Меня поразило умное изложеніе ихъ. Въ началѣ ихъ всегда ставится философское, или религіозно-нравственное разсужденіе, соотвѣтствующее главному предмету Собор-

наго акта. Потомъ излагается самое дѣло и непременно освѣщается канонами святыхъ вселенскихъ Соборовъ и ученіями святыхъ Отцовъ Церкви. Въ концѣ же прописывается соборное рѣшеніе. Замѣчательно, что въ разсмотрѣнныхъ мною Дѣписаніяхъ подъ Церковію разумѣются соборующіе іерархи и клирики, однако въ союзѣ со всѣми христіанами. Читаешь такіа дѣписанія и понимаешь, что восточные архіереи священствовали не безъ философіи, и что они поучали народъ даже съ судейскаго сѣдалища, а не съ одной каедры церковной. Такъ и быть этому надлежитъ. А у насъ?

Я очень радъ, что мнѣ удалось, и еще болѣе удастся, найти на Аѳонѣ образцы духовно-судебнаго краснорѣчія. Но будемъ ли мы подражать имъ? Замѣнимъ ли гражданскія формы судопроизводства, формы сухія, не цвѣтныя, не поучительныя, изложеніемъ дѣлъ краснорѣчивымъ и назидательнымъ? Не знаю. Впрочемъ время все измѣняетъ. Подождемъ лучшей будущности. А я уже забѣжалъ впередъ ея, держа въ рукахъ образцы судебнаго краснорѣчія іерарховъ восточныхъ. Но обратимся къ твореніямъ Паламы.

Кромѣ тѣхъ писемъ и словъ его, кои содержатся въ рукописи Маврокордата, я нашелъ переплетенныя вмѣстѣ съ печатною греческою Четъминеею „*физическія, богословскія, нравственныя, практическія и очищающія отъ заразы Варлаама Главы*“ сего богослова, всѣхъ 150, и переписалъ ихъ для себя почти всѣ, дабы ближе познакомиться съ умомъ и убѣжденіями Паламы. А здѣсь представляю въ Русскомъ переводѣ только сорокъ три избранныя мною главы.

1. Міръ имѣетъ свое начало. Въ этомъ убѣждаютъ насъ исторія и не очень давнее появленіе наукъ, искусствъ и законодательствъ.

2. Міръ кончится. Ибо что перестаетъ жить по частямъ,

то перестанетъ существовать и въ цѣлости. По пророчествамъ будетъ конецъ міра.

3. Душа міра, движущая звѣзды, не существуетъ.

15. Добываемые чувствами образы суть отраженія тѣлъ. Αἱ κατὰ τὰς αἰσθήσεις ἐγγινόμεναι μορφώσεις εἶναι ἐκτοπώματα σωμάτων.

16. Эти волшебные отпечатки въ чувствахъ составляютъ фантастическій матеріаль души, вновь занимаемый ею отъ чувствъ. Τὰ κατὰ τὰς αἰσθήσεις ἑκμαγεία ταῦτα τὸ τῆς ψυχῆς φανταστικόν, ἐκ τῶν αἰσθήσεων αὐ προσοικειούμενόν ἐστι.

17. А матеріаль этотъ въ разумномъ животномъ служить границею между умомъ и чувствомъ. Умъ, видя и перебирая занятые отъ чувствъ образы, какъ отдѣлившіеся отъ тѣлъ и ставшіе уже безтѣлесными, составляетъ разныя понятія, разсуждая, подбирая аналогіи и строя силлогизмы, многовидно, пристрастно, безстрастно, въ надлежащихъ границахъ (μέσως), окольно и прямодорожно, (πεπλανημένως τε καὶ ἀπλανῶς): а отсюда рождаются въ большомъ количествѣ добро и зло, правыя и неправыя ученія.

21. Наученіе св. Духа есть источникъ истиннаго вѣдѣнія о Богѣ, мірѣ и человѣкѣ.

26. Человѣкъ созданъ по образу Создателя, дабы онъ на Него взиралъ, Его любилъ, Ему одному поклонялся, и вѣрою въ него и стремленіемъ къ нему сохранялъ свою собственную добротность, καλλονήν.

29. Человѣкъ долженъ не только знать Бога, себя самого и свою сановитость, но вѣдать и свою немощь и стараться уврачевать ее. Тотъ умъ, который созналъ свою немощь, понялъ: откуда ему надобно подойти къ спасенію и приблизиться къ свѣту вѣдѣнія и получить мудрость истинную.

30. Всякое разумнословесное естество, ангельское, или человеческое, имѣетъ свою сущность; это-жизнь, посредствомъ которой оно пребываетъ безсмертнымъ.—Но въ насъ заключается не одна эта сущность, не одна эта жизнь, а есть еще и энергія, которая животворитъ соединенное съ нею тѣло. Въ ангелахъ же

жизнь не имѣть такой энергіи, потому что у нихъ нѣтъ землянаго тѣла.

33. У разумнословесной души сущность есть жизнь, но наклонная къ противоположностямъ, т. е. къ злу и благодати. Слѣдовательно душа, по существу своему, ни добра, ни зла, а *только способна* быть доброю, или злою, смотря потому, въ какую сторону она направляется, не невольно, а по своему произволению, которое она получила отъ Создателя.

34. Сущность верховнѣйшаго ума есть благодать. Все въ немъ—благо... Есть въ немъ и бытіе, или лучше Самъ Онъ есть бытіе, потому что бытіе есть благо... Есть въ немъ и мудрость, потому что и она есть благо. и пр.

35. Благодать его есть источникъ благодати, потому что и это есть благо. А такъ какъ умъ есть пресовершенная и всеовершенная благодать, то изъ него, какъ изъ источника, происходитъ не что либо другое, какъ только умъ же—Логосъ.

36. Такъ какъ Слово—Умъ есть благодать, γεννητῶς рождественски происходящая изъ источника Умной благодати, Слово—Умъ же и вообразить нельзя безъ Духа (безъ Любви), то и Духа святаго, отъ Отца сопроисходящаго имѣеть Богъ—Слово, который самъ отъ Бога рожденъ... А Духъ оный есть неизглаголанная любовь онаго Родителя. Ἐκεῖνο δὲ Πνεῦμα ἔρωσ ἐστὶν ἀπόρρητος τοῦ γεννητόρος.

37. Почтимъ единого Бога истиннаго и совершеннаго, не трисоставнаго, да не будетъ, а несложнаго, ἀπλοῦν. Ибо благодать не тройственна. Верховнѣйшая Благодать не есть троица Благостей, а Троица святая и достопоклоняемая, *изъ себя въ себя вливающаяся непроточно, и сама собою ставшая прежде вѣковъ, безпредѣльная, и проч.* ἡ ἀνωτάτη ἀγαθότης ἐστὶν ἐξ αὐτῆς εἰς αὐτήν χωρὴν ἀρρεούσως, καὶ ἐφ' ἑαυτῆς ἐς ὧσα πρὸ αἰῶνων, ἀόριστός τε οὖσα...

38. Разумнословесное естество ангеловъ имѣеть умъ и слово отъ Ума, и любовь ума къ Словоу.

44. Сатана захотѣлъ владычествовать (тогда какъ ангелы

должны служить Создателю своему) по гордости, въ противность волѣ Творца, и оставивъ свой чинъ вмѣстѣ съ возставшими съ нимъ ангелами, справедливо отстраняется отъ животворящаго и осіявающаго Источника, и облекается вѣчнымъ мракомъ.

46. Прародители человѣческаго рода, добровольно уволившіе себя отъ памятованія и созерцанія Бога, и потому преступившіе заповѣдь, и единомыслившіе съ мертвеннымъ духомъ сатаны, и сами, бывъ лишены свѣтлозарныхъ одеждъ, сотканныхъ изъ вышняго свѣта, увы, сдѣлались мертвыми духомъ, какъ сатана. А такъ какъ Сатана есть духъ не только мертвенный, но и мертвящій приближающихся къ нему, а эти приближающіеся имѣли тѣло, чрезъ которое мертвящій совѣтъ сатаны перешелъ въ дѣло; то прародители, увы, и тѣламъ своимъ передали мертвенность.

50) Но для чего Богъ отсрочилъ смерть первому человѣку и благословилъ его жить немалое время? Вопервыхъ, онъ показалъ, что наказываетъ милостиво, дабы не отчаявались; во вторыхъ, далъ время для покаянія и благоугожденія Ему; въ третьихъ, для утоленія печали при мысли о смерти умножалъ роды, такъ что число рождающихся превышало число умирающихъ, и вмѣсто одной красоты обнищавшаго Адама произвелъ многихъ, богатыхъ богдвѣдѣніемъ и добродѣтелию, и знаніемъ и благоволеніемъ божескимъ. Свидѣтели тому Сиѡвъ, Еносъ, Енохъ... и проч.

56. Статейка о воплощеніи Сына Божія.

57. Ежели приблизилось къ намъ царство Божіе снисхожденіемъ къ намъ Бога-Слова; то да не удалимся мы отъ него: напротивъ приобрѣтемъ дѣла покаянія... и пр.

58. Любовь къ Богу бываетъ, когда отсутствуютъ страсти и присутствуютъ добродѣтели.

64. Если мы понынѣ имѣемъ въ себѣ образъ божій, какъ и ангелы, то подобія Божія несравненно менѣе въ насъ, чѣмъ въ добрыхъ ангелахъ и наипаче нынѣ. Ибо усовершенствованіе по подобію Божію бываетъ только посредствомъ божественнаго озаренія отъ Бога...

65. Такое озареніе—не создано; но и не существо божіе—оно. Единомышленники же Варлаама и Акиндина признают оное или твореніемъ, или существомъ Бога, и такимъ образомъ богохульствуютъ.

66. Сіе то божественное озареніе, котораго мы лишились преступленіемъ Адама, явлено было на Оаворѣ, дабы мы знали: чѣмъ мы были и чѣмъ будемъ.

67) Такое озареніе имѣлъ и Адамъ до паденія.

68) Никогда не говорятъ, что божескихъ пресущественностей много: Божія пресущественность—едина. А божественная и несозданная благодать и энергія Бога, удѣляемая безъ ущерба *μερισμένη ἀμερίσως*, на подобіе солнечнаго луча, придаетъ озаряемымъ свое собственное сіяніе. (Далѣе несозданность силъ и энергій Духа святаго подтверждается словами св. Василія великаго).

69. Божественное и боготворящее озареніе (*ἐλλαμψις*) и благодать есть энергія Бога, а не существо Его.

70) Пророкъ Исаія изрекъ, что такихъ божественныхъ энергій—семь: Духъ премудрости и разума, Духъ совѣта и крѣпости, Духъ вѣдѣнія и благочестія, Духъ страха божія (гл. 11, 9). Эти семь духовъ Варлаамисты и Акиндиновцы признаютъ сотворенными.

73) Акиндиновцы утверждаютъ, что одно существо Божіе не создано, и что все прочее сотворено, и такимъ образомъ тварію дѣлаютъ и Отца и Сына и св. Духа... Твореніе есть не энергія Бога, а то, что произведено и окончено ею.

74. Божественное существо и божественная энергія вездѣ находятся нераздѣльно: а въ насъ созданныхъ вмѣщается лишь одна энергія Бога, такъ какъ она, по мнѣнію богослововъ, дѣлится безъ ущерба. Св. Іоаннъ Златоустый вѣщаетъ такъ: „вмѣстима въ каждомъ изъ насъ божественная благодать и энергія; а существо Бога какъ бы вмѣстилось въ тваряхъ, когда оно недѣлимо само въ себѣ“?

75) Праведники, удостоившіеся единенія съ Духомъ божіимъ, не съ существомъ Его соединяются, а съ энергіею Его.

„Духоносныя души, по учению св. Василия великаго, озаренныя отъ Духа, сами становятся духовными, и другимъ сообщаютъ благодать: отсюда предвидѣніе будущаго, разумѣніе тайнъ, раздѣленіе дарованій, неземное жительство и пр.

78) Богъ есть зачатіе всѣхъ бытій, такъ какъ всѣ они приобщаются къ нему и приобщеніемъ къ нему поддерживаются, но приобщеніемъ не къ существу его, да не будетъ, а къ энергій Его. Въ этомъ смыслѣ Онъ есть существенность, или осуществленіе существъ. Ἐστὶ δὲ καὶ λέγεται φύσις τῶν ὄντων πάντων ὁ θεός, ὡς αὐτοῦ πάντων μετεχόντων καὶ τῇ μετέξει τούτου συνεσώτων, οὐ τῇ μετέξει τῆς αὐτοῦ φύσεως, ἅπαρτε, ἀλλὰ τῇ μετέξει τῆς αὐτοῦ ἐνεργείας. Οὕτω γὰρ καὶ ὄντοτης ἐστὶ τῶν ὄντων.

79) Единъ есть Богъ. Существо его непостижимо, а божественныя Энергіи его, проявляющіяся въ тваряхъ, постижимы. Эти энергіи суть предвѣдѣющее хотѣніе его касательно насъ, мудрость, безпредѣльное могущество Его и благодать. — Варлаамъ и Акиндинъ, слыша это, винятъ насъ, будто мы признаемъ многихъ боговъ и многое несозданное, и Бога дѣлаемъ сложнымъ. Но они не знаютъ, какъ Богъ нераздѣльно раздѣляется и дѣлимый совокупляется; и потому въ немъ нѣтъ ни множественности, ни сложности.

83) „Въ тваряхъ проявляется мудрость, творчество и могущество, но не существо Бога“: говоритъ великій Василій, отвѣчая Евномію. А такъ какъ Варлаамиты и Акиндиновцы утверждаютъ, что ничѣмъ не различаются божественное существо и божественная Энергія, то явно, они суть Евноміане.

90. По словамъ Максима: творческому предумышленію Бога о существахъ соотвѣтствуютъ преемственныя проявленія ихъ. А общія Тримпостасной Единицѣ энергіи суть, зиждительство, провидѣніе и благодать, или осуществованія, оживотворенія, умудренія, кои называются и преподаваніями свободными и неистощимыми. Τὴν ποιητήην τῶν ὄντων πρόνοιαν, τὰς προόδους ταῦτας τοῦ θεοῦ, γράφει (Μαξιμος) ἐν σχολίοις. Κοινὰ δὲ εἰσι τῆς τρισυποστάτου διακεκριμένης Ἐνάδος αἱ δημιουργίαι, προνοίαι τε καὶ ἀγαθότητες, τούτεστιν,

αὶ ὀψιῶσεις, αὶ ζωώσεις, αὶ σοφοποιήσεις, ἅς καὶ ἀσχέτους μεταδώσεις καὶ ἀμειώτους ὀνομάζουσι.

92) Какъ солнце, нестошимо сообщающее теплоту и свѣтъ воспріемлющимъ ихъ, въ себѣ заключаетъ эти природныя ему и существенныя энергіи: такъ и оныя божественныя преподаванія, нестошимо существующія въ Преподающемъ ихъ суть естественныя и существенныя энергіи Его и слѣдовательно несозданныя.

93). Какъ лица наши отражаются и видятся не во всѣхъ веществахъ, а только въ гладкихъ и прозрачныхъ: такъ и энергія Духа дѣйствуетъ не во всѣхъ душахъ, а только въ тѣхъ, кои не имѣютъ никакой кривизны и узловатости. И опять: Духъ святой всѣмъ присуецъ, но силу свою даетъ только чистымъ отъ страстей, а не тѣмъ, у кого владычица (душа) загрязнена грѣховностію.

95) Предтеча Христовъ говоритъ: „не въ мѣру данъ Христу духъ отъ Бога Отца“. А Златоустый вѣщаетъ, что духъ этотъ есть энергія. Ибо всѣ мы получаемъ энергію духа отмѣренную, а Христосъ имѣетъ всю энергію неизмѣримую и цѣлую. А если неизмѣрима энергія Его, то кольми паче существованность Его. Измѣримостью Ея Креститель выразилъ несозданность Ея.

96. Далѣе слѣдуютъ краткія, но обуюдоустрыя опроверженія, въ видѣ силлогизмовъ, лжеученія Акиндиновцовъ, будто существо и энергія Бога ничѣмъ не различаются между собою. Вотъ образчики этихъ силлогизмовъ:

— „Ежели энергіи Бога ничѣмъ не отличаются отъ существа Его, а энергій много; то и существъ въ Богѣ много: чего еще никто и не воображалъ“.

— „Ежели энергія есть тоже, что и существо Бога, то она Сына и св. Духа *творитъ*, ибо ей свойственно *творить*. А ежели существо и энергія отличны, то Отецъ, Сынъ и св. Духъ, имѣя одно существо, не творятся, а одинъ рождается, другой же *исходитъ*“.

— „Ежели существо и энергія—одно и тоже, то Богу такъ же необходимо дѣйствовать съ энергіею, какъ и существовать: а если такъ, то тварь будетъ совѣчна Богу, отъ вѣчности дѣйствующему съ энергіею: А такое мудрованіе будетъ Еллинское“.

— „Ежели существо и энергія—одно и тоже; то даже до нынѣ Богъ рождаетъ, даже до нынѣ Духъ исходитъ изъ него“.

105. *Мы причастники Божества.* Подъ божествомъ тутъ богословы разумѣютъ божественную энергію.

Энергіи Бога, по ученію Василія великаго, въ насъ входятъ, существо же Его пребываетъ неприступно“.

„Энергія, по Дамаскину, есть дѣятельное и существенное движеніе Божества.

143. Св. Кирилль, разсуждая о Богѣ, говоритъ: „Энергіи свойственно творить, а естеству рождать. Естество же и энергія—не одно и тоже“.

146. Господь, сказавъ ученикамъ своимъ, что нѣкоторые изъ предстоящихъ не вкусятъ смерти, пока не увидятъ царствіе божіе, пришедшее въ силѣ, спустя шесть дней, взялъ съ собою Петра, Іакова и Іоанна, и возшелъ на гору Фаворскую. Тамъ онъ возсіялъ, какъ солнце, и одежды Его сдѣлались бѣлы, какъ свѣтъ, такъ что ученики Его не могли смотрѣть и приникли къ землѣ. Однако они, по обѣщанію Спасителя, видѣли тамъ царствіе Божіе. Оный божественный и неизрѣченный свѣтъ Григорій Богословъ и Василій великій называютъ божествомъ, говоря: свѣтъ на Фаворѣ: это—явленное ученикамъ божество и красота Сильнаго (Бога), одними святыми зрямая съ помощію силы св. Духа. Василій и въ другомъ мѣстѣ говоритъ: „видѣли на горѣ и красоту Его Петръ и сыны громавы, превосходящую сіяніе солнца, и предзнаменованіе втораго пришествія его сподобились узрѣть тѣлесными очами. И Дамаскинъ и Златоустый Іоаннъ оный свѣтъ назвали лучемъ божества: Первый писалъ: „Въ Сынѣ, безначально рожденномъ отъ Отца, явился естественный лучъ божества, и слава божества сдѣлалась славою тѣла. Златоустый

же вѣщаль: свѣтлѣ себя показался Господь на горѣ, когда божество показало въ немъ лучи свои.

149. Акиндиновцы, ухищряясь прикрыть свое неправомыслие, иногда и несозданнымъ называютъ свѣтъ, возсіявшій на Таворѣ, и сущностию Бога. Но они заблуждаются. Ибо ежели оный свѣтъ видѣнъ былъ апостолами, то значить они видѣли и сущность Бога. Но пусть они послушаютъ глаголющаго: „οὐδείς ἑώρα ἐν ὀπότηματι καὶ οὐσίᾳ θεοῦ—никто не устанавливался въ Упостаси и существѣ Бога, и никто не видалъ и не изрѣкалъ божественнаго естества, и не только никто изъ людей, но даже ни одинъ ангель. Сами шестокрылатые херувимы не могутъ видѣть сіянія, исходящаго изъ существа Божія, *но крылами закрываютъ лица свои*“.

Теперь я знакомъ съ Паламою, хотя и неполнѣ, потому что не видалъ прочихъ сочиненій и наипаче проповѣдей Его. Умъ у него высprenнѣй, сильный, тонкѣй, аналитическѣй, а рѣчь обработанная философски, и потому дающая точныя понятія объ изрѣкаемыхъ предметахъ. Замѣчательны насмѣшки этого святаго мужа надъ противниками его. Еретикъ Варлаамъ, по словамъ его, скорымъ шагомъ обходитъ богоносныхъ отцовъ, какъ неизвѣстныхъ, а Сократистовъ и Платонистовъ рисуешь, какъ боговидцовъ, *потому что у него что-то заболѣло. Дилектика его сдунется какъ пушокъ*. Послѣдователь Варлаама Григорасъ не жаловалъ Паламу. Извѣстна (печатная) сатира его, которой начало я помню хорошо:

Σπουδῆ Πалаμᾶν εὐσεβῆς πᾶς φευγέτω.

Οὐδὲν γὰρ ὀχνεῖ δυσεβῆς παρεισάγειν.

Кто благочестивъ, да бѣжитъ поскорѣй отъ Паламы.

Онъ не лѣнивъ на безбожныя выдумки.

Но и Палама не щадилъ Григораса. По словамъ его, Григорасъ есть мудрецъ, но пустынкѣй, σοφὸς κολφός. Онъ, какъ сова, любящая мракъ, отдалъ мозги свои демону и во мракѣ неправды сочиняетъ всякую ложь. Онъ подобно желѣзу, сверкающему нѣ-

сколько минутъ и потомъ чернѣющему, блеснетъ разсужденіемъ, и опять становится *урожденнымъ* невѣждою. Умъ Григораса ползаетъ по землѣ. Онъ—муравей, подвязавшій себѣ крылья и полетѣвшій воевать съ Богомъ, но вскорѣ упавшій и разбившійся.

Въ Соборномъ Дѣписаніи 1347 года, которое,—смѣю думать,—составлялъ Палама, о Варлаамѣ сказано, что онъ тайкомъ убѣжалъ изъ Константинополя, нахлобучивъ на себя *адскій колпакъ изъ шкуры выдры*. Хороша картина! Хоть куда!—Но можно ли оправдать такія порицанія? Приличны ли онѣ христіанину, монаху, собору іерарховъ? Оправдываю ихъ и признаю приличными, зная, что онѣ вылились изъ сердца, горячо любившаго и отстаивавшаго истину, и помня, какъ Іисусъ Христосъ обозвалъ Петра сатаною и соблазномъ, (Матѣ. 16, 23) Фарисеевъ порожденіемъ ехидны, Ирода тетрарха лисицею. Да и здравая философія подсказываетъ мнѣ: *Suum cuique*: всякое существо должно быть оцѣниваемо смотря по внутреннимъ качествамъ его. Напримѣръ: у тебя въ умѣ нѣтъ ничего божескаго, а все человѣческое: такъ не прогнѣвайся, ежели скажутъ тебѣ: ты, братъ, мудрецъ, но пустыньскій. Ты говоришь, что церковь у тебя въ сердцѣ, тогда какъ ничего церковнаго нѣтъ въ тебѣ: не прогнѣвайся же, когда тебѣ доскажутъ, „а въ головѣ твоей колокольная“! Но перестаю говорить объ этомъ предметѣ, и снова начинаю рѣчь о Паламѣ, или лучше, о современной ему богословской школѣ.

Эта школа не чуждалась философіи Платона и Аристотеля, но и не увлекалась ею, подчиняя разумъ откровенію Божію, изъясненному св. Отцами церкви. Богословы этой школы старались уяснить, что есть Богъ, что дѣется въ немъ самомъ, и какъ онъ дѣйствуетъ на міръ и человѣка. Богъ есть высочайшее всеобъемлющее благо. А такъ какъ всемогущество, мудрость, правда, милость, любовь, суть блага, то и Богъ, какъ всеобъемлющее Благо, всемогущъ, праведенъ, милосердъ, любвеобиленъ. Онъ тріипостасенъ, т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ, или, Умъ, Слово и

Любовь. А существо у нихъ одно, и отъ единого Отца рождень Сынъ, а Духъ св. исходитъ, отъ Сына же и Духа уже никто подобный имъ, или сосущественный, не рождается и не исходитъ, потому что пресвятая Троица *изъ себя въ себя вливается не проточно*: ἐξ αὐτῆς εἰς αὐτὴν χωρὶμένη ἀρρεώσως: Сынъ въ лонѣ Отца пребываетъ, Духъ въ Сынѣ почиваетъ. Посему Троица ни ушестериться, ни умилліониться не можетъ. Существо Божіе непостижимо и никому недоступно, даже ангеламъ и херувимамъ. Но оно имѣетъ свою славу, т. е. окружающій Его свѣтъ божественный и неизрѣченный, и полноту энергій, посредствомъ коихъ сотворенъ и хранится міръ, и человѣкъ святой получаетъ озаренія и дарованія духовныя. Божественныя энергіи подобны лучамъ солнца. Какъ эти всюду льются и не истощаются, такъ и тѣ вѣковѣчно сообщаются и нисколько не уменьшаются. Энергій, а не существо Божіе, суть зачатія всѣхъ бытій. Этимъ устраняется Пантеизмъ. Божественный несозданный свѣтъ, окружающій существо Божіе, возсіялъ на Фаворѣ сквозь тѣло и одежды Христа, и такимъ образомъ послужилъ предзнаменованіемъ того свѣта, въ который праведники облекутся по воскресеніи въ царствѣ небесномъ.

Замѣчательны кристаллизованныя изрѣченія Константинопольской школы, о которой идетъ рѣчь.

— Αἱ κατὰ τὰς αἰσθήσεις ἐγγινόμεναι μορφώσεις εἶναι ἐκτοπώματα, ἐκ μαγεῖα σωμαίων: добываемые чувствами образы суть волшебныя отраженія тѣлъ.

— Πνεῦμα τὸ ἅγιον ἔρωσ ἐστὶν ἀπόρρητος τοῦ γεννήτορος: Духъ святой есть неизглаголанная любовь Родителя.

— Τὴν πρὸς τὸν θεὸν ἀγάπην ἀπουσία παθῶν καὶ περιουσία σιγῆς τῶν ἀρετῶν: любовь къ Богу бываетъ, когда отсутствуютъ страсти и присутствуютъ добродѣтели.

— Ἡ θεῖα χάρις, οὐκ οὐσία, ἀλλ' ἐνέργεια ἐστὶ θεοῦ:—

— Божественная благодать есть енергія Бога, а не сущность Его.

— Ἐστὶ φύσις τῶν ὄντων πάντων ὁ θεός... ὄντότης ἐστὶ τῶν ὄντων: Богъ есть зачатіе всѣхъ бытій... осуществленіе существъ (Смотри выше 78 главу Паламы.)

— Τὸ μὲν ποιεῖν ἐνεργείας' ἐστὶ· φύσεως δὲ γεννᾶν. Φύσις δὲ καὶ ἐνεργεία οὐ ταυτὸν: Энергія свойственно творить, а естеству рождать. Естество и енергія не одно и тоже.

Мнѣ отмѣнно нравится эта brevitas sacra священная краткость Богословія. Припоминаю: какъ любилъ и употреблялъ ее св. Григорій Богословъ. Напримѣръ: *Χριστὸς συγγυβῶς*, διπλοῦς, (т. е. Богъ и человѣкъ). Въ немъ есть *Иное и Иное*, (т. е. иное-естество божеское и иное-человѣческое). А во святой Троицѣ *Иной и Иной* (т. е. Отецъ, Сынъ и Духъ Святой, но не *Иное и Иное*, т. е. существо у нихъ одно, а не иное у одного, и иное у другаго и третьяго).

Люба мнѣ священная краткость Богословія, но возлюбленнѣе simplicitas sancta святая простота нашего Символа Вѣры. Этотъ Символь есть насущный хлѣбъ души, безъ котораго она не можетъ жить вѣчноблаженно, а Богословіе есть *велие утѣшеніе на братской трапезѣ*, безъ котораго можно обойтись, какъ обходятся милліоны неграмотныхъ людей.

Хорошіе прибитки знанія получилъ я въ библиотекѣ Аѳонской лавры. Тутъ приглянулась мнѣ еще одна рукопись, подаренная этой лаврѣ Аѳоно-Есфигменскимъ игуменомъ Θεодоритомъ въ 1813 году, а составленная монахомъ Кесаріемъ Дапѳнте, который скончался въ 1784 году въ монастырѣ Аѳоноксироцотамскомъ, какъ все это замѣчено въ началѣ этой рукописи. Въ ней содержатся слѣдующія статьи:

1) Толкованіе Псалтири съ псалма 109 по 119-й, составленное іеромонахомъ Пантелеймономъ Хіосцемъ, спасавшимся въ новомъ Кармилѣ, смежномъ съ описаннымъ мною Керасійскимъ Скитомъ.

2) Краткія Житія св. мучениковъ, пострадавшихъ послѣ взятія Константинополя Турками въ разные годы, начиная съ 1520-го по 1748-й. Въ числѣ ихъ къ лику свя-

тыхъ причтены три соотечественника наши, именно Павелъ, плѣненный и проданный Татарами въ Цареградѣ, и тутъ пострадавшій за Христа 3 апрѣля 1683 года, Пахомій, подвизавшійся на Аѳонѣ въ скитѣ Кавсокаливскомъ и замученный 7 мая 1730 года въ мѣстечкѣ Усаки Филadelphійской епархіи, Константіи іеромонахъ, служившій при русскомъ посольствѣ въ Константинополѣ, и послѣ крупной размолвки съ нашимъ посланникомъ потурчившійся, но вскорѣ раскаявшійся, и усѣченный мечемъ предъ Султанскимъ дворцомъ въ Бешикташи въ 1743 году—

3) Стефана Александрійца вселенскаго учителя и философа о томъ, какъ надобно дѣлать золото, *περί χρυσοποιίας*. Въ сожалѣнію, въ рукописи Дапonte помѣщено только предисловіе къ этой статьѣ, недописанной, неизвѣстно, по какой причинѣ. Изъ него видно, что оный Стефанъ былъ христіанинъ, *εἰσάγων ἐν ἑαυτῷ τὸ θεῖον ἐκ τῆς χάριτος τοῦ κυρίου ἡμῶν Ἰησοῦ Χριστοῦ, καὶ ἐκ τῆς ἐπινοίας τοῦ ἁγίου πνεύματος*. Такъ онъ изложилъ вѣру свою въ первыхъ строкахъ своего сочиненія, и потомъ превознесъ похвалами естество или природу, φύσιν. Напримѣръ:—

Ἡ φύσις, μία καὶ ἡ αὐτὴ, ἐξ αὐτῆς τὸ πᾶν φέρουσα, καὶ ἀποπληροῦσα. Ἡ ἐνωσις πληθυνομένη καὶ διάκρισις ἡνωμένη. Ἡ αὐτὴ, καὶ οὐκ ἄλλη φύσις, ἐξ αὐτῆς τὸ πᾶν ἀποσώζουσα. κ. т. л.

„О природа, одна и таже, изъ себя все износящая и пополняющая.

„О единство помножаемое и дробленіе соединяемое.

„О сáмостная, а не другая, Природа, собою все сохраняющая и проч.

Τί εἶπω πρὸς σέ περιεχτικὴ μαγνησία ἤδη; τίς μὴ θαυμάσῃ τὸ ἐκ σοῦ ἀποτελούμενον χρυσοκόραλον; ἐκ σοῦ γὰρ τελεσιουργεῖται μυστήριον. σὺ τεθάρρησαι μόνη τῆς τοιαύτης τὴν γνώσιν. Ἐν σοὶ ἐφήπλωται ἡ ἀνατολικὴ αὐτὴ περιλάμπουσα νεφέλη· ὁμοδαίτον φέρεις ἐν σοὶ τὴν πολύμορφον τῆς Ἀφροδίτης εἰκόνα, δινόχοον δὲ πάλιν τὸν διακονοῦντα τὸν πυρίβολον ἀνδραχομάτην· τοσαύτην οὖν περιφέρουσα τὴν τηλαυγίαν, νυμφικῶς ἑαυτὴν περικαλύπτεις, τὸ εὐαγὸν τῆς φύσεως ἀναλαμβάνεις μυστήριον. Δεῖξον λοιπὸν

καὶ τοῦ σου χαρακτῆρος τὴν λαμπρότητα. Ἄρξομαι τὰς πολυμόρφους ἐκείνας μὴνύειν εἰκόνας. τότε γὰρ σὺ.

„Что скажу тебѣ, содержательная магниси́я? Кто не удивится златокора́лу, изъ тебѣ выдѣлываемому? Изъ тебѣ выработывается тайна. Ты одна ободри вѣдѣніе *природы*. Въ тебѣ развернуто восточное блистающее облако оное; ты носишь въ себѣ похожій, многообразный, образъ Афродиты, да и вионаливателя, приготавлиющаго огнеметный порошокъ. Толикое убо носящая сіяніе, ты, подобно невѣстѣ, закрываешь себя самую и воспріемлешь священную тайну природы. Яви же свѣтлость лица твоего! Я начну показывать оныя многообразныя образы. Ибо тогда ты. (Тутъ конецъ этой статьѣ). Признаюсь, что я ничего тутъ не понимаю. Не при мнѣ писана вся эта химія вселенскаго учителя и философа Стефана Александрійца. Пусть хими́сты скажутъ: что такое магниси́я, магнитъ, или магнезія? Какой златокораль выдѣлывается изъ магниси́и, и что это за восточное облако, которое развертывается въ ней. Магнитный ли фантомъ образующійся изъ опилокъ желѣза, вокругъ магнита, въ видѣ круговъ? Или что либо другое? Магнезія бѣлизною своею дѣйствительно походитъ на бѣлую Афродиту, или Венеру, родившуюся изъ пѣны морской; но какъ она носить въ себѣ виночерпія, готовящаго угольный порошокъ, метающій огонь: это непостижимо для меня. Не знаю и ничего тутъ не разумѣю. И не удивительно! Вѣдь, я не вселенскій учитель, не философъ, и не алхимикъ. Философскаго камня не ищу, и выше золота цѣню старинныя рукописи, и въ числѣ ихъ Дапонтіеву, которая кромѣ указанныхъ статей содержитъ слѣдующія:

4) Повѣствованіе объ александрійскомъ патріархѣ Іоакимѣ, выпившемъ ядъ невредимо, къ удивленію понудившаго его къ тому правителя Египта.

5) Житіе благочестивѣйшаго царя греческаго Іоанна Кантакузина, составленное врачомъ Іоанномъ Комнинымъ въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1699 года.

6.) Письма 1) Александрійскихъ патріарховъ Пареенія къ

нашимъ царямъ Иоанну и Петру Алексѣевичамъ, къ сестрѣ ихъ Софіи и къ патріарху Іоакиму въ 1683 и 4 годахъ, и Герасима къ Петру великому и къ супругѣ его Натальѣ Кирилловнѣ въ 1692 году, 2) Халкидонскаго митрополита Гавріила къ тѣмъ же царямъ, къ Натальѣ Кирилловнѣ и къ патріарху Адріану, 3) письма тѣхъ же царей и того же Адріана къ вселенскому патріарху Діонисію въ 1694 году, и 4) отвѣтъ сего Діонисія нашему Адріану въ 1695 году. Вся эта переписка перебѣлена мною и помѣщена въ числѣ матеріаловъ, собираемыхъ мною для исторіи христіанскаго Востока, въ которой будутъ имѣть свое мѣсто сказанія о сношеніяхъ всѣхъ восточныхъ Церквей съ Церковію російскою. Здѣсь же я помѣщаю только то, что въ письмахъ вышепомянутаго Парѣенія говорится о нашемъ патріархѣ Никонѣ, и о пропажѣ соборей сего патріарха въ нашемъ Константинопольскомъ посольствѣ.

„Блаженной памяти царь Θεодоръ Алексѣевичъ чрезъ своего посланника при Оттоманской Портѣ дьяка Прокопія Богдановича Возницына послалъ Парѣенію два письма, изъ которыхъ въ одномъ выразилъ свою любовь къ нему, а въ другомъ просилъ прощенія патріарху Никону. Парѣеній чрезъ посредство того же посланника отвѣчалъ Его царскому Величеству, и препослалъ испрашиваемое прощеніе. Δύο βασιλοπρεπεῖς ἐπιστολάς τοῦ ἐν μακαρίᾳ τῇ μνήμῃ αἰοδίμου μεγάλου βασιλέως καὶ αὐτοκράτορος Κυρίου Θεοδώρου Αλεξιοβίτζου περιχαρῶς ἐδεξάμεθα διὰ τοῦ μεγάλου πρέσβευος τῆς μεγίστης ὁμῶν αὐτοκρατορίας Διάκου Προκοπίου υἱοῦ Μπογδάνου Βολνητζίου, τὴν μίαν μὲν σαφηνίζουσαν τὴν ἀγάπην, τὴν δ' ἑτέραν—τὴν συγχώρησιν τοῦ μακαρίτου Νίκωνος πατριάρχου, δι' οὗ καὶ ἡμεῖς τῇ μεγίστῃ ἔχαινον βασιλείᾳ τὰς ἀποκρίσεις, καὶ τὴν συγχώρησιν παρεπέμφαμεν μετὰ καὶ πατριαρχικῶν εὐχῶν τε καὶ εὐλογιῶν.“ (Изъ письма къ Софіи.) При письмахъ царя Θεодора Алексѣевича препровождены были къ Парѣенію четыре сорока соборей. Но вмѣсто четырехъ изъ нашего посольства ему выдали только одно сороко. А цѣна ихъ 220 аслановъ. Но вотъ что горько... *лишится царской милости!*... Бѣдный патріархъ! не получилъ трехъ сороковъ соборей. Ужели

ихъ взялъ нашъ посланникъ и нарядилъ въ нихъ свою жену, или дочь? Не думаю. Скорѣе стянулъ ихъ себѣ упоминаемый въ письмахъ Парѣенія переводчикъ Константинъ Грекъ. Впрочемъ кто ихъ разберетъ! А на страницахъ исторіи цареградскаго посольства остается пятно величиною въ три сорока собольихъ шкуръ. Не изглаживаю его, и спѣшу помѣтить послѣднюю статью Дапонтіевой рукописи: Это—

7.) Седмь грамматъ на греческомъ языкѣ, данныхъ Аѳеонскіропотамскому монастырю Молдовлахійскими митрополитами Іаковомъ и Филаретомъ, Господаремъ Молдо-Влахіи Григоріемъ Гикою, боярами его, и вселенскимъ патріархомъ Серафимомъ, въ 1759 и 1760 годахъ.

Но вотъ еще небольшое рукописаніе, знакомящее насъ съ законами и хозяйственнымъ бытомъ Аѳеонскихъ монаховъ, которые живутъ не въ монастыряхъ, а въ келліяхъ, врозсыпь построенныхъ въ Карей и на поземельныхъ участкахъ каждой обители. Это уставъ продажи такихъ келлій охотникамъ, продажная запись и списокъ ихъ: *Κατάσχυον τῶν κελλίων τῆς μεγίστης Λαύρας, ὅπου εὐρίσκονται ἐν ταῖς Καραῖς.*

Уставъ.—Желающіе купить келью идутъ въ монастырь трое вмѣстѣ съ тѣмъ, кто владѣлъ ею, спрашиваютъ ее по заведенному обычаю и покупаютъ на имя трехъ лицъ. Монастырь же беретъ десятую часть отъ того, кто продалъ келью, и половину десятой части отъ того, кто купилъ ее. Купившій получаетъ купчую запись (*ὀμολογίαν*). Если же случится—умреть первое лицо кельи, то монастырь беретъ себѣ первую часть покупной цѣны кельи, и вкладъ на проскомидію и на малый сорокоустъ. Такъ же онъ поступаетъ, когда умретъ и второе лицо. Когда же случится—умреть и третій братъ, тогда монастырь не беретъ полной части его, какъ брали съ первыхъ братій...

Ежели случится—придетъ въ келью иной братъ для сожитія съ хозяиномъ ея, и принесетъ пшеницу, или муку, или масло,

или вино, или иное что снѣдное, и поработаетъ съ нимъ два или три года, или пять лѣтъ, и захочетъ удалиться; то пусть они стакнутся миролюбиво, или по присужденію духовника ихъ, либо проэстовъ монастыря: а то, что принесъ уходяшій братъ при первомъ поступленіи своемъ въ келью, пусть получить назадъ въ цѣлости.

Если же братъ удалится изъ той кельи, въ которой онъ постриженъ былъ, и отъ старца своего, и пойдетъ жить вмѣстѣ съ инымъ братомъ и умереть у него; то прежній старецъ не вправѣ наследовать имущество его; а если онъ взялъ у него что либо безъ позволенія его, то старецъ пусть возьметъ себѣ это что либо. Наслѣдіе воспрещается, потому что братъ, съ которымъ общежительствовалъ покойный, неотмѣнно долженъ сдѣлать ему законенны поминки со всѣмъ послѣдованіемъ Службы.

Если же общежительный братъ убѣжитъ изъ обители, въ которой его постригли, и нарушить обѣты свои, кои онъ далъ Владыкѣ Христу предъ святыми ангелами Его; то игумень долженъ старательно отыскать его и возвратить къ покаянію. А если это не удастся, то убѣжавшій дастъ отвѣтъ Богу въ день судный; ибо великими и страшными угрозами грозятъ намъ божественны каноны, когда мы оставляемъ наше покаяніе.

Кельи же святая Анны и весь этотъ Скитъ не получаютъ купчей изъ монастыря (Лавры), когда кто-либо беретъ тамъ келью, а только отбываютъ барщину (*παρρησία*) монастырю по установленію обычая. Ибо и прочіе скиты, зависящіе отъ другихъ монастырей, отработываютъ барщину въ масличныхъ садахъ, огородахъ, виноградникахъ, орѣшникахъ.

Однако вы, Проестосы, избирайте лучшее и полезное, и какъ пастыри словесныхъ овецъ Господа пасите стадо свое подобно и праведно, со страхомъ Божиимъ, да славимъ Господа во все вѣки.

Таковъ уставъ келліотный: а вотъ и—*Продажная запись и опись*.— „Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1672 года, при Дикѣѣ преподобнѣйшемъ іеромонахѣ и святомъ Еккліасіархѣ господинѣ Пареніи въ святой и царской обители,—нашей величайшей Лаврѣ, и въ

присутствіи священнаго собора нашего, проигуменовъ и старповъ, пришелъ къ намъ преподобнѣйшій монахъ господинъ Рафаиль. и просилъ у насъ келью, которую мы имѣемъ близъ базара, и которая называется Проннъ-Вела (т. е. бывшаго епископа Велласкаго). Мы же зная его, какъ честнаго мужа, вняли прошенію его и отдали ему рѣченную келью на имя трехъ лицъ. Первое лице—самъ господинъ Рафаиль, а второе лице братъ его господинъ Герасимъ, третье же лице господинъ Парбоній. Будутъ же они имѣть и власть улучшать, обрабатывать и приращать эту усадьбу свою, какъ полные хозяева. И никто изъ преемниковъ нашихъ не потревожитъ и не потресетъ ихъ нимало. Но и они да будутъ въ подчиненіи у монастыря, и да отбываютъ барщину, какъ и прочіе. По смерти же оныхъ трехъ лицъ келья опять останется во власти монастыря. Когда же умретъ первое лице, тогда монастырь да возьметъ уплатную часть его, τὸ μερίδιόν σου, и деньги на проскомидію и на одинъ сорокоусть, такъ же и за второе лице: а когда отживетъ лице третье, тогда монастырь возьметъ деньги только на проскомидію и на одинъ сорокоусть, а не уплатную часть его за келью.—Келья же эта имѣетъ двѣ большія бочки (βότλια въ 600 ведеръ вина) и двѣ малыя, и пять кадокъ (παραβότλια) и пр. и пр. и виноградникъ съ орѣшникомъ близъ нашего полворья. Имѣетъ она и священныя принадлежности церкви своей. А цѣна этой кельи 100 грошей.

Всѣ прочіе продажные акты писаны такъ же, какъ и сей, или съ малою разницею; но сущность дѣловая во всѣхъ одинакова.

Списокъ продажныхъ келлій, принадлежащихъ Лаврѣ на Кареѣ—не великъ. Однако мѣсто ему—въ статистикѣ Аѳона; здѣсь же я помѣщаю только вотъ что: Всѣхъ такихъ келлій десять. 1) Самая старинная изъ нихъ 1157 года имѣетъ церковь во имя Живоноснаго Источника. За нею въ списокѣ по старшинству считаются: 2) Архангельская съ 1661 года; 3) Проннъ Веллаская съ 1672 года; 4) Троицкая, прозываемая Профурни съ 1674 глѣта: древле она принадлежала Про-

тату, но Лавра купила ее у него, когда всѣ протатскія келліи проданы были монастырямъ для уплаты долговъ Великой Средины (Μεγάλης Μέσης, т. е. Средоточнаго Управленія Аѳонскаго) 5) Миницева, а нѣкогда Макруди съ 1678 года; 6) Иоанно-Богословская съ 1682 годл; 7) Богородичная, прозываемая Неовіолекіанъ, съ 1692 лѣта; 8) Георгіевская съ 1697 года; 9) Екклісіастиконная близъ подворья Ватопедскаго съ церковію, кладбищемъ, виноградникомъ и проч. съ 1730 лѣта; 10) Келья во имя богодухновеннаго отца нашего Аѳанасія съ 1742 года. Всѣ эти кельи часто переходили отъ однихъ владѣльцовъ къ другимъ. Цѣна всякой новой продажѣ возвышалась иногда вдвое.

Келліотное житіе монаховъ внѣ монастыря не есть новость Аѳонская. Напротивъ оно есть сколокъ съ подобнаго житія первыхъ въ христіанской Церкви отшельниковъ, врозсыщъ спасавшихся въ Египто-Нитрійской пустынѣ. Разница между келліотами Нитрійскими и аѳонскими та, что первые пропитывались рукодѣліемъ, какъ то жатиемъ хлѣба и плетеніемъ пальмовыхъ веревокъ и кошницъ, кои требовались хлѣботорговцами для укладки въ нихъ пшеничнаго зерна, а вторые-садоводствомъ, первые не ходили на барщину, а вторые отбываютъ ее своимъ монастырямъ; у тѣхъ не было келейныхъ церквицъ, а у этихъ почти каждая келья имѣетъ свой храмъ святой.

Кончены мои книжныя занятія въ Лаврѣ.—По окончаніи ихъ навѣстилъ меня любезный Прозостъ, которому поручено было ухаживать и, вѣроятно, присматривать за мною, и объявилъ мнѣ, что моя просьба о выдачѣ мнѣ царскихъ хрисовуловъ, патріаршихъ грамотъ и другихъ дѣписаній изъ лаврскаго архива, была сообщена имъ властнымъ старцамъ, и что они съ обща рѣшили показать ихъ мнѣ, но тогда, когда ихъ уполномочить на это находящійся теперь въ Аѳинахъ достоуважаемый старецъ ихъ Діонисій. Я хотя-нехотя повѣрилъ ему и благодарилъ его за посредничество. А онъ примолвилъ, что отецъ Діонисій потѣшитъ мою любознательность, и что меня *пригласятъ* въ

лавру, какъ только будетъ полученъ отвѣтъ благопріятный. Во мнѣ блеснулъ лучъ надежды.

Надежда моя исполнилась. Дѣйствительно меня пригласили Лавріоты, но уже въ 1846 году. Тогда я 3-го іюня отправился въ лавру и на другой же день по пріѣздѣ туда занялся перепискою всѣхъ актовъ, какіе только были выданы мнѣ изъ архива. Не въ первой бы части путешествія моего по Аѳону, а во второй надлежало мнѣ разглагольствовать объ этомъ архивѣ: но ради единства описанія Лавры и ради округленія сего занимательнаго предмета я рѣшился поговорить о Лаврскихъ дѣписаніяхъ въ настоящей книгѣ своей. Такъ я убождаю себѣ и читателямъ моимъ тѣмъ поваднѣе, что, вѣдь, надобно же по принятому плану, связать историческое начало аѳоно-христіанской лавры съ прошлою языческою судьбою той *Меланійской* мѣстности, на которой она возникла.

Въ составъ дѣписаній лаврскаго архива входятъ хрисовулы царей Греческихъ, Сербскихъ, Россійскихъ, и господарей Балахія и Молдавіи, патріаршія грамоты, дѣла аѳонопротатскаго управленія, дарственныя записи разныхъ лицъ, практиконы, то есть описи подворьевъ и имѣній лавры, и другіе разные юридическіе акты. Самые старшіе изъ нихъ суть; хрисовулъ строителя этой обители царя Никифора Фоки, 964 года, жалующій ей Животворящее Древо и честныя главы свв. Василія великаго и Александра иже въ Пиднѣ, Типиконъ и Завѣщаніе св. Аѳанасія аѳонскаго, и его дарственная запись, 985 года, врученная игумену Аѳоно-Иверской лавры Іоанну. Самые поздніе акты суть хрисовулы нашихъ Государей Алексѣя Михайловича и дѣтей его Іоанна и Петра Алексѣевичей. Такихъ актовъ очень много въ лаврѣ. На одномъ изъ нихъ, выданномъ мнѣ, надписанъ былъ № 40. Но я перечиталъ и переписалъ для себя не болѣе сорока пяти. Однако и за то спасибо Лавріотамъ. Ибо въ рукахъ моихъ оказались самые важныя матеріалы для исторіи Аѳона и самой Лавры. По нимъ я въ свое время напишу объ эти исторіи съ твердою увѣренностію въ ихъ правдивости. А те-

перь признаю неизлишнимъ вызвать тѣнь города Аѳоса, нѣкогда стоявшаго на мѣстности нынѣшней лавры Аѳанасія, объяснить значеніе прозванія ея, Мелана, и перечислить кельи и скиты, находящіеся въ обширномъ околоткѣ ея, кромѣ тѣхъ карейскихъ, которые уже описаны мною выше.

Въ то отдаленное отъ насъ время, когда на Аѳонѣ появились Еллинскія селитвы (1124 г. до Р. Х.) и послѣ, долго-долго на Лаврской мѣстности не было никакого города, потому что тутъ нѣтъ морской пристани. Вся она со всѣмъ Подъаѳоньемъ принадлежала тому городу Акроаѳосу, который находился близъ вершины Аѳона. Но когда этотъ городъ въ первомъ вѣкѣ христіанскомъ погибъ отъ землетрясенія; тогда часть спасшихся жителей его перешла на Стримонскій мысъ Аѳона, и тутъ у подошвы Диѳона основала городъ Аѳосъ. Этотъ городокъ существовалъ во второмъ вѣкѣ христіанскомъ. Тогда зналъ его географъ Птоломей и помѣстилъ его на краю Аѳона: Ἄθως, ἡ Ἄθωσα ἀκρον καὶ πόλις *). Его разумѣлъ и Стефанъ Византійскій, писатель пятаго вѣка христіанскаго, когда говорилъ: „*Есть же и Аѳосъ городъ на Аѳонѣ*: ἔστι δὲ καὶ Ἄθως πόλις ἐπὶ τῷ Ἄθῳ. Его не забылъ и Ермолай, сократитель *книги о городахъ* сего Стефана, жившій въ царствованіе Іустиніана I. (527 — 565 г.). Во второй половинѣ седьмаго вѣка Аѳосъ запустѣлъ отъ погрома Арабскаго. А когда царь Константинъ Погонать, около 680 года, отдалъ весь Аѳонъ монахамъ, тогда во всемъ околоткѣ Аѳоса поселились безмолвники Петръ, Онуфрій, Іосифъ, Евѳимій и многіе другіе; было безмолвище, ἡσυχαστήριον, и близъ развалинъ Аѳоса, и называлось Мелана. Тутъ и Аѳанасій аѳонскій положилъ начало своимъ подвигамъ. Что же значитъ названіе Мелана? и почему оно присвоено было этой мѣстности?

Мелана есть слово Греческое, немножко испорченное простонародьемъ и приказными канцеляріями. Правильно произнести его надлежитъ *Мелена*—Μέλαινα. Мелена же значитъ *Черная*.

*) Смотри мою карту Аѳона при Исторіи сей горы. Часть I.

А такъ какъ Еллины подъ этимъ названіемъ разумѣли то Афродитѹ, то Димитру, и такъ какъ Еллины же обитали и въ городѣ Аѳосѣ, то, значить, и они почитали либо ту, либо другую богиню, и не только ее, но и посвященную ей часть земли, на которой впослѣдствіи возникла Лавра, называли Мелена. Это названіе уцѣлѣло до дней Аѳанасія аѳонскаго и по писцовымъ межевымъ актамъ прилагалось къ его Лаврѣ для точнаго обозначенія ея мѣстности. Но которую изъ двухъ выше помянутыхъ богинь почитали Аѳосцы? И какая была судьба Меланійскаго капища и участка до Аѳанасія и послѣ него? Рѣшаю эти два вопроса, одинъ послѣ другаго.

Большую часть аѳонскихъ Еллиновъ составляли выходцы изъ Пелопонеса. Пришедши на Аѳонъ, они назвали нѣкоторыя мѣстныя рѣчки, города и села именами Пелопонесскими. Представляю нѣсколько примѣровъ этой тезоименитости. Въ пелопонесской Арголидѣ одна рѣка называлась *Хрисорроасъ*: и на Аѳонѣ (по актамъ) извѣстна рѣчка *Хрисоррари*, текущая въ морѣ съ Капсальской высоты мимо монастыря Пандократорскаго. Въ Пелопонесской Елидѣ есть рѣка *Селинусъ*, да деревня *Друва*, близъ города Олимпіи: и на Аѳонѣ въ околоткѣ обители Зографской существовалъ греческій монастырекъ *Селинскій* ранѣе 1046 года, а между монастырями Григоріатскимъ и Діонисіатскимъ высочайшая утесистая мѣстность, съ которой низвергается водопадъ, называется *Друва—нисти*. Въ пелопонесской области Трифиліи былъ городъ *Пирги*: и на аѳонскомъ перешейкѣ находилась селитва *Пиргудія*, нынѣ метохъ монастыря Иверскаго. Тамъ въ Лаконіи существовалъ городъ Карвэ съ знаменитымъ храмомъ Артемиды Карватиссы; и здѣсь извѣстенъ городокъ Карвэ съ храмомъ Богоматери *Достойной*. Тамъ въ Арголидѣ понынѣ видны циклопическія стѣны города Клеонэ, который Омиръ прозвалъ *εὐχτηρέαι*—*благоустроеннымъ*: и здѣсь въ числѣ городовъ считался Клеонэ. Городу Пелопонесской Мессиніи Харарду тезоименитъ былъ на Аѳонѣ городъ Харадриэ на мѣстности обители Ксиропотамской. Итакъ Аѳонъ во время оно былъ

повторенный Пелопонесъ. Пелопонесскія тамъ были и богини, Морфо, о которой я уже говорилъ выше, и Димитра Мелэна, о которой начинаю рѣчь.

Въ Пелопонесской Аркадіи близъ города Фигаліи находилась горная пещера Димитры Черной. Тутъ уединялась эта богиня послѣ похищенія Плутономъ дочери ея Персефоны и, разгнѣванная, попустила быть голоду на землѣ. Узналъ объ этомъ Зевесъ и умилостивилъ ее. Тогда она утѣшила людей урожаемъ всѣхъ плодовъ земныхъ. Въ благодарность за это Фигалійцы въ самой пещерѣ Димитры поставили деревянную статую ея, которая представляла ее сидящею на камнѣ, въ черной одеждѣ, съ лошадиною головою и съ гривой изъ змѣй и разныхъ чудищъ, съ дельфиномъ на рукѣ правой и съ голубемъ въ рукѣ лѣвой. Этой статуѣ поклоняться приходили всѣ жители Аркадіи, часто терпѣвшіе голодъ въ своей гористой и холодной области, и потому сознававшіе скорѣе гнѣвъ Димитры, чѣмъ щедроты ея. Вымоленные у ней урожаи послѣ голодныхъ годовъ усугубляли ихъ благоговѣйное почитаніе сей богини.

Эту самую богиню почитали и жители аѳонскаго города Аѳоса, какъ старые переселенцы изъ Пелопонесской Аркадіи, и какъ насельники такой горы, на которой не родится хлѣбъ, а масличныя и другія дерева портятся отъ холодовъ. Имъ, безхлѣбнымъ и порой лишаемымъ даже плодовъ древесныхъ, всего естественнѣе было прибѣгать съ мольбами къ Димитрѣ Мелэйнѣ, и ее умилостивлять жертвами. Ибо она, а не Афродита Мелэна, признаваема была подательницею изобилія плодовъ земныхъ и *надеждою* людей въ години неурожаевъ. Ей посвященъ былъ Аѳосами участокъ земли; и отъ нея онъ назывался Мелана.

На этомъ участкѣ стояло капище съ статуею Димитры, и стояло до той поры, когда на всемъ Аѳонѣ утвердилось христіанство. (5 вѣк.) Христіане же Аѳосскіе передѣлали его въ церковь, а почитаніе Димитры естественно и благоразумно замѣнили почитаніемъ Богоматери, *Надежды* своей. Когда же Арабы—

Магометане, въ седьмомъ вѣкѣ долго бившіеся съ греками на водахъ Эгейскаго моря за обладаніе Константинополемъ, опустошили всѣ города на Аѳонѣ, и когда греческій царь Константинъ Погонать, по заключеніи мира съ ними, отдалъ всю эту гору монахамъ (676—680.), скитавшимся по разнымъ городамъ во время арабскаго погрома; тогда около оной церкви поселились возвратившіеся неженатые клирики города Аѳоса и другіе монахи, такіе же *исихасты*, то есть безмолвники, какъ и современникъ ихъ Петръ аѳонскій. Главное управленіе ихъ, которое тогда называлось *Каведра Старцовъ*, знало ихъ мѣстность, и въ своихъ спискахъ поземельныхъ участковъ обозначало ее стариннымъ, извѣстнымъ до онаго погрома, названіемъ Мелана, подобно тому, какъ аѳонскій монастырекъ св. Николая, надѣленный имѣніемъ Перигардикійскимъ въ 738 году, прозывало Дафною по имени смежной съ нимъ приморской пристани, которая и въ наши дни называется такъ же Дафна. Въ 830 году всѣ аѳонскіе безмолвища и монастыри этой первой эпохи запусѣли отъ втораго погрома арабскаго. Но скоро (не болѣе, какъ лѣтъ чрезъ 10 или 14) опять тамъ появились монахи. Новое средоточное управленіе ихъ основалось въ Кареѣ. — Въ его вѣдѣніи стояла вся аѳонская гора и на ней мѣстность Мелана. Эту мѣстность, именно подъ этимъ писцово-межевымъ названіемъ, оно указало Аѳанасію аѳонскому для безмолвныхъ подвиговъ его. Стало быть: тутъ было жилье. Дѣйствительно тутъ Аѳанасій подвизался подъ руководствомъ исихаста Исаи. Тутъ же онъ, по просьбѣ греческаго царя Никифора Фоки, построилъ лавру, которая по мѣстности своей постоянно называлась Меланійскою. Когда же онъ еще строилъ ее, тогда продолжался голодъ, начавшійся въ 962 году, какъ это замѣчено въ Византійской лѣтописи Теофана. Этотъ голодъ понудилъ Аѳанасія бѣжать съ Аѳона. Но у вышеописанной мною агіазмы Видѣніе Богоматери остановило его и возвратило назадъ. Въ память сего видѣнія онъ расчистилъ и обстроилъ агіазму, а въ лаврѣ своей возстановилъ изъ развалинъ Аѳосскую церковь Богоматери, которую нѣкогда Аѳосцы пере-

дѣлали изъ капища Димитры. Эта церковь стояла до 1713 года, а въ этотъ годъ съ основаній вновь создана была иждивеніемъ проигумена лавры Юсифа, какъ это видно изъ надписи въ ней.

Такова была судьба города Аѳоса и Меланійскаго капища и урочища его, и такова связь его съ лаврою Аѳанасія. Жители сего города, кромѣ Димитры Мелены, почитали еще Аполлона и Эскулапа. Памятники почитанія ихъ, какъ то мраморные плиты съ выпуклыми изображеніями льва, пожирающаго вола, и языка дракона, о которыхъ я говорилъ выше, сохранились до нашихъ дней, благодаря ближайшему преемнику строителя названной лавры игумену Іоанну, который въ 1060 году вставилъ ихъ въ ротонду водосвятной чаши и внесъ въ ризницу.

Замѣчательна на Аѳонѣ связь языческой мѳеологіи съ христіанствомъ. Безъ этой мѳеологіи нельзя понять Аѳона *многобожнаго* не въ томъ одномъ смыслѣ, что тамъ нѣкогда почитаемы были многіе боги и богини, а и въ томъ, что послѣ чествованія ихъ Аѳонцы начали почитать истиннаго Бога и Матерь Божию.

Одинъ монахъ говорилъ мнѣ, что близъ лавры на горѣ находятся огромные тесаные камни Еллинскихъ времѣнь. Я вѣрилъ ему, потому что отъ Птолемея и Стефана Византійца зналъ о существованіи тутъ Еллинскаго города Аѳоса, но по недостатку драгоценнаго времени не видалъ этихъ обломковъ сѣдой древности аѳонской. Пусть другіе поищутъ, отыщутъ и опишутъ ихъ. А подъ мое перо напрашивается описаніе всѣхъ келлій и ски-товъ, находящихся въ пространномъ околоткѣ лавры.

Пойдемъ по этому околотку съ книгами Барскаго и Макарія Кидоніата, и по руководству ихъ опишемъ все, что они укажутъ намъ и перескажутъ, присовокупивъ и свои замѣтки.

1) *О кельяхъ подлѣ лавры.*

„Вышедши изъ святыхъ воротъ Лавры, тотчасъ видишь на право струйникъ съ сладчайшею водою, и большой кіоскъ, въ

которомъ часто собираются лавріоты, и смотрятъ на Эгейское море и на окрестные острова“. (Кидоніатъ)

„Оттуда сходишь къ *Арсанъ*, т. е. пристани морской. Она устроена въ самомъ морѣ св. Аѳанасіемъ аѳонскимъ съ большимъ искусствомъ и съ многими издержками. Въ ней стоятъ малыя и и великія лодки лавры. Тамъ находятся и два струйника съ отличною водою. Пристань эта защищается крѣпостію, среди которой высится большая башня, сооруженная премудро, и извнѣ подпертая большими устоями. Въ верху этой башни устроена церковь въ память Преображенія Господня, а внѣ ея есть другая церковь во имя св. Григорія Чудотворца Неокесарійскаго. Самая же крѣпость—тверда и неприступна, потому что стѣны ея очень толсты, а войти въ нее можно только по одному висячему деревянному мосту, который когда поднимутъ на ночь, тогда къ крѣпости нѣтъ и подступу. Всѣ, подплывающіе на судахъ къ пристани, ѣдятъ и пьютъ тутъ безмездно насчетъ лавры по за-вѣщанію св. Аѳанасія“. (Кидоніатъ).

„По словамъ Барскаго пристань эта на крутомъ берегу стоитъ съ многими при ней зданіями. Первѣе убо тамо промысломъ Божиимъ естественно холмъ малъ отъ твердаго камня обрѣтается въ самой водѣ морской. Тамо бо далече окрестъ лавры протягаются крутые каменные берега; и волны морскія съ великимъ и ужаснымъ шумомъ въ нихъ бьютъ во время великихъ вѣтровъ наипаче въ зимѣ бывающихъ. Холмъ же есть на подобіе острова, окружаемый водою, точію отъ запада совокупленъ къ землѣ Аѳонской; аще же и зѣло высоко носятся на него волны, но не досязаютъ никогда же на верхъ, ибо есть высокъ, яко на десять сажень отъ воды. Въ верху онаго холма есть каменнозданная бойница (башня) крѣпко на подобіе столпа, и внутрь обрѣтаются двѣ или три пушки (въ 1744 году), ради храненія и сопротивленія варварскаго, древле тамо бываемаго нашествія, нынѣ же иногда употребляются въ привѣтствіе знаменитыхъ гостей. моремъ приплывающихъ; обведенна же есть стѣною каменною, и

внутри имать церкви двѣ, внизу св. Георгія Неокесарійскаго, а въ верху Преображеніе Господне, и нѣсколько келлій, идѣже обитаетъ съ двумя или тремя иноками нарицаемый *Арсенарій*, си есть кораблехранитель: идѣже есть входъ отъ страны западной съ дверями желѣзными чрезъ мостокъ древянъ, верху рва висящъ, иже сводится (поднимается) горѣ во время нужды и покрываетъ врата; и бываетъ мѣсто оное неприступно, якоже и крѣпость градская; идѣже предъ вратами точится источникъ воды на потребу жительствующихъ и странныхъ людей, отъ моря приплывающихъ. Оттуда мало ниже на странѣ полуденной, яко на верженіе камня, суть зданія долга и пространна съ вратами великими, подобными башнямъ градскимъ, въ нихъ же востягаются корабли и ладіи на зиму, егда не мощно по морю плавати. Есть же тамо и ограда крѣпкая отъ страны моря, каменозданна на основаніяхъ твердыхъ и непоколебимыхъ; отъ другой же страны естественный холмъ каменный, сопротивляющійся волнамъ морскимъ; посреди же устье, яко три сажени широты имущее, глубины же двѣ и больше, на подобіе улицы, имъ же входятъ и низходятъ корабли. Внутри же отъ моря входящая вода разливается на подобіе малаго озера, идѣже есть пристанище благоугодное, имущее широты, яко на верженіе камня, такожде и долготы“.

Все это я видѣлъ своими глазами; и скажу, что пушекъ тутъ уже нѣтъ съ 1821 года, и что эта искусственная пристань устроена была еще жителями города Аѳоса, а Аѳанасій аѳонскій только возобновилъ ее.

„*На странѣ западной*, прямо монастыря, яко часъ хожденіемъ отъ него, на высокомъ и неудобопроходимомъ мѣстѣ стоитъ церковь съ кельею, во имя иже во святыхъ отца нашего Григорія Паламы архіепископа Солунскаго созданна, иже тамо въ житіи своемъ скиташеся на безмолвіи въ постѣхъ и бдѣніяхъ.“ (Барскій). Эту церковь построили ученики его. (Кидоніатъ). „Оттуда мало нисходящи путемъ, есть виноградъ монастырскій съ

садовыми древесами и текущими водами, съ келліями и церковію благовѣщенія Пресвятыя Богородицы (Барс.). Это мѣсто называется *Нерофоріонъ* — *Водоносецъ*, потому что оттуда вода въ большомъ количествѣ течетъ въ обширную систерну, и приводитъ въ движеніе три мельницы: а течетъ она по деревяннымъ жолобкамъ, которыхъ насчитывается 800, и изъ которыхъ каждый длиною будетъ въ 4 сажени. (Кидон.).

„Оттуда мало низходящи къ лаврѣ есть храмъ св. священномученика Власія, въ великой и прекрасной густотѣ лѣса стоящъ при источникахъ водныхъ.“ (Барс. и Кидон.)

„Близъ лавры на странѣ полуденной есть храмъ святыхъ архангелъ, лѣпозданъ съ иконописаніемъ, съ кипарисами, древесами садовыми и виноградными, и съ двумя или тремя келліями, на мѣстѣ равномъ и веселомъ, идѣже безмолвствоваше Іоаннъ Кукузель.“ (Барс. Кидон.).

„Оттуда мало къ западу, подъ горою, находится храмъ святыхъ Безсребреникъ Космы и Даміана, съ келією и кипарисами, идѣже святой Аванасій первую себѣ сооружи *Калмву*, егда еще скиташеся прежде созданія лавры. (Барс.) Этотъ храмъ, какъ говорятъ, построенъ былъ въ одинъ день, и въ тотъ же день служили въ немъ литургію. Внѣ его высятся четыре прекраснѣйшіе кипариса, два одесную, и два ошуюю. (Кидон.).

„Оттуда мало къ верху на равнинѣ храмъ малъ святыя Параскевы безъ жилища. Мало ниже его въ вертоградѣ монастырскомъ есть келья и храмъ Благовѣщенія лѣпозданъ, съ различными древесами и текущими водами. (Барс.) Это мѣсто Кидоніатъ назвалъ земнымъ раемъ, и присовокупилъ, что въ тамошнихъ кельяхъ помѣщаются братія-садовники, которые обрабатываютъ сей рай, и что вокругъ его разстилаются большіе и отличные луга (*лиβαδια*), на которыхъ накашивается достаточное для муловъ количество сѣна; а на лугахъ этихъ растутъ масличныя деревья въ большомъ количествѣ“.

„Восходя отъ Арсаны къ лаврѣ съ ближней приморской сто-

роны, встрѣчашь нѣсколько безмолвищъ при водахъ обильныхъ и сладкихъ. Особенно обилень родникъ воды, называемый Давидовъ. (Кидон.)

„Въ удолѣ между краснымъ лѣсомъ, при источникѣ Давидовомъ, съ камени текущемъ, изобильно и зѣло здраву воду имущемъ, новоздася (въ 1744 г.) келья отъ единого безмолвника: готовяхуся же по времени и церковь создати. Вода же *Давидова* проименовася отъ нѣкоего древле съ начала тамо насельшагося Давида пустынножителя. Въ томъже удолѣ низу надъ моремъ есть жилище съ вертоградомъ ивинограднымъ лозіемъ, и нарочно насажденъ садъ померанцовыхъ древесъ ради теплоты мѣста; ибо тамъ снѣгъ въ зимѣ не досязаетъ ради приморія, аще же по случаю жестокихъ зимъ и падаетъ мало, но абіе исчезаетъ отъ дыханія теплоты морской. (Барскій).

Выше водъ Давидовыхъ находится прекраснѣйшее безмолвище съ церковію свв. царей Константина и Елены. (Кидон.)

Отсюда немного далѣе красуется безмолвище съ церковію св. Пророка Іліи. (Кидон.) На мѣстѣ равномъ и веселомъ созданъ есть храмъ съ преддверіемъ св. пророка Іліи, идѣже суть четыре кипариса, одинъ же паче всѣхъ краснѣйшій; келья же еще не бѣше (1744 г.), и никто тамо не жительствоваше, понеже еще бѣше не многолѣтнее“. (Барс.) А въ 1772 году при Макаріи Кидоніатѣ тутъ уже было жилье.

Немного выше Ильинскаго безмолвища стоитъ келья съ церковію трехъ святителей. (Кидон.) Недалеко отъ пути великаго, иже простирается до всѣхъ монастырей страны восточной, есть жилище такожде лѣпотное съ келією и съ храмомъ св. тріехъ святителей. (Барс.)

Отсюда мало выше расположено безмолвище съ церковію св. Предтечи, которую вмѣстѣ съ покоями построилъ самъ Аѳанасій аѳонскій, прежде лавры, для царя Никифора Фоки, желавшаго тутъ омонашиться. Тамъ есть обильный родникъ воды цѣлительной. (Кидон.) Объ этомъ безмолвищѣ упомянулъ Барскій

весьма кратко“. Есть жилище святаго Предтечи лѣпо съ кипарисами, виноградами, съ плодоносными деревьями и съ источникомъ воднымъ“.

Выше Предтеченскаго безмолвища наискось, *πλαγίως*, находится лучшее всѣхъ безмолвище съ церковію св. Іоанна Златоустаго. Его устроилъ и украсилъ своимъ иждивеніемъ блаженной памяти вселенскій патріархъ Кир Діонисій Андросецъ. (Кидон) На высококомъ и веселомъ мѣстѣ, между садовыми деревьями и источниками водными есть церковь св. Іоанна Златоустаго съ лѣпозданными кельями, въ нихъ же безмолвствуютъ всегда знаменитые люди. Созда же вся та отъ основаній бывшій святѣйшій патріархъ Цареградскій Кир Діонисій отъ Андра острова своимъ иждивеніемъ и насади мѣсто оное вертоградами, плодоносными деревьями; отонуду же низу на востокъ зѣло лѣпо зрится аки на длани вся лавра съ окрестными обстояніи, и архипелагъ, или бѣлое море далече съ многими островами. (Барс.)

Немножко ниже Златоустовской кельи есть безмолвище, которое называется Палеомонастиронъ т. е. древній монастырь. (Кидон.) Да благоволятъ будущіе поклонники осмотрѣть это мѣсто, на которомъ, быть можетъ, стоялъ монастырекъ еще въ первую эпоху аѳонскаго монашества, съ 680 года по 830.

Пойдемъ теперь по сѣверовосточному побережью Лаврскаго околотка отъ кладбища до Каракальскаго монастыря, у границъ котораго оканчивается сей околотокъ, и составимъ сказаніе—

2) О кладбищѣ и кельяхъ на этомъ пути.

Близъ лавры, направо отъ торнаго пути, ведущаго къ Каракаллу, расположено кладбище ея съ большою и хорошею церковію свв. апостоловъ Петра и Павла. Оно устроено и снабжено всѣмъ нужнымъ еще Аѳанасіемъ аѳонскимъ. Подъ сводами церкви его помѣщаются кости монаховъ, вынятые изъ могилъ по прошествіи трехъ лѣтъ. А въ каждую пятницу вечеромъ, и утромъ въ каждую субботу поминаются съ коливомъ имена усопшихъ братій и

нѣкоторыхъ христіанъ, и бываетъ литургія. (Кидон.) На кладбищѣ есть нѣсколько келлій; и въ нихъ обитаютъ иноцы, и храмъ не малъ, долу мраморами помощенъ доброзратно; а подъ спудомъ его мѣсто праздно велико, идѣже кости самыя отъ тѣлесъ оставшіяся и главы иноческія сохраняютъ. Внѣ же окрестъ церкви, во имя святыхъ апостолъ Петра и Павла созданной, суть множество кипарисовъ, съ оградю каменною, идѣже есть мѣсто ровно; и тутъ погребаются всѣ вообще иноцы, и черепицу или плинѣу купно въ гробъ полагаютъ, начертавши время, имя и отечество преставльшагося, а отъ гробовъ ихъ, по тріехъ или четырехъ лѣтѣхъ, изъемши ихъ кости по закону святогорскому, омывши главу виномъ, и поминаніе о нихъ сотворши, приносятъ и полагаютъ подъ спудъ церковный, да по времени, аще кого добродѣтельнаго Богъ воззошетъ прославити, явитъ на нихъ нѣкое благоуханіе; и событятся сіе на многихъ. Тамо близъ кладбища довольно течетъ воды даже до вертограда, и дерева орѣховыя суть насажены. (Барс.)

Идучи отъ кладбища съ часъ времени, восходишь на большой мостъ надъ рѣкою, текущею изъ-подъ Аэона, и тутъ видишь церковь св. Георгія. Оба эти строенія стоятъ подлѣ моря; а созданы они Велласкимъ епископомъ Парѣніемъ; и потому мѣсто это называется Велласъ. (Кидон.) Отъ лавры на страну сѣверовосточную шествующи, яко полчасы, есть мѣсто на брежѣ моря, нарицаемое Веласъ, идѣже есть мостъ каменнозданъ крѣпко и лѣпо веру единаго широкаго и высокаго круга, подъ его же сквозѣ съ высоты горъ текущи рѣка мала, абіе впадаетъ въ море, яже лѣтомъ мелка есть и кромѣ моста преходится, въ зимѣ же хладна отъ снѣговъ и съ великимъ шумомъ течетъ, и повергаетъ преходящаго человѣка и скоть: сего ради для зимней бѣды и мостъ утронся. Тамо есть близъ моста, отъ страны лаврской, храмъ малъ святаго великомученика Георгія, въ немъ же присидяци пчельникъ въ лѣтѣ, стрижетъ пчелы лаврскія, въ зимѣ же стоитъ мѣсто праздно, и бываетъ прибѣжище мимоходя-

щимъ ради препочиванія и сохраненія отъ дождя. (Барс.) По оному мосту и я проѣхалъ въ лавру.

Оттуда, яко полтора часа, а отъ лавры два часа хожденія есть на самомъ пути вода святаго Аванасія, отъ разсѣлинъ камене великихъ и мрамора бѣлаго, аки снѣгъ, текущая аки хрусталь, здрава и легка пьющимъ, тепла въ зимѣ, студена въ лѣтѣ, чудотворная въ болѣзньхъ съ говѣніемъ и вѣрою почерпающимъ, течетъ потокомъ изобильнымъ аки рѣчица и впадаетъ крутымъ удолиемъ въ море. Есть же храмъ малъ во имя Богородицы Живоноснаго источника, отъ иноковъ лаврскихъ созданъ. (Барс. Кидон.) Это мѣсто описано мною, когда я ѣхалъ въ лавру. А подробности моего сказанія о немъ читай ниже.

Таможе зѣло близко, яко на четверть часа хожденія, есть виноградъ монастырскій съ келіею и церковію. (Барс.) У Кидониата замѣчено, что эта келья называется Турлоти, а церковь освящена въ память Успенія Богоматери.

Оттуда прешедши путемъ далѣе, яко полчася пѣшехожденія, а отъ лавры два часа, обрѣтается пиргъ Морфину, си есть столпъ мурованный еще древними лѣты, егда тамо мѣръ жительствоваше. ... При томъ столпѣ послѣди отъ иноковъ созданъ есть храмъ св. великомученика Георгія съ келіею въ безмолвіи хотящимъ жительствовати... Окрестъ же тамо въ горахъ многія келіи безмолвниковъ (у Кидониата только шесть) обрѣтаются, и Скитъ монастыря св. Павла (называемый Лакку). Это же самое повѣдалъ и Кидониатъ присовокупивъ, что на этомъ мѣстѣ древле былъ монастырь Амальфинцовъ, что тутъ у моря есть виноградникъ и водяная мельница для наемныхъ келлій, и что выше Морфинскаго пирга тамъ-сямъ находятся шесть келлій съ плодовитыми деревьями и огородами. Эти кельи и я видѣлъ, когда изъ Павловскаго скита ѣхалъ въ лавру.

Отъ Морфины такожде великимъ путемъ понадъ моремъ, яко два часа шествованія, а отъ лавры четыре, обрѣтается мѣсто,

нарицаемое Провата, си есть Овчее, идѣже лаврскій конакъ, си есть *въздный домъ* съ церковію святителя Христова Спиридона, съ гостинницами и кельями, нарочно отъ иноковъ созданъ, идѣже всегда живетъ и домостроитель. Имуть воды текущей и садовыхъ древесъ довольно и отъ винограда, ради прибѣжища себѣ и страннымъ во время зимы. Окрестъ же того *Конака* многія суть келіи (у Кидоніата 36) по горамъ и лѣсамъ, яже ради краткости оставляю, единымъ точію словомъ заключаю, яко аки окрестъ луны множество зрится звѣздъ, сиче окрестъ лавры количество немало обрѣтается скитовъ и келій, и тамо на Проватѣ оканчивается пограничіе ея. (Барс.)

Когда проѣдешь монастыри Каракальскій и Филоѳеевскій, опять увидишь лаврскій метохъ на самомъ взморьѣ. Онъ называется Милопотамъ, и принадлежалъ лаврѣ еще во дни строителя ея Аѳанасія. Въ немъ есть церковь во имя святаго Евстафія. А снаружи онъ походитъ на средневѣковую крѣпостцу. Мѣстность же его весьма здорова и благопріятна для жилья. На ней разведены виноградники и разныя плодоносныя дерева. Тутъ постоянно живетъ нѣсколько братій. Они охраняютъ и обрабатываютъ сіе мѣсто. Напротивъ сего метоха Аѳанасій устроилъ баню для больныхъ, но теперъ ея нѣтъ. Околотокъ его простирается отъ моста до потока, называемаго Арциннани. (Кидоніатъ) „Между пограничіемъ Ивира и Филоѳея обрѣтается мѣсто немало, Милопотамось нарицаемое. Тамо такожде есть рѣка съ каменнымъ мостомъ одинокружнымъ, лѣса множество и древесъ различныхъ и винограда много, благое вино раждающаго. Сія же вся на зѣло прекрасномъ, веселомъ и тепломъ мѣстѣ суть близъ моря, и надлежатъ подъ власть лаврскую. Есть же тамо на самомъ брезѣ на холмѣ каменномъ обитель мала въ честь св. Евстафія, отрѣвле прежде великихъ монастырей создана съ церковію малою, съ трапезою, съ четырьмя или пятьми келіями, съ пиргомъ (башнею) и стѣною о крестъ, съ вратами желѣзными, и прочая. Таковыхъ бо обителей сначала въ горѣ аѳонской, яко-

же повѣствуютъ, баше 600. Послѣди же яко отъ царей создашася великіи монастыри, иные въ метохи причинишася, иные же въ скиты, иные же разрушишася вовсе. Внѣ же вратъ того монастыря созданна есть гостинница ради странныхъ; и обитаетъ тамо всегда опредѣленный Икономъ съ инными двумя иноками; посылается же имъ брашно отъ лавры; прочая же вся имуть довольно отъ плода земнаго и трудовъ своихъ, имуть же и ладію ради морской потребности. Оттуда посылается вино въ лавру на служеніе и питіе соборнымъ начальникамъ. Лѣтомъ же, егда имуть сходитися на соборъ до Протата отъ лавры, удобнѣйшаго и скорѣйшаго ради пути, по морю тамо ладією преплываютъ, или ношуютъ; оттуда же по суху къ Протату прибываютъ, такожде и назадъ поворачивающися, великую выгоду имѣють себѣ и конемъ.— О мѣстѣ же ономъ велію и всегдашнюю распрію имѣють Иверскаго монастыря иноцы съ лаврскими; сіи убо глаголюще быти мѣсто свое, яко близъ монастыря Иверскаго на границѣ обрѣтающееся; оныя же утверждаютъ быти свое, яко издревле еще отъ Святаго Аѳанасія употребляемое на нужду монастырскую, и многажды судящися въ духовныхъ и мірскихъ судахъ, и многіе иждивши сребрники отъ обою странъ, лаврскіе одолѣша; многажды же Иверскіе и предо мною рѣша, яко неправедно держать подъ властію своею Милопотамъ лаврцы, понеже наше бысть мѣсто. Азъ же не вѣмъ, кто между ними праведнѣйшій; Богъ сердцевидецъ вѣсть. Сіе точію вѣмъ, яко въ завѣщаніи св. Аѳанасія, еще за живота его написанномъ, въ книзѣ зѣло древней на листахъ пергаментныхъ самъ моими очима видѣхъ, и самъ своими устами чтохъ: самъ св. Аѳанасій о себѣ свидѣтельствуеть, яко церковь св. Евстафія и келіи создати въ Милопотамѣ потрудися, и потщися посадити лозіе на потребу церковную и въ употребленіе немощныхъ, престарѣлыхъ и въ тяжестныхъ дѣлахъ труждающихся иноковъ, иже въ лаврѣ. (Барс.)

Возвратимся отъ Милопотамъ къ лаврѣ, пройдемъ по югозападному околотку ея и рѣчемъ—

3) *О тамошнихъ кельяхъ.*

Идучи отъ лавры съ полчаса, встрѣчаешь отличный виноградникъ и въ немъ келью съ церковію во имя Пресвятой Троицы. Это мѣсто—превосходно по причинѣ благорастворенности воздуха и обилія текущихъ водъ. А называется оно Кир Исаіево по имени того старца Исаіи, у котораго Аѳанасій учился духовнымъ подвигамъ. (Кидон.) Въ путешествіи Барскаго это мѣсто неправильно напечатано *Кирса*.

Оттуда уклонившись влѣво, находишь малый скитъ съ церковію честнаго Предтечи. Тутъ живутъ аскеты духовные и страннолюбивые, почти всѣ съ острова Хіуса. (Кидон.)

Прошедши оттуда немного, видишь двѣ обитаемыя пещеры, одна отъ другой недалеко. Въ одной изъ нихъ есть церковь во имя Богоматери съ чудотворнымъ образомъ ея. Эта пещера называется Вигла (Сторожка.) А другая пещера есть та самая, въ которой жилъ и спасался Новый Ѳеодоръ освященный. Глава его чествуется въ лаврѣ. Обѣ эти пещеры изсѣчены въ утесахъ надъ самымъ моремъ. (Кидон.)

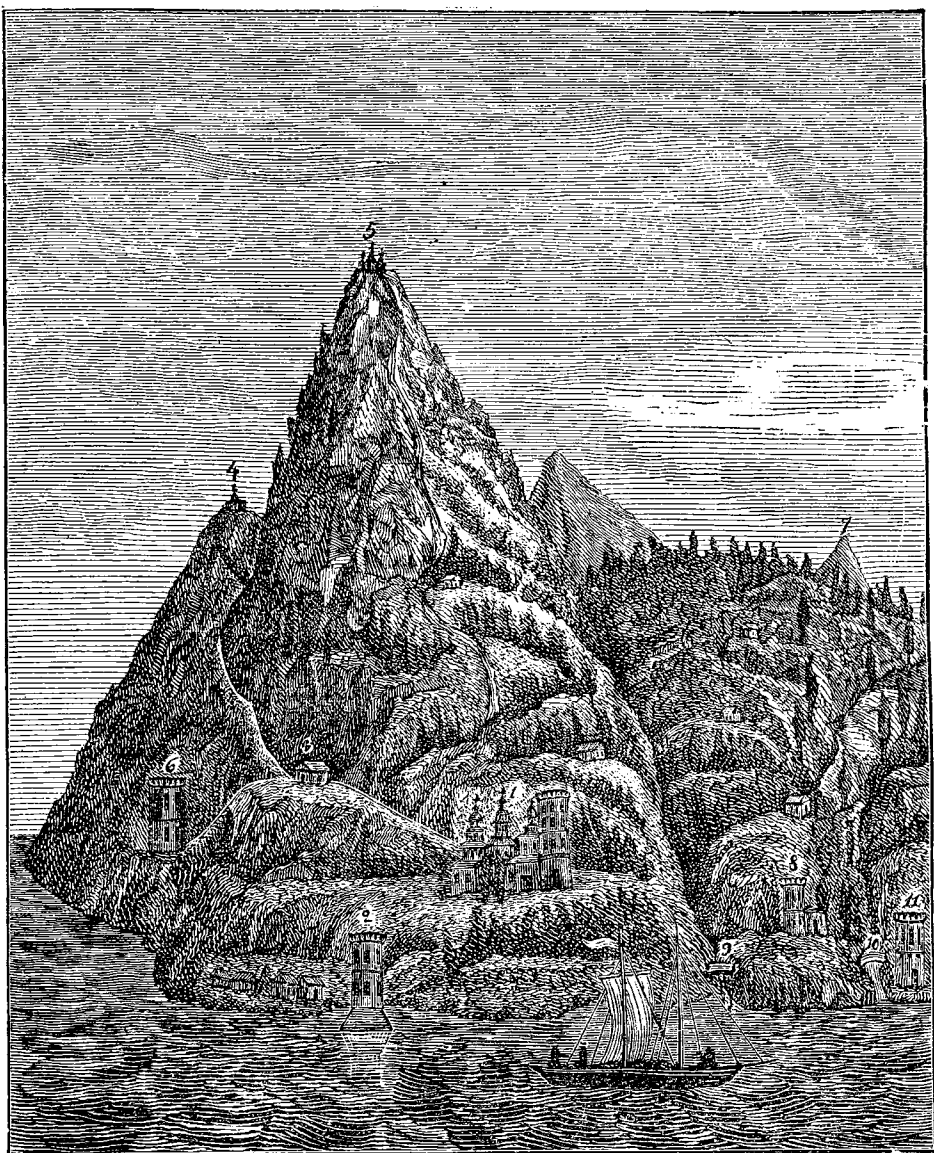
Взшедши оттуда высоко на большую дорогу, ведущую въ скиты Кавсокаливскій, Керасійскій и Аннинскій, видишь малый домикъ съ систерною для воды. Онъ называется Хаири. Минуя его, при пути находишь безмолвище преподобнаго Петра аеонскаго. Въ немъ теперь есть и церковь въ память его; и тутъ 12 іюня сходятся почти всѣ аскеты и совершаютъ всенощное бдѣніе и литургію; а угощаютъ ихъ лавра. Позади этой церкви есть агіазма сего преподобнаго.—Немного ниже сего безмолвица находится Исихастиріонъ съ церковію во имя св. Симеона Богопріимца. Поднявшись оттуда и идучи мало, встрѣчаешь иной Исихастиріонъ съ церковію св. Артемія на мѣстѣ опасномъ и стремнинномъ. А немного ниже на прекраснѣйшемъ мѣстѣ надъ моремъ стоитъ келья съ церковію Успенія Богоматери. Тутъ есть архіерейская могила. Тамошніе отцы однажды докопались до нее такъ, что зас-

тупъ коснулся черепа архіерея. И что же? Изъ могилы послышалось: охъ, охъ! Удивленные отцы раскопали эту могилу и нашли въ ней мощи. Ниже оной кельи въ самой страшной стремнинѣ находится пещера и гробъ преподобнаго отца Нила аеонскаго. Аhalbво отъ оной же самой кельи, близъ моря, есть и другая келья съ церковію всѣхъ святыхъ. (Кидоніатъ.)

Всѣ эти мѣста и безмолвица видѣлъ и описалъ Барскій. Видѣлъ ихъ и я, когда ѣздилъ въ Керасю и оттуда возвращался въ Лавру.

Весьма замѣчательно все это Подъаеонье. Тутъ находятся наидревнѣйшіе безмолвица и скиты. Тутъ подвизаются самые лучшіе отшельники, кормящіеся трудами рукъ своихъ. А рѣдко кто посѣщаетъ всѣ эти укромники. Жаль! Вы, которые слагаете три первые перста для крестнаго знаменія во время богомолья на Аеонѣ и для держанія путническаго пера, обойдите всѣ вышерѣченныя мѣста, осмотрите тамъ все—навсе, осмотрите зорко, и напишите намъ: что и что тамъ кроется со временъ существованія городовъ Акроаеона и Аеоса, и заселенія Аеона монахами въ первую эпоху тамошняго иночества. (съ 680 года по 830-й).

А я ѣду въ Подъаеонскій скитъ Кавсокаливу, обозначивъ путь свой на приложенномъ при семъ старинномъ рисункѣ самой высокой оконечности Аеона.

1) Лавра. 2) Арсана. 3) Хаири. 4) Керасл. 5) Святый Верхъ. 6) Жавсока-
лива. 7) Малый Аюонъ. 8) Моренино. 9) Мостъ. 10) Мостъ. 11) Каракаль-
ская башня.

VII.

ПОЪЗДКА ВЪ ЭТОТЪ СКИТЪ.

20 Сент. Четвертокъ. Дѣйствительно я поѣхалъ туда по той же дорогѣ, по которой ѣздили въ Керасю, но только до Хаирской избушки, а отсюда повернулъ налѣво, и началъ спускаться ниже и ниже по узкой и стропотной стезѣ лицомъ къ морю. У этой стези замѣтно безчисленное множество малыхъ и немалыхъ обломковъ необдѣланнаго мрамора и мѣстнаго камня. Это—свидѣтели бывшаго тутъ когда-то обвала Аѳонской горы отъ землетрясенія. Думаю, что подъ этими обломками лежатъ остатки погибшаго города Акроаѳоса. Кто ихъ отроетъ и откроетъ? Не знаю.—А что знаю, о томъ говорю. Отъ Лавры до Кавсокаливъ я ѣхалъ не болѣе ста осьмидесяти минутъ, и въ началѣ одинадцатаго часа дня остановился въ этомъ Скитѣ. Меня помѣстили въ опрятной горницѣ, называемой архондарикъ. Тутъ отдыхъ мой продолжался не болѣе четверти часа. Потомъ я внимательно обозрѣлъ весь Скитъ; и вотъ замѣтки о немъ, мои и не мои.

Скитъ Кавсокалива,—по свидѣтельству Барскаго (1744 г.)—обрѣтается въ удолѣ тѣсномъ, крутомъ и каменистомъ, недалеко отъ моря, надъ берегами жестококаменными. Келліи тамо едина верьху другой зданны, при каменныхъ крутостяхъ, на подобіе ластовичныхъ гнѣздъ, обаче лѣпотно, инья съ церквами, большее же число безъ нихъ: бяху тогда числомъ два десять, едина отъ другой раздѣльны; также имуть и общую св. Тронцы церковь; имуть воды довольно текущей къ питію и общую мельницу, земли же мало къ сѣянію зелій. Мѣсто сіе есть углубленно и тихо отъ бурныхъ вѣтровъ, тепло и безснѣжно, токмо отъ всѣхъ странъ жестокопутно; зреть на страну полуденную, отстоитъ отъ Лавры, яко на два часа хожденія.—

Эта мѣстность какова была во дни Барскаго, такова и при мнѣ. Въ самой срединѣ ея пролегаетъ сухопотокъ, по которому

однако въ дождливое и осеннее время течетъ вода съ высотъ Аео-на и стремится въ море. По обѣ стороны его врозьшъ построены монашескіе дома, такъ называемыя Каливы. Посему скитъ походитъ на малое село, очень красивое. Всѣхъ домовъ тутъ нынѣ 44. Изъ нихъ 20-ть не имѣютъ церкви, а 24 имѣютъ ихъ. Мнѣ указывали двѣ замѣчательныя келліи, большія, и съ храмами св. Іоанна Богослова и св. Меѳодія патріарха Цареградскаго. Въ первой спасался монахъ Теоклитъ, говорившій на многихъ языкахъ и бывшій дѣлопроизводителемъ великой Церкви Христой въ Константинополѣ. Его какъ переводчика держалъ при себѣ, въ теченіи цѣлаго года, Алексѣй Орловъ Чесменскій, когда нашъ флотъ плавалъ въ водахъ архипелага и средиземнаго моря. Во второй кельѣ жилъ старецъ Меѳодій Византій, любознательный и мудрый, у котораго борода спускалась ниже ногъ его на цѣлую четверть.—Скитскій Кириаконъ во имя Св. Троицы ничѣмъ не замѣчателенъ. Онъ не малъ. Паперть его передѣлана была въ 1804 году, а росписана въ 1820-мъ. Къ нему пристроена трапеза, въ которой всѣ скитники, и кто у нихъ случится, обѣдаютъ только три раза въ году, въ рождество Христово, въ Пасху и въ Троицынъ день. Кромѣ Кириакона есть кладбищная церковь во имя трехъ святыхъ, Максима, Нифона и Акакія, спасавшихся и угодившихъ Богу въ Кавсокаливѣ. Начальникъ сего скита показалъ мнѣ нѣсколько печатныхъ и рукописныхъ книгъ. (50—60) Но я въ дневникѣ своемъ отмѣтилъ только одну изъ нихъ, напечатанную въ 1698 году, именно: *Τόμος ἀγάπης κατὰ Λατίνων παρὰ Δοσιθέου πατριάρχου Ἱερουσαλὴμων*—*Томъ любви противъ Латинъ, Досиѳея патріарха Іерусалимскаго*. Мнѣ хотѣлось купить эту рѣдкую книгу; но скитники не продали ее мнѣ.

Всѣхъ Кавсокаливитовъ насчитали мнѣ 80. Между ними я видѣлъ трехъ русскихъ старцовъ, Гавріила, Серафима и Давида. Начальствуетъ надъ ними такъ называемый *Дисей*, по нашему *Правдивецъ*, избираемый изъ среды братій на одинъ годъ. Всѣ они занимаются разными рукодѣліями, кои сбываютъ на Аеоно-Карейскомъ торжищѣ. У нихъ нѣтъ ни виноградниковъ, ни ого-

родовъ, ни рыболовныхъ сѣтей, ни вьючныхъ животныхъ. Все это запрещено имъ уставомъ скита. А общая денежная касса у нихъ есть. Она составляется изъ подаяній поклонниковъ и изъ вноса пятидесяти пиастровъ отъ каждаго монаха, покупающаго здѣсь келью себѣ, и послѣ покупки угощающаго всю братію. Расходы же изъ нея поступаютъ на уплату податей Лаврѣ, на пріемъ гостей, на милостыню нищимъ, и на содержаніе Кириакона и скитской мельницы, приводимой въ движеніе водою, которая течетъ изъ-подъ горы по водопроводу, устроенному на лѣвой сторонѣ мѣстной долины. Русскій Кавсокаливитъ о. Гавріиль сказывалъ мнѣ, что его собратія Греки зазываютъ къ себѣ на всегдашнее жительство родню свю, которую изъ Анатолиі, которую съ острововъ, и *живутъ по мірски*, куда захотятъ туда и идутъ, не взявъ благословенія у Дикея своего. Но я на половину повѣрилъ словамъ земляка своего, который смотритъ на греческихъ скитниковъ сквозъ русскія очки, т. е. руководѣльныя занятія ихъ считаетъ дѣломъ мірскимъ, воображая, что монахъ ежедневно долженъ только ходить къ утреннѣ, обѣднѣ, и вечернѣ, да соблюдать келейное правило, а кормиться бы ему на церковный счетъ. Мнѣ не довелось вразумить его напоминаніемъ ему о святыхъ, Антоніѣ, Макаріѣ, и о другихъ, которые съ келейною молитвою всегда соединяли руководѣльный трудъ свой, и въ общую церковь ходили только въ субботу, въ воскресенье и въ праздники. Да и вразумишь ли русскаго, когда онъ ежедневное общее богослуженіе почитаетъ выше молитвы домашней, внутренней, сердечной, и едвали умѣетъ молиться такою молитвою, коль скоро нѣтъ у него въ рукахъ часослова и молитвенника печатнаго, или псалтири.

Описанный мною скитъ называется Кавсокалива, будто бы потому, что на мѣстѣ его жилъ св. Максимъ, прозванный Кавсокаливитомъ *за сжиганіе калмевъ*, въ коихъ онъ постился, и кои часто предавалъ огню, переходя съ мѣста на мѣсто. (*καίω* жгу, *καίσις* сожиганіе *καλόβα*—убогое зданіе). Но я не вѣрю этой

Аѳонской филологіи, и вотъ почему. Впервыхъ, ни одинъ скитъ на Аѳонѣ не назывался и не называется именемъ или прозвищемъ основателей ихъ: напротивъ всѣ они носили и носятъ прозвища и названія то Святыхъ, которыхъ предстательству поручены, то монастырей, отъ которыхъ зависятъ, то мѣстностей, на коихъ построены; напримѣръ скитъ Благовѣщенскій, Предтеченскій, скитъ св. Димимрія, св. Анны, св. Пантелеимона, скитъ Ватопедскій, Русскій, Иверскій, скитъ Глоссійскій, Черный Виръ. Ввторыхъ, вышепомянутый Максимъ не долго жилъ на мѣстѣ Кавсокаливскомъ, и оставивъ его по причинѣ недостатка тутъ воды, поселился близъ Лавры, ниже пресловутой кельи того Исаи, у котораго нѣкогда находился въ послушаніи преподобный Аѳанасій аѳонскій. Это было во дни греческихъ царей Кантакузина и Иоанна Палеолога, (1342—1360 г.), изъ которыхъ первому Максимъ посылалъ въ Константинополь сухарь, лукъ и чеснокъ, велѣвъ послу своему сказать его величеству: „ты будешь монахъ и вотъ твоя пища“: что и сбылось. По смерти сего Прозорливца прошли четыреста лѣтъ. Во все это время скитъ кавсокаливскій не существовалъ, и никто тутъ не жилъ по причинѣ безводности мѣста. Уже въ первой четверти 18 вѣка (около 1726 г.) поселился тутъ преподобный Акакій и основалъ скитъ, открывъ родникъ воды. Какъ же эта мѣстность могла удержать прозваніе Максима Кавсокаливита, когда онъ не жилъ тутъ постоянно и *переходилъ съ мѣста на мѣсто*, да не тутъ и жизнь свою кончилъ, и когда никого тутъ не было въ теченіи 400 лѣтъ? Какъ могло стать, что въ такое долгое время называли эту мѣстность Кавсокаливою, хотя на ней небыло ни часовни, ни кельи, ни живаго человѣка? Надобно полагать, что тутъ еще до поселенія монаховъ на Аѳонѣ была деревня Кавсокалива, которой жители занимались выжиганіемъ извести изъ мѣстнаго мрамора, и что она подъ этимъ прозвищемъ писалась сперва въ межевыхъ книгахъ Аѳонскихъ землемѣровъ, когда на Аѳонѣ были города, а потомъ значилась въ описяхъ монашескаго Протата Аѳонитовъ и лавры Аѳанасія подъ

прежнимъ же прозвищемъ. Это прозвище засталъ Максимъ, и самъ по мѣсту подвиговъ его тутъ нарицаемъ былъ Кавсокаливитомъ: засталъ его и Акакій, и основалъ тутъ Скитъ, который *по исконному имени мѣста* прозывали и писали Кавсокаливую точно также, какъ по старинному прозывали и писали Аѳонскія мѣстности, Морфо, Мелана, Керася, кои я видѣлъ и описалъ въ своемъ путевомъ дневникѣ.

Основателемъ скита, о которомъ идетъ рѣчь, былъ монахъ Акакій. Онъ скончался въ 1740 году, оставивъ тутъ послѣ себя многихъ учениковъ. А въ 1745 году Лавра признала и утвердила скитское учрежденіе его. Въ 1772 году, по свидѣтельству лаврскаго проскинитарія, въ Кавсокаливѣ находились уже 30 каливъ, изъ которыхъ въ девяти были церкви. А въ каливахъ жили гдѣ два, гдѣ три, а индѣ и четыре брата. По одну сторону тамошняго Кириакона стоялъ пространный архондарикъ, а по другую работала мельница, въ которую вода лилась изъ большой систерны, получающей ее изъ ближняго подгорья. Въ 1840 году 10 февраля на Аѳонѣ началась необыкновенная зима. Въ Кавсокаливѣ снѣгу выпало такъ много, что онъ завалилъ все дома даже до крышъ; и скитники сидѣли въ нихъ безвыходно до 5-го дня мѣсяца марта. „Въ пятнадцатый же день февраля въ четвертокъ, въ самую полночь, съ теменн Аѳона устремился, по южной покатости его, порывистый бурный сильный вѣтеръ— „Сифонъ, гнѣвъ великій, *ὄρη μεγάλη*, и вырвалъ тутъ деревья, „какъ траву, въ большомъ количествѣ, деревья столь великія и „толстыя, что тысяча человекъ и одного изъ нихъ не могли бы „съ корнемъ вытащить изъ земли, вырвалъ съ камнями и съ „землею и въ одно мгновеніе ока ринулъ ихъ въ лощину близъ „скитской мельницы, искрошивъ нѣкоторыя изъ нихъ, какъ со- „лому, какъ листья. Лавріоты нѣсколько мѣсяцовъ рубили эти „деревя и выпиливали изъ нихъ доски. То были дубы, ариі, „сосны, каштаны“. Это грозное событіе записано было монахомъ Антоніемъ, котораго я видѣлъ. По увѣренію его, нѣкоторые Ка-

всокаливиты и Лавріоты усматривали тутъ чудо, а другіе — явление естественное.

Въ Кавсокаливѣ я ночеваль, а на другой день отправился въ Лавру,

21. Пятница.—Но не ранымъ—рано по утру, а когда солнышко взошло. Меня и весь поѣздъ мой повели по крутоярымъ ребрамъ Подѣаѳонья въ прямомъ направленіи къ замѣчательному безмолвищу святаго Аѳонскаго подвижника Нила. Не болѣе получаса прошло послѣ выѣзда; и мы уже спѣшились у двери этого немалаго зданія. Я вошелъ въ него и побратался съ семью обитателями его. Они ввели меня въ келейную церковь свою съ пѣніемъ: Достойно есть яко во истину блажити тя Богородицу... Церковь, эта построенная ранѣе 1744 года, въ который видѣлъ ее Барскій, освящена въ память успенія Божіей матери. Не большая и не казистая, она вся росписана въ 1752 году. На одной стѣнѣ ея изображенъ св. Нилъ съ хартією въ рукахъ, на которой написано: ἀδελφοί, τὰ ὄπλα τοῦ μοναχοῦ εἰς τὴν ἡμετέραν, ἢ προσευχῆ, ἢ διακρίσις, ἢ ταπεινοφροσύνη καὶ κατὰ θεὸν ὄπασις: т. е. Братія! оружія монаха суть размышленіе, молитва, различеніе помысловъ, смиренномудріе и послушаніе о Богѣ“.

Изъ цѣркви я зашелъ въ пріемную горницу. Тутъ мнѣ показали завѣщаніе основателя безмолвища іеромонаха и духовника Макарія, написанное имъ въ январѣ 1608 года въ день воскресный. (Διαθήκη τοῦ ἱερομοναχοῦ Μακαρίου καὶ πνευματικοῦ, ζῆσις, μηνὶ Ἰαννουαρίῳ, τῇ χοριακῇ.) Изъ этого завѣщанія видно вотъ что: „Макарій съ племянникомъ своимъ Ниломъ обошелъ всѣ священныя мѣста Аѳонскія и возлюбилъ случайно замѣченное и одичавшее мѣсто, гдѣ нынѣ стоитъ его безмолвище. Тогда это мѣсто называлось: „мѣсто Богородицы и преподобныхъ отцовъ Петра и Аѳанасія“. Тутъ нѣкогда жили пустынники, но ушли оттуда, неизвѣстно почему. Макарій купилъ это мѣсто у Лавры за одну златицу, разчистилъ его, съ основанія построилъ на немъ маленькую церковь и при ней келью, и тутъ съ пле-

мянникомъ своимъ подвизался въ уединеніи, а предъ смертію своею завѣщалъ, чтобы никто не переносилъ его кельи на другое мѣсто и не уничтожалъ ее, и чтобы ризы, утварь церковная и книги никому не продаваемы были, подъ проклятеіемъ 318 отцовъ Никейскихъ“.

Упомянутая въ семь завѣщаніи малая церковь понынѣ стоитъ близъ новаго безмолвища. Я видѣлъ ее.

Не извѣстно: долго ли жилъ Макарій послѣ 1608 года. А племянникъ его Нилъ, по склонности своей къ глубокому уединенію и безмолвію, ушелъ въ ближайшую пещеру, находящуюся въ приморскомъ утесѣ, котораго отвѣсная высота будетъ въ 60 сажень, и тутъ подвизался до смерти своей, тутъ же и погребенъ былъ. Но послѣ него никто не жилъ въ этой пещерѣ, потому что опасно подходить къ ней по причинѣ отвѣсности сказаннаго утеса.

Случилось: по этому утесу до самаго моря начало течь изъ Нилова гроба благовонное и цѣлебное муро. Молва объ этомъ распространилась между христіанами, и они начали подъѣзжать къ утесу на мореходныхъ судахъ, дабы получить оное муро. Токъ его прекратился. Но въ память сего великаго знаменія, близъ пещеры Нила, построены были усердными святолюбцами малый храмъ во имя его. Этотъ храмъ и эту пещеру и все безмолвище видѣлъ нашъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ:

„Есть жилище, именуемое *келлія Безбрадаго*, идѣже есть храмъ Успенія пресвятыя Богородицы, и двѣ или три келліи, и виноградъ и мельница водная; и жительствуетъ тамо нѣкій іеромонахъ, или старецъ съ послушникомъ. А оттуда низае мало, яко на верженіе камени, или далѣе, обрѣтается пещера надъ великимъ, глубокимъ и ужаснымъ удоліемъ (пропастію между двумя утесами), въ ней же скиташеся нѣкій преподобный отецъ святогорскій *Нилъ*; идѣже и доннынѣ самая она пещера и храмъ во имя его именуется; и мощи его повѣствуютъ быти тамо предъ пещерою подъ зѣло великимъ каменемъ, иже нерукосѣчно

самъ съ верху паде промысломъ божіимъ во время, егда хотяху понести Его мощи на иное мѣсто; путь же къ нему—толь зѣло страшный и бѣдный (бѣдовый) яко унываетъ сердце грядущаго по немъ. Поклонившись убо азъ тамо, умилихся и помыслихъ, яко тѣснымъ и прискорбнымъ путемъ ходящіе спасаются, широкимъ же шествующіе погибаютъ; келлій же, или каливъ тамо отнюдь нѣсть, жестокости ради и тѣснаго мѣста“.

Опять случилось, но уже въ 1815 году: нѣкоторые изъ Кавсокаливскихъ скитниковъ, получивъ исцѣленія отъ разныхъ болѣзней послѣ призванія святаго Нила въ помощь себѣ, по чувству благодарности вознамѣрились построить въ самой пещерѣ его храмъ, и 7 мая того же года начали рыть и изсѣкать въ ней основаніе. Работая тутъ, они наткнулись на каменный сводъ, пробили его, и вдругъ ощутили нѣкое особенное благоуханіе, струившееся изъ-подъ свода. Сводъ былъ сломанъ, и подъ нимъ открыты были мощи св. Нила. Узнала объ этомъ лавра и перенесла святые останки его въ свою соборную церковь, кромѣ нижней челюсти, оставленной въ церкви Нила. Въ Лаврѣ встрѣчалъ ихъ цареградскій патріархъ Григорій, тотъ самый, котораго послѣ турки повѣсили въ 1821 году. Между тѣмъ окончена была церквичка въ устьѣ пещеры. Она такъ мала, что едва ли можетъ вмѣстить 15 человекъ. Позади алтаря ея обозначено мѣсто, гдѣ лежало тѣло св. Нила. Тогда же сдѣлана была и винтообразная лѣстница съ 120 ступенями, ведущая въ пещерную церквичку. По этой лѣстницѣ я спускался туда, робко поглядывая въ приморскую пропасть, находящуюся тутъ между двумя отвѣсными утесами.

Изъ этой пещерной церквички меня привели опять въ архондарикъ, и тутъ показали мнѣ два старинныя греческія четвероевангелія, писанныя на пергаминѣ: первое въ полулистъ, съ припискою: Βιβλίον τοῦ ἁγίου Πέτρου ἁθωνίτου· προσετέθη δὲ παρὰ τοῦ ὀσιωτάτου πνευματικοῦ πατρὸς ἡμῶν Νείλου ἱερομονάχου— т. е. *Книга св. Петра афонскаго: а пожертвована она преподобнѣйшимъ от-*

цомъ нашимъ Ниломъ іеромонахомъ; второе въ 16 долю листа 6845—1337 года. Въ первомъ намѣчены зачала и главы Евсевія, но нѣтъ святцовъ; почеркъ же его—крупноватъ. не сжать

и толстоватъ: напр: *Ἐὶ βουραται* а во второмъ пись-
мо мелко, но четко. Вотъ образчикъ его:

Κυρίων αὐτῶν αὐτῶν αὐτῶν

Но дѣйствительно ли Петру аонскому принадлежало первое евангеліе? Признаюсь: я не разсматривалъ его подробно, и потому не могу сказать да, или нѣтъ. А почеркъ его, не сличенный съ почерками осьмаго вѣка, въ которомъ жилъ Петръ аонскій, скончавшійся въ 734 году, не даетъ мнѣ права утверждать, что это Евангеліе появилось въ первой половинѣ осьмаго вѣка. Впрочемъ пусть другіе разсмотрятъ эту рукопись внимательно, и опредѣляютъ вѣкъ и достоинство ея. А мнѣ есть что писать о другихъ предметахъ.

Пока я гостилъ въ безмолвищѣ св. Нила, послушники здѣшнихъ старцовъ преусердно занимались гономъ водки изъ небольшого куба. Я подходилъ къ нимъ и слушалъ, что они говорили мнѣ. А говорили они, что на святомъ верхѣ Аэона благодать сходитъ съ неба, что въ Іерусалимѣ гробъ Господень на костяныхъ цѣпяхъ виситъ въ воздухѣ, а въ Виелеемѣ въ день рождества Христова качаются лампадки съ огнемъ, какъ маятники, и что въ Морей понинѣ живутъ Цаконны, потомки тѣхъ предковъ, которыхъ выселилъ-де съ Аэона св. Константинъ великій. Собесѣдники мои сами были Цакониты и, по просьбѣ моей, маленько познакомили меня съ своимъ роднымъ нарѣчіемъ, непонятнымъ для Грековъ, тѣмъ болѣе для меня. Напримѣръ: *цуба* голова, *псилле* глазъ, *шре* сонъ, *фужка* чрево, *пуа* нога, *ситаха* утро, *самере* сегодня, *сиати* дѣвица, *пума* покрывало, *поре* дверь, *она* тамъ, *ниа* одна, *макаріа* поминки по усопшимъ, *ву* плакать, *свака* плакаль, *романи* лѣсъ густой.—

Σήμερον ἐμαθήκαμε τὰ νέα

Сегодня узналъ я новое.

А вотъ и еще новость. Въ рукописномъ житіи преподобнаго Нила аѳонскаго, которое я видѣлъ въ лаврѣ, мѣсто безмолвища сего Нила названо. „Святые камни“. Названіе—древнее, сохранившееся со временъ Еллинскихъ, когда на Аѳонѣ жили Греки, чтившіе камни, утесы, такіе грозные, каковы утесы подъ аѳонья. Понятно это почитаніе ихъ. Вѣдь: голова мутится, когда съ оныхъ утесовъ смотришь въ находящіяся между ними пропасти и въ волнующееся тутъ море. Смотри туда боишься, млѣешь, и молишься: помилуй Господи! А коль скоро молишься на этихъ утесахъ и у нихъ, то и поневолѣ называешь ихъ священными.

Подлѣ нынѣшняго безмолвища св. Нила отшельники указывали мнѣ мѣсто, на которомъ древле стоялъ идолъ, но не сказали, чей. Я намѣтилъ это на своей картѣ подъаѳонья; намѣтилъ тутъ и ближайшее безмолвище съ церковію св. Артемія, и отправился въ Лавру по прежней дорогѣ, съ которой, налѣво, указывали мнѣ близкое къ Ниловой кельѣ безмолвище св. Петра аѳонскаго. Хотѣлось мнѣ побывать въ этомъ послѣднемъ укромникѣ, но время торопило меня обозрѣвать Аѳонскіе монастыри, а не принадлежащія имъ кельи. Этотъ укромникъ видѣлъ нашъ Барскій и сказалъ о немъ вотъ что. „Отъ Кавсокаливы недалече, вышше на горѣ, больше получаса восхожденія, обрѣтается пещера и мѣсто, идѣже скиташеся преподобный Отецъ Петръ аѳонскій. Нынѣ же тамо въ честь его устроена церковь мала съ келліею, и жительствоуетъ всегда одинъ безмолвникъ. Тамо инный такожде виноградъ есть монастырскій.— Къ этому скудному описанію въ лаврскомъ Проскинитаріи 1772 года прибавлено:“ въ тамошней церкви почти всѣ аскеты, ежегодно въ день памяти Петра 12 іюня, собираются и послѣ вечерней трапезы совершаютъ все-нощное бдѣніе, а послѣ бдѣнія божественную литургію, и во славу Божію вкушаютъ разныя монашескія снѣди, кои присыла-

сть святая лавра. Тамъ позади церкви есть родникъ св. воды, называемый *агіазма* св. Петра.“

Бъ лавру я пріѣхалъ засвѣтло, и на досугѣ написалъ слѣдующія строки.

— Никакой народъ не любилъ такъ свободу, какъ любили и любятъ ее Греки. Чѣмъ же объяснить ихъ безусловное подчиненіе и повиновеніе волѣ игуменовъ и старцовъ? Объясняю это тѣмъ, что добровольное повиновеніе чужой волѣ есть дѣло величайшей и могучей свободы. Кто свободно подчиняется другому ради спасенія души своей, тотъ и любитъ свободу.

— Все подаеонье, начинающееся у лавры и оканчивающееся скитомъ св. Анны, заселено скитниками и келліашами. Они живутъ трудами рукъ своихъ, безмолвствуютъ, молятся Богу, и платятъ подати лаврѣ за землю, огороды и кельи свои. Такіе самоотверженные труженики достойны полнаго уваженія нашего. Оно, на взглядъ мой, и суть божьи люди, и истинные монахи на Аеонѣ. Тамошніе монастырники, беззаботно проживающіе въ обителяхъ, гдѣ имъ и покойно и хлѣбно, при всѣхъ внутреннихъ достоинствахъ ихъ, стоятъ ниже оныхъ тружениковъ на той лѣстницѣ бытія, по которой всѣ мы уходимъ отсюда или къ Богу, или не къ нему. Но пора мнѣ ѣхать въ другія обители Аеона.

VIII.

Агіазма св. Аѳанасія и развалины монастыря Амальфинскаго на пути отъ лавры до обители Филоея.

22 Суббота.—Съ лаврою я не прощался, потому что надѣялся еще разъ быть въ ней и изучить исторію ея по тѣмъ подлиннымъ дѣписаніямъ, кои она хранитъ въ своемъ завѣтномъ тайникѣ. Эту надежду делѣяли во мнѣ добрые Лавріоты, провожая меня за ворота своей обители. А отъ нихъ я поѣхалъ въ Филоеевъ монастырь по прежней дорогѣ, по которой прибылъ въ Лавру.

Въ девять часовъ для поѣздъ мой остановился у такъ называемой *агазмы* св. Аѳанасія. Еще разъ я осмотрѣлъ ее, и при помощи свѣдѣній, добытыхъ во время пребыванія моего въ Лавръ, составилъ себѣ надлежащее понятіе объ этомъ священномъ мѣстѣ на Аѳонѣ. Весьма замѣчательно это мѣсто, и замѣчательно по двумъ воспоминаніямъ, изъ коихъ одно христіанское, а другое миеологическое. Передаю то и другое.

Когда преподобный Аѳанасій аѳонскій, побуждаемый знаменитымъ побѣдителемъ Критскихъ агарянъ Никифоромъ Фокою, началъ строить Лавру съ церковію въ началѣ октября 963 года; тогда еще продолжалась величайшая дороговизна съѣстныхъ припасовъ по случаю голода, наступившаго съ октября мѣсяца 962 года. (Theophan. Continuat. L. VI. p. 479)“.

Бывшу же оскудѣнію пищному въ Лавръ, — сказуетъ нашъ Барскій, — святой Аѳанасій, оставивши эту обитель, отъиде скорбя. На пути же срѣте его пресвятая Богородица и рече ему: Чесо ради бѣжиши Авва. Святой же отвѣща ей: бѣгу, яко неимамъ нуждая въ монастырѣ. Рече паки ему Богородица: возвратися назадъ въ монастырь. Святой же вопроси ее: да кто еси ты. Отвѣща Богородица: азъ есмь мати Исуса Христа. Паки святой къ ней рече: Прости мнѣ Владычице, яко не вѣрую, аще не вижу каковаго знаменія, понеже многи суть сѣти діавольски. Отвѣща ему Всенепорочная: ударь въ камень сей крестообразно во имя святыя Троицы, и благодатію отъ мене рождашагося изидеть вода многая и чистая. И азъ отселѣ буду вамъ Икономисса, имущая о васъ попеченіе. Ударившу же святому жезломъ, абіе, о чудесе! источися множество воды сладкой и здоровой; и абіе Богородица невидима бысть. Святой же Аѳанасій, положивши на Божію матеръ надежду, возвратися въ Лавру, и видѣвъ яко оттолѣ уже къ тому никогда не оскудѣваше обитель, узакони, да никогда же тамо поставляется икономъ, точію парикомомъ. Вода же оная течетъ изобильно даже донинѣ, именуется же *Вода священная*, яко освящаетъ и изцѣляетъ съ вѣрою почерпающихъ. Есть же тамо на горницѣ (бесѣдкѣ) нарочно сдѣланъ ков-

чегъ желѣзный, прямо стоящъ, съ затворомъ ради мышей. Иноцы же тамо мимоходящїи и поклонницы сидятъ въ горницѣхъ близь воды, и моются и пїютъ съ благоговѣніемъ отъ нея, таже ядятъ на трапезѣ отъ приносимыхъ съ собою яствъ, и вся елика аще избоблюють, или хлѣбъ, или иная пища, оставляють и затворяють въ предрѣченномъ ковчезѣ, да обрѣтають все иже мимоходящїе убогіе, и ядуще да благодарятъ Бога, Богородицу и Святаго, и да молятъ Бога о устроившихъ и о утвердившихъ сицевъ благій и похвальный обычай... Есть же тамо храмъ малъ во имя Богородицы живоноснаго источника, отъ иноковъ Лаврскихъ созданъ. Въ храмѣ же есть и икона Пресвятыя Богородицы: на ней есть и святой Аѳанасій изображенный, стоящій предъ Нею и бьющій жезломъ въ камень, отъ него же течетъ вода".—Все это сказаніе *въ той полнотѣ*, въ какой передалъ его намъ Барскій въ 1744 году, занявъ бѣольшую часть его изъ Греческаго печатнаго Проскинитарія врача Іоанна Комнина (1701 г.) не можетъ быть признано достовѣрнымъ, и вотъ почему. Въ житїи св. Аѳанасія аѳонскаго, которое по смерти его составилъ Іоаннъ Ексаптеригъ игумень монастыря на горѣ Олимпѣ, чтѣ подлѣ малоазійскаго города Бруссы, и составилъ по запискамъ учениковъ Аѳанасіевыхъ, нѣтъ ни слова о чудесномъ изведенїи воды изъ утеса по велѣнію Богоматери, тогда какъ въ немъ рассказано не мало разныхъ чудесъ, совершившихся ради Аѳанасія, когда онъ былъ еще живъ. Не упомянуто оное чудо и въ тѣхъ житїяхъ сего преподобнаго Аѳонита, кои печатно обнародованы греческимъ монахомъ Аганїемъ Критяниномъ, трудившимся около 1692 года *), и св. Дмитріемъ Ростовскимъ. **) Врачъ Іоаннъ Комнинъ въ 1701 году, послѣ него нашъ Барскій въ 1744 году, а послѣ Барскаго ризничїй Аѳанасіевой лавры Макарій въ своемъ Проскинитарїи 1772 года, оповѣстили, что преподобный Аѳанасій, послѣ бесѣ-

*) Смотри: βίβλος καλουμένη Καλοκαιρινή, ἣ μερικὸί βίοι ἁγίων τιμῶν, οἱ ὑπαιότεροι τοῦ καλοκαιρίου, παρὰ Ἀγαπίου μοναχοῦ. Ἐν Ἐτίῃσι. 1801. in. 4^ο.—Νέα ἔκδοσις τοῦ αὐτοῦ βιβλίου ἐν Βενετίᾳ 1851. in 4^ο.

**) Смотри его Четь-Минею, мѣсяць Іюнь.

ды съ Богоматерію у чудотворнаго источника, увидѣвъ изобиліе въ своей Лаврѣ, узаконилъ на вѣки признавать Пресвятую Дѣву эконолкою обители ея, и за тѣмъ поставлять въ ней только подъэконома. Но это невѣрно; и напраслина сія опровергается слѣдующими дѣписаніями Лавры. Самъ основатель ея преподобный Аѳанасій въ своемъ Типикѣ, написанномъ по смерти царя Іоанна Цимисхія (975 г.) изложилъ разныя наставленія Лаврскому игумену, какой когда будетъ, между прочимъ сказалъ: „зото и все потребное вручай экономамъ и келарямъ.... Экономовъ же поставлять должны настоятели Лавры изъ среды лаврскихъ старцовъ, поставлять способнѣйшихъ и старѣйшихъ, дабы одни изъ нихъ надлежащимъ образомъ изготовляли, что нужно для тѣла, а другіе усовершенствовали бы и объединяли братію въ благонравныхъ собесѣдованіяхъ и во всѣхъ угодныхъ Богу дѣлахъ“.— Установленную Аѳанасіемъ должность эконома Лавры, въ мартѣ мѣсяцѣ 1030 года, занималъ Петръ монахъ, подписавшій тогда одно дѣло вмѣстѣ съ властными старцами Лавры, Матѳеемъ, Лаврентіемъ, Петромъ, Николаемъ и Ефремомъ. *) Послѣ такихъ *дѣловыхъ* неопровержимыхъ свидѣтельствъ надлежало бы объявить благочестивою ложью всю повѣсть о явленіи Богоматери Аѳанасію у многоводнаго утеса, и о признаніи ея икономиссою Лавры: но сдѣлать это не позволяютъ другія *Памяти* аѳонскія, *Памяти* зодчественныя и иконописныя, по разсмотрѣніи которыхъ преданіе, о немъ же идетъ рѣчь, объясняется иначе, и вотъ какъ.— Аѳонская лавра св. Аѳанасія, послѣ разрушенія греческаго царства Турками въ 1453 году, лишившаяся многихъ имѣній, кои принадлежали ей въ разныхъ мѣстахъ сего царства, и потому обѣднѣвшая и нажившая тяжкіе долги, начала снова процвѣтать съ 16-го вѣка при помощи господарей Молдавіи и Валахіи, царей россійскихъ, іерарховъ покоившихся на Аѳонѣ, благочестивыхъ и зажиточныхъ поклонниковъ, и игуменовъ Лаврскихъ. Іоаннъ Владуль воевода Волошской земли съ 1533 года

*) Смотри это дѣло у меня въ архивѣ Аѳонской Лавры. Оно начинается такъ: ἐπεὶ τὰ παρὰ τῶν πατέρων καὶ ἀδελφῶν συμφωνηθέντα....

жертвовалъ Лавръ ежегодно 10,000 аспръ; Иоаннъ Петръ воевода земли Молдавской съ 1579 года посылалъ ей ежелѣтно 6,000 аспръ, и столько же дарилъ ей въ каждый годъ Еремія воевода той же земли съ 1598 года; а Гавріилъ Могила воевода всей земли Угровлахійской жертвовалъ ежелѣтно съ 1619 года 15,000 аспръ; Матѳеѣй воевода Угровлахіи въ 1643 году съ основаній построилъ въ Лавръ небольшой храмъ во имя св. Михаила Синадскаго, и въ 1653 году расписалъ его.—Въ 1515 году изъ Москвы посланы были туда камчатныя ризы и пелены къ иконамъ Благовѣщенія и св. Аѳанасія, и чара серебряная; въ 1584 году посланникъ царя Иоанна Грознаго, въ бытность свою на Аѳонѣ, роздалъ царской милостыни, въ поминъ души царевича Ивана, въ великую Лавру Аѳанасія аѳонскаго 350 рубл. въ 1625 году отпущено было ей деньгами и соболями на 130 рублей. — Въ 1623 году поселился на Аѳонѣ вселенскій патріархъ Анѳимъ, и былъ ктитормъ одной большой башни въ Лавръ и устроенной въ ней церкви св. великомученика Димитрія. Онъ же и послѣ него вселенскіе патріархи, Діонисій Андросецъ (1665 г.), Іеремія Патмосецъ (1726 г.), и митрополиты, Навпактскій Неофитъ (1744 г.), Критскій Константій, Терновскій Іосифъ, и епископъ Метронскій Ниль, жертвовали свои дѣньги на окончательное устройство и содержаніе хорошей больницы въ лавръ *).

А Серронскій митрополитъ Геннадій въ 1522 году былъ ктитормъ братской трапезы въ этой св. обители; Веррійскій архіерей Неофитъ, родомъ Аѳинянинъ, стараніемъ и иждивеніемъ своимъ въ 1535 году историровалъ соборный храмъ ея кистию монаха Ѳеофана. Червенскій епископъ Паисій въ 1578 году, при лаврекомъ игуменѣ Іосифѣ, историровалъ лѣвый придѣлъ соборнаго храма, посвященный памяти 40 мучениковъ.—Изъ сонма же самихъ лавріотовъ монаховъ Мисалъ Лесбосецъ въ 1580 году иждивеніемъ своимъ построилъ больницу, которую впоследствии ущедряли вышепомянутые іерархи, Діонисій, Іеремія, Неофитъ

*) Προσκυνητάριον τῆς ἁγίας Λαύρας. 1772 ἔτ.

и прочіе; проигумень Іосифъ, родомъ Хиосецъ въ 1713 году съ основаній вновь воздвигъ, предъ выходомъ изъ лавры, прекрасный храмъ Богородицы Вратарницы и Икономиссы, а въ 1715 году историровалъ его, по предстательству Безневѣстной Дѣвы, какъ это видно изъ трехъ надписей тамъ *). Вообще всѣ лаврскія надписи на зданіяхъ, тщательно списанныя мною, доказываютъ, что знаменитая обитель св. Аѳанасія аѳонскаго постепенно обновлялась, украшалась, историровалась и приращалась новыми зданіями внутри съ начала 16 столѣтія. Такое всестороннее обновленіе и украшеніе ея властные въ ней старцы приписывали Предстательству Безневѣстной Дѣвы тѣмъ искреннѣе, чѣмъ щедрѣе были пособія ей отъ многихъ и многихъ благочестивыхъ мужей, царственныхъ и іераршескихъ. А сильная вѣра въ предстательство Ея побудила ихъ признать ее Икономиссою, т. е. кормительницею ихъ лавры: что и выражено ими въ вышепомянутыхъ надписяхъ 1713 года. — Но въ этомъ ли году состоялось такое признаніе? Не раньше ли? Посмотримъ и рѣшимъ. — Въ лѣвомъ Придѣлѣ соборнаго храма лавры находится мѣстная икона Богоматери, называемой Икономисса. На ней видны три надписи:

— Ἡ Οἰκονόμος τῆς Λαύρας.

— 1826 ἐξανακαινίσθη.

— Ὡς καὶ παρὸς ἐμοίγε, παρθένε Κόρη

(Смотри выше стран. 204-ю).

Икономисса Лавры.

Въ 1826 году обновлена икона.

Какъ прежде мнѣ, неневѣстная Дѣво,
Домъ обѣщалась ты хранить до конца:
Такъ и этотъ Придѣлъ, который поставилъ Мартирій
Бывшій архіерей острова Самоса,
А нынѣ покоющійся здѣсь, какъ и другіе,
Отъ всякаго вреда сохранить умоляю.

*) Смотри у меня собраніе Аѳонскихъ надписей.

Какъ ходатаица у Сына моего
И этотъ придѣль, Отче, сохраню во вѣки.
Икономисса Лавры.

Эту икону я описалъ выше: а здѣсь доказываю, что она изображена была тогда, когда еще былъ живъ Самосскій архіерей Мартирій и покаялся въ лаврѣ (*vñv ðè σχολάζων ἐνταύθι*), и когда построенный имъ придѣль во имя св. 40 мучениковъ исторированъ былъ иждивеніемъ Червенскаго епископа Паясія при игуменѣ Лавры Іосифѣ. А такъ какъ исторированіе его, по свидѣтельству тамошней надписи надъ западною дверію внутри, было въ 1578 году, то тогда же написана была и икона Богоматери Икономиссы, и на ней изображенъ былъ строитель сказаннаго придѣла Мартирій. Тогда же—я утверждаю—лаврскіе старцы и игуменъ ихъ Іосифъ признали и назвали Богоматерь эконолкою своеѣ обители, и рѣшили избирать изъ среды своеѣ и ставить уже не эконома, а подъэконома: утверждаю же это по слѣдующимъ соображеніямъ. Во первыхъ Аѳонская лавра св. Аѳанасія, до паденія Греческаго царства въ 1453 году, постоянно имѣла своихъ экономовъ по уставу и завѣщанію основателя ея: что доказываютъ лаврскія дѣписанія. Во вторыхъ, съ 1533 года, какъ повѣдано выше, посыпались въ Лавру деньги изъ Валахіи, Молдавіи, Россіи, и изъ святительскихъ кармановъ, а немного ранѣе 1578 года игуменъ лавры Іосифъ собиралъ подавляніа христіанъ въ Константинополь на уплату долговъ сей обители и на обновленіе нѣкоторыхъ келлій, упавшихъ отъ ветхости *), и, какъ видно изъ надписей на воздвигнутыхъ имъ и при немъ зданіяхъ, былъ хозяинъ счастливый. Ибо во дни его Самосскій епископъ Мартирій пристроилъ къ Лаврскому собору Придѣль 40 мучениковъ, а Червенскій архіерей Паясій росписалъ его иждивеніемъ своимъ въ 1578 году, монахъ же Мисаилъ Лесбосецъ на свой счетъ построилъ въ Лаврѣ больницу съ двумя въ ней церквами, во имя св. Безребренниковъ и св. Нико-

*) Turcograecia Martini Crusii. L. IV. Epistolae ab anno 1548 usque ad annum 1580. pag. 342

лая чудотворца. Приливъ такихъ вспомоствованій лаврѣ, быть можетъ, неожиданный, понудилъ благоговѣйнаго игумена ея Иосифа и сподвижниковъ его приписать ихъ предстательству Богоматери, которая еще строителю лавры Аѳанасію въ видѣніи обѣщала хранить эту обитель его; и вотъ въ память сего предстательства установлено было въ 1578 году называть Богоматерь Икономиссою лавры, и была написана икона ея съ предстоящими предъ нею, епископомъ Мартиріемъ и св. Аѳанасіемъ, воспоминающимъ (на иконѣ) обѣщаніе Безневѣстной Дѣвы. Эту икону видѣли набожные поклонники и, руководимые полуграмотными Аѳонцами, разблаговѣстили, что еще Аѳанасій аѳонскій повелѣлъ признавать и называть Богоматерь Икономиссою лавры, и установилъ должность подъяконома. Извинимъ имъ эту напраслину, и обсудимъ другой предметъ, именно, чудесное изведеніе воды изъ утеса жезломъ Аѳанасія по велѣнію Богомамери.

Это чудо, сколько мнѣ извѣстно, оповѣщено было печатно тремя писателями, врачомъ Іоанномъ Комнинымъ въ 1701 году, нашимъ паломникомъ Барскимъ въ 1744 году и Макаріемъ Кидоніатомъ въ 1772 году. Въ оповѣщеніяхъ ихъ нѣтъ противорѣчій. Что касается до художественныхъ увѣковѣченій чуда, о которомъ идетъ рѣчь, то оно живописно изображено было въ 1719 году на стѣнѣ лаврской церкви Вратарницы и Икономиссы, и въ 1578 году на иконѣ Богоматери Икономиссы, о которой я повѣдалъ выше. Другихъ подобныхъ *Памятей*, болѣе древнихъ, я не нашелъ. А въ Житіяхъ преподобнаго Аѳанасія аѳонскаго и въ завѣщаніи, начертанномъ его рукою, нѣтъ ни слова о встрѣчѣ его съ Пресвятою Дѣвою у каменистаго утеса, и объ изведеніи изъ него воды прикосновеніемъ къ нему желѣзнаго жезла Аѳанасіева, а только вообще замѣчено въ Житіи его, „что сей преподобный „за богоугодное житіе свое и за великое почитаніе Приснодѣвы „и преславной Богородицы сподобился многократно видѣть ее „даже чувственными очами, какъ всегда созерцалъ ее очами духовными“. Однако эта замѣтка очень важна. Она помогаетъ мнѣ признать событіе у водотечнаго утеса Аѳонскаго, и объяснить его

надлежащимъ образомъ. Объясняю. Слушайте. Когда преподобный Аѳанасій подвизался на Аѳонѣ и началъ строить Лавру съ церковію въ октябрѣ мѣсяцѣ 963 года, тогда еще продолжалась величайшая дороговизна на все по случаю голода, начавшагося съ октября 962 года. (Theophan.) Не удивительно же, что онъ, еще прежде намѣревавшійся бѣжать съ Аѳона по причинѣ постигшей его вялости душевной, рѣшился и въ 963 дороговизненнымъ году покинуть начатую постройку лавры, и побрелъ, куда задумалъ. Дошедши до того лѣсистаго и угрюмаго мѣста, о которомъ идетъ рѣчь, онъ остановился тутъ, и находясь въ необыкновенномъ возбужденномъ состояніи, увидѣлъ ликъ Богоматери и услышалъ обѣщаніе ея хранить начатую имъ церковь и повелѣніе воротиться назадъ. Это сверхъестественное повелѣніе вызвало въ немъ естественное послушаніе. Аѳанасій возвратился, достроилъ Лавру, и впослѣдствіи облицовалъ камнемъ мѣсто оправдавшагося *видѣнія своего*, посвятивъ его Богоматери, и расчистивъ устье воды, струившейся тутъ изъ утеса. Это скромное дѣло не было записано въ Житіи его: но преданіе о немъ хранилось въ Лаврѣ, и въ 1578 году въ первый разъ увѣковѣчено было живописью на икозѣ Богоматери Икономиссы, а въ 1719 году на стѣнѣ притвора Церкви, посвященной ей, какъ Вратарницѣ и Икономиссѣ. Словоохотные же руководители поклонниковъ на Аѳонѣ, указывая имъ эту живопись, разглагольствовали о событіи у утеса, какъ водится, съ прикрасами, кои оповѣстили Комнинъ, Барскій и Макарій Кидоніать.

Преподобный Аѳанасій обстроилъ и освятилъ общепользную водотечь, у которой видѣлъ Богоматерь. Но тутъ еще до появленія христіанства на Аѳонѣ стояло малое, придорожное капище, посвященное подательницѣ хлѣба богинѣ Димитрѣ, и разрушенное по велѣнію христіанскаго государя Θεодосія Великаго въ 379 году. Вспомнимъ же и эту мифологію, и симъ воспоминаніемъ дополнимъ свѣдѣніе о мѣстности, которая занимаетъ насъ.

Вотъ надобный намъ Мюзъ. Димитра была дочь Крона и Реи. Отъ Зевеса она зачала и родила Персефону. Эту прекрас-

ную дочь Димитры полюбилъ властитель Ада Плутонъ, и въ Сициліи заставши ее одну, когда она собирала цвѣты у горы Этны, похитилъ ее и увезъ въ свое подземное царство. Димитра же, нигдѣ не видя ее, весьма опечалилась, и разставшись съ прочими безсмертными богами и богинями, преобразилась въ смертную женщину, зажгла свѣтильники отъ огнедышущей горы Этны, и пошла по всей землѣ искать Персефону. Сперва она прибыла на островъ Керкиру, гдѣ жили Фѣаки, и тутъ за утѣшеніе и угощеніе, какое получила отъ Мѣкрины, кормилицы Діониса, научила Фѣаковъ жать колосья серпомъ, выпрошеннымъ ею у Вулкана. Потомъ Димитра, побывавъ въ разныхъ мѣстахъ, пришла въ Аттическій городъ Елевсинъ, и сѣдши на одинъ утесъ была такъ печальна и угрюма, что самый утесъ этотъ въ послѣдствіи названъ былъ *печальнымъ* (*ἀγέλασος Πέτρα*). Тутъ увидѣла ее мѣстная женщина, по имени Мисми, подошла къ ней, и послѣ усерднаго утѣшенія напоила ее, жаждущую отъ жара и усталости, прохладительнымъ пивомъ, составленнымъ изъ воды, ячменной муки и кикебна. Сынъ этой Мисми Аскалавъ насмѣхался надъ Димитрою, но за то превращенъ былъ ею въ ящерицу. Это чудо оповѣстилось по всему городу: и всѣ узнали, что странница была богиня, и просили ее въ свои дома. Но она предпочла домъ Иппооонта и гостепріимной жены его Метаниры. Здѣсь ее угостили и успокоили, а служанка Ямви, большая шутиха, потѣшала ее своими шуточками, прибауточками. За такое гостепріимство Димитра отблагодарила Елевсинцовъ тѣмъ, что установила въ ихъ городѣ совершеніе такихъ таинствъ, въ кои кто посвящаемъ былъ, тотъ сподоблялся чести божеской, а сына Иппооонта и Метаниры Триптолема поставила Тайноводцомъ, и давъ ему всѣ сѣмена, научила его воспитывать и употреблять ихъ; потомъ посадила его въ свою колесницу, везомую двукрылыми драконами, и послала всюду учить всѣхъ земледѣлію. Послѣ сего она отправилась въ Пелопонесъ и остановилась въ Арголидскомъ городѣ Ерміонѣ, въ которомъ находился кратчайшій сходъ въ адъ. Ерміонцы, по близости своей

къ аду знавшіе, что въ немъ дѣлается, первые увѣдомили Димитру, что дочь ея Персефона находится въ области Плутона и соцарствуетъ съ нимъ. Но она не повѣрила этому первому слуху, и желая удостовѣриться въ молвѣ, ушла оттуда и возвратилась въ Сицилію. Тамъ есть источникъ, называемый Арёуса, изъ котораго вода древле текла въ греческую Аркадію, индѣ подъ землею, а индѣ близъ адской рѣки Стикса. Этотъ источникъ повѣдалъ Димитръ, что Персефона дѣйствительно находится въ адѣ, и что самъ онъ видалъ ее въ царствѣ Плутона, когда протекалъ подлѣ ада. Тогда сія богиня, уже не сомнѣваясь болѣе, тотчасъ вознеслась на небо, и представъ предъ Зевеса, жаловалась ему на Плутона и просила наказать его, и возвратитъ ей дочь. Зевесъ хоть и много утѣшалъ ее, однако объявилъ ей рѣшеніе Судебъ (*Μοῖρῶν*) кои опредѣлили, что если Персефона до похищенія ея ничего не съѣла въ адѣ, то пусть возвратится на небо, а ежели что nibудь вкусила, то пусть останется у Плутона. Учинено было изслѣдованіе объ этомъ; и оказалось, что она въ садахъ Плутона ѣла овощи. Узнавъ это Димитра опечалилась вельми. Но Зевесъ для утѣшенія ея рѣшилъ дѣло такъ, что Персефона шесть мѣсяцовъ должна оставаться въ аду, а другіе шесть жить съ матерію, и такимъ образомъ примирилъ Плутона и Димитру. Эта богиня въ указанное время взяла изъ ада дочь свою, которой сопутствовала богиня счастья и довольства Екатея, и на колесницѣ, несомой бѣлыми конями, доставила ее на небо. Здѣсь торжественно была отпразднована свадьба Плутона съ Персефоною: а Зевесъ на свадьбѣ подарилъ этой невѣстѣ всю Сицилію, такъ какъ тутъ случилось похищеніе и возвращеніе ея. Посему тамъ совершалось празднество въ честь Димитры и дочери ея, называемое *Анакалиттирія* — *Открытіе*. Когда же Димитра отдохнула послѣ поисковъ своихъ, то захотѣла, чего желала. Въ то время жилъ-былъ герой Ясіонъ, сынъ Зевеса и Илектры. Его полюбила она, потому что онъ былъ лучше всѣхъ современниковъ своихъ, и родила отъ него *Плута-Богатство*.

Но Зевесъ по ревности убилъ сего героя молніею, а выросшему сыну его Плуту грозно приказалъ ходить только къ праведнымъ, мудрымъ и благо-устроеннымъ людямъ; однако спохватившись, какъ бы богатство не разслабило добродѣтели, ослѣпилъ его, дабы онъ не видѣлъ, кто добродѣтеленъ; ибо если бы богатѣли только одни добродѣтельные, то могло стать, иные начали бы притворяться добрыми, лишь бы пришло къ нимъ богатство. А такъ какъ Плутъ никого не видитъ, и ему рѣдко попадаютъ добродѣтельные, потому что ихъ мало, а чаще обстоятъ его порочные, то добродѣтель и остается бѣдною, но за то не сквернится лицемѣремъ и корыстію.

Таковъ Миѳъ о Димитрѣ. А вотъ и объясненіе его физическое, религіозно-нравственное и историческое.

Физическое.— Димитра есть дочь Реи и Крона: пахатный тукъ есть наслоенное порожденіе земли и времси.— Отъ Зевеса Димитра родила дочь Персефону: при вліяніи свѣта и теплоты рождается въ полѣ хлѣбъ.— Персефону похищаетъ властитель ада Плутонъ, но Зевесъ освобождаетъ ее и отдаетъ Димитрѣ на шесть мѣсяцовъ: хлѣбное зерно падаетъ въ землю и тутъ лежитъ долго, потомъ вырастаетъ и долго красуется подъ свѣтомъ божіимъ.— Персефону по выходѣ изъ ада провожаетъ Екатерина: послѣ урожая бываетъ хозяйственное довольство и благополучіе, особенно тогда, когда Димитра сочетается съ сыномъ Зевеса Ясіономъ, т. е. когда ясная погода на землѣ способствуетъ наилучшему плодородію нивъ.

Религіозно-нравственное. Растительная сила земли есть проявленіе всемогущества и благодати Божіей. Отъ Бога—хлѣбъ: отъ него свѣтъ и теплота, такъ нужны для обильнаго плодородія. Не велико богатство земледѣльцовъ, но за то у нихъ есть гостепріимство, безкорыстіе, добродѣтели, религія съ тайнствами и съ вѣрою въ безсмертіе души по смерти тѣла: чему эмблемою служить оживленіе зерна послѣ умиранія его въ землѣ.

Историческое.—Въ изъясняемомъ мною Миѣ Персефона собираетъ цвѣты у огнедышущей горы Этны, и тутъ похищается Плутономъ. Съ этой же горы беретъ огонь и Димитра, и съ нимъ идетъ по разнымъ мѣстамъ, и вездѣ научаетъ людей земледѣлію. Въ этомъ мнѣніи сказаніи скрывается историческая дѣйствительность. Раскрываю ее.—Было время, когда наша земля, неизвѣстно по какой причинѣ, вся покрылась льдами. Тогда люди сшили себѣ кожанныя ризы и сгустились около огнедышущихъ горъ, которыхъ весьма много на землѣ. Льды отъ подземнаго жара растаяли на низменностяхъ и произвели потопъ. А по прекращеніи его люди отъ огнедышущихъ горъ двинулись въ разныя мѣста для жительства, и взяли съ собою огонь, разныя сѣмена и всякое хлѣбное зерно. По указанію Миѣа нѣкоторые изъ нихъ перешли изъ Сициліи на острова Ионическіе, а оттуда въ Грецію и Пелопонесъ.

Миѣы—загадки, но мудренныя! Отгадывайте ихъ, и вы узнаете глубокія истины, и подивитесь древней мудрости, умѣвшей выдумывать дивныя Миѣы. А я продолжаю рѣчь о Димитрѣ.

Эту богиню древніе вельми почитали за то, что она дала людямъ хлѣбъ насущный, и честили ее различными названіями сообразно съ своими понятіями о ней; на примѣръ: Ситѣ подательница жита; Юлѣ и Дидѣ производительница овса и ячменя, Хлѣбидительница хвоя и зелени, Малофоросъ выращивающая шерсть овечью, Хрисѣоросъ златосерпная, Алба гуменная, Куротрѣбосъ юнымъ кормилица, Мелэна черноодѣтая въ знакъ печали о потерѣ Персефоны, Омолѣя собирающая воедино. Супругъ ея Зевесъ назывался Ктисіосъ—стяжательнымъ. Статуя его ставилась въ новую кадущку (*καδίσκος*); и тутъ ее поливали водою и елеемъ, и осыпали разными плодами земли.

Въ честь Димитры и Персефоны древле совершались многіе праздники. Въ числѣ ихъ самые торжественные были два: одинъ такъ называемый *Θηλίσια*, а другой Елевсинскій. Первый

совершаемъ былъ повсюду, а второй только въ городѣ Аттики Елевсинѣ, въ которомъ Димитра научила голодающихъ жителей ѣсть спаржу вмѣсто жолудей; первый послѣ уборки хлѣба, второй же въ мѣсяцъ Воэдроміонѣ—августѣ. Въ день Фалисій Еллины приносили Димитрѣ начатки плодовъ, просили ее, чтобы она и въ будущемъ году благословила ихъ изобиліемъ всѣхъ рождей земляныхъ, и на гумнахъ своихъ пѣли и плясали. А предъ праздникомъ Елевсинскимъ мушны постились и не познавали женъ своихъ, при совершеніи же самыхъ Таинствъ Елевсинскихъ, которыхъ никому не открывали посвященные въ эти таинства, давали обѣты цѣломудрія, и ударяли въ кимвалы и тимпаны по подражанію Димитрѣ, дѣлавшей тоже самое, когда она искала своей дочери, женщины же благородныя, катаясь на своихъ колесницахъ, перебранивались увеселительно и шуточно, укоряя другъ дружку поносными словами: отсюда у Грековъ образовалась поговорка, *ὥς ἐκ δίφρου λαλεῖς*—*какъ съ телеги говоришь*.

Димитру почитали и аѳонскіе Еллины, жившіе въ тамошнихъ городахъ, Аѳосѣ, Клеонахъ, Фиссѣ, Каріи, Діонѣ, Дафнѣ, Олофиксѣ и Аканѳосѣ, Въ городѣ Діонѣ было у нихъ даже прорицалище этой богини, предсказывавшее имъ выздоровленіе, или смерть больныхъ. А на томъ мѣстѣ, гдѣ нынѣ чествуются агіазма Аѳанасія аѳонскаго и Богоматерь, какъ Живоносный источникъ, чтима была Димитра Мелена—черная, которой молились особенно во время голода. Такъ я полагаю по слѣдующимъ соображеніямъ.—Большую часть аѳонскихъ Еллиновъ составляли выходцы изъ Пелопонеса. Пришедши на Аѳонъ, они назвали тутъ нѣкоторыя рѣчки, города и села именами Пелопонесскими: что доказано мною выше. Изъ Пелопонеса они принесли съ собою и почитаніе богинь, Морфо, Афродиты Мелэны, и Димитры Мелэны же, о которой снова начинаю рѣчь.—Въ Пелопонесской Аркадіи, близъ города Фигалии, у рѣки Неды находилась пещера Димитры Черной. Тутъ, какъ и въ другихъ мѣстахъ, уединялась эта богиня послѣ похищенія Персефоны. Скрытая отъ взоровъ боговъ и людей, она *пустила быть голоду на землѣ*. Тог-

да Панъ, который какъ ловчій ходилъ по сосѣднимъ горамъ, нашелъ ее въ черной одеждѣ и рассказалъ эту новость Зевесу. Зевесъ же послалъ къ ней *Судьбы* утѣшать ее; и онѣ успѣли укротить ея гнѣвъ и облегчить ея горе. А Фигалійцы въ самой пещерѣ этой поставили деревянную статую, которая представляла ее сидящею на камнѣ, въ одеждѣ черной, съ лошадиною головою и съ гривою изъ змѣй и разныхъ чудищъ, съ дельфиномъ на рукѣ правой и съ голубемъ въ рукѣ лѣвой. Понятна такая страшная эмблема. Аркадійцы часто терпѣли голодъ въ своей гористой и холодной области, и потому сознавали скорѣе гнѣвъ Димитры, чѣмъ щедроты ея. Такое же сознаніе имѣли и жители Аэона, на которомъ не растетъ никакое хлѣбное зерно, и потому почитали Димитру Черную тамъ, гдѣ впослѣдствіи преподобный Аэонасій аэонскій остановился въ раздумьѣ и горѣ, когда былъ голодъ и когда ему нечѣмъ было кормить свою братію. Эта Аэонская мѣстность живо напоминаетъ мѣстность Фигалійскую. Въ Фигаліи рѣка Неда между горными утесами течетъ въ одномъ мѣстѣ *подъ аркою естественною*: и на Аэонѣ потокъ, струящійся изъ утеса, проходитъ *подъ аркою же*, только искусственною; и потому я смѣло называю его Недою. Тамъ Неда съ высоты низвергается *водопадомъ*: и здѣсь потокъ *падаетъ* въ незримую глубь по правую сторону дороги, если ѣхать изъ Лавры. Тамъ стояла страшная статуя Черной Димитры: и здѣсь была такая же статуя, пока не уничтожилъ ее указъ Θεодосія великаго (379 г.): потомъ ее замѣнила икона Богоматери съ парящими ангелами надъ головою вмѣсто змѣй и чудищъ, и съ Предвѣчнымъ Младенцемъ вмѣстѣ голубя. Тамъ Еллины у Димитры, какъ у своей икономиссы, просили изобилія плодовъ земныхъ: и здѣсь аэонскіе монахи молятся Богоматери Икономиссѣ, и послѣ молитвы оставляютъ часть хлѣба и плодовъ для бѣдныхъ сиромяхъ. Классическое же мѣсто видѣлъ я, и какъ классикъ (прозванный такъ еще въ Петербургской духовной академіи въ противоположность товарищамъ моимъ романтикамъ) оканчиваю описаніе его словами классическихъ писателей.

Μέγα ἐστὶ τὸ ἄθλον, ὑπὲρθεῶν ἀκοῦσαι τὰ ὀρθὰ καὶ ἐγκρατεῖς γενέσθαι αὐτῶν.

Χρῴσιππος.

Θεότητος ὄρεξις ἐστὶν ἢ τῆς ἀληθείας μάλιца δὲ τῆς περὶ θεῶν ἔφεσις.

Πλούταρχος.

Χρησέον δὲ τοῖς μύθοις, οὐχ ὡς λόγοις πάνπαν ἔσιν, ἀλλὰ τὸ πρόσφορον ἐκάστου τὸ κατὰ τὴν ὁμοιότητα λαμβάνοντας.

Πλούταρχος.

Ὁ θεὸς διὰ τὴν τῶν πλανηθέντων σωτηρίαν ἐξέσχετο διὰ τούτων θεραπευθῆναι, δι' ὧν οἱ ἔξωθεν δαίμονας ἐθεράπευον, μικρὸν παραλάξας αὐτά.

Ἰωάννης ὁ Χρυσόστομος.

Великое дѣло выслушивать правильныя понятія о богахъ и держаться этихъ понятій.

Χριστιππ.

Божество ты любишь, когда желаешь знать истину наипаче о богахъ.

Πλουταρχ.

Надобно пользоваться Мифами не вполнѣ, какъ гласятъ они, а изъ каждаго выбирать то, что пригодно.

Πλουταρχ.

Богъ для спасенія заблуждавшихъ благоволилъ допустить въ (христіанскомъ) богослуженіи нѣчто занятое изъ богослуженія языческаго, немного измѣнивъ это нѣчто.

Ἰωάννης ὁ Ἐλεμυστικ.

Прощай агазма св. Аѳанасія. Я ѣду къ другому классическому мѣсту, на которомъ нѣкогда обожаема была Венера МорфѠ, а впослѣдствіи стоялъ монастырь Амалфійскій.

Приѣхаль я туда, и тотчасъ осмотрѣлъ это мѣсто вокругъ. Что же оказалось? Оказались однѣ развалины названнаго монастыря, да и тѣ такія, что по нимъ нельзя составить яснаго понятія о расположеніи его. Ни основаній соборной церкви, ни линій монашескихъ келлій не видать: замѣтны только кой-какіе куски каменной ограды частію въ землѣ, частію выше поверхности ея, да малые остатки водопровода на каменныхъ устояхъ, по которому вода текла въ оную обитель съ какой либо ближайшей выси Аѳона. Уцѣлѣла одна высокая четвероугольная башня каменная. Входъ въ нее былъ запертъ: а отперѣть его некому было. Я осмотрѣлъ всѣ наружныя стороны ея, и не замѣтилъ на нихъ ни надписей и никакихъ изображеній. Не порадовали меня эти поиски мои, но за то возвеселила красота мѣста, такъ что я купилъ бы его у лавры и тутъ, неотмѣнно тутъ, постро-

иль бы монастырь для моихъ соотечественниковъ. Отъ этого мѣста рукой подать до разлитаннаго Эгейскаго моря. А какъ оборотишься отъ него лицомъ къ Аеону, такъ залюбуешься живописными высотами и отрогами этой святой горы, и зелеными дубравами, кои тутъ вездѣ густятся. Это мѣсто омываетъ рѣчка, хоть и не широкая и не глубокая, но пригодная для содержанія водяной мельницы, которая и устроена въ устьѣ ея. Какова же историческая судьба этой мѣстности? Скажемъ и это.

Такъ какъ тутъ не было никакого города, то мѣстность эта, вѣроятно, принадлежала ближнему городу Клеонѣ, замѣненному монастыремъ Филоея. На ней Цаконны, переселенные на Аеонъ изъ Пелопонеса Македонскими царями, Филиппомъ и Александромъ, построили капище Афродитѣ Морфѣ, на подобіе капища города Спарты, въ верхнемъ ярусѣ башни, и тутъ кланялись этой богинѣ, закутанной покрываломъ и закованной въ цѣпь. Это капище уничтожено было послѣ утвержденія христіанства на Аеонѣ между Еллинами и Цаконнами. Но было ли оно замѣнено христіанскимъ храмомъ: это неизвѣстно, какъ неизвѣстна дальнѣйшая судьба Морфойской мѣстности до построенія на ней монастыря Итальянскими Амальфійцами во второй половинѣ десятаго вѣка при жизни Аѳанасія аеонскаго. Но какъ объяснить появленіе такого иностраннаго монастыря на Аеонѣ? Какъ могло статься, что жители и монахи италянскаго города Амальфи вознамѣрились построить свой монастырь на отдаленной отъ нихъ св. горѣ? Рѣшить этотъ вопросъ нельзя безъ надлежащихъ свѣдѣній отъ ородѣ Амальфи и о великой идеѣ, преобразившей монашескій Аеонъ по начинанію св. Аѳанасія. Посему я признаю необходимымъ изложить эти свѣдѣнія прежде свѣдѣній о самомъ монастырѣ Амальфійскомъ.

Городъ Амальфи, нѣкогда построенный Греками въ южной Италіи, недалеко отъ Неаполя, на гористомъ склонѣ, омываемомъ водами Салернскаго залива, текущими изъ моря Тирренскаго, до седьмаго вѣка христіанскаго принадлежалъ къ экзархату Равен-

скому, а съ начала сего вѣка зависѣлъ отъ княжества Неаполитанскаго, въ началѣ же осьмаго столѣтїя отдѣлился отъ сего княжества, и сталъ самостоятельнымъ городомъ подъ управленіемъ своего князя (Duci). Начиная съ 795 лѣта до 816-го года его собственный флотъ остановилъ вторженіе Сарацинъ въ Италію. Съ этого времени до конца славы и богатства Амальфи (до 1137 г.) Константинополь былъ средоточіемъ торговли и политики сего города. Въ этотъ кругъ времени Амальфійцы плавали по самымъ отдаленнымъ морямъ и имѣли обширнѣйшую торговлю. Ихъ морскія законоположенія (Tabulæ Amalfitanæ) были уважаемы всѣми купцами, которые плавали по средиземному морю. Въ 1010 году въ Амальфи уже находился общій морскій судъ. Въ 1048 году Амальфійцы построили въ Іерусалимѣ свою церковь, свой монастырь и свою больницу, которая впоследствии послужила средоточіемъ ордена больничаровъ рыцарей—св. Іоанна Іерусалимскаго. Современникъ этихъ купцовъ *Гугліельмо ди Палиа* въ своей повѣсти „о Норманнахъ“ (XI вѣка) писалъ, что „городъ Амальфи полонъ людьми и богатствами, что никакой другой городъ не имѣетъ столько золота, серебра и всякихъ драгоценностей, какъ онъ, и что многочисленные торговцы его содержатъ конторы свои во всѣхъ странахъ міра, и весьма хорошо знаютъ море и небо.“ Амальфійцу Флавію Джіюйа (1302 г.) приписываютъ изобрѣтеніе компаса, хотя Китайцы употребляли его несравненно ранѣе, а Арабы еще въ концѣ 12 вѣка принесли его въ Европу. Въ 1039 году Амальфійцы оборонялись отъ Солернскаго князя Гваймара IV, а въ 1073 отъ Роберта Гискарда; въ 1131 поддались Рожеру Сицилійскому; въ 1135 и 7 годахъ Пизане окончательно сокрушили ихъ могущество. Тогда у нихъ было много колоній въ малой Азіи, Африкѣ и въ Византійскомъ царствѣ, а въ самомъ городѣ Амальфи считалось 50,000 жителей. (Нынѣ не болѣе 6,000). Не говорю ни объ уцѣлѣвшей въ немъ каедральной церкви св. апостола Андрея, замѣчательной по средневѣковому зодчеству ея, ни о капуцинскомъ монастырѣ (Caponica), который въ 1212 году построилъ кардиналъ Петръ Капуано, ни о прекрасныхъ ок-

рестностяхъ, гдѣ показываютъ множество древностей, начиная со времени Силлы и Марія, Помпея и Цезаря, Тиверія и Нерона; не говорю о всемъ этомъ, и перелетѣвъ на Аѳонъ, становлюсь тутъ подлѣ преподобнаго Аѳанасія и именемъ его объявляю, что Амальфійцовъ, какъ и Грузинъ и Армянъ, какъ и Сербовъ и Болгаръ, привлекла на Аѳонъ, *великая идея* сего чело-вѣка Божія и чело-вѣка народнаго, *идея о совмѣщеніи въсѣхъ народностей на этой горѣ подъ знаменемъ каволмическаго Православія*, идея новая, громад-ная, увлекательная, душеспасительная. Ее знали Амальфійцы въ Константинополѣ, въ *этомъ средоточіи своей торговли и политики*, знали и послали на Аѳонъ къ Аѳанасію своихъ бого-мольцовъ.

Неизвѣстны мнѣ основатели Аѳоно-Амальфійской обители во имя Пресвятой Дѣвы Маріи. Но въ житіи онаго чело-вѣка божія и народнаго упомянуто, что они однажды принесли ему въ подарокъ свѣжую икру (*γάρος*).—Въ 1046 году уставомъ царя Константина Мономаха дозволено было этой обители „держать мач-товое судно и отправлять на немъ въ Константинополь произ-веденія монастырскія, а оттуда получать подаванія христороуб-цовъ“.—Въ 1169 году монахъ пресвитеръ Ѳома авва киновіи святой Маріи Амальфійцовъ собственноручно подписалъ полати-нѣ Протатскій актъ о передачѣ Россамъ монастыря св. велико-мученика Пантелеимона.—Вотъ все, что я теперь знаю объ этой киновіи, а узнаю ли больше, когда во второй разъ буду въ Лаврѣ, это покажетъ время.—

Правда, въ лаврскомъ Проскинитаріи 1772 года сказано, что Амальфійская обитель, по приговору Прота св. горы Іоанна іе-ромонаха и совѣтныхъ у него старцовъ, и по рѣшенію вселен-скаго патріарха Алексѣя и царя Василія Порфиророднаго (слѣ-довательно въ 1025 году) передана была со всѣмъ околоткомъ ея „новой святой лаврѣ святаго Аѳанасія *чудотворца*“, дабы она не пришла въ послѣднее запусѣніе (*εις ἐσχάτην ἐρήμωσιν*). Но я не довѣряю этому сказанію, не смотря на объявленіе названна-

го Проскинитарія, что въ Лаврѣ хранятся всѣ три акта оной передачи, т. е. приговоръ Протата, Сигиллионъ патріарха Алексѣя и хрисовуль царя Василия, не довѣряю же вотъ почему. Во первыхъ, обитель Амальфійцовъ, какъ мы видѣли, существовала самостоятельно даже въ 1046 и 1169 годахъ, когда процвѣталъ и самый городъ Амальфи. Во вторыхъ, упомянутое въ приговорѣ Протата названіе Аѳанасія *чудотворцомъ* возбуждаетъ сомнѣніе въ подлинности сего акта. Въ третьихъ, въ описи границъ Амальфійской обители, какое сообщено въ Проскинитаріи 1772 года, слогъ и выраженія—*ἀπὸ τὴν Τρουλλωτὴν ἄνω ἐπ' εὐθείας, ἕως εἰς τὴν ῥίζαν τοῦ μεγάλου βουνοῦ, καὶ γυρίζει κύκλῳ, καθὼς φαίνεται, καὶ ἕως τὸν ποταμὸν τὸν Καλλινίκου λεγόμενον ἔρχεται*—кажутся *новогреческими*, а не еллинскими.

Прислушиваясь къ нимъ, такъ и думаешь, что опись поддѣльно составлена была въ позднее время въ оправданіе захвата Амальфійской мѣстности Лаврою. Впрочемъ если я ошибаюсь, не выдавъ вышеназванныхъ трехъ актовъ, то придется допустить, что Амальфійскій монастырь на Аѳонѣ послѣ основанія своего процвѣталъ лѣтъ сорокъ (970—1010 г.), а потомъ почему-то, на примѣръ съ 1010 года по 1025-й, пустѣлъ, и потому въ 1025 году переданъ былъ Лаврѣ, но предъ 1046 годомъ снова сдѣлался самостоятельнымъ *Itaque sub iudice futuro lis est*.

Радуюсь, что удалось мнѣ воскресить память Аѳоно-Амальфійской обители, и съ неменьшею радостію начинаю говорить о монастырѣ Филоѳея въ который я прибылъ благополучно.

IX

Мои занятія въ этомъ монастырѣ и свѣдѣнія о немъ.

23—29 Сентября.—У меня игумень—разумный порядокъ. Я весьма послушенъ ему; и вотъ по его приказанію въ седмиднев-

ное пребываніе мое въ Филоѳейскомъ монастырѣ были исполнены мною всѣ послушанія: сперва осмотрѣно мѣсто его, потомъ наружное и внутреннее устройство его и соборнаго въ немъ храма и келлій; за тѣмъ списаны всѣ надписи, благоговѣнно почтены всѣ св. мощи и древняя икона Богоматери, рассмотрѣны рукописи въ книгохранилицѣ, и наконецъ перебѣлены замѣчательныя Дѣписанія монастыря, и выслушаны разныя разности разговорныя. По этой послушнической программѣ излагается теперь все видѣнное и слышанное мною.

Мѣстность Филоѳеевскаго монастыря вѣрно описана нашимъ Барскимъ. Передаю его описаніе. „Монастырь обрѣтается на мѣстѣ высокомъ, далече отъ пристани своей, юже имать при морѣ съ келліями и гостинницею, яко на часъ восхожденія; стоитъ же на мѣстѣ ровномъ, веселомъ и безмолвномъ, при водахъ текущихъ хладныхъ и здравыхъ, вугрь и внѣ монастыря сущихъ; имать же свою и мельницу водяную и сѣножать довольную окрестъ монастыря, и древесъ садовыхъ изобильно; лѣсомъ же прегустымъ отвсюду окружается, въ немъ же обрѣтаются различныя древа, наипаче же каштаны и эллаты, подобныя елямъ: ибо тамо хладъ великъ въ зимѣ и снѣги многи падаютъ; сего ради и древа сіи въ таковыхъ мѣстахъ любятъ рости. Можетъ же всякъ уразумѣти: каковы тамо зѣло толсты обрѣтаются дресеса, яко во время моего тамо поклоненія въ гостинницѣ обрѣташеся отъ дреса каштанова кругло вытесанный съ подножіемъ цѣлый столъ, его же оркуженіе обымаше седьмнадцать пядій.“

Съ такою же вѣрностію описано Барскимъ наружное и внутреннее устройство монастыря, о которомъ идетъ рѣчь. „Монастырь сей есть четверуголень. Стѣна восточная есть высшая всѣхъ стѣнъ, и до пяти ярусовъ имать, и келліи едины на другихъ стояція, идѣже и врата монастырскія желѣзныя едины сзади алтаря церковнаго. Пирговъ (башень) не имать, точію единъ при вратѣхъ; келіи же имать отъ двухъ и до трехъ стѣнъ, едины на другихъ тѣмъжеде образомъ, якоже и въ лаврѣ, зданны. Ктиторы, или здатели монастыря сего суть три: *Арсеній, Фило-*

вей и Дионисій, иже на Олимпѣ горѣ созда обитель, иже зряхуся тогда изображены въ паперти великаго храма, послѣди же въ седьмитысячномъ году отъ Адама (невѣрно! въ 7048=1540 г.) царь Кахетинскій, си есть Грузинскій, Леонгій и сынъ его Александръ своимъ иждивеніемъ обновивша изряднѣе, и трапезу въ немъ создаша великую и красную предъ церковью въ стѣнѣ западной съ великими окнами и преграды желѣзными, и иконописаша ю всю, идѣже зрятеся и сами ихъ живописанны иконы (портреты). Недалече же монастыря на странѣ сѣверной церковь мала съ гробницею (усыпальницею), идѣже погребаются иноци“.

А вотъ и мое описаніе Филоеевскаго монастыря. Онъ построенъ на равнинной выси Аэона немного ниже хребта его: граничитъ же, къ сѣверу, съ рѣчкою Милопотамось, которая течетъ въ глубокомъ ущелии и впадаетъ въ ближнее море, къ югу, съ околоткомъ Каракальской обители, къ востоку съ берегомъ моря, а къ западу съ горнымъ хребтомъ. Четверосторонникъ его—не великъ, не обширенъ. Зданія въ немъ, по линіямъ восточной и южной, выше зданій, тянущихся по линіямъ сѣверной и западной. На линіи восточной въ пятомъ самомъ верхнемъ ярусѣ помѣщены архондарики, т. е. горницы для богомольцовъ, а въ прочихъ четырехъ ярусахъ, тутъ же, келлій нѣтъ, а вѣроятно, есть кладовыя клѣти. На линіи западной построена братская трапеза. На линіяхъ сѣверной и южной расположены монашескія келліи, тѣсныя, несвѣтлыя и неопрятныя. Я жилъ въ пятомъ этажѣ, но едва не задохся отъ какой-то протухлой вяленой рыбы.—Въ срединѣ четырехсторонника стоитъ соборная церковь Благовѣщенія Пресвятой Дѣвы Маріи. По обѣ стороны паперти ея устроены два малые Придѣла съ алтарями. Такъ называемые Параклисы (малые храмы подлѣ монашескихъ келлій) находятся: 1) св. Николая между архондариками, 2) Св. Пророка Іліи въ сѣверной части монастыря, 3) Іоанна Златоустаго въ сѣверозападномъ углу, и 4) св. мученицы Марины въ колокольнѣ. Въ монастырѣ есть двѣ церкви, кладбищная, и маленькая, въ память рождества Богородицы надъ Милопотамомъ въ челѣ утеса.

Барскій въ Филоѳеевскомъ монастырѣ видѣлъ Соборный храмъ древнѣйшій, (сломанный и вновь окончательно построенный въ 1765 году) и описалъ его подробно. Описаніе этой древности необходимо нужно для сопоставленія его съ дѣловыми актами монастырскими, какіе читалъ я; и потому я охотно помѣщаю его здѣсь. — „Храмъ не оловомъ покровень, якоже въ иныхъ монастыряхъ, но каменными дщицами (черепицею), якоже и келліи, и не имать ни единой главы, круговиднымъ древомъ въ долготу и вверху затвержденъ, таже каменемъ покровень; (разумѣется крыша круглая на подобіе свода) *созданъ же издревле отъ самыхъ плинѳовъ, кромъ камня* (безъ тесаннаго камня) *и, якоже повѣствуется и отъ зрака ветхости познавается, еще отъ древнихъ христіанъ, прежде населенія тамо иноческаго обитающихъ.* Таже по заустѣннїи мѣста стояше и храмъ оный пусть даже до предрѣченныхъ оныхъ трехъ ктиторовъ: утвержденъ же есть на четырехъ столпахъ круглозданныхъ и отъ простыхъ мраморовъ кромѣ (безъ) украшенія; подножіе имать помощенно; разсѣдесе же на многихъ мѣстѣхъ и *готовъ ближе къ паденію:* но не имѣяху силы убогіе иноцы инаго воздвигнути. Храмъ сей не крестообразенъ есть, но простъ, четвероуголенъ; имать же папертей двѣ, по два столпа зданна имущихъ; внѣшняя паперть имѣетъ два входа, внутренняя же входъ единъ и кромѣ тѣхъ преддверіе: въ немъ точится источникъ воды зѣло здоровой и хладной; таможе совокупно и студенецъ обрѣтается. Надъ папертію же часы великіе висяху, обще ударяющіе. Предъ церковію же абіе восхолы каменные къ трапезѣ; и тамо недалече, мало на сѣверъ, — больница и старопитательница. Трапеза же довольно зданіемъ есть просртанна и трапезъ, или столовъ имать много: отъ нихъ суть каменныхъ седьмъ, прочіе же деревянные“.

Этотъ храмъ сломанъ былъ въ 1746 году, и на мѣстѣ его съ самыхъ основаній воздвигнуть нынѣшній храмъ съ колокольнею, покрытый свинцовыми листами и росписанный. Постройка его продолжалась съ 1746 года по 1765. Росписанъ же онъ въ 1752

году; а въ сѣверномъ придѣлѣ его стѣнная живопись произведена въ 1776 году. Все это высказали мнѣ тамошнія надписи.

Въ Филошеевскомъ соборѣ я прикладывался къ частицѣ Живоворящаго древа, подаренной Сербскимъ царемъ Стефаномъ въ 1347 году, какъ гласитъ надпись на дорогомъ окладѣ ея внизу, къ кисти правой руки св. Іоанна Златоустаго, данной Греческимъ царемъ Θεодосіемъ Младшимъ въ 447 году, который вычеканенъ на серебренопозлащенномъ окладѣ ея, и къ частицѣ ножки св. великомученика Пантелеимона, пожалованной царемъ Константиномъ Палеологомъ (1448—1453 г.) Окладъ ея очень хорошъ.

Кромѣ этихъ святынь тамъ чествуется чудотворная икона Богоматери, называемой въ видѣнныхъ мною *надписяхъ* то Гликофилуса—*Сладкоцѣлюющая*, то евангелистріа—*Благовѣстительная*. Она приставлена къ колоннѣ у лѣваго клироса. Есть рукописное сказаніе о ней; но я вкратцѣ помѣщаю его ниже, а здѣсь кстати даю мѣсто моимъ свѣдѣніямъ и моему мнѣнію объ евангелистѣ Лукѣ, написавшемъ (будто бы) 73 иконы Богоматери, и въ числѣ ихъ Филошеевскую.

Сколько мнѣ извѣстно: греческій монахъ Михаилъ, ученикъ св. Θεодора Студита, *первый* упомянулъ въ житіи своего учителя, скончавшагося въ 826 году, что св. Лука написалъ прекрасный образъ Господа и Спаса нашего І. Христа *). Послѣ него это повторилъ извѣстный Четь-минейщикъ Симеонъ Метафрастъ (936 г.) О сынѣ англійскаго короля Вильгельма завоевателя, Вильгельмъ рыжемъ (1087—1100 года) извѣстно, что онъ клялся *святимъ образомъ Луки*, per sanctum vultum de Luca **). Тома Аквинатъ († 1274 г.) въ своихъ богословскихъ вопросахъ (pars III. 35. art. 3. 4.) утверждалъ, что образъ Христа, находящійся въ Латеранской Капеллѣ, Scala santa, написанъ былъ евангелистомъ Лукою. А папа Григорій IX въ 1234 году подъ этимъ образомъ подписалъ: Hoc in Sacello Saluatoris nostri effigies, a beato Lu-

*) Vita Theodor. Studiti. in opp. v. 44. ed. Sirmoud.

**) Eadmerus in act. SS. 21 apr. p. 898.

ca depicta, veneratione tam debita quam devota custoditur. *)—
т. е. въ семъ придѣлѣ образъ Спасителя нашего, написанный блаженнымъ Лукою, стережется благоговѣніемъ достолюбымъ и набожнымъ.

Въ 13 вѣкѣ живописцы въ Римѣ и въ другихъ Италіанскихъ городахъ учредили братство, почитавшее св. евангелиста Луку своимъ покровителемъ. (Fiorillo geschich. der zeichn. Künste). Подобное братство составилось въ Чешской Прагѣ въ 1348 году въ царствованіе Карла IV. Въ четырнадцатомъ столѣтіи Константинопольскій пресвитеръ Никифоръ Каллистъ въ своей церковной исторіи (Л. II. с. 43. Л. XIV, с. 13. Л. XV, с. 14) оповѣстилъ, что евангелистъ Лука былъ отличный живописецъ, и что онъ написалъ иконы I. Христа, Маріи и апостоловъ. Въ нашемъ богоспасаемомъ отечествѣ показываютъ три Богоматернія иконы сего евангелиста, Владимірскую, Смоленскую—Одигитрію, и Филермскую.

Такъ. Но полно такъ ли? О, Господи, прости мое сомнѣніе.. А сомнѣваюсь и, не какъ другіе, понимаю и толкую древнее преданіе о св. Лукѣ, яко живописцѣ.

Вотъ подмоги моего сомнѣнія. Во всѣхъ предисловіяхъ, древнѣйшихъ рукописныхъ и напечатанныхъ при евангеліи Луки, онъ называется врачомъ, а не иконописцомъ. Объ иконахъ его тутъ нѣтъ ни слова. Это вѣрно. А если вѣрно, то и сомнѣніе мое право, сильно и неотразимо.—Церковный историкъ Евсевій († 340), упомянувшій о нерукотворенномъ образѣ Спаса, не пославшій сестрѣ Константина великаго иконы I. Христа не смотря на просьбу ея, присовѣтовавшій ей читать евангеліе и въ немъ находить образъ Богочеловѣка, не проронилъ ни полъслова объ иконахъ евангелиста Луки. Не вѣдали ихъ и прочіе древніе историки, Сократъ, Созомень, Евагрій. Никакого намека на нихъ нѣтъ и у древнихъ Отцовъ Церкви, до девятаго вѣка, хотя они и упоминали часто о пресвятой Дѣвѣ Маріи. Въ рукописяхъ 12 и 13

**) Reiske de imagin. p. 123.

вѣковъ читаль я замѣтку о сказанномъ евангелистѣ: „говорятъ, *φασί*, что онъ написалъ икону *I. Христа и Его Матери*“. Глаголь, *говорятъ*, внушаетъ недоувѣрчивость къ молвѣ. Мало ли что говорятъ? Но не всякому говору, не всякой молвѣ вѣрить должно. Напримѣръ: въ осьмомъ столѣтїи разсказывалась легенда, что Никодимъ, тотъ самый, который ночью приходилъ къ I. Христу слушать Его ученіе и который принималъ дѣятельное участіе въ погребенїи Его (Іоанн. III, 2. XIX, 39), былъ рѣзчикъ и изъ дерева сдѣлалъ ликъ Христа по подобію образа Его, отпечатлѣвшагося на убрусѣ Вероники *); Но такое руководѣіе было необычно у Іудеевъ, и даже запрещено весьма строго. По этой же причинѣ не заслуживаетъ вниманія и другая легенда, будто этотъ Никодимъ началъ-было изображать на полотнѣ образъ Христа, висѣвшаго на крестѣ, и что когда изображеніе это не удавалось ему, тогда ангель взялъ у него кисть и написалъ вѣрный ликъ Распятаго **).—Въ собранїи легендъ, которое составилъ Іаковъ де-Ворагине, († 1298 г.) 156 глава гласитъ о св. Лукѣ евангелистѣ, *de sancto Luca Evangelista*; но тутъ нѣтъ ни слова ни о живописномъ искусствѣ его, ни о написанныхъ имъ, будто-бы, иконахъ.

Итакъ не существовалъ ли другой какой либо живописецъ, по имени Лука и по прозванію Евангелистисъ? и народная молва въ средніе полутемныя вѣка не смѣшала ли его съ общезвѣстнымъ евангелистомъ Лукою, который однако не былъ живописцомъ? Вѣдь: былъ же, напримѣръ, у насъ бояринъ Муравьевъ прозываемый *апостолъ*, хотя онъ и не происходилъ отъ св. апостоловъ. Меня во всѣхъ путешествїяхъ моихъ по св. землѣ (1844 г.) провожалъ и охранялъ кавасъ Іерусалимской патріархіи *Апостоли* такъ же не изъ потомства апостоловъ. У насъ дается прозваніе Благовѣщенскій: и Греки по своему прозываютъ иныхъ, Евангелистисъ, Евангелистріа.

*) Reiske de imagin. 1685 p. 134—148.

**) Max. Missons Reisewerk v. Deutschl. und Italien. Seit 904.

Итакъ,—повторяю—на былъ ли другой Лука живописецъ, прозываемый *Евангелистъ*? Извѣстенъ мнѣ этотъ другой Лука живописецъ, и я воскрешаю память его любопытства ради. Въ 1175 году упомянулъ о немъ нѣмецъ Вернеръ Нижнерейнскій (Wernher vom Niederrhein geistliche Dichter) упомянулъ въ своей милой легендѣ о Вероникѣ *). Передаю эту легенду его. „Вероника есть вѣрная послѣдовательница Христа. Когда она смотритъ на лице его, тогда бываетъ исполнена радостію. Она приноситъ полотно *никому мастеру* Лукѣ (der meister einer) и настойчиво проситъ его, чтобы онъ написалъ ей ликъ Господа. Лука обѣщается ей написать его, но такимъ, какимъ увидитъ его въ день написанія. (Значитъ: ликъ Христа измѣнялся). Ликъ готовъ. Лука радуется и думаетъ: мнѣ удалось. Онъ и Вероника, оба идутъ и идутъ Спасителя. Но какъ только увидѣлъ Его Лука, замѣтилъ, что ликъ у Него совсѣмъ другой, какъ будто онъ никогда не видалъ Господа. Оба удивляются. Вероника плачетъ. Лука утѣшаетъ ее обѣщаніемъ написать другой ликъ. Но это не удается ему еще болѣе. Онъ пытается въ третій разъ, но опять напрасно. Тогда Богъ услышалъ мольбу жены. Увидѣлъ обоихъ Спаситель и сказалъ: „Лука! Ты и добрая жена Вероника, оба вы мнѣ по сердцу; но если я не помогу, то искусство твое тщетно. Лице мое видитъ и знаетъ только Тотъ, Кто послалъ меня“. Потомъ сказалъ Вероникѣ: „Иди домой, взявъ этотъ убрूसъ свой, и приготовь мнѣ кое что снѣдное. Я сегодня буду у тебя“. Весело спѣшитъ Вероника въ домъ свой и готовитъ необходимое. А вотъ и Сынъ Божій приходитъ къ ней, спрашиваетъ воды и умывается. Затѣмъ беретъ полотно, которое подала Ему Вероника, чтобы утереться. Онъ прижимаетъ его къ своему Лицу; и на немъ отпечатлѣвается ликъ Его. Потомъ Онъ говоритъ Вероникѣ: „Это мнѣ легко, а тебѣ придастъ великую силу, друзьямъ же твоимъ будетъ на пользу. Знаменія совершатся, когда болѣе не увидятъ меня здѣсь“. (И дѣйствительно это было. Вероника этимъ уб-

*) Willh. Grimm. S. 127—137.

русомъ творила чудеса, даже исцѣлила императора Веспасіана). Такова семисотлѣтняя легенда. Ею легко мирится старинное и повсемѣстное преданіе о евангелистѣ Лукѣ *живописцѣ* съ молчаніемъ церковныхъ историковъ и отцовъ церкви о *животисномъ искусствѣ* богодухновеннаго евангелиста Луки, написавшаго не образъ Маріи или Христа, а евангеліе. Этотъ Лука не былъ живописцемъ, и потому никто изъ древнихъ не говорилъ о написаніи имъ иконъ: а тотъ Лука писалъ портреты, и изобразилъ ликъ Христовъ; и потому среди христіанъ остался памятникъ, какъ живописецъ. Многіе смѣшивали его съ первымъ Лукою: а отецъ Вернеръ Нижнерейнскій не смѣшалъ и назвалъ его *мастеромъ*, а не евангелистомъ.— Но какъ бы то ни было, а я, по требованію здоровой критики, этому Вернеру, какъ *единому и единственному* и притомъ нераннему свидѣтелю, не довѣряю тѣмъ болѣе, что онъ писалъ поэтическую легенду, а не исторію, и преданіе о святомъ Лукѣ написавшемъ евангеліе, *какъ о живописцѣ*, объясняю иначе, и вотъ какъ. Дѣйствительно этотъ Лука живо изобразилъ Пресвятую Дѣву Марію, но не на доскѣ, а въ своемъ евангеліи, и не красками и не мусіею, а боговдохновенными словами. Читайте внимательно все, что онъ благоговѣствовалъ о Ней: вы назовете его живописцомъ душевной красоты и внутренняго величія Ея. Въ евангеліи и въ апостольскихъ Дѣяніяхъ его превосходно, не подражаемо, начертаны образы и Христа, и апостоловъ Его. И такъ преданіе о немъ, какъ о живописцѣ, справедливо. Дѣйствительно, онъ живописецъ, но безъ кисти, а съ писчею тростію, которую руководилъ Духъ Божій, освятившій Марію въ часъ благоговѣщенія ей Архангела Гавріила. Согласно съ его евангельскимъ начертаніемъ образа пресвятой Маріи разумные и благоговѣйные живописцы изъ христіанъ, ранѣе четвертаго вѣка христіанскаго и послѣ, стали писать иконы ея, и называть ихъ иконами евангелиста Луки; и справедливо! ибо не они изобрѣли идеаль ея, а онъ выразилъ его въ своемъ евангеліи. Они только нарисовали одежду ея, точь въ точь такую, какую она носила, и какую по нынѣ носятъ Виолеемитянки. Не тѣ одни—живописцы, которые

красками рисуютъ лица и всякія картины, а и тѣ, у которыхъ рѣчи картинны.

Еще одно слово; и художественное разсужденіе мое конечно.—Думаю, что древніе живописцы христіанскіе называли иконы Христа, Маріи и апостоловъ, написанныя ими такъ, какъ онѣ пишутся для нашихъ церквей, называли иконами евангелиста Луки для отличія ихъ отъ подобныхъ иконъ, кои имѣли еретики *), писавшіе ихъ *по своему*, а не по начертаніямъ, какія даны этимъ евангелистомъ. Такъ напр. одинъ живописецъ въ 463 году написалъ І. Христа по образцу Юпитера Олимпійскаго, и за то былъ свыше наказанъ разслабленіемъ руки, но исцѣленъ молитвами Константинопольскаго патріарха Геннадія.

Иконы сравниваются съ поучительными книгами. Сравненіе вѣрно. Но между тѣми и другими есть и разница. Предъ первыми молишься, а вторыя только читаешь. Тѣ стоятъ въ церкви, а эти лежатъ въ книгохранилищѣ. Иконы освѣщаются лампадками, а книги самі изъ себя свѣтятъ, однако не все ясно и радужно.

Такъ въ Филоѳеевскомъ книгохранилищѣ видѣлъ я немало греческихъ книгъ печатныхъ и рукописныхъ, но не извлекъ изъ нихъ ничего новаго, однако въ дневникѣ своемъ озаглавилъ тѣ рукописи, кои показались мнѣ наилучшими. Въ числѣ ихъ самыя дорогія для меня, Славянина, были двѣ рукописи Славянскія, именно, Номоканонъ и Патерикъ на бумагѣ въ осьмую долю листа, 14 вѣка. Ихъ подарилъ мнѣ добрый настоятель монастыря; и потому я, пользуясь досугомъ, помѣщаю здѣсь нѣсколько выписокъ изъ нихъ ради ученаго любопытства и познанія старо-Славянскаго языка и правописанія.

Выписки изъ Номоканона.

Паки се заповѣди ины ѿ законныхъ книгъ. ѿ сѣродѣстви

*) Послѣдователи Симона волхва, Карпократаиъ, Гермогенъ гностическій Философъ, обличенный Тертуліаномъ.

и ѿ запрѣщенныхъ брацѣхъ: И о различныхъ степенехъ рода. ихже подобаетъ блюсти ѿ сѣго крѣченіа. и ѿ еже по плѣти крѣве. въкоупѣ же и о брачныхъ рождакохъ:— Это писано кинонарью.

Сърожьство имя есть, и глеться въ члѣцѣхъ. раздѣлѣть же ся въ чины три. на вышнее, и на нижнее, и на посрѣднее. и вышніи сѣтъ, родившей и раждающей, сирѣчь, ѿцьдѣдове, бабы. а нижніи сѣтъ, рожденнии ѿ насъ, сирѣчь, снове. дѣщерѣ. внѣци. и внуuky. а посрѣдніи сѣтъ, еже ѿвѣ рещи ѿкы ѿ едины страны намъ дръжжщи родъ. сирѣчь, братіа и сестры и ѿ нихъ сѣщеи. Три же сѣтъ прѣдѣли и чинове възбранѣжщии въ брацѣ рождачьскаго лица:

Единъ чинъ и прѣдѣль прѣвыи еже ѿ сѣго и спсѣтелнаго крѣченіа: † Други чинъ и прѣдѣль, еже на лице ѿвѣ знажщихся по плѣти крѣве рѣдства † Третіи чинъ прѣдѣль еже ѿ брачнаго родѣства знажщихся, сирѣчь соугоубыхъ сватовъ, прѣвыихъ, вторыхъ, и третіихъ. имѣть же сихъ степене и прѣдѣли и нрави, различіа многа. и опасна изгѣзаніа. ихъ же подобаетъ намъ хрѣстіаномъ истиннымъ сѣло ѿпасно изгѣзовати ѿ брацѣхъ. и ѿнѣждь до конца никакоже обрѣстися нменшаго степене родоу. Ти тогда свѣрѣшатся бракоу хрѣстіаньскоу. ѿкоже есть лѣпо рабомъ бнѣемъ быти. и бѣвенѣ быти бѣмъ такоумоу бракоу. или писаніемъ или и без писаніа. тѣчѣж по свѣдѣтельству многихъ свѣдѣтели. и мѣжемъ сѣщемъ и женамъ въ свѣдѣтельство. Мѣжѣ же сѣщоу лѣтъ сѣ, тако въ бракъ въводится. а женѣ сѣщци лѣтъ кѣ, тако и сѣа бракоу да въводится. по изволеніоу же и по хотѣніоу родителін своихъ да и сѣпрѣженіе бѣдетъ по свѣдѣтельствѣ многоу, и благословеніемъ: †

† О възбраненіихъ: †

И еже оубо възбранѣтсѣ ѿ сѣго крѣченіа, сѣтъ си. Крѣститель ѿ своѣ дѣщере крѣщенноѣ, и ѿ мѣре еѣ, и ѿ сестрѣ тоѣ дщере крѣщенноѣ. а прочіи рождаци мѣре и ѣца тако-

выж дщере, не възбранѣжтся къ рождакомъ кръстниковѣмъ же-
нитися: † Аще кто кръститъ кръстникъ штроковицѣ. и потомъ
възметъ ж невѣстѣ на сѣна своего, да разлѣчатся таковии. и свѣ-
щавшей се родителе, да ѡлѣчатся покаатися: †

Степень пръввыи.

Слыши и оувѣждъ. ꙗко ѡцъ къ сѣноу. и сѣнъ къ ѡцѣоу,
прввомоу сѣтъ степени. ꙗкоже ѣы пръввыи степень рожденіа. а
дѣдъ къ вноукоу, второму сѣтъ степени. ꙗкоже ѣы пръввыи степень
рожденіа. а дѣдъ къ вноукоу второму степени. ꙗкоже ѣы степень
рожденіа. Пѣбно же и братоу своемъ братъ, второму же сѣтъ сте-
пени, ꙗкоже сѣтъ и си двѣ степенѣ. рождѣства бо наричатся
степене. Аще бо кто въпроситъ тя гѣя. ѡцъ твои коего ти
есть степене. рѣци, првваго. роди бо мя ѡцъ мои и бысть се
прввое рожденіе, и се пръввыи степень. Аще ли речеть ти, ꙗко
дѣдъ твои, коего ти есть степене. рѣци емъ, втораго. дѣдъ бо
мои родилъ есть ѡца моего. и се единъ степень. а ѡцъ мои
роди мене, и се ит пръввыи степень, а второе роженіе. Тѣмже
второмъ степени есть ми дѣдъ мои. ꙗко же ѡвѣ речемъ. начѣни
оубо лѣствицѣ възходити. и хоцещи настѣпннати пръввыи степень. и
се есть еже гѣлемъ ѡца пръввыи степень. и потомъ ѡ првва-
го степене възстѣпннши иды горѣ выше на вторыи степень. и о
семъ гѣлемъ. есть вторыи степень дѣдъ мои. Аще ли речеть
ти. а братіа твоа коего ти сѣтъ степене. рѣци емоу. ꙗко и си
втораго ми сѣтъ степене. мене бо родилъ есть ѡцъ мои. и ѣы
пръввыи степень едино рожденіе. и тако роди брата ми, и се два
степенѣ. подобно же и првви братоу чяди по познаніоу сѣродѣ-
ства, степене четвѣртаго сѣтъ. имже не пѣбаеть ниже досто-
итъ въ бракъ сѣбирати ихъ. Такожде же и чяда првввыихъ бра-
тоучадъ, втори сѣще братъ чяди, шестаго степене сѣтъ. и ниже
симъ подобаеть женитися дрѣгъ къ другоу. ащели же и прилоу-
чится быти семъ бракъ. повелѣваеть законъ, да разлѣчатся и на-
че да покажтся. Такожде же и чяда вторыхъ братоучадъ, сѣтъ
третіи братъ чяди. и сѣтъ осмага степене. и ниже симъ достоинтъ

възематися бракоу. аще ли прилучится таковому бракоу быти ѿ невѣдѣнія, или нѣкоеѿ вещиѿ недѣдомоѿ. то да не разлучатся ѿже, нѣ да прѣбываѿтъ. ѿбаче подобаетъ симъ и ѿ таковѣмъ грѣсѣ и пощисися милостынеѿ и постомъ. а безъневолнымъ полоученіемъ, да вѣнчается семуо никакоже быти и пр. и пр.

А се о различныхъ рождакохъ:

Еже ѿ брачнаго съродѣства знаемыхъ рождакъ есть се. аще кто поиметь женѿ вдовѿ, и иматъ та жена дѣщере ѿ иного мѿжа, есть и семуо дщи ꙗко же и женѣ той. и пѣбаеть емѹ блюстися ѿ неѿ зѣло ꙗко ѿ сѿщыѿ своеѿ дѣщере. Сиче же и свекры ѿ жены сѣна своего. и сѣнъ ѿ мащехы своеѿ. и дѣверъ ѿ жены брата своего и шоурѣ:

Сѣнъ страхомъ велицѣмъ да взираеть на лице мѣре своеѿ. и чѣсть да въздаеть ей вѣсегда: †

И ѿцѣ да вѣнчаетъ себѣ о взорѣ дѣщере своеѿ, и да блюдется. такожде и братіа ѿ своихъ сестрѣ да вѣнчаютъ себѣ: †

Іереи аще дѣвѣствѣють, то да не иматъ въ домѹ своемъ никакоже женѿ. ни чюждѿ себѣ ни рождакъѿ. тѣчѣ мѣре и сестрѣ или дѣщере. Аще ли ѿ невѣдѣнія се сѣтворить, то да кажется ѿ епископа и прочіихъ клирикѣ и да ѿженеть ѿ дома своего ѿнѣ женѿ....

Епископъ аще безъ повелѣнія патріархова или митрополитова прѣидеть ѿ своеѿ епаріѿ на дрѹга, творящи попы или діаконы, да изврѣжется: †

Аще кто оукрадетъ чѣлка нѣчіею или дѣтя нѣчіе и продасть и рѣцѣ емоу да ѿсѣкѣтся:—

Опивыся и изблѣвавы мирскыи чѣлкѣ, да сѣтворить безъ причащенія 3̄ дни.

Аще жена ѿ нерадения своего испакостить дѣтя свое. сирѣчь, аще впаднеть въ нѣкыи недѣгъ злѣ, лѣто едно да покается. поклонъ и: †

Жена ѿбаваѣщиа тѣждихъ, да покается лѣтъ 3̄. поклонъ ф̄.

Жена ѿтравница до скончанія живота своего да кается. поклонъ тѣмѿ: †

Вѣщица аще покается. лѣтъ ѿ. поклонъ ф̄.

Жена аще поиметь дрѣво на іереа и на левита, или оударитъ его. лѣтъ ѿ. поклонъ ч̄: †

Заповѣдь стѣхъ ѿцѣ:—

Аще епископъ. или попъ, или діакъ или причастникъ с̄щениа. ѡстѣ кровь мяса мѣсто. или звѣрь ѡстѣ, или мръщина. да изврѣжется сана сего. бо законъ ѡтрече:

Епископъ или діакъ. тавліями играж. или ѡпиважся, да ся оставитъ, или да ся изврѣжетъ сана: †

Всѣкъ попъ двоеженецъ, да нѣсть попъ. ѡз лѣтъ да ся не комкуеть. тѣмко на паскж, поклонѣжся ѿ, и гн помилоуи зовы: †

Не ѡсти мыша. вѣверица. плха. медвѣдѣ. вранж. галицѣ, и прочее симъ подобно.

Повелѣваемъ чѣкомъ мирьскимъ прѣзь весь по рождѣства х̄ва и постѣ стѣхъ аплѣ, не ѡсти мяса, ни сыра. а мнихомъ, не ѡсти сыра и мѣць. такоже и стѣж бѣж по. А великыи по, прости чѣци, с̄л и нѣ рыбж. а мниси с̄л и нѣ масло и вино....

Выписки изъ Патерика.

Повѣсти стѣхъ ѡцѣ:

Припѣшимъ намъ въ селевкиѣ иже къ антїохїи и бесѣдовахомъ аввѣ Ѳеѡру еп̄поу того града селеукиискаго. и повѣда намъ гл҃я. ѡко бы при блаженѣмъ діѡнисиї иже прѣвѣ мене еп̄поу сего града, сицевое. мѣжъ нѣкыи купецъ бѣше здѣ, зѣлѡ бл҃гочестивъ и богатъ. бѣше же еретикъ, севировоу оучениѣ повинужся. имѣше же ратаи приобщающагося стѣи и съборнѣи и аплѣи цркви. ты же ратаи по ѡбычаѣ веси ѡноя приятьпричащеніе въ стѣи и великыи четвѣртокъ, и вѣложивъ е в захлѣпъ и съкрытъ е въ своемъ скровищи. пригодижеса постѣ и пасцѣ послану быти ратаю въ Константиѣнъ гра ради вещи нѣкыя забывъ стѣое причащеніе въ захлѣпѣ. дастъ же и

ковчезный ключъ своимъ гноу. нѣкогда же ѿвръзъ господинъ его ковчегъ, обрѣте захлѣпъ имѣющъ стѣжъ часть, и оскрѣбъ ѿ семь, и недоумѣваашеся камо и дѣти. ниже бо въкоусити ѿ нихъ хотѣаше, занеже быти части съборныѣ цѣркве. себе же севиловъ ереси бывша. и тогда и зостави ѣ въ захлѣпѣ помывъ, ꙗко вѣнегда доидеть ратаи и потрѣбитъ я. да ꙗкоже стиге стѣжи днѣ великаго четвѣртка, и ратаю не пришѣпъ въсхотѣ господинъ оно съжещи, ꙗко да не пребѣдетъ пакы до втораго лѣта. и ѿвръзъ захлѣпъ, видѣ ꙗко стѣаа она часть, класомъ прозябша вѣстече. страхомъ же и трепетомъ многымъ объятъ бывъ о страннѣмъ и прѣславнѣмъ видѣннѣи и приемъ стѣжъ часть съ вѣмъ домомъ своимъ зовѣ гн помилѣи. и скорѣ течаше къ стѣи цѣкви къ иже стѣи дѣонисіюу архіепоу. се же велие и страшное еже паче вѣскаго слова и оума и паче вѣскаго въспоминаніа чюдо. не ѣбо два или трие видѣша. ниже малосъчисльнѣи, нѣ вѣ цѣви гражане же и селѣне, и прѣпростии дивящесе. и елици вѣся пѣсельничнѣжъ проходящии. и елици по морю плавающии мѣжие же, и жены. юнѣи, и старци. раби, и владалци. богати и нищии. князи и начальствующии. прѣпростии и мѣдрѣствоующии. вдовица, и дѣвы. еже въ постѣ, и честнѣ брацѣ. и овѣи гн помилѣи въпѣахѣ. инни же бѣ благодарѣствовахѣ о неизрѣннѣи его чюдодѣлѣехъ. мнози оубо ѿ сего чюдесе вѣровавше пристѣпиша стѣи и съборнѣи и аплѣтѣ цѣви: Повѣдахѣ же намъ и сіе пакы глѣяще. ꙗко обычаи бѣше по вѣскыи великыи четвѣрткохъ, приходиди въ монастырь вѣсѣмъ нищимъ и сирымъ тожъ страны. и възимати по половинѣ къблоу пшеницѣ, и по десѣтижъ ѣкрѣхъ хлѣба. и по крѣчагоу малѣ вино, и по половинѣ крѣчагѣ меда. прѣже ѣбо тѣми трими лѣты кѣ тѣснога пшеници, и продаваашесе пшеница къбелѣ за кѣ сребрницѣ. да ꙗко доидѣша пости, рекѣша нѣциѣи ѿ ѣцѣ игѣменѣ нашемѣ. кири авва. сеи годонѣ да не сътвориши еже по вѣскыихъ вѣрѣменѣ обычаи, нищимъ, да не ѣгладиши монастырь, за не пшеница оскѣпѣжѣ. Авва же начѣтъ глѣти братѣи, не ѣсѣцаимъ чѣда бѣвеніе ѣца

нашего. съмотрите ꙗко заповѣдь старцева есть и не прилежитъ намъ. по истинѣ. тѣи ѿ пекыся. братіа же нападоша нѣдѣюще авва, ꙗко немамы что имъ подати. тогда игоумень велми оскръбѣвъ гла имъ. идѣте и еже хощете творите. по обычаю же, не подаша блвеніе въ сѣни и великыи четвъртокъ. въ сѣни же ꙗко поиде дрѣжжи житницѣ и ѡврѣзь видѣ ꙗко все ꙗшеница прорасте. и оуже поидохомся испати все житю въ море. тогда авва нашъ начатъ глаголати. братіи, ѡмѣтажи заповѣди оца своего, сицеваа стражеть. трѣды прѣослшанію себѣ събрахомъ. пятеть хотѣхмы ѡдати, а мы бихомъ имали оучрѣдитися оца нашего послшаніа ради. и братіѣ наша ницаѣ утѣшити. Се погыбе жито паче пять тысяць кѣбелъ. что оуспѣхомъ себѣ чяда. что же; не себѣ ли пакостихомъ; поистинѣ двѣ лѣжавѣ створихомъ. ꙗко заповѣдь оца нашего прѣстѣпихомъ прѣвѣе, второе же ꙗко на Бѣга ѡпованіе не имамы; нѣ на житницѣ нашѣ. прочее братіе ѡ сего да познаемъ ꙗко кѣ есть питажи всѣкое члѣство. и сѣни Ѳеѡсіе печется о насъ чядь своихъ:

Неизвѣстно имя переписчика этого Патерика и Номоканона. Почеркъ его не крупень и не можетъ быть названъ красивымъ. Все буквы поставлены имъ прямо. Между ними много юсовъ, а буква я—двоеобразна, ꙗ, ѡ, и первая занята изъ прописи греческой (εὐλογι-α—евлоя—оспа), а вторая изъ глаголитской. Какъ ѡ такъ и ѡ видомъ своимъ походятъ на полевые шатры, поддерживаемые внутри стягами. Значить: обѣ эти буквы занесены въ придунайскую Миссію, (онаже и Болгарія) народомъ кочевымъ. Переписчикъ вышепоименованныхъ рукописей умѣлъ и даже привыкъ писать и по гречески, и потому индѣ ставилъ скорописныя буквы греческія, ζ τ. ѡ. У него надъ гласными буквами ѡ, ѣ, и, о, оу, наставлено, безъ всякой надобности, придыханіе тонкое. Это значить, что Мисіійскіе Славяне *древле*, что писали, то писали буквами греческими, о чемъ свидѣтельствовалъ и извѣстный Черноризецъ храбръ, и потому привыкли къ ихъ просодійнымъ придыханіямъ, и къ знакамъ прешинанія; и эту давнюю вѣковую,

привычку свою не оставили даже и тогда, когда пришлось имъ писать книги Кириллицею. Какъ въ Номоканонѣ, такъ въ Патерикѣ почти всѣ слова и рѣчи писаны сплошь да рядомъ, союзно, безъ раздѣленій; и потому индѣ трудно читать и понимать ихъ; напр: *ашевъпаднетъвънѣкыинедѣжъгъзль...* А прочяжъженыбезработысѣщейбезслѣжбыприходящѣнасе, вътъчѣ роженіа... и продавашесяпшеницакъбелзакѣсеребрникъ... Затруднительна и стенографія обѣихъ рукописей; напр: въ чѣ—въ часъ, сѣж—суббота, нѣ—недѣля воскресенье. Въ нихъ встрѣчаются слова Греческія, енѣріа — епархія, *савато* суббота. А старославянскихъ словъ, какихъ мы не знаемъ, много; на примѣръ: *захлупъ* ящичекъ съ замочкомъ, *рождакъ*, *рождакъа*—родственникъ, родственница, *въверица* белка (звѣрокъ), *огладитъ* голоднымъ сдѣлать, *ѡскѣлиж* оскудѣла. Но всего замѣчательнѣе употребленіе латинскихъ словъ *cabus*—*каблъ*, *кѣбелъ* малая мѣра пшеницы, *morticinus*—*мрцинъ*, *мрцина cadaver*, и придатокъ вспомогательныхъ глаголовъ, *есмъ*, *еси*, *естъ*, *быхъ*, *бъ*, *бысть*, къ глаголамъ дѣйствительнымъ: *любилъ быхъ*, *далъ еси*. Оныя слова и этотъ придатокъ, необъяснимый греческимъ языкомъ, доказываютъ, что Славяне Мисійскіе и Сербохорватскіе долго жили подъ владычествомъ Латинъ, и потому привыкли латинословить и переводить глаголы, *amaу(i) egam*—*любилъ быхъ dedi(e) sses*—*далъ еси*. Счастливо сдѣланы мною эти наблюденія надъ двумя славянскими рукописями моими.

А еще счастливѣе былъ я, когда іеромонахъ, управляющій Филоѳейскимъ монастыремъ, принесъ мнѣ для прочтенія разныя архивныя дѣписанія, и въ числѣ ихъ критическое разсужденіе о началѣ монашества на Аѳонѣ, сочиненное въ первые годы нашего 19 вѣка какимъ то умнымъ Филоѳеитомъ. За это разсужденіе я давалъ управляющему 1000 піастровъ. Но онъ не согласился продать его мнѣ ни за какую цѣну. Тогда я поручилъ находившемуся при мнѣ Греческому іеродіакону Амфилохію переписать эту невидаль Аѳонскую. Онъ исполнилъ мое порученіе, какъ нельзя лучше; за то у меня уцѣлѣла тысяча піастровъ, нужная на

другіе расходы мои. Пока іеродіаконъ переписывалъ оное разсужденіе: неутомимо работалъ перомъ и я. Не помѣщаю здѣсь эти архивныя работы свои, потому что онѣ настоящему описанію путешествія моего по Аѳону придали бы толщину непомѣрную, и потому что имъ отведены мѣста, частію въ статистикѣ Аѳона, частію въ общей исторіи сей горы, и наконецъ въ сказаніи о самой обители Филоѳейской. Но признаю не излишнимъ изложить нѣсколько дѣловыхъ словъ о томъ: что было на мѣстѣ этой обители и сосѣдней съ нею Магулы до христіанства, и вскорѣ послѣ появленія его на Аѳонѣ, и какъ тутъ водворились монахи и давноли.

Одинъ Богъ знаетъ: кто жилъ, и что было на Филоѳейскомъ мѣстѣ до 1124 года дохристіанскаго. А въ этомъ году тутъ водворились выходцы изъ селенія Магулы, что близъ Спарты, и изъ Пелопонесоарголидскаго города Клеонэ, и новыя селитвы свои назвали такъ же Магула и Клеонэ (Κλεῶναι.). Названіе Клеонэ во множественномъ числѣ, подобное названіямъ Κλαζομέναι, Τερσόλορα, доказываетъ, что этотъ городъ расположенъ былъ на нѣсколькихъ мѣстахъ смежныхъ. Указываю эти мѣста, одно подъ обителью Филоѳея у вѣчно текущаго потока, а другое на ближнемъ взморьѣ, гдѣ издревле красуется лаврскій метохъ Милопотамъ, такъ называемый по имени сего потока, третье же мѣсто занимала Клеонская пристань подлѣ нынѣшняго монастыря Иверскаго, въ который еще не очень давно втягивались лодки прямо изъ моря, омывавшаго восточную стѣну его. Аѳонскій городъ Клеонэ, во время междоусобій Пелопонесской войны Грековъ въ 424 году до Р. Хр., состоялъ въ союзѣ съ Спартакцами. (Thucid. L. IV. c. 109). У гражданъ его былъ законъ: „не начальствовать и не избирать посланниковъ, моложе 50 лѣтъ. (Ἐκ τῶν Ἠρακλείδου περὶ πολιτείῳν.) Они почитали въ Милопотамскомъ предмѣстіи дѣвственную богиню Артемиду *Потамію*, занимавшуюся звѣроловствомъ: чему доказательствомъ служить бѣломраморная плита съ изваяннымъ на ней звѣремъ, бѣгущимъ отъ ловчаго, вставленная въ стѣны башни вышепомянутаго метоха снаружи. А въ

самыхъ Клеонахъ обожаема была таже Артемида *Потаміа*, но съ придаточнымъ прозваніемъ *Алфейя* по имени сосѣдняго *милаго потока Алфейя* (μελοπόταμος Алφείος), который понынѣ нарицается Милопотамъ *). По капищу этой богини, носившей прозванія φιλόθηρος, φιλάλφειος, и самая мѣстность просторѣчиво именовалась Филофійскою: что слышится и въ нынѣшнемъ названіи обители Филофейской. А мѣстность этой обители—лѣсисто. Идолопоклонникамъ Филофентамъ было гдѣ заниматься звѣриною охотою, и было за что прозывать Артемиду Филофироною (звѣролюбивою), Филалфейною.

Идолопоклонство на Аѳонѣ существовало до царствованія Константина великаго. А при семь государѣ водворилось тамъ христіанство и вотъ какъ. Аѳонскіе Цаконы, служившіе во флотѣ его, по всей вѣроятности, возили на царской галерѣ мать его Елену въ Іерусалимъ и оттуда въ Константинополь. Изъ Іерусалима они выпросили себѣ епископа, который крестилъ бы ихъ. Онъ привезъ съ собою иконы Пресвятой Дѣвы Маріи матери І. Христа и дѣвственнаго евангелиста Іоанна Богослова, и остановился въ городѣ Клеонахъ, гдѣ и основалъ епископію съ церковію во имя Богородицы. Съ сей поры въ этомъ городѣ почитаніе Артемиды Филалфейской смѣнилось почитаніемъ Маріи Богоматери и св. дѣвственника Іоанна въ замѣнъ чистыхъ дѣвственныхъ Нимфъ, всегда сопровождавшихъ Артемиду **). Съ этой же поры первая христіанская церковь въ Клеонахъ стала называться епископіею Богородицы, какъ это замѣтилъ Филофейтъ въ своемъ критическомъ разсужденіи объ Аѳонѣ: ἡ μονὴ τοῦ Φιλοθέου δείκνυται ἀρχαιοτάτη διότι αὐτὴ ἐχρημάτισε διὰ τῆς θεοτόκου ἐπισκοπεῖον, ὡς λέγουσι. ***). Эта епископія была средоточіемъ, изъ котораго свѣтъ христіанства озарилъ еще два, ближніе къ Клеонамъ,

*) Капище Артемиды Потаміи—Алфейской находилось на островѣ Сициліи. Ея воспѣвалъ Пиндаръ: ποτάμιος ἔδος Ἀρτέμιδος—престолъ *Дяны* поточной. Ея чтителище видѣлъ тамъ Павзаній.

**) Ἑλληνικὸν Πάνθεον. ὑπὸ Χαρισίου Μεγάλου. Πέστ. 1812. § 158.

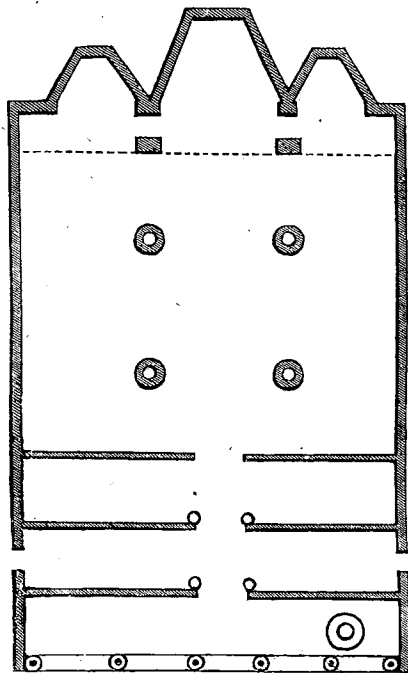
***) *Смотри мою истор. Аѳона. часть II. § 13.*—

города аѳонскіе, именно Карію, гдѣ, какъ увидимъ послѣ, почитаема была Артемида Имвіа (Ἰμμία), т. е. *Питая*, и потомъ замѣнена Богородицею Маріею *Всецѣлою*, и Діснь, въ которомъ, какъ скажемъ послѣ, находилось колодезное прорицалище богини Димитры, скрытое подъ алтаремъ нынѣшней соборной церкви монастыря Ватопе-Діона, посвященной Богоматери. Всѣ эти три города съ ихъ морскими пристанями составляли епархію Аѳон-клеонскаго епископа, по имени котораго даже пристани эти назывались Климентовыми. Городъ Клеонэ былъ разрушенъ въ 458 году тѣмъ страшнымъ землетрясеніемъ, которое тогда произвело большія опустошенія въ близкихъ къ Аѳону областяхъ, въ Фракіи и Еллиспонтѣ, въ Іоніи и на Цикладскихъ островахъ; *) но ровно черезъ сто лѣтъ (въ 558 г.) населили его жители Тессалійскаго городка Фтери (нынѣ Чаъзи), находившагося недалеко отъ устья тамошней рѣки Пинія на берегу Солунскаго залива, убѣжавъ оттуда отъ ужасныхъ Гунновъ. **) Съ этой поры въ межевыхъ книгахъ аѳонскихъ писался уже городъ Фтери, а не Клеонэ. Но память о Клеонобогородицкой епископѣи осталась въ немъ: знать, не всѣ жители Клеонскіе погибли отъ помянутаго землетрясенія. Фтерійцы построили тотъ храмъ Богоматери, который, какъ намѣчено мною выше, видѣлъ Барскій въ 1744 году и описалъ такъ: „*храмъ созданъ издревле отъ самыхъ плинѣвъ, кромѣ камня (безъ тесанныхъ камней) и, яко же повѣствуется и отъ зрака вѣтхости познавается, еще отъ древнихъ христіанъ, прежде населенія тамо иноческаго обитавшихъ... утвержденъ же есть на четырехъ столпахъ круглозданныхъ мраморовъ кромѣ (безъ) украшенія... разсѣдесе же на многихъ мѣстѣхъ и готовъ бѣше къ паденію.. Храмъ сей не крестообразенъ есть, но простъ, четвероуголенъ; имать же папертей двѣ, по два столпа зданна и мушнихъ; внѣшняя паперть имѣетъ два входа, внутренняя же входъ единъ, и кромѣ тѣхъ преддверіе; въ немъ точится источникъ воды“.* Судя по этому вѣрному описанію, я

*) Tablettes chronologiques. par Dufresnoy 458. an.

**) Смотр. истор. Аѳона. Часть 11 § 23.—

полагаю, что сей храмъ точь въ точь похожъ былъ на Вознесенскій храмъ, построенный царицею Пульхеріею въ первой половинѣ пятаго вѣка близъ нынѣшняго Есфигменова монастыря на Аѳонѣ, и представляю здѣсь планъ его: *)—

Городъ Фтери, какъ и всѣ города на Аѳонской горѣ, постигло величайшее бѣдствіе во время семилѣтней войны магометанъ Арабовъ съ Греками при царѣ Константиѣ Погонатѣ, съ 670 года по 676-й. Тогда вся эта гора опустѣла. Жители ея, избѣгая арабскаго плѣна, разошлись въ разныя мѣста, и болѣе не возвращались назадъ, потому что оный царь весь Аѳонъ отдалъ монахамъ, тогда скитавшимся по греческимъ городамъ, и бывшимъ большою тягостию для нихъ **). Эта передача произошла въ 680 году по опредѣленію шестаго вселенскаго Собора (Истор. Аѳона Ч. III. §. 1.). Съ этой поры монахи постепенно селились на Аѳонѣ подлѣ запустѣлыхъ городовъ, селъ и ихъ цер-

*) А планъ Вознесенскаго храма Пульхеріи смотри во втор. части моей исторіи Аѳона. §. 10.

***) Истор. Аѳона §. 26. Ч. 2-я.

квей, на отмежёванныхъ имъ участкахъ подъ прежними названіями, Меленà, Морфò, Фтери. Въ эту же пору возникъ и монастырь пресв. Богородицы посреди запустѣвшаго городка Фтери, и удержалъ эго прозваніе. Соборный храмъ былъ готовъ для него, тотъ самый, въ которомъ молились Фтерійскіе христіане. Строителемъ же сего монастыря, — можно полагать, — былъ монахъ Арсеній, котораго изображеніе видѣлъ Барскій на храмовой стѣнѣ. — Въ злополучное время иконоборства, продолжавшагося съ 726 года по 840-й, Фтерійская обитель нечаянно сподобилась принять подъ свой церковный кровъ ту самую икону, которая понынѣ чествуется въ ней подъ названіями, Сладкое цѣлованіе и и благовѣстительница. (*Γλοχοφουλοῦσα, Εὐαγγελίστρια*). Рассказываю какъ это было, имѣя подъ руками не очень давнее, греческое, рукописное повѣствованіе о сей иконѣ, сообщенное мнѣ любезнымъ епитропомъ Филоѳейскимъ.

„Во дни иконоборнаго греческаго царя Теофила (829—30 г.), въ палатахъ его жилъ Патрицій Симеонъ, такъ же иконоборецъ. А благочестивая и добродѣтельная жена его Викторія тайно держала у себя оную икону Богоматери и поклонялась ей. Зналъ это мужъ ея, и боясь царской опалы, требовалъ у ней икону для сожженія. Но она за лучшее почла пустить ее по морю, вѣруя и уповая, что небесная Владычица сохранитъ свой образъ. Вѣра и упованіе ея оправдались. Икона по морю донеслась до Аѳона, и тутъ остановилась у арсаны (зданія для мореходныхъ судовъ) монастыря Ксантопуловъ. Услышали объ этомъ (Фтерійскіе) старцы, и взяли икону въ свою обитель. Съ той поры понынѣ, ежегодно въ понедѣльникъ на Пасхѣ, τῆ δευτέρα τῆς διακαιησίμου, бываетъ крестный ходъ къ названной арсанѣ, и тутъ совершается освященіе воды предъ ликомъ сладколобызающей Богоматери, который (будто бы) написалъ св. Евангелистъ Лука“.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 830 года, во второе лѣто самодержавія вышепомянутаго царя Теофила, погибъ весь греческій флотъ въ сраженіи съ флотомъ Арабскимъ у острова Таса, лежащаго противъ Аѳона въ виду его. Послѣ этого событія Агаряне не пе-

реставали грабить всё острова. Въ числѣ ихъ подвергся опустошенію и Аѳонъ *опарусенный*, *velificatus* по выраженію Ювенала. Насельники его ушли, кто куда хотѣлъ и глядѣлъ. Но послѣ этого втораго запустѣнія Аѳона монахи скоро опять заселили эту гору *); Фтерійская же обитель снова возникла, но немного позже, такъ послѣ 870 года. Ее обновилъ какой-то монахъ Филоѳей; и потому она въ аѳонскихъ дѣписаніяхъ старинныхъ носила два названія, Фтери и Филоѳея, какъ это прочелъ я въ критическомъ разсужденіи Филоѳеита: ἐν τῇ δευτέρῃ ἐποχῇ ὁρᾶται τῷ 6,500—992 ἔτει ἡ ἱερά μονή οὕσα ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ ὁσίου Ἀθανασίου, ὡς ἐν τινὶ Κώδικι τῆς ἁγίας Λαύρας σημειοῦται περὶ Κάσπακος καὶ Ἀττί Ἰωάννου τῶν μονῶν, ἡ μονή ἡμῶν αὕτη ὀνομαζομένη τῆς Φτέρης καὶ Φιλοθέου.—

Довольно! Я оповѣстилъ самую первоначальную судьбу Филоѳейской обители до 992 года. Дальнѣйшее же сказаніе о ней отлагаю до другаго времени, когда Богъ сподобитъ меня писать исторію каждаго монастыря святогорскаго. Путешественникъ— не историкъ, а только собиратель матеріаловъ для исторіи той страны, которую онъ изучаетъ. Это я хорошо знаю, и потому начинаю излагать подобные матеріалы, какіе довелось мнѣ извлечь уже изъ устныхъ разсказовъ достопочтенныхъ Филоѳеитовъ и изъ недавнихъ экономическихъ записей ихъ.

Филоѳейскій монастырь—своежителенъ, *ιδιόρρυθμο*. Монахи получаютъ отъ него только пищу, и ничего болѣе. Епитроповъ, т. е. избранныхъ начальниковъ тутъ два, іеромонахъ для священнослуженія одинъ, діаконъ нѣтъ, монаховъ 32, большею частію Греки, а остальные Болгары и Молдованы.—Замѣчательно, что во всѣхъ святогорскихъ обителяхъ іеромонаховъ очень мало. Причина тому вотъ какая. Святогорцы, по первоначальному уставу иноческому, выработанному въ монастыряхъ и скитахъ египетскихъ, справедливо смотрятъ на монаховъ, какъ на мірянъ, но уже отслужившихъ міру, и служащихъ Богу, и не причисляютъ ихъ къ церковному клиру, т. е. къ пре-

*) Истор. Аѳона. Ч. III. §§. 7. 8.

свитерству и діаконству, какъ это дѣлаемъ мы. Такой взглядъ на монаховъ видѣнь и въ Соборныхъ постановленіяхъ, кои назначаютъ имъ наказанія за проступки, какъ мірянамъ, а не какъ церковнымъ клирикамъ.

Имѣнія Филоѳейскаго монастыря суть: 1) околотокъ его на самомъ Аѳонѣ съ разнодревеснымъ лѣсомъ, виноградниками, масличіями, огородами и сѣнокосомъ; 2) мельницы и кузница подлѣ монастыря; 3) арсеналь на берегу моря съ тремя парусными лодками; 4) одиннадцать келлій, врозсыпь стояція на монастырской землѣ, кои отдаются монахамъ въ наемъ; 5) одно подворье (*χο-υάκι*) въ Кареѣ; 6) на островѣ *Θασ* два метоха, одинъ во имя архангела Михаила, въ церквѣ котораго хранится крестный гвоздь, а другой во имя св. Іоанна Богослова съ масличнымъ садомъ (500 деревъ); 7) на Каламаріи метохъ съ пахатною землею, дающею 200 *мазуръ* (700 пудовъ) зерна; 8) въ Адрианополѣ домъ: отсюда приводятся въ монастырь поклонники; 9) въ Грузіи близъ Тифлиса метохъ съ деревенькою (17 домовъ) и виноградникомъ.— На островѣ Лимносъ метохами и имѣніями Филоѳейскими завладѣли Турки. Они продали бы ихъ: но монастырь не въ состояніи выкупить ихъ.

Доходы онъ получаетъ 1) отъ продажи своего строеваго лѣса и своихъ орѣховъ и углей, 2) отъ поклонниковъ, 3) отъ найма келлій, 4) отъ продажи масла деревяннаго, 5) отъ метоховъ и 6) отъ таксидіаровъ, т. е. милостынесобирателей своихъ, которые черезъ четыре и пять дѣтъ присылаютъ монастырю по три, по четыре тысячи піастровъ. А подспорьемъ служатъ мѣстные огороды, виноградники, да пахатная земля на Каламаріи. Однако вино и пшеница прикупаются.

Въ монастырскомъ архивѣ я нашель экономическую роспись доходовъ и расходовъ монастыря въ 1836 году. Представляю здѣсь крупныя итоги ея для любопытства, а пожалуй, и для узнанія силы денегъ.

Λαβή—доходъ.

Δόσις—расходъ.

6,587:	προς	26,332: 20:	μεγάλα έξοδα.
2,145:	κελλιῶν	1,075: 10:	εἰς σιώπηδ..
55,600: 30:	μεγάλη λαβή.	2,139: 20:	εἰς βορδονάρ.(конюхи.)
15,527: 30:	τοῦ μάστ. βαγγέλη	16,191: —	εἰς τὴν σοδιαν.
10,111: 20:	τοῦ Γρ. ζαμάτη	4,225: —	εἰς τὴν θάσον.
<hr/>		<hr/>	
89,972: 00:	ἡ σούμμα τῆς λαβῆς.	49,963	πιάστρα и 10 паричекъ.
70,651: 30:	ἡ σούμμα τῆς δόσεως.	6,111: 20:	εἰς τὸ κοινόν (Протатъ)
<hr/>		<hr/>	
19,321:		11,364: 20:	εἰς τὸ μετόχι.
7,135:	τὰ ὅσα παραδίδουν οἱ ἐπι- τροποι ἀπὸ ὁμολογίας (век- селья) καὶ δάνεια.	3,212: 20:	ἕτερα εἰς τὸ μετόχι.
<hr/>		<hr/>	
12,186.		70,651	πιάστρ. 30 паричекъ.

Итакъ, на наши деньги, доходу было въ 1836 году 4,498 руб., а расходу 3,532 рубли.

Такъ какъ годъ на годъ не походить, и бываетъ урожай и неурожай маслинъ, орѣховъ и винограда; то въ нынѣшнемъ 1845-мъ году, по объявленію Епитрона, доходу было только 50,000 піастровъ: въ это число поступили 10,000 піастровъ, вырученныя продажею орѣховъ.

Тотъ же Епитронъ говорилъ мнѣ, что монастырь пилить и продаетъ сосновыя доски, что пчель у него нѣтъ, и потому воскъ для церковныхъ свѣчъ покупается, и что всѣхъ податей съ него взимается отъ 7 до 8000 піастровъ.

А вотъ и еще свѣдѣнія, но не касающіяся обитатели Филоея:—

— Турецкій ага, блюститель полицейскаго порядка на Аѳонѣ, получаетъ жалованья отъ Протата 20,000 піастровъ.

— Въ 1837 году, когда нашимъ повѣреннымъ въ дѣлахъ при Оттоманской Портѣ былъ баронъ Рикманъ, русскіе монахи, именно, Астраханскій архимандритъ Евгеній, Іеромонахъ Самуилъ изъ русскихъ грековъ, и іеромонахъ Амвросій настоятель нашей по-

сольской церкви въ Константинополѣ, домогались овладѣть однимъ монастыремъ на Аѳонѣ, дабы въ немъ жили исключительно одни Русскіе. Но узнавъ объ этомъ Протатъ, и отринувъ эту русскую затѣю, не пожалѣвъ дать туркамъ и фанаріотамъ 200,000 піастровъ, только бы не было русскихъ хозяевъ на св. горѣ. Къ тому же, и вышешоименованные затѣйщики разсорились между собою и разошлись, потому что каждый изъ нихъ предлагалъ и упорно отстаивалъ *свою* надпись на воротахъ будущаго русскаго монастыря: моя, молъ, надпись хороша, а твоя не годится. (Дѣти!)

— На Аѳонѣ проживаетъ одинъ Русскій, именемъ Петръ, подкидышъ и воспитанникъ Московскаго воспитательнаго дома, муштина лѣтъ сорока, и играетъ роль сумасшедшаго или юродиваго. Онъ написалъ *жизнь ангела*, т. е. свою собственную.

— Но вотъ новость изъ новостей! На Аѳонѣ были и есть келліаши, которые воображаютъ, что они въ св. Причастіи принимаютъ въ себя не всего Христа, а только частицу его, кто ушко, кто глазокъ, кто носокъ, пальчикъ, ножку и проч. За эту ересь Протатскіе властители утопили въ морѣ 70 келліашей, и такимъ способомъ прекратили распространеніе заблужденія. — Грекамъ давно надоѣли ереси. Они не любятъ ихъ и хоронятъ въ морѣ. Туда имъ и дорога.

Кончены мои занятія. Спасибо этому дому: пора къ иному. Ёду въ Ксиропотамъ. Sic volo.

Х

Путь до Ксиропотама. Мои занятія въ этомъ монастырѣ и свѣдѣнія о первоначальной судьбѣ его.

Сентября 30. — Не рано я отправился изъ Филоѳейской обители по той самой дорогѣ, которая привела меня въ нее изъ Руссика, назадъ тому нѣсколько дней, т. е. сперва по круто-

ярому отрогу Аѳона и потомъ по хребту сей горы до того мѣста, гдѣ водруженъ деревянный крестъ, обозначающій границу Ксиропотама и Руссика. Отъ сего креста торная дорожка, давнымъ давно утопанная мулами и монахами, спустила меня и весь поѣздъ мой, по крутому склону, въ равнинную долину, нечувствительно понижающуюся къ морю. Красива эта долина. Справа она окаймлена лѣсистыми холмами, за которыми находится такъ называемая Анапавсія *) — покойное мѣсто для отшельниковъ келліашей, а слѣва холмами безыменными. Въ срединѣ ея представились взорамъ моимъ, сперва лугъ, по здѣшнему ливада, потомъ каменный струйникъ съ льющеюся изъ него сладкою водою, противъ него какія то развалины, а далѣе дубовый лѣсъ, и потокъ Хлоропотамѣсъ, обдѣланный какъ открытый водопроводъ. Названіе сего потока *хлоросъ* вполне соответствуетъ зеленой мѣстности, по которой онъ течетъ въ монастырь Ксиропотамскій. Пріятно мнѣ было ѣхать тутъ и любоваться роскошною зеленью луговъ и деревь, и свѣтлыми, чистыми струями хлоропотамской водотечи. Я не спѣшилъ, и потому прибылъ въ Ксиропотамъ уже вечеромъ. Здѣшніе отцы и братія приняли меня ласково и помѣстили въ самомъ лучшемъ архондарикѣ. Видно было, что они помнятъ заповѣдь апостола: *страннолюбія не забываютъ*.

О к т я б р ь .

Отъ 1-го до 8-го дня. — Седмъ дней я прожилъ въ обители ихъ, неустанно занимаясь своимъ дѣломъ, т. е. собраніемъ надлежащихъ свѣдѣній о прошедшей судьбѣ и о настоящемъ состояніи ея. Этотъ сборникъ мой оказался необъемистъ даже при внесеніи въ него свѣдѣній изъ архивовъ другихъ монастырей аѳонскихъ; но за то многоцѣнны достоверность изложенныхъ въ немъ сказаній и строгость моихъ сужденій о нихъ. Началъ я

*) У Барскаго неправильно: *Анаксатионъ*.

дѣло свое обозрѣніемъ обители, о которой идетъ рѣчь; потомъ осмотрѣлъ бібліотеку ея, затѣмъ черпалъ изъ архивной глубины ея, и наконецъ слушалъ, что говорили Ксиропотамцы.

„Ксиропотамъ,—начинаю говорить устами незабвеннаго Барскаго,—стоитъ, недалече отъ моря, на мѣстѣ прекрасномъ и зѣло веселомъ, при изобиліи текущихъ водъ и при воздухѣ здоровомъ и мѣрномъ въ хладѣ и теплотѣ, между изрядными виноградными и садами, идѣже обрѣтаются орѣхи, маслины и инны различнаго плода дерева; находится же на самой срединѣ всей долготы Аѳонской горы, на странѣ западнѣ; все же его мѣсто простирается яко на полтора часа хожденія въ долготу и на полтора часа въ широту“.

Поземельный участокъ его граничитъ къ сѣверу съ хребтомъ Аѳона, къ югу съ моремъ, къ востоку съ околоткомъ монастыря Симопетрскаго, а къ западу съ владѣніемъ Руссика. Ксиропотамскій монастырь есть четырехсторонникъ, болѣе длинный отъ запада къ востоку, чѣмъ широкій отъ юга къ сѣверу. Въ связи со всѣми четырьмя сторонами его настроены монашескія кельи, разныя кладовыя, водяная мельница, келейные храмы (паклисы) и больница съ маленькою церковію св. безребренниковъ, которая сооружена тутъ въ 1766 году 27 іюля иждивеніемъ проигумена Діонисія. Всѣхъ келлій при Барскомъ въ 1744 году было 70. А я не считалъ ихъ. Мое вниманіе обращено было на водосвятный Фіаль и струйникъ, на остатки древностей, и на соборную церковь, которая стоитъ въ срединѣ пространнаго двора монастырскаго: названный Фіаль въ видѣ пролетной ротонды съ мраморными колоннами, и съ покоящимся на нихъ круглымъ куполомъ внизу между этими колоннами связанъ мраморными плитами, на коихъ изсѣчены разныя изображенія, (къ сожалѣнію не описанныя въ дневникѣ моемъ.) На одной плитѣ видѣнъ выпуклый видъ Ксиропотама, какимъ онъ былъ въ прошломъ столѣтіи.—За алтаремъ соборной церкви, на лѣво отъ нея, недавно сооруженъ мраморный струйникъ (фонтанъ.). Надъ карнизомъ его помѣщена новѣйшая надпись: *Ῥωμαῖος καὶ Κωνσταντῖνος ἐν χριστῷ*

πιστοὶ βασιλεῖς καὶ κτίτορες $\mu\epsilon\tau\alpha\ \overline{\epsilon\sigma\upsilon\lambda\eta}$ $\iota\upsilon\delta\iota\kappa\tau\acute{\iota}\omega\nu\omicron\varsigma$ β : то есть; *Романъ и Константинъ во Христѣ вѣрные цари и ктиторы 6438 (930) года индикта 2*. Еще лѣвѣе въ сѣверной стѣнѣ монастыря стоитъ весьма древняя башня. На ней позлащенной мозаикою смастерена греческая нестаринная надпись: *Романъ вѣрный царь и самодержецъ Ромеевъ*.—На южной половинѣ монастырскаго двора направо отъ главной церкви высится колокольня. Она сама по себѣ незамѣчательна; но въ лицевую сторону ея низко вставлены два бѣломраморные барельефа; или лучше, двѣ изваянныя головы, кои я разсмотрѣлъ съ большимъ вниманіемъ. Одна изъ нихъ съ кудрявыми волосами, невзрачная, некрасивая, выдается за обликъ царицы Пульхеріи, ктиторши Ксиропотама, а другая, меньшая первой, съ немногими волосами на головѣ и безъ бороды, пожилая, указывается поклонникамъ, какъ ликъ св. Павла Ксиропотамскаго, строителя описываемой мною обители. Эта вторая голова вставлена въ четырехугольную каменную плиту сѣроватаго цвѣта. Въ плитѣ же этой вверху около головы изсѣченъ кругъ въ родѣ сіянія, какое рисуется на иконахъ, а внизу изсѣчены одежда и большой крестъ, какъ-бы повѣшенный на шеѣ бюста на лентѣ; на сторонахъ же плиты помѣщена надпись: *св. Павелъ Ксиропотамскій, сынъ благочестивѣйшаго царя Михаила*. Барскій въ 1744 году не видалъ этихъ головъ. Стало быть: онѣ послѣ него найдены были гдѣ нибудь, или смастерены для нагляднаго и осязательнаго подтвержденія извѣстнаго преданія о Пульхеріи и Павлѣ, яко строителяхъ Ксиропотама.—Напротивъ колокольни, когда задомъ станешь къ онымъ головамъ, увидишь высоко на ближней стѣнѣ какого-то зданія бѣломраморную плиту съ изсѣченнымъ въ ней изображеніемъ, котораго я никакъ не могъ понять, чуть ли не потому, что оно вставлено неправильно. Думалось, что тутъ видится богиня Димитра, или надмогильная ($\epsilon\pi\tau\acute{o}\rho\epsilon\iota\alpha$) Венера, или просто чей либо надгробный памятникъ. Глазъ мой еще не привыкъ хорошо разглядывать и разгадывать языческія изваянія. За то въ соборной церкви Ксиропотамской я знаю свое дѣло. „Эта церковь съ основаній вновь построена

въ 1763 году на мѣстѣ прежней старинной, которую видѣлъ и описалъ Барскій, замѣтившій въ ней многія расцѣлины. Налѣво отъ входа въ нее со двора въ стѣну вставлена малая икона св. великомученика Димитрія, отчетливо изваянная изъ зеленоватаго мрамора. По сказанію Барскаго она находилась въ храмѣ св. Софіи Цареградской, и оттуда принесена въ Ксиропотамъ сингелломъ вселенскаго патріарха Григоріемъ, который купилъ ее у пріятелей своихъ Турковъ, часто ходившихъ въ названный храмъ. Когда же это было? Я полагаю, что икона, о которой идетъ рѣчь, куплена была онымъ Григоріемъ въ 1568 году, когда султанъ Селимъ, сынъ султана Сулеймана, съ гнѣвомъ велѣлъ вынести изъ Софійскаго храма четыре мраморныя плиты, вставленныя въ стѣну его на лѣвой стронѣ, на которыхъ изваяно было вѣроисповѣданіе царя Мануила порфиророднаго по случаю преній о словахъ Христовыхъ: *Отецъ мой болѣе меня Есть.* *) Тогда было кстати пріобрѣсть и помянутую икону, дабы не замѣтилъ ее Селимъ, и не разгнѣвался на Имамовъ, берегущихъ святыни христіанскія. Усладившись видѣніемъ этой древней иконы, я вошелъ въ большой притворъ церкви, а изъ него чрезъ среднюю дверь внутрь ея. Все это святилище расписанно въ 1783 году кистію далеко нехудожною, да и зодчество его неказисто. Но въ немъ хранятся, кромѣ многихъ святыхъ мощей, шесть достопримѣчательностей, какъ то, Крестъ изъ животворящаго древа Господня и чашечка *Пансехри*, данная дѣвственною царицею Пульхеріею, такой же крестъ, но гораздо большій, пожертвованный Греческимъ царемъ Романомъ Лакапинымъ, рукописное евангеліе малаго размѣра, по шелку шитые золотомъ лики сего Романа и царя Андроника старшаго, и два архіерейскіе посоха изъ янтаря.—Крестъ Пульхеріи, по описанію Барскаго,—съ единымъ поперечіемъ, имѣяй длины на пядь, широты же на перстъ, тягости же золотниковъ 26, зракомъ черный, обрѣтается въ кивотѣ съ четырьмядесять частицами Святыхъ 40 мученикъ, тамо по чину окрестъ креста лѣпо

*) Сказаніе объ этомъ событіи найдено было мною въ бібліотекѣ Синайскаго монастыря, и тамъ же списано.

и неподвижно укрѣпленными, съ подписаніемъ ихъ (именъ). Онъ внѣ святыхъ горы износится въ міръ, освященіемъ воды исцѣляетъ различныя немощи, и прикосновеніемъ отгоняетъ недуги съ вѣрою поклоняющихся ему.—Чаша Пульхеріи мелкая, аки на длань широкая, съ обложеніемъ чистаго золота (этого оклада я уже не видѣлъ) и подписаніемъ Ея царскаго имени (ΠΟΥΛΧΗΡΙΑ на краю снаружи), сочиненная чрезъ нѣкихъ мудрецовъ отъ нѣкоего камня, мню, не естественно (напротивъ!), но хитростно смѣшанна, испускаетъ благоуханіе сладкое, аки святыхъ мощи, цвѣтъ же или зракъ имать бѣлъ (бѣложелтоватъ) растворенъ съ малозрачною зеленостію: въ ней же внутрь зѣло тонкимъ художествомъ, на подобіе кресторѣзанія, изсѣченна есть цѣлая литургія Христова, святыми ангелами служима, въ удивленіе зрящимъ. Именуется же отъ Грековъ чаша оная *Пансехри*, невѣмъ, какого языка рѣченіемъ и что знаменуетъ, но мню, что питіе въ ней бываше всякой немощи врачеваніе“. Это—чашечка для храненія Христова, которое древніе христіане держали въ домахъ, и тѣла которымъ причащались предъ путешествіемъ своимъ. Посему весьма прилично изваяны въ ней орудія страстей Господнихъ, лики ангеловъ и чинъ св. литургіи; прилично и названіе сего блюда *Пансехри* *).—„Животворящій крестъ, отъ царя греческаго Романа стараго дарованный, въ сребропозлащенномъ ковчезѣ, съ двумя поперечными прелоги, содѣланъ отъ подножія Христова, си есть, отъ оной части, на ней же пригвождены быша Пречистыя нозѣ Его, на немъ же и дѣра обрѣтается древняя, въ ней же гвоздь бѣше; которому азъ со страхомъ поклонившися и съ вѣрою и благоговѣніемъ его лобызавши, положихъ его на чистой бумагѣ, и очертихъ Его мѣру: си есть, второй нижайшій прекладъ (перекладина) простирается едва не на пядь, вышшій же и кратшій широты имать на полтора перста, толстоты же яко на полперста, долготы же едва не полторы пяди; вѣсу же драхмъ сто, яко же въ копіи хрисовула свидѣтельствуется; есть

*) Πάν σοι χρεῖ: Тутъ все, что тебѣ надобно, т. е. исцѣленіе души и тѣла.

же цвѣтомъ или зракомъ не въ самой крайней черности, но нѣ-
како черносвѣтль; откровенъ есть отвсюду, точію по рогамъ
(краямъ) мало златомъ ушпцрень“.— Это животворящее древо, и
наипаче гвоздинную язву въ немъ и я недостойный лобызалъ съ
вѣрою и величайшимъ благоговѣніемъ. А на маленькое евангеліе
мельчайшаго письма взглянулъ мелькомъ, потому что въ немъ не
показанъ годъ появленія его. Оно принадлежитъ къ числу еван-
гелій, кои греческіе архіереи носили и носятъ на груди своей,
когда посѣщаютъ свои епархіи: тогда они читаютъ ихъ то надъ
головами своихъ пасомыхъ, то при освященіи воды. Такія еван-
гелія, камъ малыя, имъ не трудно носить на себѣ.— Что касается до
шитыхъ шелкомъ и золотомъ ликовъ Романа и Андроника; то
шитые сіе, далеко не художественное, смастерено было въ Мол-
довлахіи около 1759 года, когда Ксиропотамцы съ животворя-
щимъ Древомъ собирали тамъ подаянія на устройство своей оби-
тели. Подобное шитье небольшой плащаницы, изготовленной
свѣтлѣйшею Роксандрою, супругою Молдовлахійскаго воеводы
Александра Каллимахи, въ 1796 году, я видѣлъ въ Аѳонскомъ
Руссикѣ.— Въ Ксиропотамской ризницѣ мнѣ показали рукописную
службу св. царицѣ Пульхерин и два архіерейскіе посоха, состав-
ленные изъ цѣльныхъ и большихъ кусковъ желтаго янтаря,—
одинъ другаго лучше. На одномъ я замѣтилъ Греческую надпись.
Она гласитъ, что въ 1685 году Константинъ Дука воевода Мол-
давскій подарилъ сей посохъ Гедеону архіепископу Кесаріи Кап-
падокійской. Сей іерархъ скончался въ Ксиропотамѣ.

Драгоценны всѣ оныя сокровища, хранящіяся въ этой оби-
тели. А бібліотека ея содержитъ однѣ печатныя книги. Руко-
писей въ ней нѣтъ. Это удивительно, но дѣйствительно. Изъ
числа печатныхъ книгъ я взялъ для чтенія три, тогда неизвѣст-
ныя мнѣ изданія, имѣнно: а) *Liturgiarum orientalium collectio*
Eusebii Renodoti Parisini Tom. I. II. собраніе восточныхъ Ли-
тургій Евсевія Ренодота въ двухъ томахъ; б) *Graeciae orthodoxae*
Tom. I. II. in quibus continentur scriptores Nicephorus Blemmida,
Ioannes Veccus et caeter. de processione spiritus sancti et aliis.

Romae 1652 an: два тома православной Греції, въ которыхъ со-
держатся сочиненія Никифора Влеммида, Иоанна Векка и другихъ
объ исхожденіи святаго Духа и о прочемъ. Въ Римѣ 1652 г.
Stephani Byzantini de urbibus, Στέφανος περί πόλεων. Amsterdam.
1678: Стефана Византійскаго о городахъ. Восточныя литургіи
Несторіанъ, Сирианояковитовъ и Коптовъ показали мнѣ достой-
ными самаго внимательнаго изученія; и потому я упросилъ Кси-
ропотамскихъ отцовъ дать ихъ мнѣ на все время пребыванія мо-
его на Аѳонѣ, обѣщавшись возвратить ихъ въ неповрежденной
цѣлости предъ отъѣздомъ съ св. горы: что и исполнено. А сочи-
ненія Влеммида и Векка о св. Духѣ я принялъ къ свѣдѣнію, *)
выписавъ изъ предисловія къ второму тому ихъ одно коротенькое
сказаніе о томъ, что „патріархъ Веккъ (латинумудрествовавшій)
и ученики и сподвижники его Константинъ Мелитиніотъ и Геор-
гій Метохитъ, оба діаконы, скончались въ узахъ и темницахъ,
первый послѣ 14 лѣтняго, второй послѣ 24 лѣтняго, и третій
послѣ 45 лѣтняго заключенія за преданность Римскому догмату
и папѣ“. Изъ книги же Стефана Византійца о городахъ, снаб-
женной многочисленнѣйшими примѣчаніями, извлечены были мною
свѣдѣнія объ Аѳонѣ и о городахъ, существовавшихъ на этой го-
рѣ въ пятомъ и шестомъ вѣкѣ христіанскомъ. Оказалось, что
тогда тамъ были города, Аѳось, Акроаѳось, Стратоникія, Оло-
фиксось, Санись, Аканѳось, Аполлонія, Діонъ. Послѣ стяжанія
этихъ свѣдѣній нельзя было и думать о томъ, что Константинъ
великій († 337 г.) выселилъ съ Аѳона мірскихъ жителей и от-
далъ эту гору монахамъ.

Не богатые прибитки знанія получилъ я въ бібліотекѣ Кси-
ропотамы: а изъ архива сей обители довелось мнѣ почерпнуть,
кромѣ чистой воды, и мутную: я разумѣю поддѣльные хрисовулы
(грамматы съ золотыми печатями), будто бы пожалованные Кси-
ропотаму греческими царями Романомъ Лакапинимъ и Андрони-
комъ старшимъ. Эти хрисовулы напечатаны Ксиропотамскимъ мо-

*) Впослѣдствіи удалось мнѣ найти и купить эту рѣдкую книгу.

нахомя Кесаріемъ Дапонтѣ († 1784 г.) въ особой книжицѣ подѣ названіемъ *Τραπεζα πνευματικῆ—брашно духовное*. Сіе брашно совали мнѣ въ руки властные старцы, но я упросилъ ихъ показати мнѣ рукописныя свитки, какіе хранятся въ ихъ архивѣ. Эти свитки, къ величайшему удовольствію моему, были представлены мнѣ; и я прочелъ ихъ и переписалъ своею рукою.

А теперъ обсуживаю ихъ съ неумолимою строгостію, имѣя подѣ руками *иномонастырныя*, соприкосновенныя къ нимъ Дѣписанія, какъ пробы, показывающія мишуру и золото, ложь и истину; предварительно же вкратцѣ излагаю житіе преподобнаго Павла Ксиропотамскаго, которому (будто бы) царь Романъ старшій пожаловалъ животворящее древо креста при хрисовулѣ своемъ, излагаю, какъ оно напечатно въ отдѣлѣ греческой Четъ—Минеи, называемомъ *νεδὸν ἐκλόγιον*.—

„Преподобный Павелъ, въ мѣрѣ Прокопій, былъ сынъ греческаго царя Михаила Куропалата, по прозванію Рангавэ, и Прокопіи дочери царя Никифора Геника. Отецъ его царствовалъ съ 811 года по 813, и потомъ омонашился. А преемникъ его Левъ Армянинъ оскопилъ младенца Прокопія. Когда же этотъ младенецъ сталъ мужемъ, и бывши Упатомъ философъ презрѣлъ мѣръ и всю суету его, тогда ушелъ на Аѳонскую гору, и тутъ поселился въ Ксиропотамской обители, построенной царицею Пульхеріею, но не задолго предѣ тѣмъ опустошенной агарянами. Въ сосѣдствѣ съ нимъ жилъ благочестивый отшельникъ Козьма. Отъ него Прокопій принялъ монашескій постригъ съ именемъ Павла. Началось строгое подвижническое житіе его, и со временемъ прославилось на всей святой горѣ. Между тѣмъ на греческій престоль взонель родственникъ его Романъ Лакапинъ (въ 919 году). Онъ вызвалъ съ Аѳона преподобнаго Павла, и молитвами его получивъ исцѣленіе отъ тяжкой болѣзни, поручилъ ему воспитаніе и обученіе дѣтей своихъ, но скоро отпустилъ его назадъ, давши ему деньги на возобновленіе Ксиропотамской обители, и пожаловавъ великую часть Животворящаго древа крестнаго съ пробоиною отъ гвоздя, которымъ пригвождены были стопы І.

Христа, вѣсомъ въ сто золотниковъ, толщиною съ переть, (положенный плащя), шириною въ два перста (положенные такъ же), и длиною въ локоть съ четвертью. Павелъ возобновилъ Ксиропотамъ великолѣпно и собралъ къ себѣ множество монаховъ, но вскорѣ оставилъ ихъ, и удалился въ подгорье Аеона, гдѣ и выстроилъ другую обитель съ церковію во имя св. великомученика Георгія при пособіи царской казны, высланной ему изъ Константинополя. Эта обитель нынѣ называется Свято-Павловскою. Первымъ настоятелемъ ея былъ самъ онъ, впрочемъ недолго, потому что вскорѣ померъ. Останки его отвезены были въ Константинополь, и тамъ положены въ Софійской церкви, (по другому сказанію въ обители Перивлентосъ, что нынѣ Армянскій Сулу—монастырь.)“

Въ это житіе многое внесено изъ хрисовула царя Романа старшаго. Подлиннаго хрисовула этого нѣтъ: а есть два списка на пергаминахъ, кои и передаются здѣсь въ русскомъ дословномъ переводѣ съ показаніемъ ихъ разностей.

Во имя Отца и Сына и святаго Духа.

Романъ вѣрный царь и самодержецъ Ромеевъ. Всѣхъ благъ податель и видимой и невидимой твари Создатель сначала создалъ челоуѣка безсмертнаго съ тою цѣлію, чтобы онъ, хотя и двусоставный пребывалъ подобенъ упрощеннымъ (*ἀπλοῦς ἑρῶν*) ангеламъ и прославлялъ Благодарителя, не потому, чтобы Создатель требовалъ славы отъ созданія, такъ какъ Онъ ни въ чемъ не нуждается, а для того, чтобы созданіе, воздавая создателю должную славу, сподобилось справедливаго прославленія, и былобы подобно ангеламъ. Но поелнку напередъ сотворенный (Денница) и прежде увеселявшійся упрощенностію своею не потерпѣлъ видѣть челоуѣка, почтеннаго тою же упрощенностію (*ἀπλότητι*), и выдумавъ противоположныя (райской заповѣди) увѣренія, напечаталъ ему, что самъ-де онъ богомъ будетъ, если вкуситъ отъ дерева познанія, и пошатнувъ его, низвергъ на землю. Падшій же лежалъ, какъ трупъ жалкій и достойный состраданія неалаго, такъ какъ у него уже не было и силы встать когда либо.

Ибо три средства ему нужны были для того, чтобы возвратить себѣ первое достоинство, смиреніе вмѣсто прежней гордости, послушаніе вмѣсто прежняго преслушанія, и наконецъ добровольная смерть за родъ (человѣческій), противъ котораго онъ, прельщенный, согрѣшилъ. Но онъ не только выполнить сего, но и удалиться отъ грѣха не могъ. Посему создавшій его изначала Богъ тріупостасный опять вспомнилъ его въ послѣднее время, такъ что и самъ Единородный Сынъ божій, сниспедши изъ Отчихъ неописанныхъ нѣдръ, ради человѣковъ человѣкомъ дѣлается:

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

За что Ему всякій благочестивый неотмѣнно долженъ воздавать служебное поклоненіе, и приносить всякіе посильные дары отъ всей души, и отъ всего помышленія и отъ всего имущества, по словамъ десято-словія.

В с е г о
э т о г о
н ѣ т ѣ
з д ѣ с ѣ.

Посему мудрый законодатель древняго Израиля говорилъ: „*уста-ми твоими*“ и сердцемъ твоимъ и руками твоими *да прославишь Бога*. И еще нѣгдѣ: „*аки отъ лица божія да не явишия предомною тоуѣ*: показуя, что такими (дарами) надобно прославлять Бога, который одинъ есть непогрѣшимый цѣнитель ихъ. А ежели это есть неот-

Въ спискѣ 2-мъ.

За что Ему всякій благочестивый неотмѣнно долженъ воздавать служебное поклоненіе, и приносить всякіе посильные дары *устами и душою и сердцемъ: устами ежедневно, при всѣхъ и наединѣ, воспѣвать, благословлять и прославлять его долготерпѣніе и попеченіе о чело-вѣческомъ родѣ: душою же непре-станно служитъ Ему, какъ Богу: а сердцемъ само-произвольно приносить Ему самое лучшее и драгоценнѣйшее изъ того, что имѣется, какъ единому виновнику и подателю всѣхъ благъ.*

Посему и мудрый законодатель древняго Израиля говорилъ: „*устами твоими и сердцемъ твоимъ и руками твоими*“. И еще: „*Аки отъ лица божія да не явишия предо мною тоуѣ*“*)

Т о ж е

*) Исход. 23, 15.—34. 20.—

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

мѣнный долгъ всѣхъ благочестивыхъ, то кольми паче воцарившихся съ помощію Его; да и по двумъ причинамъ они должны приносить многія благодаренія Владыкѣ всѣхъ, потому что паче прочихъ почтены Имъ обширно, и потому что имъ надлежитъ быть образцами добродѣтели и примѣрами благочестія. Таковыми же дарами должно почитать и пречистую Матерь Его и дѣву Богородицу Марію, какъ виновницу спасенія всѣхъ; а послѣ нея и досточтимое древо животворящаго креста надобно почитать и поклоняться Ему. Ибо о немъ говоритъ царепророкъ Давидъ: „вознесите Господа Бога нашего, и поклоняйтесь подножію ногу Его яко свято Естъ“ *). Посему то и благочестивая царственность моя, заботясь о подданныхъ и о всѣхъ около себя попеченіе имѣя, такъ какъ законъ всякому Еллину и варвару повелѣваетъ подвизаться даже до крови за единоплеменниковъ, а законъ Божій, паче онаго богонаучительный и свѣтлѣйшій, каждому повелѣваетъ предавать себя самого за другаго, благоволила царственность моя въ защиту преподобнѣйшихъ монаховъ аѳонской уважаемой обители приснопамятной царицы Пульхеріи дѣвицы возобновить стѣны. Ибо я нашелъ ее сравненную съ землею и совершен-

Въ спискѣ 2-мъ.

Т о ж е

Т о ж е

Т о ж е

Т о ж е

Т о ж е

Т о ж е

благоволила держава благочестивой царственности моей въ защиту монаховъ аѳонской дѣвицы возобновить стѣну.

*) Псал. 98, 5.

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

но разрушенную, такъ что стѣны ея словно призраки въ водѣ.

Тоже,

Ἐπιχαλουμένην прозываемая

но

не въ скобкахъ.

... Павла преподобнаго по прозванію Ксиропотамскаго, при помощи благодати божіей, построила храмъ обширный и красивый, и пожаловала ему одежды золототканныя и многія златошвейныя ризы, и священные покровы, и святую чашу съ дискосомъ изъ золота, а около него—дома пространные, т. е. страннопріимницы и постели съ приборомъ для приходящихъ, еще же и стѣны высокія и башни и бойницы многія (προμαχώνας), не подобныя прежнимъ, но гораздо лучшія и удивительнѣйшія, да будутъ твердынею для монаховъ и благочестивыхъ мужей, великолѣпныя на взглядъ, слуху же (молвь) пріятнѣйшія по причинѣ всѣми уважаемой въ нихъ добродѣтели: ибо тутъ находится паственная ограда Христова, которой овецъ не могутъ распудить чувственные и духов-

Въ спискѣ 2-мъ.

призраки въ водѣ.
(Такова была уважаемая обитель и Богомвѣнчанныхъ страсготерпцовъ святыхъ Четыредесяти, древле прозванная ἐπιχαλουμένη, Химарросъ, нынѣ же Ксиропотамъ, такова, что и подобія стѣны не видать по причинѣ озорничества руки Измаильтянь). Но царственность моя, воспользовавшись содѣйствіемъ образователя подвижниковъ ἀλεϊπτη *) Упата философъ преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго, при помощи благодати божіей, построила храмъ обширный и весьма красивый, и около него дома пространные и стѣны высокія, не подобныя прежнимъ, но гораздо лучшія и удивительнѣйшія, да будутъ твердынею для монаховъ и благочестивыхъ мужей, великолѣпныя на взглядъ, μεγαλοπρεπή μὲν τῆ θεᾶ, τοῖς δὲ λογισμοῖς διὰ τὴν ἐν αὐτοῖς εὐδοκίμωσαν ἀρετὴν, ἀτεχνῶς χαριέσασα, да и разсудку воистинну пріятнѣйшія по причинѣ всѣми уважаемой въ нихъ добродѣтели: ибо тутъ находится паственная-ограда (μάνδρα) Христова, которой овецъ не могутъ распудить чувственные и духовные волки. Придалъ же я ей благолѣпіе и величіе, не какъ пришлось: (напротивъ) воздвигъ около нея башни, построилъ страннопріимницы, поставилъ

*) Ἀλεϊπτης—celui qui formait et exerçait les athlètes.—Dictionnaire Grec—Français. par Planche.

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

ные волки, такъ какъ сіи овцы благочестиво пасутся рѣченнымъ преподобнѣйшимъ Павломъ монахомъ и пресвитеромъ, и подъ защитою Господа Бога пребываютъ, καὶ ὑπὸ τῆς τοῦ κυρίου τοῦ θεοῦ ἀντιλήψεως αὐλιζόμενα, τὸν ἱερόν, καθ' ἑτέραν ἐπιβολήν, μελισσῶνα τοῦτον περιβομβεῖν ἐμμελέσατα, *) τὸν τῆς ἀρετῆς ἐργαζόμενα καρπὸν.

священный пчельникъ сей въ каждый полётъ оглашаютъ сладкопѣніемъ, воздѣлываютъ плодъ добродѣтели, источаютъ медъ, и на судъ пресущественнаго божества пробуждаются**), и преподобныя руки по ночамъ воздѣваютъ, не имѣя худыхъ воспоминаній и суетныхъ помышлений, тѣло истощаютъ, умомъ парятъ, духомъ горятъ, Господу работаютъ, упованіемъ увеселяются, въ скорби терпятъ, молятся неустанно, необходимое Святымъ доставляютъ (ταῖς χρεῖαις τῶν ἀγίων κοινωνοῦντα), страннолюбіемъ занимаютъ усердно, согласно съ священными заповѣдями. Еще же поставилъ я старопитомники и больницы съ двѣнадцатю Параклисами, μετὰ καὶ δύο καὶ δέκα παρεκκλησιῶν, и многими вкладами, какъ подобаетъ, обогатилъ рѣченную обитель царства моего, да и патріаршимъ присутствіемъ просла-

Въ спискѣ 2-мъ.

старопитомникъ и больницу, γηρωκομείαν τε καὶ νοσοκομείαν συνέστησα, (sic) соорудилъ тутъ и Параклисы числомъ двѣнадцать, δώδεκα τὸν ἀριθμὸν, и многими вкладами, какъ подобаетъ, обогатилъ, освященіе же ея прославилъ присутствіемъ патріарха.

Ничего

подобнаго

нѣтъ

доселѣ.

Т о ж е.

*) Послѣ слова ἐμμελέσατα не достаетъ глагольнаго причастія и потому нѣтъ тутъ смысла.

**) Т. е. встаютъ въ полночь, ожидая страшнаго суда.

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

виль освященіе Ея. А такъ какъ послѣ обновленія и освященія святаго храма, и послѣ возвращенія святѣйшаго патріарха кир Теофилакта, вождѣннѣйшаго сына царственности моеѣ и духовнаго отца моего, *я благословно* надумалъ исполнить желаемое, послѣ того какъ богоубѣдительными молитвами его выздоровѣлъ и съ одра всталъ, приблизившись чуть не къ порогу ада; то и разсудилъ: что надлежало мнѣ сдѣлать. И вошелъ я съ нѣкоторыми изъ Синклита въ сокровищницу царства моего, и нашедши самую большую часть изъ всѣхъ честныхъ деревъ Животворящаго Креста и удивленія достойную, — (ибо она понынѣ имѣетъ въ себѣ напоминаніе о Владычнемъ страданіи — одну язвину гвоздей, которыми обоженная плоть Господа моего была прободена, и очищеніе грѣховъ нашихъ дано, такъ какъ ливень, *ἡ λιβὸς*, все-святой крови пролился), — у которой высота продольника съ поперечниками будетъ въ одинъ локоть съ небольшимъ, а ширина въ два пальца и толщина въ одинъ палецъ, вѣсу же сто драхмъ, и взявъ на руки сіе святое сокровище, грозное знамя небснаго царя, сіе имѣющее явиться на небѣ знаменіе Сына человѣческаго, имѣющаго придти судить живыхъ и мертвыхъ. сіе-то. сіе божественное орудіе спасенія нашего, *благос-*

Въ спискѣ 2-мъ.

Т о ж е.

. отца моего, я надумалъ исполнить желаемое, послѣ того какъ богоубѣдительными молитвами его, *назадъ тому три дни*, выздоровѣлъ и съ одра всталъ; то и разсудилъ: что надлежало мнѣ сдѣлать. И вошелъ съ *немногими изъ Синклита и съ магистрами* въ сокровищницу царства моего....

Т о ж е.

Т о ж е.

и взявъ *на руки святое сіе сокровище, грозное знамя небснаго царя Христа Бога*, возложилъ на святыя руки преподобнѣйшаго

Н ѣ т ъ.

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

говѣнно возложилъ на святѣя руки преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго, да будетъ, пока придетъ Господь, неотъемлемымъ вкладомъ въ рѣченную достоуважаемую обитель царства моего....

Т о ж е

царской *обители* нашей

Т о ж е

Сенатскихъ сановниковъ *въ первый* день *κατὰ τὴν πρώτην* августа мѣсяца, и сопровождаемо почетными монахами нашей уважаемой обители Ксиропотамской, ради святаго поклоненія ему и всемірнаго воздвиженія, потомъ такъ же отсылаемо и переносимо въ рѣченную обитель съ подобающею торжественностію и благоговѣйностію. Посему повелѣваетъ *держава царства нашего* давать ежегодное жалованье Ксиропотамскимъ отцамъ, ради душевнаго нашего спасенія, на поужу вещей необходимыхъ для

Въ спискѣ 2-мъ.

архимандрита Павла Ксиропотамскаго, да будетъ (пока придетъ Господь) неотъемлемымъ вкладомъ въ рѣченную достоуважаемую обитель царства моего: а препроводилъ оное (знаменіе) съ церковною и военною торжественностію, дабы положили оное въ святомъ алтарѣ сей обители ради освященія и утвержденія царской *власти* нашей. А такъ какъ ради его Синклитъ и весь народъ много просилъ не лишать ихъ сей небесной благодати; то повелѣла царственность моя, чтобы въ каждое трехлѣтіе посылаемы были отъ державнаго царства Ромеевъ два тайные секретаря съ однимъ сотникомъ, а отъ Синода вселенскаго патріарха два клирика, и въ виду народа (*δημοσίως*) было бы отсылаемо (Древо) съ военнымъ копьеношеніемъ и съ шествіемъ сенатскихъ сановниковъ, *въ 1-й* день *κατὰ τὴν αἴτην* августа мѣсяца, для святаго

н ѣ т ь

поклоненія ему и всемірнаго воздвиженія, потомъ такъ же отсылаемо и переносимо *Ксиропотамскими монахами въ благоустроеннѣйшую обитель царства моего* съ подобающею торжественностію. Посему повелѣваетъ *благочестивая наша держава, по силѣ настоящаго златопечатнаго слова*, давать ежегодное жалованье ксиропотамскимъ отцамъ

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ.

обитающихъ (тамъ) монаховъ извѣстныхъ добродѣтелию, *этихъ отцовъ тѣмъ только и живущихъ*. Ибо ежели монаховъ на Олимпѣ, и Киминѣ, и Латрѣ хрисулами ущедрила моя благочестивая царственность, то кольми паче о своихъ молитвенникахъ обязательно попечется навсегда. Посему и настоящее златопечатное Слово даетъ и жалуетъ рѣченной уважаемой Обители, которымъ благоволить и постановляетъ, чтобы, по предъявленіи его, монахи сей обители преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго, ради чествованія животворящаго, крестнаго честнаго древа, получали изъ казны державнаго царства Ромеевъ, на всякій годъ, *тысячу восемьсотъ золотыхъ* моего чекана для рѣченныхъ страннопримницъ и больницъ, и для того, чтобы праздновались торжественно съ щедродательностію и съ всенощнымъ бдѣніемъ три годовые праздника: Святое Введеніе Богородицы въ храмъ подзаконный (*ибо святоименная гора свыше дана Ей, какъ жребій*), всемірное Воздвиженіе честнаго древа всесвятаго креста, потому что держава благочестиваго царства нашего обогатила (*обитель*) сею благодатію, и Мученичество святыхъ Богомвѣнчанныхъ великомучениковъ моихъ четырехдесяти, потому что всѣ покланяемая мощи этихъ святыхъ съ хрисуломъ положены, какъ со-

Въ спискѣ 2-мъ

ради душевнаго нашего спасенія, *восемь сотъ монетъ золотыхъ*, на покупку вещей необходимыхъ для обитающихъ (тамъ) извѣстныхъ добродѣтелями монаховъ, *и на содержаніе страннопримницъ и больницъ, живущихъ этимъ бѣдныхъ, недужныхъ и водворяющихся странниковъ*. Ибо ежели *преподобнѣйшихъ* монаховъ на Олимпѣ, и Киминѣ, и Латрѣ хрисулами ущедрила моя благочестивая царственность; то кольми паче *о непрерывно молящихся вечерамъ и утроямъ и во всякій часъ* обязательно попечется навсегда, *и сдѣлаетъ ихъ свободными отъ житейскихъ заботъ*. Посему и настоящее златопечатное Слово даетъ и жалуетъ рѣченной *весьма* уважаемой обители *царства моего*, которымъ благоволить и постановляетъ, чтобы, по предъявленіи его, монахи сей обители преподобнѣйшаго Павла Ксиропотамскаго, ради чествованія животворящаго крестнаго честнаго древа, получали изъ казны державнаго царства Ромеевъ, на всякій годъ, *восемьсотъ золотыхъ* моего чекана для рѣченныхъ страннопримницъ и больницъ, и для того, чтобы праздновались торжественно...

Т о ж е

Чтеніе въ спискѣ 1-мъ

кровище, въ сей обители первою строительницею ея приснопамятною царшею Пульхеріею дѣвицею, въ то время; когда этой блаженной царицѣ во снѣ являлись сіи святые четыредесятъ великомученики Христовы.

— Въ добавокъ къ сему причислены и пожертвованы, какъ неотъемлемые метохи, и *три* благоустроенные дома въ Цареградѣ: въ Неоріи съ основаній воздвигнутый царственностію моею святой храмъ пресвятой Богородицы, и соединенный съ нимъ дворецъ мой отческій, съ прилежащими къ нему лавками и съ прочимъ окруженіемъ, которое есть Мврелеонъ, — и въ Константиніанахъ именитый храмъ святыхъ моихъ четыредесятъ, съ наемными домами его и лавками, да владѣеть и располагаетъ ими уважаемая обитель царства моего, доколѣ солнце на землю смотритъ, по тому что сей храмъ издревле былъ матернее достояніе преподобнѣйшаго Павла и духовнаго отца царственности моей, бывшаго сына оной приснопамятной Августѣйшей Проконіи, дочери Никифора, супруги Михаила, приснопоминаемыхъ и православныхъ царей предшественниковъ нашихъ.

Итакъ кто покусится низвратить (изложенное) въ настоящемъ (Хрисовулѣ) дѣяніе, и лишитъ мою обитель сказаннаго жалованья, или закрѣпоститъ, или подчинитъ ее какому нибудь сановному лицу, или отчудитъ отъ рѣченной обители царства мо-

Въ спискѣ 2-мъ

Т о ж е .

....Въ добавокъ къ сему причислены и пожертвованы, какъ неотъемлемые метохи, и *два* благоустроенные дома въ Цареградѣ какъ то: *въ монастырь обращенный отческій дворецъ мой, называсмый Мврелеонъ* съ прилежащими къ нему лавками, — и въ Константиніанахъ именитый храмъ святыхъ моихъ четыредесятъ съ наемными домами его. Ибо онъ издревле былъ матернее достояніе преподобнѣйшаго Павла, духовнаго отца и учителя возделеннѣйшихъ сыновъ царственности моей, бывшаго сына приснопамятнаго и благочестивѣйшаго царя Михаила Рангавѣ....

Т о ж е

Т о ж е

его покланяемое и всесвятое Древо животворящаго креста, это святое подножіе небснаго царя, которому покланяться приглашаетъ насъ царепророкъ Давидъ, говоря: внидемъ въ селенія Его, поклонимся мѣсту, идѣже стоястѣ нозѣ Его *): таковѣй какъ святотатецъ, да получить разслабленіе Каина и проказу Гіезія и удавленіе Іуды; и часть его съ распявшими Господа славы. Объявленная же уважаемая величайшая обитель царства моего, прозываемая Ксиропотамъ (τοῦ Ξηροποτάμου), по силѣ и по предьявленіи настоящаго златопечатнаго Слова царства моего, должна безпрепятственно получать отнынѣ и впредь сказанное жалованье изъ казны державнаго царства Ромеевъ, съ тѣмъ, чтобы въ каждую субботу совершала литургію за упокой блаженной души возлюбленнѣйшей мнѣ приснопамятной августѣйшей царицы Θεодоры. Властна же она получать и прибытокъ и всякій доходъ отъ рѣченныхъ трехъ святыхъ именитыхъ храмовъ, сохраняя ихъ, какъ собственныя стяжанія свои и метохи, какъ обитель незатрогиваемая и неподатная ни царскому, ни патриаршему или мірскому сановничеству. А для твердой и постоянной безопасности состоялось и сіе златопечатное Слово благочестиваго царства нашего, данное въ февралѣ мѣсяцѣ настоящаго индиктіона въ лѣто 6432, въ которое и наша благочестивая и Богоизбранная подписала Держава.

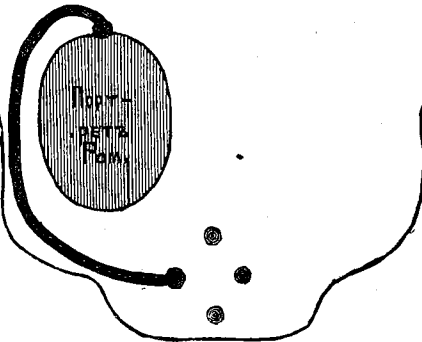
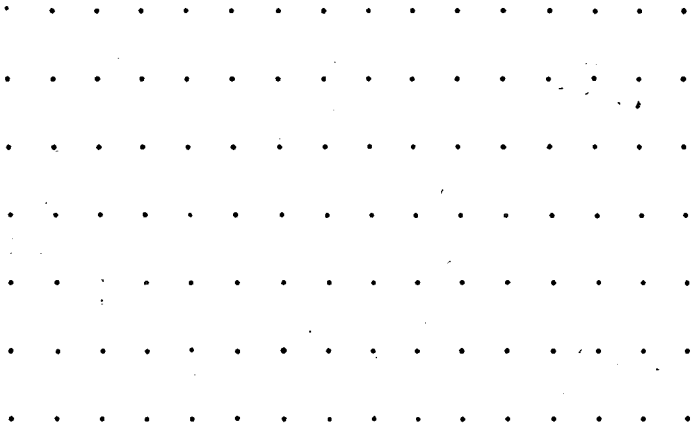
† Романъ въ Христа Бога вѣрный царь и самодержецъ Ромеевъ.

Таково содержаніе и таковы разности сего Хрисовула. А вотъ и наружный видъ его въ двухъ спискахъ.

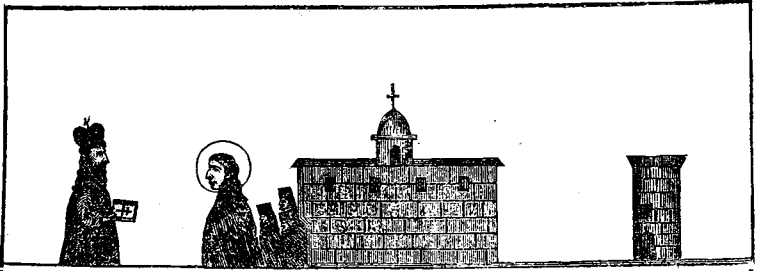
*) Псаломъ 131. ст. 7.

† Ἐν ὀνόματι τοῦ πατρὸς καὶ τοῦ υἱοῦ καὶ τοῦ
ἁγίου πνεύματος.

Ὁ πάντων τῶν ἀγαθῶν παροχεὺς καὶ τῆς ὁρα-
τῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως τεχνουργὸς κατ' ἀρχὰς
ἔπλασε τὸν ἄνθρωπον ὡς ἀθάνατον... κ. τ. λ.

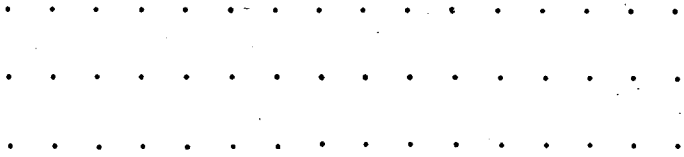

Списокъ первый.

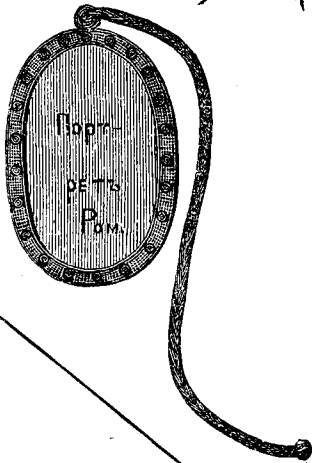

† Титулъ царя, золотыми буквами написаный, весь стерся.

‘Ο πάντων τῶν ἀγαθῶν παροχεὺς καὶ τῆς ὁρα-
τῆς καὶ ἀοράτου κτίσεως τεχνουργὸς κατ’ ἀρχὰς ἔπλασε
τὸν ἄνθρωπον... κ. τ. λ.

5ΥΛΒ

Списокъ второй.

Оба списка написаны на двухъ, длинныхъ и широкихъ, листахъ пергаминахъ. Къ нимъ привѣшены на шелковыхъ шнуркахъ золотыя печати, на которыхъ вычеканено изображеніе царя Романа. На второмъ списокѣ вверху красками нарисованъ этотъ Романъ въ полномъ царскомъ одѣянїи, подносящій часть животно-творящаго креста въ раскрытомъ ковчежцѣ игумену Ксиропотамской обители Павлу, который, имѣя сіяніе вокругъ головы своей, стоитъ напротивъ его вмѣстѣ съ нѣсколькими монахами: позади ихъ изображена сія обитель, а за нею поодаль—башня, построенная Романомъ. Подъ этимъ рисункомъ написанъ полный титулъ сего Государя золотыми буквами, кои почти изгладились: а подъ титуломъ начинается Хрисовуль, который оканчивается подписью Романа. Эта подпись начертана замысловатою вязью. Буквы въ ней, багрянаго цвѣта, весьма крупны, толсты и длинны. На первомъ списокѣ нѣтъ ни рисунка, ни царскаго титула, а слова, во имя Отца и Сына и св. Духа, написаны золотомъ: заглавныя буквы меньше подобныхъ буквъ втораго списка; письмо крупнѣе и хуже; прибавокъ много; слово Λόγος прописано краскою пунцовою, а во второмъ красною.

Оба списка рознятся и противорѣчатъ другъ другу, исторїи и хронологїи, такъ что нѣтъ никакой возможности согласить и примирить ихъ. Излагаю эти разности и противорѣчїя.

Въ первомъ списокѣ Павелъ Ксиропотамскій называется то преподобнымъ, то преподобнѣйшимъ, пресвитеромъ, духовнымъ отцомъ царя Романа, сыномъ же Прокопїи и Михаила, котораго прозваніе—Рангавэ опущено: а во второмъ—только преподобнѣйшимъ да еще *архимандритомъ*, тогда какъ на Аѳонѣ, ни въ десятомъ вѣкѣ, ни послѣ, архимандрїи не было, духовнымъ отцомъ и *учителемъ сыновъ* сего Романа, сыномъ же Прокопїи и Михаила *Рангавэ*.

Въ первомъ списокѣ сказано, что всякій благочестивый чело-вѣкъ долженъ воздавать Сыну Божїю поклоненіе и приносить дары отъ всей души и отъ всего помышленїя и отъ всего имущества:

а во второмъ—приносить дары *устами и душою и сердцемъ*; устами прославлять Его, душою служить Ему, какъ Богу, сердцемъ жертвовать самое лучшее изъ того, что имѣется.—Усматривая такія разности, не знаешь: который списокъ правильнѣе: и разумно не вѣришь ни тому, ни другому, не имѣя въ виду подлинника, который впрочемъ едва ли существовалъ.

По сказанію перваго списка царь Романъ построилъ на Аѳонѣ храмъ обширный и *красивый* и снабдилъ его драгоценною ризницею и утварію: а по второму списку храмъ этотъ былъ *весьма* красивъ, но ни ризы, ни утварь не были пожалованы ему.

Въ обоихъ спискахъ замѣтна рознь въ перечисленіи зданій, построенныхъ Романомъ въ Ксиропотамѣ. Въ первомъ къ высокимъ башнямъ прибавлены многія бойницы, а въ страннопріимницахъ показаны постели съ приборомъ для приходящихъ: во второмъ же нѣтъ ни слова ни о бойницахъ, ни о постеляхъ. Тамъ упомянуты *пріюты* для старыхъ и *больницы*, а здѣсь—*одинъ* пріютъ для нихъ и *одна* больница.

Въ первомъ списокѣ расхвалены ксиропотамскіе монахи, какъ сладкопѣсенныя пчелы, выдѣлывающія медовыя добродѣтели, какъ полуночные ожидатели страшнаго суда Христова, какъ молитвенники, у которыхъ во время моленій не бываетъ даже худыхъ помысловъ и воспоминаній, какъ подвижники, истощающіе тѣло, парящіе умомъ, молящіеся неустанно, и какъ усердные страннопріимники. А составитель втораго списка посовѣтился расточать такія похвалы собратіямъ своимъ, и умолчалъ объ ихъ совершенствахъ.

Этотъ составитель ввелъ царя Романа въ сокровищницу его *со многими* изъ Синклита и *съ магистрами*: а сочинитель перваго списка не видалъ тамъ магистровъ, изъ Синклита же примѣтилъ лишь *нѣкоторыхъ*. У этого сочинителя Ксиропотамцы сопровождаютъ пожалованное имъ Животворящее древо на пути въ Константинополь: а у онаго составителя они переносятъ его только обратно на Аѳонъ.

Въ первомъ спискѣ Ксиропотамской обители назначено жалованья, изъ царской казны 1800 золотыхъ монетъ: а во второмъ только 800. Тамъ подарены ей въ Цареградѣ *три* дома, а здѣсь только *два*.

Прочитавъ все это, вспомнишь Ювенала и повторишь его слово: mendax Graecia—*лживая Греція*.

Въ обоихъ спискахъ сказано, что Ксиропотамскій монастырь построенъ былъ еще царицею Пульхеріею, (450 г.) и что она дала ему св. мощи Сорока мучениковъ Севастійскихъ. Но не то говоритъ исторія. Въ Пасхальной хроникѣ отмѣчено, что „Пульхерія супруга Маркіана царя, по видѣнію, *κατ' ὄπτασιον*, обрѣла мощи святыхъ сорока мучениковъ Севастійскихъ, скрытыя въ церкви св. Θирса позади амвона, и что для этихъ мощей создалъ храмъ за Троадскими воротами (Константинополя) консуль и префектъ Кесарій“. (Chronic. Paschale. Bonn. 1832 р. 590). Итакъ вотъ гдѣ положены были эти честныя мощи, а не въ Аѳонскомъ Ксиропотамѣ! — На томъ и другомъ спискѣ (небылаго) хрисовула царя Романа намѣчены, годъ 924-й и индиктъ 15-й. Но съ этимъ годомъ совпадалъ индиктъ 12-й, а не 15-й. Въ путешествіи Барскаго переведенъ по русски оный Хрисовуль, но годъ на немъ поставленъ уже 6542—1034-й, мѣсяць февраль, индиктъ 15-й. А въ этомъ году и мѣсяцѣ царствовалъ Романъ, но не старшій и не младшій, даже не Романъ Діогенъ, а Романъ Аргиръ († 11 апр. 1034 г.) Значить: во дни Барскаго Аѳонскіе грамотѣи надумали приписать возобновленіе Ксиропотама уже Роману Аргирю при содѣйствіи Павла Ксиропотамскаго. Но это еще хуже. Малограмотные они не разочли, что въ 1034 году этому Павлу, родившемуся отъ царя Михаила Рангаве въ 811 году, было бы 222 года отъ роду. Да и индиктъ былъ 2-й, а не 15-й. Вотъ какъ обличаетъ себя неразумная поддѣлка!

Составители Романова Хрисовула съ 924 годомъ написали въ немъ, что въ этомъ году Ксиропотамскій монастырь былъ освященъ Цареградскимъ патріархомъ Теофилактомъ, который былъ

родной сынъ сего Романа. Но сей Теофилактъ патриаршествовалъ съ 933 года по 956-й, и въ 924 году ему отъ роду было только 9 лѣтъ; ибо онъ на патриаршую кафедру возведенъ былъ 16 лѣтнѣй.

Сколько промаховъ! Сколько неточностей и нелѣпостей! И послѣ нихъ еще голосатъ Аѳонцы, что хрисовулъ Романа заслуживаетъ вниманіе! Нѣтъ, это дѣписаніе такое, какое дошло до насъ, не имѣетъ ни малѣйшей исторической цѣнности. Начало его, отъ словъ, — (Богъ) *сначала создалъ челоѵка безсмертнаго* — до словъ: *по сему царственности моя, забота о подданныхъ*: — это богословское начало цѣликомъ выписано изъ хрисовула, который данъ былъ Іоанномъ Палеологомъ въ монашествѣ Іоасафомъ въ въ 6915—1407 году Лаврѣ, Ватопеду и Свято-Павловскому монастырю на Аѳонѣ, и въ которомъ говорится о сотвореніи челоѵка безсмертнымъ, о паденіи его по наважденію діавола, о во-человѣченіи Сына Божія и о почитаніи Его умомъ и словомъ и дѣломъ (ἡ ψὴ καὶ λόγῳ καὶ πράγματι), и о почитаніи Пресвятой Дѣвы, яко виновницы спасенія христіанъ; приводятся тѣже слова Моисея, что и въ поддѣльномъ хрисовулѣ Романа; упоминается о томъ же долгѣ царей. Изъ этого Палеологовскаго хрисовула въ поддѣльный хрисовулъ Романа попали даже слѣдующія выраженія: *„Я нашелъ (Ксиропотамскую обитель вмѣсто города Кассандры) совершенно разрушенною, такъ что стѣны ея словно призраки въ водѣ, ὡσπερ τὰ ἐν τοῖς ὕδασιν τεῖχη φαίνόμενα: я построилъ стѣны и башни не подобныя прежнимъ, но гораздо лучшія ἑξοδόμεθα τεῖχη καὶ πύργους...*

Никуда не годится показываемый въ Ксиропотамѣ хрисовулъ Романа старшаго съ 924 годомъ, какъ рукописный, такъ и печатный. Въ немъ сказано, что Павелъ Ксиропотамскій былъ сынъ царя Михаила (Куропалата Рангавэ) и супруги его Прокопіи, и что въ показанномъ году царь Романъ старшій вызвалъ его къ себѣ съ Аѳона для врученія ему денегъ и животворящаго древа. Но въ рукописной лѣтописи Михаила Гликаса, отъ Адама до взятія Константинополя, которую я читалъ въ Аѳонодіонисіатскомъ

монастырѣ, нѣтъ ни слова о скопленномъ сынѣ царя Михаила Рангавэ, *по имени Прокопій или Павелъ*, тогда какъ перечисляются всѣ дѣти его, именно, Никита, Евстратій и Теофилактъ, и упоминается, что царь Левъ Армянинъ оскопилъ ихъ, и что Никита въ монашествѣ Игнатій въ послѣдствіи былъ патриархомъ Цареградскимъ (846—857 г.) и построилъ монастырь Спасителя. Здѣсь кстати прибавить, что если бы оный Прокопій, въ монашествѣ Павелъ, былъ сынъ царя Рангавэ, родившійся въ 811 году, то въ 924-е лѣто Господне было бы ему 112 лѣтъ отъ роду, а въ такихъ лѣтахъ плавать по морю отъ Аеона до Цареграда и обратно, строить на этой горѣ два монастыря, Ксиропотамскій и Павловскій, и управлять немалочисленною братією, трудно и едва ли сбыточно.

Въ отрицаемомъ мною хрисовулѣ Романа Ксиропотамскій монастырь называется обителію св. 40 мучениковъ Севастійскихъ. Но не то говорятъ другія дѣянія, въ достовѣрности которыхъ сомнѣваться нельзя. Такъ въ Сигилліонѣ Севастократора Никифора Комнина, написанномъ на пергаментномъ полулистѣ (послѣ 1142 г.) и подписанномъ этимъ Никифоромъ черниломъ голубымъ и хранящемся въ самомъ Ксиропотамѣ, сказано, что эта обитель чествуется во имя св. великомученика Никифора*). Ранѣе 1142 года подъ вторымъ уставомъ Аеонскимъ въ 1046 году подписался седьмымъ Иларіонъ монахъ и игумень обители св. Никифора. Эта обитель уже въ хрисовулѣ царя Михаила Палеолога, 1276 года, прописана, какъ Ксиропотамская обитель св. побѣдоносныхъ Сорока мучениковъ. Такую перемѣну я объясню ниже въ краткомъ очеркѣ исторіи Ксиропотама, а здѣсь сопоставляю сказку Романовскаго хрисовула о Павлѣ Ксиропотамскомъ съ сказаніями о немъ иноисточными.

Въ этомъ хрисовулѣ сей преподобный отецъ названъ сыномъ царя Михаила Рангавэ (811 г.), а въ разсмотрѣнныхъ и перебѣ-

*) Или Коринскаго † 251 г. 31 Января, или Антиохійскаго † 260 год. 9 Февраля, или Палестино—Кесарійскаго † 308 г. 13 Ноября.

ленныхъ мною дѣловыхъ записяхъ Аеонопавловскаго монастыря, основаннаго этимъ Павломъ, нѣтъ ни слова о царственномъ родѣ его. Напротивъ, въ грамматѣ Иоанна Палеолога 1407 года сказано о немъ только вотъ что: Παῦλος ὁ ἐν τῷ Ἄθῳ καλούμενος ὁσιος— *Павелъ тотъ, который на Аеоны, называется Преподобнымъ*: въ хрисовулѣ Сербскаго Деспота Стефана Гръгура 1414 года онъ названъ „Преподобнымъ и богоноснымъ отцомъ, просіявшимъ въ постѣ во святой горѣ Аеоны“.— Аеонокій монахъ Агапій въ своемъ сочиненіи, подъ названіемъ *Καλοκέρμη* (Ἐν Ἐτίσειν. 1801. in. 4-e), о Павлѣ этомъ сказалъ только то, что онъ былъ одинъ изъ почетнѣйшихъ и разсудительныхъ старцовъ на св. горѣ.

Заклочаю всю эту критику увеселительными словами Аеоно-Есфигменскаго игумена Θεодорита, (1805—1817 г.) составившаго отчетливое описаніе Аеоны, которое я нашелъ въ библиотекѣ монастыря Аеоногригоріатскаго: „τόσον οἱ ξηροποταμιοί, ὅσον οἱ ἀγιοπαυλίται καλούμενοι ἄφησαν τοὺς μεταγενεστέρους Παύλους, καὶ ζητοῦντες τὸν Κουροπαλάτην Παῦλον ἔχασαν τοὺς ἰδίους κτήτορας: какъ Ксиропотамцы, такъ и Святопавловцы проглядѣли тѣхъ Павловъ, которые позднѣе жили на Аеоны, и отыскивая Павла Куропалата, (811 г.) потеряли изъ виду своихъ собственныхъ ктиторовъ“.

Ксиропотамцы считаютъ, послѣ Романа старшаго, вторымъ ктиторомъ своей обители царя Андроника старшаго и показываютъ его хрисовулъ. Видѣлъ и я это дѣписаніе и перебѣлилъ сокращенно; но не придаю ему никакой цѣнности, и подлинность его отрицаю согласно съ вышепоянутымъ Θεодоритомъ.

Этотъ хрисовулъ написанъ на пергаминномъ листѣ весьма тонкомъ и широкомъ, а данъ въ 6810—1302 году въ мѣсяцъ августъ, подъ индиктомъ 13-мъ. Въ началѣ его, налѣво, красками нарисованъ Андроникъ во весь ростъ въ коронѣ и во всемъ царскомъ одѣяніи; а внизу виситъ золотая тоненькая печать, на которой съ лица вычеканенъ Исусъ Христосъ, а на оборотѣ Андроникъ съ подписью: ΑΝΔΡΟΝΙΚΟΣ ΔΕΣΠΟΤΗΣ. Оба эти лика

безобразны. Хрисовулъ начинается слѣдующими словами: † Τῶν ὅσα τῆ τοῦ κρείττονος... Я не перевожу его по русски, потому что онъ не стоить такого труда, а сущность его передаю кратко. „*Въ немъ перечислены всѣ метокси и поземельныя владѣнія Ксиропотама, и обозначены границы, какія эта обитель имѣла на Аѳонѣ.*“ Такова сущность сего хрисовула: а вотъ и подробности, отличающія поддѣльность его:

— На немъ выставленъ 13-й индиктъ у 6810—1302 года. Но тогда индиктъ былъ 15-й. Ужели же царь Андроникъ не зналъ сего? ὁ σοφὸς οὗτος βασιλεὺς Ἀνδρόνικος ὁ γινώσκων τόσα ἐν τῷ καιρῷ αὐτοῦ, τὴν ἰνδικτιῶνα ἠγνόησε; (Θεодоритъ).

— Въ верху хрисовула прописанъ титулъ Андроника. Но этотъ государь равно, какъ и прочіе цари изъ рода Палеологовъ, никогда не ставилъ своего титула въ верху подлинныхъ грамматъ своихъ, коихъ довольно много въ монастыряхъ Аѳонскихъ, и всегда подписывалъ свое имя и Палеологовскій родъ свой подъ послѣднею строкою каждой грамматы. ‘Ο Ἀνδρόνικος καὶ ἄλλοι Παλαιολόγοι διάφορα ἔχοντες χρυσόβουλλα οὐχ’ ὀρῶνται προγεγραμμένοι, ἀλλὰ μόμον ὑπογεγραμμένοι.

— Въ разсматриваемомъ хрисовулѣ сказано, что „*Ксиропотамская обитель чествуется во имя распятія Господа нашего ради обилія въ ней честнаго древа, и во имя Введенія Богородицы, потому что мѣсто сіе есть жребій святой матери Бога, и во имя побѣдоносныхъ страстотерпцовъ святыхъ сорока, потому что всѣ мощи этихъ мучениковъ положены въ ней какъ сокровища первую ктиторшею ея приснопамятною царицею Пульхеріею дъвицею.*“ Но мы уже знаемъ изъ пасхальной хроники, что мощи сорока мучениковъ Севастійскихъ положены были не въ Аѳонскомъ Ксиропотамѣ, а въ церкви, построенной префектомъ Кесаріемъ за Троядскими воротами Константинополя. Молва же о томъ, что Аѳонъ есть жребій Богоматери, выдумана Аѳонцами и пущена по бѣлому свѣту уже въ 16 вѣкѣ. Андроникъ, царствовавшій съ 1282 года по 1328-й, не слышалъ ея, и потому ни однажды не выразилъ въ своихъ хрисовулахъ, данныхъ *многимъ*

монастырямъ на св. горѣ. Что касается до чествованія Ксиропотама во имя распятія Христова ради обилія въ немъ честнаго древа, пожалованнаго—подразумѣвайте—Романомъ старшимъ и царицею Пульхеріею; то сія обитель издавна всѣми именуема была обителию сорока мучениковъ, и никто не зналъ ее подъ названіемъ распятія Христова. Пульхеріинъ же крестъ съ животворящимъ древомъ откуда взялся, когда Ксиропотамъ былъ разрушенъ агарянами, и даже во дни Павла былъ пусты? Τὸ χρυσόβουλλον τὴν μονὴν τὴν πάντοτε καὶ παρὰ πάντων ὀνομασθεῖσαν τῶν ἁγίων τεσσαράκοντα, καινοτρόπως κατὰ πρῶτον εἰς ὄνομα τοῦ τιμίου σταυροῦ λέγει τιμωμένην, καὶ δύο τὰ τίμια ξύλα τίθησι. τὸ ἐν λέγον τῆς ἁγίας Πουλχερίας ἀφιέρωμα, μὴ αἰδεσθεῖς. ὅτι ὅταν ὁ ὄσιος Παῦλος ἦλθεν ἐκεῖ, ἦν πανέρημος ἡ Μονή, καὶ τόσον κατηδαφισμένη, ὡς μηδὲ ὁμοίωμα τείχους φαίνεσθαι. Οἱ Ἰσραηλῖται γὰρ διέφθειραν καὶ ἠρήμωσαν τοὺς παρὰ τοῦ βασιλέως τόπους, ὅσους ἠδυνήθησαν, ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Λέοντος τοῦ Ἰσαύρου. Ὅθεν εἰς τόσον διάστημα ἐρημώσεως καὶ τοιαύτης μηδὲ ὁμοίωμα φαίνεσθαι, καὶ τοῦ ὁσίου Παύλου ἔπειτα ἐλθόντος, καὶ ὡς εἰς ἔρημον οἰκήσαντος τόπον, ποῦ τὸ τίμιον ξύλον τῆς ἁγίας Πουλχερίας εὐρέθη;

— Въ числѣ имѣннй Ксиропотама, пересчитанныхъ въ Андрониковомъ хрисовулѣ, упомянуть метохъ въ Сидирокавсіи съ 30 лавками и съ двумя ставропигіальными церквами во имя Богоматери и св. Николая, подаренный блаженной памяти *Анною Комнинною*, въ монашествѣ Агаѳіею, для вѣчнаго поминовенія ея. А въ дарственной записи 6950—1442 года, которую Ксиропотамцы выдали мнѣ изъ архива своего, сказано, что оный метохъ съ церковію св. Николая и съ двумя Сидирокавсіейскими деревнями Палеохори и Гизворо, подаренъ былъ Ксиропотаму не Анною, а *Анастасіею*, въ монашествѣ Агаѳіею, которая съ основаній построила и Епископію въ Сидирокавсіи для архіерея Никандра и отдала этой Епископіи свой собственный дворець (*παλάτιον*). И такъ въ хрисовулѣ Андроника въ 1302 году вписано событіе 1442 года. Такой 140-лѣтнй анахронизмъ можетъ быть вымышленъ только живою Греціею. Ἄννα ἡ Κομνηνὴ ἡ μετονομασθεῖσα Ἀγάθη μοναχὴ πρὸς μνημόσυνον αὐτῆς ἀφιερώνει δύο ἐκκλησίας εἰς τὰ

Σιδηροκάυσια, τῆς θεοτόκου καὶ τοῦ ἁγίου Νικολάου· ταύτην δὲ τὴν ἤδη Ἄνναν καὶ Ἀγάθην μοναχὴν τὴν ἐν τῷ χρυσοβούλλῳ μνημονευομένην, τὸ 6810 ἔτος, ὀρῶμεν ἔπειτα ἐν τῷ 6950 ἔτει Ἀναστασίαν καὶ Ἀγάθην μοναχὴν, ἀφιεροῦσαν τῇ μονῇ Ἐηροποτάμου μετὰ 140 χρόνους τὸν ἅγιον Νικόλαον καὶ τὰ ἐξῆς.

— Не лѣнивый на выдумки сочинитель Андроникова хрисовула изволилъ написать въ немъ, что *монастырь св. Павла* (Ксиропотамскаго) *былъ не монастырь его, а скитъ, подобно тому, какъ св. Анна была скитъ св. Аѳанасія Аѳонскаго*. Но въ дѣписаніяхъ, касающихся Павловской обители, какія только были у меня подъ руками, она называется монастыремъ, а не скитомъ. Таковыя дѣписанія, между прочими, суть: граммата Іоанна Палеолога 1407 года, данная честному *монастырю* преподобнаго Павла, находящемуся у св. горы Аѳона, τῇ σεβασμίᾳ μονῆ τοῦ ὁσίου Παύλου τῇ περὶ τὸ ἅγιον ὄρος τοῦ Ἄθω διαχειμένῃ; Дарственная запись Николая Балдуина 1385 года, данная этому же *монастырю*: τὴν ἱερὰν μονὴν οὕτω πῶς καλουμένην Μεσσησιώτισσαν παραδίδομι πρὸς τὴν σεβασμίαν μονὴν τοῦ ἁγίου Παύλου τοῦ Ἐηροποταμίτου, τὴν ὑπὸ τοὺς πρόποδας καὶ πρὸς δύοσιν τοῦ ἁγίου Ὀρους τοῦ Ἄθω διαχειμένην. Аѳанасій Ипсилантій Комнинъ въ девятомъ томѣ своей церковной и политической исторіи *), содержащемъ описанія событій съ 1702 по 1768-й годъ, упомянулъ, что *монастырь*, а не скитъ, для преподобнаго Павла Аѳонскаго построенъ былъ на св. горѣ царемъ Болгарскимъ (Петромъ), женатымъ на дочери греческаго царя Романа старшаго. (920—945 г.) И такъ хрисовуль андрониковъ лжетъ, и лжетъ сугубо, называя скитъ Святоаннинскій скитомъ св. Аѳанасія аѳонскаго, тогда какъ этотъ скитъ съ церковію св. Анны основанъ и устроенъ былъ уже вселенскимъ патриархомъ Діонисіемъ Андрѳсцемъ (послѣ 1664 года). Аннинскаго скита не было не только во дни Андроника старшаго, но и во время правнука его Іоанна Палеолога: и мѣстность подъ нимъ называлась Вулевтиріонъ, какъ это видно изъ житій преподобныхъ отцовъ, *Максима и Нифона*, современниковъ сего Палео-

*) Рукопись въ бібліотекѣ Синайскаго монастыря.

λογα. — Ἡ ἁγία Ἄννα οὐδέποτε ἐχρημάτισε σκήτη τοῦ ὀσίου Ἀθανασίου, οὔτε ἠκούσθη ἐκεῖ ὄνομα σκήτης καὶ ἁγίας Ἄννης, ἄχρι τῶν ἡμερῶν Διονυσίου πατριάρχου Κωνσταντινουπόλεως τοῦ ἐξ Ἄνδρου, ὅτε ὑποδόμησεν ἐκεῖ ναὸν ἐπ' ὀνόματι τῆς ἁγίας Ἄννης.... Λέγον δὲ τὸ χρυσοβουλλον σκήτην ἁγίας Ἄννης, προφανῶς ψεύδεται· καὶ οὐ μόνον ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἀνδρονίκου τοῦ γέροντος, ἀλλ' οὐδὲ ἐπὶ τῶν ἡμερῶν τοῦ δυσεγγόνου αὐτοῦ Ἰωάννου Παλαιολόγου δὲν ἐλέγετο ἁγία Ἄννα, ἀλλὰ Βουλευτήρια, ὡς εἰς τοὺς βίους τῶν ὀσίων πατέρων Μαξίμου καὶ Νήφωνος, τῶν ἐπὶ τῶν ἡμερῶν Ἰωάννου Παλαιολόγου ἀκμαζόντων, φαίνεται ὁ τόπος πολλακίς ὀνομαζόμενος Βουλευτήρια.

Итакъ оба хрисовула, Романовъ и Андрониковъ, не имѣютъ никакаго историческаго значенія. Они неудачно сочинены были какимъ-то малоученымъ дидаскаломъ аѳонскимъ въ самомъ концѣ 17-го вѣка, когда Молдавскій господарь Константинъ Дука воевода (1696—1701 г.) *подчинилъ свой монастырь Данкулъ со всеми имѣніями его царскому монастырю на Аѳонѣ, называемому Ксиропотамъ, въ которомъ находится храмъ сорока мучениковъ, и который устроенъ двумя православными царями Романомъ и Андроникомъ*, какъ это, (напечатанное у меня иными буквами), пересказано въ хрисовулѣ Николая Александра воеводы Молдавскаго, 1713 года января 28 дня. Ранѣе указаннаго мною времени оба дѣписанія, о коихъ шла рѣчь, не могли появиться, потому что въ Андрониковомъ хрисовулѣ упоминается скитъ св. Анны, устроенный, какъ сказано выше, послѣ 1664 года, а въ хрисовулѣ Романовомъ, котораго начало дословно списано съ грамоты Іоанна Палеолога, 1407 года, говорится о страннопріимныхъ покаяхъ въ Ксиропотамѣ и о постеляхъ для приходящихъ поклонниковъ, которые толпами начали являться на Аѳонѣ уже въ 17 столѣтіи.

Ксиропотамцы въ числѣ ктиторовъ своихъ считаютъ турецкаго султана Селима, и показываютъ его *Хаттишерифъ*, въ переводѣ съ турецкаго на греческій языкъ, пожалованный обители ихъ вскорѣ по завоеваніи Египта этимъ султаномъ въ 1517 году. Подлиннаго хаттишерифа сего я не видѣлъ; да если бы и

показали его мнѣ, то я, по незнанію турецкаго языка, не понималъ бы, что тутъ написано. А греческій переводъ приобрѣтенъ мною. Онъ до слова сходенъ съ славянскимъ переводомъ его, помѣщеннымъ въ путешествіи Барскаго, у котораго однако поставленъ на немъ 1520-й годъ *христіанскій*, тогда какъ на греческой копіи у меня значится годъ 1020-й, какъ будто магометанскій. Но 1020-й годъ эгирь соотвѣтствуетъ 1611 лѣту нашей эры. А въ это лѣто и въ живыхъ не было султана Селима, скончавшагося въ 1520 году. Слѣдовательно въ переводѣ Хаттишерифа, о которомъ идетъ рѣчь, магометанское лѣтосчисленіе замѣнено христіанскимъ, да и оно испорчено переписчиками. Кто-то изъ нихъ вмѣсто того, чтобы поставить счетъ годовъ вотъ такъ, $\alpha\varphi\kappa$, по разсѣянности выпустилъ буквенную цифру φ , соотвѣтствующую пятистамъ, и написалъ $\alpha\kappa$, (1020). Съ этими двумя буквенными цифрами греческій переводъ дошелъ до меня: а Барскому въ 1744 году по славянски перевели хаттишерифъ съ такого манускрипта греческаго, на которомъ значился годъ 1520-й и девятый день мѣсяца марта. Какъ бы то ни было, но самый хаттишерифъ Селима, такой, какой переданъ намъ въ переводахъ греческомъ и славянскомъ, внушаетъ скорѣе сомнѣніе, чѣмъ увѣренность въ полномъ и точномъ соотвѣтствіи этихъ переводовъ турецкому подлиннику, если только онъ существовалъ. Мое сомнѣніе въ этомъ очень сильно. Выражаю его.— Ксиропотамскій монастырь на Аѳонѣ, по словамъ Хаттишерифа, не за долго до завоеванія Египта Селимомъ въ 1517 году (sic), сгорѣлъ до тла. Тогда монахи сего монастыря поѣхали къ этому султану въ Египетъ за тѣмъ, чтобы выпросить у него позволеніе обновить ихъ обитель. Но почему они поторопились туда и не дождались возвращенія Селима въ Константинополь, до котораго имъ было гораздо ближе, чѣмъ до Египта? Ужели они рассчитывали, что завоеватель царства Фараоновъ съ радости будетъ благосерднѣе и милостивѣе къ нимъ на берегу Нила, чѣмъ въ Стамбулѣ? Такая торопливость ихъ необъяснима, а расчетанность диковинна. Аѳоноксиропотамцы, прибывъ въ Египетъ, на-

писали прошеніе къ Селиму. А онъ, наканунѣ подачи его, и не только онъ, но и Шехульисламъ и главный Визирь его, всѣ трое, въ одну и ту же ночь видѣли во снѣ сорокъ вооруженныхъ воиновъ *христіанскихъ*, которые говорили имъ, что *они помощники туркамъ и содѣйственники имъ въ побѣдахъ надъ врагами*, и просили ихъ дать позволеніе монахамъ, имѣющимъ явиться къ нимъ завтра, позволеніе обновить домъ ихъ, въ которомъ почиваютъ ихъ мощи, обновить съ пособіемъ султанскихъ щедротъ. Когда Селимъ, Шехульисламъ и Визирь пересказали другъ другу этотъ сонъ, и недоумѣвали: кто эти воины, числомъ сорокъ, и гдѣ находится домъ ихъ; тогда явились къ нимъ Аѳонцы, и, подавъ прошеніе, объяснили имъ, что сорокъ воиновъ суть 40 мучениковъ христіанскихъ, и что домъ ихъ есть Ксиропотамскій монастырь на Аѳонѣ, сгорѣвшій и нуждающійся въ обновленіи. Сонъ въ руку. Кстаті готовы были и истолкователи его въ Египтѣ, гдѣ Фараону видѣлись извѣстные сны, протолкованные Іосифомъ. Но вотъ что неладно! Христіанскіе мученики въ сновидѣніи объявляютъ себя усердными помощниками турковъ-враговъ христіанства. Сонъ въ руку; и толкованіе его выслушано и исполнено. Но какъ? Позволеніе обновить Ксиропотамъ дано Селимомъ не монахамъ этой обители, *а великому и разумному властелину силы и славы Али-паша* великаго града Солуня, и Кадію Сидирокавсійскому Мехмету, тогда какъ тотъ же Селимъ, въ то же время, далъ многія льготы монастырю Синайскому помимо Египетскаго паши и Кадія. Странно! Но пусть будетъ такъ. Вѣдь кому нибудь изъ турковъ надлежало же надсматривать за обновленіемъ Ксиропотама, если оно производилось на счетъ казны Селима по просьбѣ явившихся ему во снѣ сорока мучениковъ. Однако я затрудняюсь вѣрить, что названный монастырь былъ обновленъ съ помощію казны султанской, и затрудняюсь вотъ почему. Въ Хаттишерифѣ сказано: „Мы (Селимъ) даемъ деньги славному агѣ высочайшей „Порты нашей и досмотрщику настоящаго обновленія Ибрагиму „агѣ, дабы онъ купилъ двадцать лавокъ (торговыхъ) въ Сидирокавсійскомъ околоткѣ, и сдѣлалъ бы ихъ вакуфомъ (священ.

„имѣніемъ) рѣченнаго монастыря: а монахи его, получая съ „нихъ доходы за наемъ ихъ, теплили бы сорокъ неугасимыхъ „лампадъ надъ мощами святыхъ сорока помощниковъ царству нашему“. Отсюда видно, что султанскіе деньги даны были агѣ (если даны) не на обновленіе Ксиропотама; а на зажиганіе въ немъ сорока лампадъ надъ св. мощами Севастійскихъ мучениковъ. Какъ же понять все это? Монастырь обновляется подъ присмотромъ султанскаго чиновника, слѣдовательно на деньги казенныя, а деньги эти даются не на обновленіе его, а на покупку двадцати лавокъ съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ употреблялись на зажиганіе лампадокъ. Лампадки же эти зажигаются по усердію *турецкаго султана, не почитающаго никакихъ святыхъ и не поклоняющагося ни чьимъ мощамъ*. Все это нескладно, подозрительно, сомнительно. Такъ и сдается, что Хаттишерифъ, если онъ и данъ былъ, искаженъ греческимъ переводчикомъ, сдѣлавшимъ ради славы Ксиропотама излишнія вставки, къ коимъ я причисляю и слѣдующую: „Все мѣсто, *какое видитъ монастырь „четырехъ десяти на четырехъ сторонахъ своихъ*, все это мѣсто да „будетъ всегдашнимъ вакуфомъ и владѣніемъ рѣченнаго монастыря „Ксиропотама“. Такую вставку, или такое искаженіе подлинника могъ сдѣлать только Ксиропотамскій монахъ во время споровъ обители его съ смежными монастырями, Русскимъ, Кутлумушскимъ и Симонопетрскимъ, за прибавку земли къ прежней землѣ ея, *смотря по кругозору на всѣхъ четырехъ сторонахъ*. Споры же эти начались съ 1569 года, какъ это оказалось извѣстнымъ мнѣ въ самомъ архивѣ Ксиропотамскомъ. Жалко мнѣ, что и Хаттишефиръ Селима не выдержалъ критики, какъ не выдержали ее хрисовулы Романа и Андроника. Но правда превосходнѣе жалости. Эта неумѣтна въ исторіи Аѳона, а та должна имѣть въ ней мѣсто вѣчное. Выслушаемъ же историческую правду, касающуюся султана Селима, лично бывшаго на Аѳонѣ, но выслушаемъ ее не отъ Аѳонцовъ, а отъ г. Гаммера, написавшаго весьма дѣльную исторію Оттоманской имперіи и издаваемаго ее въ 1844 году.

.... Alors, tous ces meurtres accomplis, le sultan Selim revint à Gallipoli, et après avoir inspecté le château européen des Dardanelles appelé la Clef de la mer (Kildul Bahr) il se rendit au mont ATHOS, où, au milieu des fêtes pompeuses, il reçut de riches présents de ses vezirs; puis il se dirigea vers la capitale de l'empire pour gagner enfin Adrianople. — Cette circonstance ne se trouve, que dans l'histoire du grand vezir Lutfi. pag. 76. (Histoire de l'empire Ottoman par Hammer. Paris. 1844.)

.... Тогда, по совершении всѣхъ этихъ убійствъ, Султанъ Селимъ возвратился въ Каллиполь, и осмотрѣвъ Дарданелло - европейскую крѣпость, называемую Килдуль—Бахръ, т. е. ключъ моря, отправился къ горѣ Аѳонской, гдѣ во время пышныхъ празднествъ принялъ богатые подарки отъ визирей своихъ; потомъ отплылъ въ столицу своей имперіи, дабы поспѣть наконецъ въ Адрианополь. Это обстоятельство рассказано только въ исторіи великаго визиря Лутфи. Страниц. 76.

Пользуюсь этимъ рассказомъ и увѣряю себя, что султанъ Селимъ въ бытность свою на Аѳонѣ далъ Ксиропотамцамъ *письменное* дозволеніе обновить сгорѣвшую обитель ихъ, но денегъ имъ не давалъ ни на постройки, ни на неугасимыя лампадки у мощей сорока мучениковъ, которыхъ онъ не чтить, и которыхъ не было въ Ксиропотамѣ и нѣтъ.

Оканчиваю эту критику свою турецкимъ повѣрьемъ: „кукушка прокуковала счастье Селиму и Ксиропотаму, напрозорчивъ первому богатые подарки отъ визирей, а второму право возобновленія послѣ пожара“.

Теперь у меня въ рукахъ другое перо; и имъ я пишу иное повѣствованіе.

На мѣстѣ Ксиропотама, за 509 лѣтъ до рождества Христова, по свидѣтельству тогдашняго географа Скилакса, стоялъ городокъ Харадріэ. Жители его, какъ и прочіе насельники Аѳона, почти всѣ, — я полагаю, — были выходцы либо изъ Ахаіи, либо изъ Мессиніи, гдѣ находится рѣчка подъ названіемъ, ХАРАДРОС *). Городокъ этотъ не былъ упомянутъ ни Иродотомъ,

*) Griechenland von Bobrik. Leipzig. 1842.

ни Фукидидомъ, которые хорошо знали Аѳонскую гору, потому что онъ зависѣлъ отъ большаго на этой горѣ города Акроаѳоса, и былъ не что иное, какъ торговая пристань его.

Когда Македонскіе цари овладѣли Аѳономъ, тогда одинъ изъ нихъ, именно Димитрій Поліоркетъ (294—287 г.) отдалъ Харадриѳъ въ приданое за дочь свою, Стратоникою, сочетавшеюся съ основателемъ Сиромакедонскаго царства въ передней Азіи Селевкомъ, и назвалъ этотъ городъ именемъ ея, Стратоники. Она владѣла имъ и получала доходы отъ него во время царствованія двухъ мужей своихъ, Селевка и сына его Антиоха (281—262 г.) А такъ какъ подлѣ Сирійской столицы ихъ Антиохіи находилось увеселительное предмѣстіе Дѳфна, то такое же предмѣстіе съ этимъ же именемъ явилось и подлѣ Аѳонскаго города Стратоники на самомъ берегу моря у порядочной корабельной пристани, которая понынѣ называется Дѳфна. (Смотр. мою истор. Аѳона. Ч. I. § 20).

Городъ Стратоники зналъ пресловутый географъ втораго христіанскаго вѣка Птоломей, и на картѣ своей поставилъ его на южной сторонѣ Аѳона, какъ разъ въ срединѣ этой горы. (Geograph. Ptolom. L. III. §. II.—Смотри его карту Аѳона при моей исторіи сей горы.

Писатель пятаго вѣка христіанскаго Стефанъ Византиецъ въ своемъ сочиненіи *о городахъ* вотъ что сказалъ о Стратоники: *Стратонίκηια, πόλις Μακεδονίας, πλησίον Καρίας· κέκληται δὲ ἀπὸ Στρατονίκης τῆς Ἀντιόχου γυναίκος.*—*Ἐκτίσθη δὲ ὑπὸ Ἀδριάνου, καὶ Ἀδριανούπολις ὠνομάσθη: т. е. Стратоникія городъ Македоніи близъ Каріи. Названъ же такъ отъ Стратоники, жены Антиоха.*—А созданъ (вновь) Адрианомъ и названъ Адриануполемъ. Отсюда видно, что этотъ городъ находился близъ аѳонской Каріи (это весьма вѣрно), и что его возобновилъ Римскій императоръ Адрианъ (117—138), вѣроятно, послѣ землетрясенія, погубившаго Акроаѳосъ, и переименовалъ въ Адрианополь. Однако во дни помянутаго Стефана этотъ Адрианополь по старому опять назывался Стратоникія, и,

по Ксиропотамскому преданію, принадлежалъ царицѣ Пульхеріи (†451 г.) Она построила въ немъ монастырь во имя св. сорока мучениковъ Севастійскихъ, только что обрѣтенныхъ ею, по откровенію свыше, въ церкви св. Өирса, и положенныхъ въ ново-созданномъ въ честь ихъ храмѣ за Троадекими воротами Константинополя, (а не въ Ксиропотамѣ). Это преданіе безъ Аѳонскихъ припѣвовъ я признаю; иначе, осталось-бы непонятнымъ мнѣ, почему Ксиропотамъ въ хрисовулѣ Михаила Палеолога 1276 года названъ обителію сорока мучениковъ, тогда какъ прежде (какъ увидимъ ниже) его называли монастыремъ св. мученика Никифора. Сдается, что почему-то вспомнута была забытая старина; и Ксиропотамъ Никифора опять оповѣщенъ былъ, какъ обитель Пульхеріи, посвященная молитвенному предстательству св. сорока мучениковъ Севастійскихъ. Въ появленіи христіанства и монашества въ городѣ Стратоники, во дни сей царицы, болѣе всего убѣждаетъ меня встрѣча тутъ языческой миѳологіи съ христіанскою вѣрою. Говорю объ этой встрѣчѣ подробно, узнавъ ее изъ Путешествія Барскаго, который однако, *по слухамъ* невѣрнымъ, отнесъ ее ко времени царствованія Романа, (920—945 г.) когда Миѳологія была уже забыта на Аѳонѣ.

Вотъ разсказъ Барскаго.—„Царь греческій *Романъ старый* со святѣйшимъ патріархомъ Константинопольскимъ приде въ Ксиропотамъ и церковь новосозданную освяти въ честь сорока мучениковъ; въ освященіи же храма, егда святѣйшій патріархъ возгласи имена святыхъ сорока мучениковъ, о чуде-се, въ алтарѣ низу отъ помоста святыхъ трапезы, си есть изъ-подъ престола, прозябе грибъ великій съ сорока кореньями и съ сорока главами, и вознесшися горѣ, оплетеса окрестъ престола. Се же бысть въ славу и честь святыхъ сорока мучениковъ, яко всѣмъ удивлятися зримоу и прославляти величіе Божіе. Неточію же тогда, но и на всякій годъ въ праздникъ ихъ обновляшеса и новый возрасташе, отъ него же съ вѣрою во освященіе приемлющіе различнымъ недугамъ цѣльбу получаху: въ лѣто же 6753—1245 во дни царя Мануила Палеолога и патрі-

арха *Іоанна Векка* *) *Італьянцы* пріідоша къ монастырю* сему. Иноцы въ немъ тогда малодушны суци, а наипаче слышавши пострадавшихъ (Аѳонцовъ) лютое мученіе, устрашишася и урѣтоша ихъ со свѣщами и кадильницами и всякою честію, и принявши ихъ въ церковь, сослужиша съ ними. Богъ же, не терпя ихъ беззаконнаго соединенія, потрясе землю, и паде церковь и покры ихъ; и разрушишася всѣ келліи и всѣ стѣны монастырскія... и болѣе грибъ не возрасташе, понеже дадоша Святая псомъ; точію дира остася праздна подъ святою трапезою на знаменіе и исправленіе послѣднимъ (потомкамъ)“.

Всякій знакомый съ миѳологіею язычниковъ, почитавшихъ винопойнаго божка Діониса—Вакха и предъ попойками своими ѣвшихъ канусту, о которой рѣчь будетъ ниже, угадаетъ въ ономъ разсказѣ насмѣшку Вакхантовъ надъ трезвенными монахами, для которыхъ Пульхерія создала монастырь во имя св. сорока мучениковъ. Для незнающихъ же миѳологіи, но желающихъ разгадать значеніе сорокоглаваго гриба въ Ксиропотамѣ, я излагаю здѣсь, во первыхъ, одно миѳическое сказаніе о диковинномъ явленіи растенія изъ-подъ пола храмоваго, во вторыхъ, миѳъ о Діонисѣ—Вакхѣ, и наконецъ приложеніе его къ алтарю и монашеству, въ первый разъ явившемуся въ г. Стратоникіи въ царствованіе Пульхеріи.

Юлій Цезарь разсказывалъ о себѣ самомъ, что въ тотъ день, въ который онъ остался побѣдителемъ на Фарсальскомъ полѣ (въ 48 году до Р. Х.), въ храмѣ Побѣды, находившемся въ малоазійскомъ городѣ Траллѣ, изъ—подъ пола сего храма показалась пальма, и выросла высоко, до самаго потолка. Ее показывали всѣмъ на удивленіе (Bell. civil. L. III. с. 105). Теперь вы сами смышляйте: могъ ли вырасти сорокоглавый грибъ въ алтарѣ Ксиропотама и обвиться вокругъ св. трапезы, ежели въ капищѣ выросла пальма и выросла высоко. Я же знаю, что въ миѳологическихъ *басняхъ* все возможно.

*) Ошибка. Веккъ патриаршилъ съ 1274 г. по 1283-й; и тогда царствовалъ не Мануилъ, а Михайлъ Палеологъ.

Какъ же могла составиться басня объ ономъ грибѣ? Для рѣшенія этого вопроса надобно знать миѳъ о Вакхѣ.—Вакхъ, онъ же и Діонисъ, родился отъ бессмертнаго бога Зевеса и отъ смертной дѣвицы Семелы, дочери Фивскаго царя Кадма. Выросши онъ научилъ людей воспитывать виноградники и изъ зрѣлыхъ гроздовъ ихъ готовить вино, веселящее всѣхъ, кто пьетъ его. Отъ него винодѣліе распространилось въ Малой Азіи, Сиріи, Мидіи, Персіи, Египтѣ, Индіи, Бактріи, на берегахъ морей Каспійскаго и Чернаго, и на всѣхъ греческихъ островахъ, а отсюда на Аѳонѣ. Когда же Вакхъ съ шумными спутниками своими пришелъ въ Фракію, то здѣсь непріязненно встрѣтилъ его царь Ликургъ и прогналъ. Но за то разгнѣвались на него боги и особенно Зевесъ, и наказали его вотъ какъ. Однажды Ликургъ пошелъ воевать съ врагами своими, и бывъ побѣжденъ, побѣжалъ, но въ минуты бѣгства запутался въ кустахъ виноградныхъ. Тутъ его нашли непріатели и заключили въ пещерѣ, гдѣ онъ и умеръ съ голоду. А пока онъ выпутывался изъ виноградника, оплетшаго ему ноги, такъ много плакалъ, что ослѣпъ; изъ слезныхъ же капель его впоследствии выросла многоствольная капуста (*κράμβη*). Посему она противна винограднику, такъ что если посадить ее подлѣ него, то на немъ не уродятся грозды. По этой же причинѣ древле на пирушкахъ первая подавалась капуста, дабы гости не сдѣлались слишкомъ пьяны. Въ честь Вакха вездѣ совершались празднества самыя веселыя и шумныя.

Весело праздновали Вакховы дни и жители аѳонскаго города Стратоники. Но когда царица Пульхерія построила въ немъ монастырь съ церковію во имя св. сорока мучениковъ, и когда въ алтарѣ этой церкви, по общему обычаю христіанскаго востока, священники положили мраморную доску, какъ св. трапезу, на одинъ каменный столпъ, отъ котораго откосно поднимались къ краямъ этой доски искусно изваянные изъ мрамора извитія числомъ 40, по десяти на каждой сторонѣ ея; тогда поклонники Вакха, увидѣвъ такую вычурную трапезу и при ней трезвенныхъ, постныхъ, цѣломудренныхъ, суровыхъ монаховъ, и

слыхавъ евангельское ученіе: *не упивайтесь виномъ... блаженни плачущіе*: стали насмѣхаться надъ христіанами, и пустили молву, что въ алтарѣ у нихъ выросла сорокоствольная капуста, (*καρμβη* *) и оплела собою трапезу ихъ, и что они, какъ враги Вакха, истребятъ всѣ виноградники и насадятъ одну капусту, а веселыя Вакханаліи замѣнятъ своими постами и слезами, кои не слаще слезъ Ликурга.

Вотъ вамъ мнѣ, вотъ и объясненіе и приложеніе его къ алтарю церкви Стратоникійскаго монастыря. И дорожу этимъ мнѣомъ. Онъ, какъ нельзя лучше, оправдываетъ преданіе о появленіи христіанства и монашества въ городѣ Стратоникіи и въ смежной съ нимъ Дафнѣ, во дни дѣвственной царицы Пульхеріи, скончавшейся въ 451 году.

Помянутый городъ существовалъ во время царствованія благовѣрнаго Іустиніана 1. (527—565 г.) Доказательствомъ тому служить книга Стефана Византійскаго *о городахъ*, поднесенная этому царю Ермолаемъ въ сокращенномъ составѣ. Въ ней, какъ мы уже знаемъ, говорится, что городъ Стратоникіи такъ названъ въ честь дочери Македонскаго царя Стратоникіи.

Этотъ городъ вмѣстѣ съ прочими селитвами на Аѳонѣ запустѣлъ, когда арабы, нѣсколько лѣтъ бившіеся съ греческимъ царемъ Константиномъ Погонатомъ на водахъ Эгейскаго моря, гдѣ и Аѳонъ, дѣлали частыя нашествія на сію гору. Въ 676 году Погонать заключилъ выгодный миръ съ этими врагами своими, и тогда же весь Аѳонъ отдалъ монахамъ, какъ выморочное имѣніе. Съ той поры они мало по малу заселили эту гору и настронли на ней малые монастыри, *μονήδρια, σελυεία*. Но стратоникійская обитель Пульхеріи въ этотъ разъ не имѣла преподобныхъ насельниковъ: напротивъ, въ сосѣдней Дафнѣ, немного ранѣе 730 года, возникла обитель Дохіарская во имя св. Николая Чудотворца **).

*) Напрасно Барскому въ славянскомъ переводѣ назвали ее грибомъ: лучше бы назвать кочнемъ капусты.

***) Смотри мою Истор. Аѳона. Ч. III. § 1.

Съ 830 года запусѣль и монашескій Аѳонъ страха ради арабскаго; но съ 870 года опять стали возникать тамъ иноческія обители, всѣ—малыя кромѣ большаго монастыря Іоанна Колову. Въ числѣ ихъ воскресла и Стратоникійская обитель, но уже подъ названіемъ Никифоровой, потому что первымъ возобновителямъ ея угодно было посвятить ее св. мученику Никифору, вѣроятно, Коринѳскому, если эти возобновители пришли на Аѳонъ изъ Ахаіи, гдѣ и Коринѳъ.

Игумень сей обители Иларіонъ монахъ въ 1046 году подписался седьмымъ подъ уставомъ, который далъ святогорцамъ царь Константинъ Мономахъ. Его же подпись читается подъ дѣломъ 1048 года, хранящемся въ архивѣ Аѳоноруссика.

Въ 1087 году обитель Никифора прозывалась уже Ксиропотамскою, какъ это видно изъ подписи монаха ея Теодорита подъ тогдашнимъ дѣломъ о скитѣ Халду, которое я переписалъ для себя въ архивѣ монастыря Филоѳейскаго. Какъ же это прозваніе досталось оной обители, тогда какъ Ксиропотамомъ назывался монастырь Павла? И когда это случилось? Полагаю, что это случилось немножко ранѣе 1071 года, въ который Михаилъ монахъ *монастыря господина Павла* безъ прибавки, *Ксиропотамскаго*, подписался подъ дѣломъ, видѣннымъ мною въ архивѣ Аѳоноруссика, и случилось такъ: обитель Никифора опустѣла, или по неимѣнію средствъ содержать ее, или потому что опустошали ее морскіе разбойники; но по распоряженію Прота св. горы, предъ 1071 годомъ, въ нее перешло нѣсколько монаховъ изъ монастыря Ксиропотамскаго, построеннаго препод. Павломъ. Отъ нихъ-то она и стала прозываться обителью Ксиропотамскою, а прежній монастырь ихъ удержалъ имя своего строителя Павла. Они принесли съ собою великую часть животворящаго Креста Христова, ту, что съ гвоздинною пробоиною. Съ ними перешло въ эту обитель и преданіе о Павлѣ Ксиропотамскомъ, о почетѣ, какой онъ имѣлъ у царя Романа старшаго, о посольствѣ его къ царю Болгарскому Петру и къ зависѣвшимъ отъ него Сербамъ для утвержденія ихъ въ христіанской вѣрѣ, и о пожалованіи

ему этимъ царемъ животворящаго Древа, которое, какъ даръ греческаго царя Романа, принесено было оному Петру невѣстою его царевною Маріею, и потомъ отдано вышепомянутому Павлу. Такъ объясняется обмѣнъ названій монастырей Ксиропотамскаго и Никифоровскаго: первый сталъ именоваться Павловскимъ, а второй Ксиропотамскимъ. Такъ распознается и *вѣрная частица* преданія о Павлѣ Ксиропотамскомъ: дѣйствительно онъ строилъ монастырь Ксиропотамскій, но не на срединѣ Аѳона, а у подошвы самой высокой части этой горы; онъ же и Древо животворящее съ гвоздиною дирою получилъ отъ Романа старшаго, но не изъ рукъ его, а отъ породнившася съ нимъ царя Болгарскаго Петра.

Около 1142 года Ново-Ксиропотамскому монастырю, въ которомъ однако главная церковь тогда чествуема была во имя св. великомученика Никифора, госпожа Марія Цусми завѣщала, для поминовенія и спасенія души своей, нивы Озолимны и Великіи въ околотеѣ Териссовскомъ. Но монахи сего монастыря потеряли Сигилліонъ Ея (граммату съ свинцовой или восковою печатью). Посему игуменъ ихъ монахъ Иона просилъ Севастократора Никифора Комнина дать новый Сигилліонъ. Этотъ сановникъ, убѣдясь просьбою его и особенно письмомъ духовнаго отца своего Авраамія, утвердилъ за Ново-Ксиропотамомъ сказанныя нивы законнымъ порядкомъ. (Извлечено изъ архива Ксиропотамскаго).

Въ 1204 году Латины съ бою взяли Константинополь и поставили въ немъ своихъ Императоровъ. Тогда и Аѳонъ очутился подъ властію Римскаго папы Иннокентія III. Этотъ папа любилъ тамошнихъ монаховъ и защищалъ ихъ отъ притѣсненій Латиновъ. Въ сію пору (1204—1224 г.) Аѳоноксиропотамцы, ѣздя въ Константинополь для поклоненія мощамъ приснопамятнаго основателя старо-Ксиропотамскаго монастыря ихъ прендобнаго Павла, снискали любовь и уваженіе бояръ изъ рода Рангавеевъ, къ которому во время оно принадлежалъ и сей Павелъ, и отъ нихъ получили чашечку Пульхерін, называемую Пансехри, и животворящій крестъ ея, дабы эти *наследственныя* святы-

ни не достались Латинамъ, и кромѣ ихъ—наслѣдственный же домъ съ шестью при немъ торговыми лавками, называемый Мирелеонъ, и наслѣдственный же храмъ святыхъ сорока мучениковъ съ наемными при немъ домами. Обрадованные такими дорогими приобрѣтеніями Ксиропотамцы возобновили у себя на Аѳонѣ Пульхеріину церковь, и освятили ее въ честь св. сорока мучениковъ Севастійскихъ, а ради памяти смастерили, какъ умѣли, мраморныя изображенія Пульхеріи и Павла Ксиропотамскаго. Съ этой поры ихъ монастырь постоянно называемъ былъ, *обителю святыхъ славныхъ сорока великомучениковъ*, во всѣхъ царскихъ, патриаршихъ, боярскихъ и Аѳонскихъ дѣписаніяхъ.

Этимъ сказаніемъ оканчиваю разъясненіе темнаго начала исторіи Ксиропотама, радуясь, что мнѣ посчастливилось совершить это трудное дѣло.

Die Wahrheit in dem Wahn zu finden,
Zu ahnden sie, sie zu emfinden,
Sey meine Freude, mein Bestreben.

7 Воскресенье.—Вчера мною сданы были въ архивъ всѣ старинныя дѣписанія, какія только получилъ я оттуда, а сегодня собраны нѣкоторыя свѣдѣнія о настоящемъ состояніи Ксиропотама. Это монастырь своежительный. Всѣхъ монаховъ въ немъ 50, а съ таксидіарами и келіашами 80. Ему принадлежатъ пять келлій, кои находятся въ разныхъ мѣстахъ и продаются желающимъ жить внѣ монастыря. Податей взноситъ Ксиропотамъ иногда 12,000, иногда 15,000 піастровъ. Масличный садъ его на островѣ Тасѣ даетъ 7000 окъ деревяннаго масла, или 525 пудовъ. Подлѣ села Ермилии, что у Торонскаго залива, онъ имѣетъ пахатную землю. Въ Валахіи Ксиропотаму принадлежатъ: 1) Монастырь во имя рождества Предтечи съ шестью имѣніями (мошіями), находящійся въ виду Бухареста и прозываемый Плумбуита; 2) Метохъ съ церковію успенія Богородицы и съ имѣніями, Берка, Преотешти или Бодоэшти, съ мельницею на рѣкѣ Олтѣ, и съ мѣстомъ для двухъ-трехъ лавокъ въ Слатинѣ среди базара. Этой церкви въ 1759 году декабря 7 дня братья Фал-

когіаносы пожертвовали часть своихъ имѣній въ Беркѣ и въ Отепши съ тѣмъ, чтобы доходы съ нихъ поступали на содержаніе иноковъ сего метоха и на украшеніе церкви Слатинской. Въ 1760 году марта 9 дня Іоаннъ Постельникъ записаль тому же метоху отцовское имѣніе Братково близъ Русдеведы. Всѣ эти пожертвованія сдѣланы были по случаю принесенія Животворящаго древа изъ монастыря Ксиропотамскаго въ Валахію. Эту святыню тамошніе христіане встрѣчали и принимали съ восторгомъ и ей приписали прекращеніе чумы.—Въ Молдавіи, въ городѣ Яссахъ Ксиропотаму принадлежитъ монастырь св. архангеловъ, построенный Іо Петромъ Воеводою въ 1541 году. А этотъ монастырь завѣдываетъ ставропигіальною Троицкою обителию близъ Яссы, которая создана и завѣщана была Ксиропотаму бояриномъ Пагони Саули въ 1671 году. Обѣ эти обители и хорошія имѣнія при нихъ слывутъ подъ общимъ названіемъ Дѣнку, и вмѣстѣ съ Валахскими даютъ ежегоднаго дохода 4000 рублей серебромъ.

Сегодня послѣ обѣдни почетные Ксиропотамцы посѣтили меня, узнавъ, что я завтра ѣду въ монастырь Павловскій. Я завелъ разговоръ о монастырскихъ имѣніяхъ въ княжествахъ, Молдавіи и Валахіи. Одинъ изъ старцовъ, побойчѣе всѣхъ, между прочимъ сказалъ мнѣ: мы не знаемъ, мы сомнѣваемся: доходятъ ли наши прошенія до вашего государя. Ваше посольство въ Константинополь держитъ сторону Молдаванъ и Валаховъ, хотящихъ отнять у насъ имѣнія въ Княжествахъ. Значитъ: оно подкуплено ими. Ваше посольство дало знать княжествамъ и владѣльцамъ монастырскихъ имѣній, что если обѣ стороны въ теченіи года не согласятся, какъ бы то ни было, то имъ обоимъ будетъ хуже. А соглашеніе это будетъ имѣть силу только до 1852 года. По истеченіи же этого срока дѣло объ имѣніяхъ опять поступитъ на разсмотрѣніе вашего посольства и правительствъ Валахскаго и Молдавскаго. На что же все это похоже?—Я совѣтоваль старцамъ исполнить нынѣшнія, *умѣренныя*, требованія княжествъ, дабы не лишиться всѣхъ имѣній вслѣдствіе народной бури. А они возражали мнѣ, что всѣ монастыри, по духовнымъ завѣщаніямъ и хри-

совуламъ, имѣють право полного хозяйственнаго распоряженія имѣніями безъ выдачи малѣйшей части доходовъ правительствамъ въ Валахіи и Молдавіи. „Развѣ штыки лишать насъ этого права“: примолвилъ одинъ калуеръ. „Да, надобно бояться и штыковъ“: сказалъ я имъ, улыбаясь. „Вѣдь вы безоружны.“ Послѣдовало обоюдное молчаніе. Потомъ старцы ушли восвояси: а я сталъ собираться въ дорогу.

